

ISSN 1998-9911 (Print)  
ISSN 2409-1979 (Online)



МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ  
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

**ВЕСТНИК**

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ**

**2018**

**Том 17. № 4**

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION  
OF THE RUSSIAN FEDERATION

**SCIENCE JOURNAL**

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

**LINGUISTICS**

**2018**

**Volume 17. No. 4**



SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2018. Vol. 17. No. 4

*Academic Periodical*

First published in 1996

*4 issues a year*

**Mainstream issue:**

***Contemporary Studies of Language and Text from a Historical Perspective***

Founder:

Federal State Autonomous  
Educational Institution  
of Higher Education  
“Volgograd State University”

Journal is registered by Federal Service for Supervision  
of Mass Media, Communications and Protection of  
Cultural Heritage (Russia) (Registration Certificate  
**ПН № ФС77-25016** of June 29, 2006)

The journal is included into the **Index of Peer-reviewed  
Academic Journals and Publications that must publish  
academic results of doctoral and candidate’s degree  
theses** that came in force on December 1, 2015

Journal is included into **Web of Science Core  
Collection (Emerging Sources Citation Index)**



The journal is also included into the following Russian  
and international databases: **Russian Science Citation  
Index; MLA (USA), CrossRef (USA), DOAJ  
(Sweden), EBSCO (USA), ProQuest (USA), ERIH  
PLUS (Norway), CiteFactor (Canada), COPAC\* (Great  
Britain), Google Scholar (USA), Journalindex.net  
(USA), JournalSeek (USA), ULRICHSWEB™ Global  
Serials Directory (USA), OCLC WorldCat® (USA),  
SHERPA/RoMEO (Spain), MIAR (Spain), ZDB  
(Germany), “CyberLeninka” Scientific Electronic  
Library (Russia), “Socionet” Information Resources  
(Russia) et al.**

Address of Editorial Office

Prospect Universitetsky 100, Volgograd, 400062.  
Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48  
E-mail: [vestnik2@volsu.ru](mailto:vestnik2@volsu.ru)

Journal Website: <http://l.jvolsu.com>

English version of Website: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Editorial Staff:

Prof. Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor (Volgograd)  
Prof. Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor  
(Volgograd)  
Prof. Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)  
Prof. Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)  
Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary and Copy  
Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof. Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik); Prof. Dr. *N.S. Bolotnova*  
(Tomsk); Prof. Dr. *D. Voyvodich* (Novi Sad, Serbia);  
Prof. Dr. *S. S. Vogeler* (Brussels, Belgium); Prof. Dr.  
*V.Z. Demyankov* (Moscow); Prof. Dr. *N.N. Zapolskaya*  
(Moscow); Prof. Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);  
Prof. Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd); Prof. Dr. *V.I. Karasik*  
(Volgograd); Prof. Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);  
Prof. Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia); Prof.  
Dr. *L.P. Krysin* (Moscow); Prof. Dr. *O.A. Leontovich*  
(Volgograd); Prof. Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);  
Prof. Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Volgograd); Prof. Dr.  
*O.N. Prokhorova* (Belgorod); Prof. Dr. *V.I. Terkulov*  
(Donetsk, Ukraine); Prof. Dr. *E. Hoffmann* (Vienna,  
Austria); Prof. Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd); Prof.  
Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland), Dr. *R. Schmitt*  
(Mannheim, Germany)

Editors, Proofreaders: *N.M. Vishnyakova,*  
*M.V. Rassakhatskaya*

Editor of English texts: *I.D. Volkova*

Making up and technical editing: *O.N. Yadykina*

Passed for printing 26.11.2018.

Date of publication 27.12.2018. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 22,9. Published pages 24,6.

Number of copies 500 (1<sup>st</sup> duplicate 1–70).

Order 191. «C» 33.

Open price

Published in the Publishing House  
of Volgograd State University.

Bogdanova St. 32, Volgograd, 400062.

E-mail: [izvolgu@volsu.ru](mailto:izvolgu@volsu.ru)

© Volgograd State University, 2018

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2018. Т. 17. № 4

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 4 раза в год

Главная тема номера:

«Язык и текст в историческом аспекте: современные подходы к исследованию»

Учредитель:

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия (свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-25016 от 29 июня 2006 г.)

Журнал включен в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

Журнал включен в базу **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)**



Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**; **MLA (США)**, **CrossRef (США)**, **DOAJ (Швеция)**, **EBSCO (США)**, **ProQuest (США)**, **ERIH PLUS (Норвегия)**, **CiteFactor (Канада)**, **COPAC\* (Великобритания)**, **Google Scholar (США)**, **Journalindex.net (США)**, **JournalSeek (США)**, **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory (США)**, **OCLC WorldCat® (США)**, **SHERPA/RoMEO (Испания)**, **MIAR (Испания)**, **ZDB (Германия)**, **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка» (Россия)**, **Соционет (Россия)** и др.

Адрес редакции

400062 Волгоград, просп. Университетский, 100.  
Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48  
E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <http://l.jvolsu.com>  
Англояз. сайт журнала: <http://l.jvolsu.com/index.php/en/>

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шентухина* – главный редактор (г. Волгоград)  
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)  
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)  
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)  
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный и технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);  
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);  
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводиц* (г. Нови Сад, Сербия); д-р филол. наук, проф. *С. Вогелер* (г. Брюссель, Бельгия); д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва); д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, доц. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград); д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия); д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия); д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва); д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург); д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохвятилова* (г. Волгоград); д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород); д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, Украина); д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия); д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград); д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша); д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия)

Редакторы, корректоры: *Н.М. Вишнякова*,  
*М.В. Рассахатская*

Редактор английских текстов *И.Д. Волкова*  
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ядыкиной*

Подписано в печать 26.11.2018 г.

Дата выхода в свет 27.12.2018 г. Формат 60×84/8.  
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 22,9.  
Уч.-изд. л. 24,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–70).

Заказ 191. «С» 33.

Свободная цена

Отпечатано в издательстве  
Волгоградского государственного университета.  
400062 Волгоград, ул. Богданова, 32.  
E-mail: [izvolgu@volsu.ru](mailto:izvolgu@volsu.ru)

## СОДЕРЖАНИЕ

---

### ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

#### «ЯЗЫК И ТЕКСТ В ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ: СОВРЕМЕННЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ»

- Новак М.О.* Древнеславянская Евфалиана:  
структура и язык оглавления  
к Первому посланию  
апостола Павла к Коринфянам ..... 6
- Николаева Н.Г., Ермошин А.В.*  
Лексико-текстологические особенности  
Казанского Евангелия XIV века ..... 16
- Дмитриева Е.Г., Сафонова И.А.*  
Текстовые и языковые средства создания  
образа подвижника  
в житиях преподобных старцев ..... 27
- Горбань О.А., Косова М.В., Шептухина Е.М.*  
Черновой текст как основа реконструкции  
речемыслительной деятельности (на материале  
региональных документов XVIII в.) ..... 40
- Бондарь В.А.* Перфект и формы второго причастия  
в древнеанглийском языке ..... 55

### РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Сидорова Е.Г.* Проблемы и противоречия  
кодификации сложных прилагательных  
в русском языке ..... 68
- Рацбургская Л.В., Соловьева Д.В.*  
Медийные новообразования  
как фактор коммуникативных рисков ..... 81
- Фельдман Н.Б.* Лексика атомной отрасли  
в современном русскоязычном  
политическом дискурсе ..... 90

### МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Волкова Т.А.* Переводческий эксперимент  
и развитие экспериментального переводоведения  
в российской науке о переводе ..... 102
- Уржа А.В.* Стратегии интерпретации  
глаголов, вводящих речь,  
в современных русских переводах  
художественной прозы ..... 117
- Трегубова Ю.А.* Разговорные сокращения  
в современной американской  
художественной литературе:  
проблема перевода ..... 129
- Кувычко А.А., Чафонова А.Г., Богуславская В.В.*  
Концептосфера медиадискурса материнства  
в российских и датских печатных СМИ ..... 135
- Дормидонтова О.А.* Глагольная  
гастрономическая метафора  
как средство реализации  
гастрономического кода культуры  
во французском языке ..... 146

## МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Ицкович Т.В., Купина Н.А.*  
Внутрисемейные диалоги о профессии:  
лингвоаксиологическая интерпретация ..... 153
- Зарезина С.Н.* Выражения личностного смысла  
в современном политическом дискурсе: лексический  
аспект ..... 163
- Шамне Н.Л., Шишкина Е.В.* Особенности  
лексического состава  
медицинского научно-популярного дискурса  
(на материале немецкоязычных интернет-изданий) ..... 170
- Астафурова Т.Н., Олянич А.В.* Лингвосемиотика  
сакральной власти [На англ.] ..... 180
- Крстич М.* Значение и употребление  
глагола *состоять* и его эквиваленты  
в сербском языке ..... 188
- Снигирева Т.А., Подчиненов А.В., Снигирев А.В.*  
Псевдонимный код Г. Чхартишвили [На англ.] ..... 197

### ДИСКУССИИ

- Леонтович О.А.* Всевидящее око города  
с позиций медиаурбанистики [На англ.] ..... 206
- Багрян А.Ю., Ширяева Т.А.* Методика  
концептуального лингвопроектирования  
профессиональной идентичности:  
подходы к разработке, сущность и перспективы .... 214
- Плотникова С.Н.* Перформанс в коммуникации:  
аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования .... 229

### РЕЦЕНЗИИ

- Петрова А.А.* Интеракционная архитектура,  
социальная топография  
и интеракционное пространство  
как ключевые понятия  
институциональной коммуникации  
(Рец. на кн.: Interaktionsarchitektur,  
Sozialtopographie und Interaktionsraum  
/ Н. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). –  
Tübingen : Narr, 2016. – 448 S. –  
(Studien zur Deutschen Sprache ; Bd. 72)) ..... 240

## CONTENTS

---

### MAINSTREAM ISSUE: CONTEMPORARY STUDIES OF LANGUAGE AND TEXT FROM A HISTORICAL PERSPECTIVE

- Novak M.O.* The Old Slavonic Euthaliana:  
Structure and Language of the Chapter-List  
to *The First Epistle to Corinthians* ..... 6
- Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V.*  
Lexical and Textual Features  
of the Kazan Gospel of the 14<sup>th</sup> Century ..... 16
- Dmitrieva E.G., Safonova I.A.*  
Textual and Linguistic Means of Constructing  
the Venerable Image  
in Men of Faith Hagiographies ..... 27

<i>Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M.</i> Draft Text as a Basis for Reconstructing Mental and Speech Activity (Exemplified with Regional Documents of the 18 <sup>th</sup> Cen.) .....	40
<i>Bondar V.A.</i> The Perfect Tense and the Forms of Past Participle in Old English .....	55

**EVOLUTION AND FUNCTIONING  
OF THE RUSSIAN LANGUAGE**

<i>Sidorova E.G.</i> The Problems and Contradictions of Complex Adjectives Codification in the Russian Language .....	68
<i>Ratsiburskaya L.V., Solovyeva D.V.</i> Media Neologisms as a Factor of Communicative Risks .....	81
<i>Feldman N.B.</i> The Nuclear Industry Lexicon in the Contemporary Russian Political Discourse .....	90

**INTERCULTURAL COMMUNICATION  
AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES**

<i>Volkova T.A.</i> Translation Experiment and the Development of Empirical Translation Research in Russian Translation Studies .....	102
<i>Urzha A.V.</i> Strategies of Reporting Verbs' Interpretation in Modern Russian Translations of Fiction .....	117
<i>Tregubova Yu.A.</i> To the Question of Translating Colloquial Reductions in Modern American Fiction .....	129
<i>Kuvychko A.A., Chafonova A.G., Boguslavskaya V.V.</i> Conceptual Sphere of Media Discourse of Maternity in Russian and Danish Print Mass Media .....	135
<i>Dormidontova O.A.</i> Gastronomic Verbal Metaphor as a Realization Means of Culture Gastronomic Code in the French Language .....	146

**MATERIALS AND REPORTS**

<i>Itskovich T.V., Kupina N.A.</i> Intra-Family Dialogues about Profession: Linguoaxiological Interpretation .....	153
<i>Zarezina S.N.</i> Expressing Personal Meaning in Modern Political Discourse: Lexical Aspect .....	163
<i>Shamne N.L., Shishkina E.V.</i> The Vocabulary of Science-Popular Medical Discourse (as Exemplified in German Online Media) .....	170
<i>Astafurova T.N., Olyanich A.V.</i> Semiolinguistics of Sacred Power .....	180
<i>Krstich M.</i> The Meaning and Use of the Russian Verb <i>Sostoyat (Consist of)</i> and Its Equivalents in Serbian ...	188
<i>Snigireva T.A., Podchinenov A.V., Snigirev A.V.</i> The Pseudonymous Code of G. Chkhartishvili .....	197

**DISCUSSIONS**

<i>Leontovich O.A.</i> The All-Seeing Eye of the City from the Perspective of Urban Communication Studies .....	206
<i>Bagiyana A.Yu., Shiryayeva T.A.</i> Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity: Approaches, Essence, Prospects .....	214
<i>Plotnikova S.N.</i> Performance in Communication: Aspects of Cognitive-Discursive Modeling .....	229

**REVIEWS**

<i>Petrova A.A.</i> Architecture-for-Interaction, Social Topography and Interaction Space as Key Concepts for the Analysis of Communication in Institutions (Book Review: Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum / H. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). - Tübingen : Narr, 2016. 448 S. - (Studien zur Deutschen Sprache ; Bd. 72)) .....	240
---	-----



www.volsu.ru

## ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

---

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.1>

UDC 811.163.1'367  
LBC 81.411.2-22

Submitted: 07.09.2018  
Accepted: 04.10.2018

### THE OLD SLAVONIC EUTHALIANA: STRUCTURE AND LANGUAGE OF THE CHAPTER-LIST TO *THE FIRST EPISTLE TO CORINTHIANS*

Mariya O. Novak

Kazan Federal University, Kazan, Russia

**Abstract.** The paper focuses on the composition, syntactic and lexical parameters of the Old Slavonic translation of the Euthaliana chapter-list to the first Epistle to Corinthians, previously unexplored. The chapter-list composition does not coincide with the original in all Slavic sources representing different versions of the text since it represents omitting, combining, rearranging of titles. Various translation versions reveal some differences in comparison to the Greek text structure, as well as several trends indicating the implementation of the same translation strategies as in the basic Epistle text. The 14<sup>th</sup>-century Chudov New Testament is characterized by loan translation of syntactic structures and lexical units; the 14<sup>th</sup>-century Tolstovsky Apostolus of the Preslav translation presents syntactic and lexical supplements independent from the Greek text. The 12<sup>th</sup>-century Apostolus Christinopolitanus, synthesizing the Cyril-and-Methodius and the Preslav translations, represents moderate transformations of the Greek original, and so does the Athonite copy of the 16<sup>th</sup> century. The author finds out that various factors determine semantic deviations from the original: conjectures, the influence of context and intertext, incorrect interpretation of the Greek source or errors in the latter; less often *lapsus calami* occur. The author also investigates the links between the chapter-list and the basic text of the Epistle and demonstrates that the syntactic and lexical transformations of the Slavic versions often weaken these relations.

**Key words:** Euthaliana, Old Slavonic Apostolus, chapter-lists, composition, syntax, lexis.

**Citation.** Novak M.O. The Old Slavonic Euthaliana: Structure and Language of the Chapter-List to *The First Epistle to Corinthians*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.1>

УДК 811.163.1'367  
ББК 81.411.2-22

Дата поступления статьи: 07.09.2018  
Дата принятия статьи: 04.10.2018

### ДРЕВНЕСЛАВЯНСКАЯ ЕВФАЛИАНА: СТРУКТУРА И ЯЗЫК ОГЛАВЛЕНИЯ К ПЕРВОМУ ПОСЛАНИЮ АПОСТОЛА ПАВЛА К КОРИНФИЯМ

Мария Олеговна Новак

Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

**Аннотация.** В статье на фоне греческого источника анализируются композиция, синтаксические и лексические параметры древнеславянских переводов одного из ранее не исследованных сопроводительных текстов к Посланиям апостолов – оглавления к первому посланию коринфянам. В различных версиях перевода выявлен ряд несоответствий структуре греческого текста оглавления, а также несколько тенденций, указывающих на реализацию тех же переводческих стратегий, что и в переводах основного текста Апостола: для

Чудовского Нового Завета XIV в. характерно калькирование синтаксических структур и лексических единиц, образованных путем сложения основ; для Толстовского Апостола XIV в. – образца преславского перевода – синтаксическое и лексическое дополнение исходного текста. Христинопольский Апостол XII в., синтезирующий кирилло-мефодиевский и преславский переводы, и список афонской редакции XVI в. представляют умеренные преобразования греческого оригинала. Выяснено, что лексико-семантические отклонения от оригинала определяются различными факторами: конъектурой, влиянием контекста и интертекста, неточным пониманием греческого источника либо искажениями в нем, реже – *lapsus calami*. Установлено, что синтаксические и лексические трансформации славянских версий оглавления нередко ослабляют его связь с основным текстом послания.

**Ключевые слова:** Евфалиана, древнеславянский Апостол, оглавления, композиция, синтаксис, лексика.

**Цитирование.** Новак М. О. Древнеславянская Евфалиана: структура и язык оглавления к первому посланию апостола Павла к коринфянам // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.1>

### Вводные замечания

Данная статья представляет фрагмент исследования, посвященного сопроводительным текстам к Деяниям и Посланиям апостолов в древнеславянском переводе – так называемому аппарату Евфалия, по имени автора IV–VI вв. н. э., которому христианская традиция наиболее часто приписывает создание этих текстов – оглавлений, предисловий, списков библейских цитат и т. д. [Евфалий, 2013]. К настоящему моменту греческая традиция Евфалианы детально проанализирована в англоязычной научной литературе [Blomkvist, 2012; Willard, 2009], но славянский перевод пока малоизучен (отдельные наблюдения над лексикой и синтаксисом Евфалианы см. в [Новак, 2017а, 2017б], текстологическое описание предисловия к посланиям ап. Павла и его издание по ряду источников см. в [Так, 2003]). Оглавления не становились еще предметом специального исследования.

Ниже будет обсуждаться репрезентация оглавления первого послания ап. Павла коринфянам в разновременных версиях древнеславянского перевода Апостола на фоне греческого первоисточника (Migne, p. 753, 756). Выбор объекта исследования продиктован политематичностью названного послания, определяющей разнообразие языковых единиц в составе оглавления. Каждое заглавие отсылает читателя к той или иной крупной теме послания, посвященного различным настроениям в коринфской общине, вопросам эсхатологии, брака, отношения к идоложертвенной пище, практикам ранней церкви и т. д. [Гатри, 1996, с. 354–356].

### Источники и методы исследования

Выбор источников соотносится с общей текстологической схемой истории текста Апостола: толковый Христинопольский Апостол XII в. (Львовский ист. музей, ОР, № 37, далее – *Христ*) отражает первоначальный перевод с присутствием преславских элементов, к которому затем возвращается афонская редакция (ее представляет последовательный (четый) список XVI в. *ТСЛ71*, РГБ, ф. 304.1). Самостоятельный преславский перевод содержит последовательный Толстовский список XIV в. (РНБ, Q.п.1.5, далее – *Толст*). В Чудовском Новом Завете XIV в. (опубликован в 1892 г., далее – *Чуд*) также присутствуют предисловия к посланиям, отражающие вполне своеобразные лексические и синтаксические решения. Все рукописи, кроме *Чуд*, изучались по копиям<sup>1</sup>, *Толст* – также *de visu*. Перевод отдельных новозаветных чтений на русский язык дается по (Цитата из Библии).

Сначала мы охарактеризуем вариации структуры оглавления в разных славянских версиях, затем обратимся к сравнительному семиологическому анализу переводческих стратегий на уровнях синтаксиса и лексики, а также к сопоставлению оглавления с основным текстом послания. Инвариантом и основанием для сравнения послужил греческий текст оглавления, для интерпретации которого использовался (Alpha).

### Композиция оглавления

Оглавление открывается своего рода заголовком, который находится вне общей нумерации в *Христ* и *Толст*, а в *Чуд* включен в

нее: **а** О множанши(х) и различны(х) епископа исправле(нь)к и моуци коринѣанъ согрѣшеньихъ с пре(д)повѣданье(м) (л. 108а) – греч. *Περὶ πλείονων καὶ διαφόρων ἢ ἐπιστολῆ διόρθωσιν ἔχουσα τῶν Κορινθίους ἡμαρτημένων*. При этом лексические единицы, соответствующие предложно-падежной форме с пре(д)повѣданье(м), в оригинале и других славянских источниках открывают следующую рубрику под номером 1: *Μετὰ τὸ προοίμιον* ‘после вступления’ – по предъп(н)санию (*Христ*, л. 136 об., *ТСЛ71* л. 56), по предъглани (*Толст*, л. 10г).

Версии древнеславянского перевода по-разному отражают порядок расположения и содержание рубрик оглавления, которые могут объединяться либо опускаться. Нумерация заглавий в славянских источниках не совпадает. Например, в *Толст* заглавие **да не осужають оучитель** (л. 10г) обособлено (как и в греческом тексте) и имеет номер **·Г·** (3), тогда как в *Христ* (л. 136 об.) и *Чуд* (л. 108а) оно объединено с другими в более крупные рубрики, под номерами **·а·** (1) и **·в·** (2) соответственно. Перевод заглавия *Περὶ κοινωνίας θεοτρειοῦς, οὐ πλησμονικῆς* «О боголепном причащении, не до пресыщения» (здесь и далее перевод с греческого наш. – *М. Н.*) помещен в *Толст*, в отличие от оригинала и других славянских источников, не сразу после заглавия «О внешнем виде христиан», но через одну позицию. Перевод заглавий «О браке...» (*Περὶ γάμου...*), «О божественной мудрости» (*Ἐν ᾧ περὶ θείας σοφίας*) отсутствует в *Толст*, заглавие *Περὶ τοῦ ἀδιαφορεῖν ἐν ὄντιοις, καὶ κλήσεσι* «О неразличении в покаяемых и приглашениях» не отражено в *Христ* и *ТСЛ71*.

Среди списков XII–XIV вв. наибольшее количество перечисленных заглавий насчитывается в *Толст* – 22, в *Христ* их всего 9, в *Чуд* – 16. Столь существенное расхождение объясняется данными списка XVI в. *ТСЛ71*, где чернилом пронумерованы 9 более крупных рубрик и киноварью – еще 15, входящих в состав «черных глав» (л. 56–56 об.). Прообраз этой упорядоченной и детализированной нумерации дает *Христ*, где также присутствуют 9 крупных рубрик с более мелким членением внутри, однако 15 подчиненных глав там не нумеруются – они лишь отмечены малыми киноварными инициа-

лами. В *Толст* и *Чуд* данная иерархия не выражена: рубрики пронумерованы подряд, при этом нумерация не имеет отношения к структуре аппарата, но значима для келейного чтения.

### Синтаксические трансформации текста

1. *Чуд* использует строгие синтаксические кальки, что хорошо соотносится с переводческой стратегией Чудовской редакции в основном тексте Апостола. В других славянских версиях отражено более свободное обращение с оригиналом.

В оригинале оглавления частотны конструкции с субстантивированным инфинитивом. В *Чуд* он регулярно переводится инфинитивом же, предшествуемым относительным местоимением **кже** – славянским функциональным коррелятом греческого артикля. *Толст* предпочитает финитные формы глагола, *Христ* может использовать именную форму либо (что происходит чаще) сохранять инфинитив, расширяя при этом синтаксическую конструкцию, вводя безличную форму презенса. Примеры помещены в таблицу, приведенную ниже.

Обращает на себя внимание препозиция по отношению к глаголу энклитики **са** в приведенных контекстах *Толст*, отражающая живой раннедревнерусский узус (см. [Зализняк, 2004, с. 188]).

2. Греческий порядок слов воспроизводится именно в *Чуд*. Его сохранение может приводить (в силу стремления ранневизантийского оригинала к инверсии) к разрушению связности славянского контекста: **О множанши(х) и различны(х) епископа исправле(нь)к и моуци коринѣанъ согрѣшеньихъ** (л. 108а) – греч. *Περὶ πλείονων καὶ διαφόρων ἢ ἐπιστολῆ διόρθωσιν ἔχουσα τῶν Κορινθίους ἡμαρτημένων*, буквально «О множественных и различных послание исправление имеющее коринфянам согрешениях». Если развернуть данную инверсию, можно предложить следующий перевод на русский язык: «Послание коринфянам, имеющее исправление о множественных и различных согрешениях».

В *Христ* контекст гармонизирован благодаря изменению порядка слов: **О мнозѣхъ и различныхъ грѣсѣхъ коринѣанъ. много исправленик имать епископа** (л. 136 об.;

**Способы передачи греческого субстантивированного инфинитива**

Греческий текст	<i>Христ</i>	<i>Толст</i>	<i>Чуд</i>	<i>ТСЛ71</i>
περί τοῦ μὴ διχονοεῖν πρὸς ἀλλήλους	о неразномысль_ нѣ. межю собою (л. 136 об.)	да не разумѣва_ ють разнo сами в себѣ (л. 10г)	о кже не разномысл_ ти дроугоу к дроугоу (л. 108а)	о неразъмыслии меж(д)и собою (л. 56)
Περὶ τοῦ μὴ κρίνειν διδασκά-λους	Ѳко не достонть соудити оучителемъ (л. 136 об.)	да не осужають оучитель (л. 10г)	и о кже не соудити оучтле(м) (л. 108а)	Ѳко не достонть соудити оучителемъ (л. 56)
Περὶ τοῦ μὴ ἐπαίρεσθαι	Ѳко не достонть гърдѣти сѧ (л. 136 об.)	да сѧ не възносѧть (л. 10г)	о еже не възвышати сѧ (л. 108а)	Ѳко не достонть гърдитисѧ (л. 56)
περί τοῦ μὴ κοινωνεῖν	Ѳко не достонть причапати сѧ (л. 137)	да сѧ не причапають (л. 11а)	о еже не приобщати сѧ (л. 108б)	Ѳко не пω(до)баеѣ <sup>2</sup> причапати сѧ (л. 56)
περί τοῦ μὴ χωρίζεσθαι	Ѳко не подовакть разлоучати сѧ (л. 137)	да сѧ не разлоучають (л. 11а)	еже не разлоучати сѧ (л. 108б)	Ѳко не пω(до)баеѣ <sup>2</sup> разлоучати сѧ (л. 56)
Περὶ τοῦ μὴ δεῖσθαι δικῶν	Ѳко не подовакть прѣти сѧ (л. 137)	да не ищють сѧ да (л. 10г)	о кже не подовакть прѣти сѧ (л. 108а)	Ѳко не пωдоваеѣть прѣтисѧ (л. 56)

также в *ТСЛ71*, л. 56). Предложение становится двусоставным благодаря переводу причастия ἔχουσα финитной формой глагола **имѣти** в функции сказуемого, которая вместе с подлежащим **епистолина** замыкает фразу. Форма **грѣсѣхъ** становится центром синтагмы. Вместе с тем уход от сверхсложной инверсии оригинала не означает ее полной отмены в *Христ*, поскольку второстепенные члены предложения находятся в препозиции относительно предикативного центра.

*Толст* еще дальше уходит от оригинала, существенно трансформируя текст: **зачатци пущенаго писанья къ коренѣомъ. исправленье согрѣшенькьмъ ихъ**. С одной стороны, опущены эпитеты и причастная форма, в результате чего появляются два номинативных предложения, с другой – введена форма **зачатци**. Последняя не имеет коррелята в оригинальном тексте, однако входит в состав типового заголовка **зачатци книгъ**, предваряющего в *Толст* оглавление каждого апостольского послания, ср. заголовки на листах 19а (2Кор.), 24в (Гал.), 30б (Флп.), 32а (Кол.), 34б (1Фесс.), 37а (1Тим.), 40в (2Тим.),

42а (Тит.), 43а (Фил.), 43в (Евр.), 53б (1Петр.), а также их лексические варианты, содержащие **зачало** (л. 2в, Рим.), **начатци** (л. 27в, Еф., л. 36а 2Фесс.).

Приверженность *Чуд* к воспроизведению греческого инверсированного порядка слов обнаруживается и в следующем переводе: **Περὶ τῆς εἰς δόξαν καὶ δύναμιν ἀλλαγῆς – о еже в славоу и силоу измѣненни (Чуд, л. 108б) vs. о измѣненни въ славоу и (въ) силоу (Христ, л. 137; ТСЛ71, л. 56 об.), о премѣненни ꙗко бѹдетъ въ славу и въ силу (Толст, л. 11а). Христ и Толст, в отличие от Чуд, не используют славянский «артикуль» и трансформируют исходный порядок слов. Толст при этом вводит не имеющую греческого коррелята глагольную форму **бѹдетъ** в сопровождении союза **ꙗко**, формируя таким образом придаточное предложение и уточняя временную перспективу высказывания.**

3. Объединение названий глав в более крупные рубрики может приводить к несовпадению синтагматического членения в греческом и славянском текстах. Например, греческий первоисточник представляет два разных заглавия:

Ἐν ᾧ περὶ τῆς ἐν Χριστῷ διορθώσεως, καὶ ἀποκαταστάσεως.

Ὁμοίωσις τῶν ἀνισταμένων πρὸς τὰ ἀναφυόμενα σπέρματα.

Их структуру в общих чертах наследуют *Христ* и *Толст*, соответственно:

**Въ нкнже ѿ хѣѣ исправлѣнии. и оустроикнн.**

**Въ подобнѣ вѣстающнхъ растомыхъ сѣменъ** (л. 137; *ТСЛ71* = *Христ*, за исключением *растоуци(х)*, л. 56 об.);

**к. О исправлени ѿ хѣѣ и ѿ оуставл(е)ни(и)**

**ка. Притѣча ѿ никънуци(х) сѣменъ о вѣскрѣшемъ(х). како к томъ подобно естъ** (л. 11а).

*Чуд*, что нетипично, отклоняется от греческого, объединяя рубрики и отражая новую синтаксическую связь как результат появления наречной формы: **в неже ѿ кже во хѣ исправлѣни. и оустроикнн подобно вѣстающн(м) взрастающнхъ сѣменъ** (л. 108б).

Вместе с тем, несмотря на формальное сходство с рубрикой в греческом, *Христ* и *Толст* демонстрируют вполне оригинальные синтаксические решения, довольно далеко уводящие славянский текст от первоисточника. При этом первое из двух приведенных заглавий представляет лишь одну заметную вариацию, связанную с наличием / отсутствием славянского артикля **кже** и порядком слов: *περὶ τῆς ἐν Χριστῷ διορθώσεως – ѿ хѣѣ исправлѣнии (Христ)* vs. **О исправлени ѿ хѣѣ (Толст)**, **ѿ кже во хѣ исправлѣни (Чуд)**. Здесь калькирующим источником предсказуемо оказывается *Чуд*, тогда как *Христ* использует форму притяжательного прилагательного **хѣѣ**, а *Толст* предлагает метатезу синтаксических элементов.

Второе греческое заглавие, менее прозрачное по структуре, демонстрирует больше преобразований исходного текста в славянских версиях. Греческую фразу Ὁμοίωσις τῶν ἀνισταμένων πρὸς τὰ ἀναφυόμενα σπέρματα, отсылающую читателя к 15-й главе послания, можно перевести на русский язык так: «Сходство (подобие) воскрешаемых (воскресающих) с прорастающими семенами». Соседство двух причастных форм, в генитиве и аккузативе, представляет, по-видимому, некото-

рую трудность для славянских интерпретаторов. Так, в *Христ* и *ТСЛ71* оба причастия стоят в генитиве, что затемняет синтаксические связи; номинативная форма Ὁμοίωσις ‘подобие’ передается аккузативом с предлогом, что свидетельствует о стремлении связать заглавие с предыдущим, несмотря на отсутствие такой связи в оригинале.

Решение *Толст* указывает на то, что содержание контекста прекрасно понято, но передано менее сжато, нежели в греческом: семантика существительного Ὁμοίωσις развернута в целое придаточное предложение **како к томъ подобно естъ**; в главное предложение введено опорное слово **притѣча**, не имеющее параллели в греческом. Последнее позволяет инверсировать компоненты исходного текста: τῶν ἀνισταμένων πρὸς τὰ ἀναφυόμενα σπέρματα – **ѿ никънуци(х) сѣменъ о вѣскрѣшемъ(х)**. Что касается причастных форм, их «проблема» решена в версии *Толст* путем изменения падежных параметров. Залоговые характеристики причастий также переданы в *Толст* точнее, чем в *Христ*, где медиальность формы ἀναφυόμενα понята как пассивность (**растомыхъ сѣменъ**).

4. Для *Толст* в целом характерно расширение отдельных заглавий.

4.1. **О неразлѣчени куплѣмъ и ѿ званні егда зовѣтъ невѣрннн вѣрнннн (Толст, л. 11а) vs. О еже не разнѣ быти совокуплѣнѣмъ и званѣмъ (Чуд, л. 108б; в *Христ* и *ТСЛ71* заглавие отсутствует)** – греч. *Περὶ τοῦ ἀδιαφορεῖν ἐν ὀνίοις, καὶ κλήσει* «О неразличении в покупаемых и приглашениях». Данное заглавие отсылает к 1Кор. 10:27, где ап. Павел разрешает верующим принимать приглашения нехристиан разделить с ними трапезу и есть любую купленную теми пищу. В *Толст*, в целях разъяснения слишком лаконичного контекста, вводится дополнительное придаточное предложение, не имеющее соответствия в греческом. Кроме того, пересмотрены отношения между однородными членами: если в оригинале таковыми являются две формы датива, не относящиеся к теме данного заглавия, то в славянском тексте вторая из них, κλήσει, становится второй темой сообщения (**О неразлѣчени и ѿ званні**). Первая форма датива, ἐν ὀνίοις, преобразуется в согласованное определение, что также доволь-

но своеобразно: в традиции славянской переводной книжности адъективы передавали обычно формы родительного приименного (обзор мнений по этому вопросу см. в [Чевела, 2010, с. 178]).

На этом фоне совершенно иначе выглядит Чуд, где снова реализуется переводческая установка на калькирование греческого синтаксиса: субстантивированный инфинитив переведен инфинитивом же, датив – дативом. При этом обращает на себя внимание отсутствие предлога при именах в дательном падеже (совокоупленнымъ и звантымъ). О лексической параллели ὄντιος – совокоупленнымъ будет сказано ниже, в разделе, посвященном лексике.

4.2. Да не ищють сѹда тѹне ѿ неправедныхъ сѹднн (л. 10г) vs. Ꙗко не подобаетъ прѣти сѹ прѣдъ невѣрными (Христ, л. 137; ТСЛ71, л. 56), О кже не подобаетъ прѣти сѹ. и се пре(д) невѣрными (Чуд, л. 108а) – греч. Περὶ τοῦ μὴ δεῖσθαι δικῶν, καὶ ταῦτα ἐπὶ ἀπίστων «О том, чтобы не нуждаться в судах, и притом у неверующих». Расширение контекста в Толст связано, во-первых, с введением не обусловленной оригиналом формы сѹднн, что приводит к эмфатическому удвоению: сѹда – сѹднн; появление наречия тѹне ‘напрасно’ также не поддержано оригиналом. Возможно, это результат переосмысления первоначального тѹ, которое могло передавать греческое указательное местоимение ταῦτα.

4.3. О слѹжащихъ въ црѣвахъ (л. 10г) vs. ѿ слоугахъ (Христ, л. 136 об., ТСЛ71, л. 56), ѿ литоургиахъ же (Чуд, л. 108а) – греч. Περὶ λειτουργιῶν «О служениях». Греческий первоисточник, отсылая к 3-й главе послания, где говорится о служении первохристианских наставников (Павла и Аполлоса), вместе с тем не предлагает такой конкретизации, какая наблюдается в Толст.

4.4. О образѣ ризъ мужескъ (л. 11а) vs. О образѣ моужь и женъ (Христ, л. 137, Чуд, л. 108б, ТСЛ71, л. 56 об.) – греч. Περὶ σχήματος ἀνδρῶν καὶ γυναικῶν «О внешнем виде мужчин и женщин». Толст снова дополняет контекст, однако искажает содержание заглавия, отсылающего к одиннадцатой главе послания. Речь там идет не столько об одежде, сколько о прическах и головных уборах христиан – и мужчин, и женщин.

## Лексико-семантические трансформации

1. Оглавление отражает лексические решения, характеризующие типичные переводческие стратегии той или иной редакции основного текста Апостола.

1.1. Заимствования:

ѿсовъ чїстї (Христ, л. 137), кѹмирскы чьсти (Толст, л. 11а) vs. дѣмонскнѹ ч(ь)с(тн) (Чуд, л. 108б, ТСЛ71, л. 56 об.) – греч. δαιμονικῶ σεβάσματος «Демонской святыни»;

ѿ слоугахъ (Христ, л. 136 об., ТСЛ71, л. 56), ѿ слѹжащихъ въ црѣвахъ (Толст, л. 10г) vs. ѿ литоургиахъ же (Чуд, л. 108а) – греч. Περὶ λειτουργιῶν «О служениях»;

дрогзнн (Христ, л. 137; ТСЛ71 дрогзнн, л. 56), которты ѿ нею (Толст, л. 11а) vs. етери (Чуд, л. 108а) – греч. οἱ ἕτεροι ‘кто-то из них, тот или другой’.

Как видим, Чудовская версия предпочитает заимствованные основы.

1.2. Кальки:

ѿк филодоξїас – славохотню (Христ, л. 136 об.), ѿ славохотїн (ТСЛ71, л. 56), ѿ любовславья (Чуд, л. 108а), славты дѣла (Толст, л. 10г);

περὶ τοῦ μὴ διχονοεῖν – ѿ неразномыслнѣ (Христ, л. 136 об.), ѿ неразьмыслїн (ТСЛ71, л. 56), ѿ кже не разномыслити (Чуд, л. 108а), да не разѹмѣвають разно (Толст, л. 10г);

πολυπλόκου – многоразличнѣ (Христ, л. 137, ТСЛ71, л. 56 об.), многоплетенѣ(м) (Чуд, л. 108б), стропотнѣнн (Толст, л. 11а); θεοπρεποῦς – бѣлѣпнѣ (Христ, л. 137, Чуд, л. 108б, ТСЛ71, л. 56 об.), лѣпотѣ бннн (Толст, л. 11а).

Все источники, кроме Толст, предлагают кальки двухосновных греческих образований, и в Чуд они наиболее строги с точки зрения структуры: ср. расположение лексических основ в образовании (любовславьѣ), и семантики: ср. корреляцию πολυπλόκου, где вторая основа восходит к πλόκη ‘плетение’, – многоплетенѣ(м).

Толст, напротив, предпочитает в таких случаях словосочетания, что вполне согласуется с тем, как переводятся словосложения в данной версии основного текста Апостола (подробнее см. в [Новак, 2014, с. 16–43]).

2. В Толст обнаружены регионализмы, отсутствующие в других источниках: моравиз-

мы **комканіе** ‘причащение, евхаристия’ и **малъжена** ‘супруги’, усвоенные южно- и восточнославянской книжностью [Максимович, 2008, с. 110, 112]. Интересно, что существительное **малъжена** употреблено в плюралной форме, тогда как связанное с ним местоимение – в двойственном числе: **Да са не разлѣчаютъ малъжени аще и невѣренъ естъ которы ѿ нею** (л. 11а). По-видимому, здесь представлено дистрибутивное двойственное: речь идет о многих семьях, но отношение к вере может быть различным внутри одной супружеской пары. Этот нюанс способствует успешному решению проблемы передачи греческой формы οἱ ἕτεροι ‘кто-то из них, тот или другой’.

В оригинале и других версиях перевода упоминаются мужья и жены: **не разлоучати са моужемъ ѿ женъ** (*Христ*, л. 137; *Чуд*, л. 108а; *ТСЛ71*, л. 56) – греч. τοῦ μὴ χωρίζεσθαι ἀνδρας τῶν γυναικῶν ‘не отдаляться мужьям (от) жен’.

3. Отклонения от семантики оригинала отмечены во всех версиях, кроме выверенной поздней, отраженной в списке *ТСЛ71* XVI века.

3.1. **О чистотѣ и недѣвоженствѣ** (*Христ*, л. 137) vs. **О чѣтотѣ и двоженствѣ** (*Чуд*, л. 108а), **О чистотѣ плотнѣ и ѿ вторѣи женитѣ** (*Толст*, л. 11а), **О чистотѣ, и ѿ двоу брака(х)** (*ТСЛ71*, л. 56) – греч. Περὶ ἀγνείας καὶ περὶ διγαμίας «О чистоте и о второбрачии». Данное заглавие отсылает к седьмой главе послания, где речь идет о том, что любому человеку – и безбрачному, и вдовому – лучше оставаться в целомудрии; но тем, кому трудно воздерживаться, апостол рекомендует вступать в брак (в том числе и вдовам – в повторный): «Безбрачным же и вдовам говорю: хорошо им оставаться, как я. Но если не [могут] воздержаться, пусть вступают в брак; ибо лучше вступить в брак, нежели разжигаться» (1 Кор. 7:8–9, в синодальном переводе) (Цитата из Библии). «Лишнее» отрицание могло появиться случайно, однако нельзя исключить, что в *Христ* отражена своего рода аскетическая рационализация, согласно которой второй брак по определению хуже безбрачного состояния. Эта идея, возможно, усиливается и соседством слова **чистота**, с которым **недѣвоженство** соотносится лучше, чем **дѣвоженство**. Остальные версии

текста, однако, следуют смыслу греческого первоисточника.

3.2. **причащати са всѣхъ** (*Христ*, л. 137) vs. **вѣсомъ** (*Толст*, л. 11а, *Чуд*, л. 108б), **дѣмонѣ(х)** (*ТСЛ71*, л. 56 об.) – греч. δαίμονι ‘демонам’. Дефект в *Христ*, очевидно, связан с качеством письма в антиграфе / протографе.

3.3. **О вѣскр(всє)ньи телесъ праведны(х)** (*Чуд*, л. 108б) vs. **О вѣскрєсєнии всѣхъ тѣлесъ** (*Христ*, л. 137, *ТСЛ71*, л. 56 об.), **О вѣскрѣшении телесньѣмъ** (*Толст*, л. 11а) – греч. Περὶ ἀναστάσεως σωμάτων καθολικῆς «О воскресении тел всеобщем». *Христ* и *ТСЛ71* точнее всего передают семантику оригинала; *Толст* опускает определение вовсе, а *Чуд*, напротив, вводит некую интерпретацию, предполагающую воскресение не всех, но лишь праведников.

3.4. **О неразлѣченни кѹпльнѣмъ и ѿ званні** (*Толст*, л. 11а) vs. **О еже не разнѣ быти совокоупленымъ и званымъ** (*Чуд*, л. 108б; в *Христ* и *ТСЛ71* заглавие отсутствует) – греч. Περὶ τοῦ ἀδιαφορεῖν ἐν ὀνίοις, καὶ κλήσει «О неразличении в покупаемых и в приглашениях». Это заглавие обсуждалось выше в связи с синтаксическими решениями; здесь укажем на неточное прочтение в *Чуд* формы ἐν ὀνίοις, от ὄνιος ‘покупаемый, продаваемый’. Возможно, такой выбор спровоцирован соседством с формой **званымъ**: «совокупление» (собрание) предстает как результат приглашения, хотя в действительности заглавие отсылает к рекомендации не заострять внимания на происхождении предлагаемой гостям пищи (связана ли она с языческими жертвоприношениями или нет): «Если кто из неверных позовет вас, и вы захотите пойти, то все, предлагаемое вам, ешьте без всякого исследования, для [спокойствия] совести» (1 Кор. 10:27, синодальный перевод) (Цитата из Библии).

3.5. **Да не ищють сѹда тѹне ѿ неправедныхъ сѹдни** (л. 10г) vs. **Ико не подобаетъ прѣти са прѣдъ невѣрными** (*Христ*, л. 137; *ТСЛ71*, л. 56), **О кже не подобаетъ прѣти са. и се пре(д) невѣрными** (*Чуд*, л. 108а) – греч. Περὶ τοῦ μὴ δεῖσθαι δικῶν, καὶ ταῦτα ἐπὶ ἀπίστων «О том, чтобы не нуждаться в судах, и притом у неверующих». Словоупотребление *Толст* **неправедныхъ** отражает неверное понимание греческого соответствия ἐπὶ ἀπίστων (ἄπιστος

‘неверующий’). С осторожностью можно предположить, что это решение появилось не случайно, но под влиянием формы **сѹднн** (также введенной в текст независимо от оригинала): сочетание **сѹднн неправеднѹи** могло восприниматься коллективной памятью славянских книжников (о ней см. [Гардзанити, 2014]) как устойчивое благодаря евангельской притче о неправедном судье (Лк.18:1–7). Ср., например, это словосочетание в Остромировом Евангелии (л. 114в) (ЕвОстр, с. 114) и Архангельском Евангелии (л. 69) (ЕвАрх, с. 179).

3.6. **О напасти** (*Толст*, л. 11а) vs. **О прѣхоженнн** (*Христ*, л. 137, *Чуд*, л. 108б), **Ѡ прихож(д)еннн** (*ТСЛ71*, л. 56 об.) – греч. *περὶ συμπεριφορᾶς* «Об общении (о связях)». Заглавие отсылает к 9-й главе послания, где говорится о широком круге общения апостола: «...для иудеев я был как иудей, чтобы приобрести иудеев; для подзаконных был как подзаконный, чтобы приобрести подзаконных; для чуждых закона – как чуждый закона, – не будучи чужд закона пред Богом, но подзаконен Христу, – чтобы приобрести чуждых закона; для немощных был как немощный, чтобы приобрести немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых» (1 Кор.9:20–22). Очевидно, в *Толст* отражено неразличение образований *συμπεριφορᾶ* ‘общение’ и *συμφορᾶ* ‘стечение обстоятельств, происшествие, в том числе несчастье, беда’. Последнее нередко переводится в древнеславянской книжности именно как **напасть** (*Slovník*, II, s. 300). Смещение лексических единиц могло либо произойти в восприятии славянского книжника, либо появиться в самом греческом источнике.

### Выводы

Древнеславянские версии оглавления к первому посланию коринфянам были проанализированы с позиций их соответствия композиции греческого текста, его синтаксической структуре и лексикону, а также основному тексту послания.

Выявлено, что композиция оглавления не совпадает с оригиналом во всех славянских источниках, представляющих разные версии текста, – пропуск, объединение, перестановка заглавий. Нумерация упорядочена в позднем списке

*ТСЛ71*, где обнаружена дифференциация более крупных (9) и подчиненных (15) рубрик. В *Толст* и *Чуд* иерархия заглавий отсутствует.

На синтаксическом уровне отмечены две наиболее значительные тенденции: синтаксическое калькирование в *Чуд* (в частности, воспроизведение субстантивированных инфинитивов и порядка слов) и независимость *Толст* от греческих синтаксических структур. В последнем источнике в целом ряде случаев наблюдается синтаксическое расширение, не поддерживаемое оригиналом. Списки *Христ* и *ТСЛ71* представляют менее заметные несовпадения с греческим.

На лексическом уровне отмечена тенденция к реализации тех же переводческих стратегий и техник, что и в основном тексте Апостола: *Чуд* предпочитает заимствования и кальки, *Толст* – свободную интерпретацию. Вместе с тем, все источники представляют различного рода лексические отступления от оригинала. Они могут быть результатом конъектуры, влияния контекста (а иногда – интертекстуального взаимодействия в рамках новозаветной традиции), неточного понимания греческого источника либо искажений в нем. Реже встречаются lapsus calami. В *Толст* зафиксированы два лексических регионализма – **малѣжена** и **ком(ъ)канне**, – свидетельствующие о связях источника с моравской книжной традицией.

Синтаксические дополнения и лексические отступления от оригинала могут приводить к ослаблению связей заглавий с основным текстом послания.

### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Автор выражает благодарность Львовскому историческому музею за предоставление качественной фотокопии рукописи Христинопольского Апостола.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гардзанити М., 2014. Библейские цитаты в церковнославянской книжности. М. : Индрик. 232 с.  
 Гатри Д., 1996. Введение в Новый Завет. СПб. : Библия для всех. 800 с.  
 Евфалий, 2013. Евфалий // Православная энциклопедия / под ред. патр. Кирилла. М. : Церковно-

- научный центр «Православная Энциклопедия». URL: <http://www.pravenc.ru/text/187624.html> (дата обращения: 08.07.2018).
- Зализняк А. А., 2004. Древненовгородский диалект. Изд. 2-е, перераб. М. : Языки славянской культуры. 872 с.
- Максимович К. А., 2008. Западнославянское влияние на древнерусский книжно-письменный язык в XI–XIV вв. // Письменность, литература и фольклор славянских народов : XIV Международный съезд славистов (Охрид, 10–16 сентября 2008 г.) : докл. рос. делегации ; [редкол. : А. М. Молдован (отв. ред.) и др.]. М. : Индрик. С. 102–125.
- Новак М. О., 2014. Апостол в истории русского литературного языка: лингвостилистическое исследование. Казань : Отечество. 316 с.
- Новак М. О., 2017а. Греко-славянские синтаксические корреляции в оглавлениях к посланиям апостолов (на материале древнерусских списков XII–XIV вв.) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 3 (69). С. 93–94.
- Новак М. О., 2017б. Культурно-антропологическое измерение древнеславянских переводов Апостола: лексический уровень // Русский язык и культура в зеркале перевода : VII Международная научная конференция (Афины, 28 апр. – 3 мая 2017 г.) : материалы конф. М. : ООО Изд. дом «Неолит». С. 383–391. URL: [http://www.esti.msu.ru/netcat\\_files/userfiles/Files/science/books/Sbornik%20Afiny%202017.pdf](http://www.esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/books/Sbornik%20Afiny%202017.pdf)
- Чевела О. В., 2010. Герменевтика литургической поэзии: Лингвистическое исследование. Казань : Изд-во Казан. ун-та. 346 с.
- Blomkvist V., 2012. Euthalian Traditions: Text, Translation and Commentary. Berlin ; Boston : Walter de Gruyter. 403 p.
- Tak van der J., 2003. Euthalius the Deacon, Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translation. София : Кирило-Методиевски научен център (Кирило-Методиевски студии 15). 220 с.
- Willard L. S., 2009. A Critical Study of the Euthalian Apparatus. Berlin ; New York : Walter de Gruyter. 182 p.
- ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**
- ЕвАрх* – Архангельское Евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М. : Науч.-издат. центр «Скрипторий», 1997. 674 с.
- ЕвОстр* – Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М. : Языки славянских культур, 2007. 968 с.
- Толст* – Толстовский Апостол, XIV в. РНБ, Q.п.1.5. *ТСЛ71* – Апостол № 71, XVI в. РГБ, ф. 304.1.
- Христ* – Христинопольский Апостол, XII в. Львовский ист. музей, ОР, № 37.
- Цитата из Библии* – Цитата из Библии. Софт-твари: бесплатный христианский софт // JesusChrist.ru – сервер христианского общения [1999–2013]. URL: <http://jesuschrist.ru/software/bqt5.exe> (дата обращения: 08.07.2018).
- Чуд* – Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа. Труд святителя Алексия, митрополита Московского и всея Руси / Фототип. изд. Леонтия, митр. Московского. М. : Унив. тип., 1892. 338 с.
- Alpha* – Alpha. Древнегреческо-русский словарь И.Х. Дворецкого // Version: 3.0. Release: 1 May, 2005. Alpha. Copyright 2005 Sergey Gurin : [программное обеспечение]. URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html> (дата обращения: 07.07.2018).
- Migne* – Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca. Vol. 85.* Paris : Petit-Montrouge, 1864 p. URL: [file:///C:/Users/Pro/Downloads/\[Migne,\\_Jacques\\_Paul%3B\\_saint\).\\_Basile\\_de\\_S%C3%A9leucie\]\(b-ok.org\).pdf](file:///C:/Users/Pro/Downloads/[Migne,_Jacques_Paul%3B_saint)._Basile_de_S%C3%A9leucie](b-ok.org).pdf)
- Slovník* – Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae). I–IV. Kurz a kol. Praha : Nakladelství Československé akademie věd, 1966–1997.

REFERENCES

- Garzaniti M., 2014. *Bible Quotes in Old Slavonic Literature.* Moscow, Indrik Publ., 232 p.
- Guthrie D., 1996. *An Introduction to the New Testament.* Saint Petersburg, Bibliya dlya vsekh Publ. 800 p.
- Patriarch Kirill (ed.), 2013. Euthalius. *The Orthodox Encyclopaedia.* Moscow, Pravoslavnaya Entsiklopediya Publ., 2013. URL: <http://www.pravenc.ru/text/187624.html> (accessed 8 July 2018).
- Zaliznyak A.A., 2004. *Old Novgorod Dialect.* Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 872 p.
- Maksimovich K.A., 2008. West Slavic Influence on the Old Russian Written Language of the 11<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> Centuries. Moldovan A.M., ed. *Pismennost, literatura i folklor slavyanskikh narodov: XIV Mezhdunarodnyy syezd slavistov (Okhrid, 10–16 sentyabrya 2008 g.): doklady rossiyskoy delegatsii.* Moscow, Indrik Publ., pp. 102-125.
- Novak M.O., 2014. *The Apostolus in the Russian Literary Language History: A Linguistic and Stylistic Study.* Kazan, Otechestvo Publ. 316 p.
- Novak M.O., 2017a. Greek-Slavonic Syntax Correlations in Chapter-Lists to the Epistles of Apostles (Based on Old Russian Lists of the 12<sup>th</sup>–14<sup>th</sup> Centuries). *Drevnyaya Rus. Voprosy*

- medievistiki* [Old Russia. The Questions of the Middle Ages], no. 3 (69), pp. 93-94.
- Novak M.O., 2017b. Cultural and Anthropological Dimension of Old Slavonic Translations of Apostolus: Lexical Stratum. *Russkiy yazyk i kultura v zerkale perevoda: VII Mezhdunarodnaya nauchnaya konferentsiya (Afiny, 28 aprelya – 03 maya 2017 g.): materialy konferentsii*. Moscow, Neolit Publ., pp. 383-391. URL: [http://www.esti.msu.ru/netcat\\_files/userfiles/Files/science/books/Sbornik%20Afiny%202017.pdf](http://www.esti.msu.ru/netcat_files/userfiles/Files/science/books/Sbornik%20Afiny%202017.pdf).
- Chevela O.V., 2010. *Hermeneutics of Liturgical Poetry: A Linguistic Study*. Kazan, Izd-vo Kazan. un-ta, 346 p.
- Blomkvist V., 2012. *Euthalian Traditions: Text, Translation and Commentary*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter. 403 p.
- Tak van der J., 2003. *Euthalius the Deacon, Prologues and Abstracts in Greek and Church Slavic Translation*. Sofiya, Kirilo-Methodievski nauchen centar. 220 p.
- Willard L.S., 2009. *A Critical Study of the Euthalian Apparatus*. Berlin; New York, Walter de Gruyter. 182 p.
- Arkhangelsk Gospel of 1092. Research. Old Russian Text. Word Markers*. Moscow, Skriptoriy Publ., 1997. 674 p.
- Ostromir Gospel of 1056-1057 after the Edition of A.Kh. Vostokov*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007. 968 p.
- Tolstovsky Apostolus, 14th cent. *National Library of Russia*, Q.n.I.5.
- Apostolus No. 71, 16th cent. *Russian State Library*, F. 304.I.
- Christinopolskiy Apostolus, 12th cent. *Lviv Historical Museum*, No. 37.
- Bible Quote. Soft Creatures: Free Christian Software. *JesusChrist.ru – Christian Communication Server (1999–2013)*. URL: <http://jesuschrist.ru/software/bqt5.exe> (accessed 8 July 2018).
- The New Testament of our Lord Jesus Christ. The Work of St. Aleksii, Metropolitan of Moscow and all Russia*. Moscow, University Press., 1982. 338 p.
- Alpha. Ancient Greek-Russian Dictionary by I.Kh. Dvoretzky*. Version: 3.0. Release: 1 May, 2005. Alpha. Copyright 2005 Sergey Gurin. URL: <http://www.gurin.tomsknet.ru/alpha.html>. (accessed 8 July 2018).
- Migne J.-P. *Patrologiae cursus completus. Series graeca*. Vol. 85. Paris, Petit-Montrouge. 1864 p. URL: [file:///C:/Users/Pro/Downloads/\[Migne,\\_Jacques\\_Paul%3B\\_saint\).\\_Basile\\_de\\_S%C3%A9leucie\]\(b-ok.org\).pdf](file:///C:/Users/Pro/Downloads/[Migne,_Jacques_Paul%3B_saint)._Basile_de_S%C3%A9leucie](b-ok.org).pdf).
- Slovník jazyka staroslověnského (Lexicon linguae palaeoslovenicae)*. I–IV. Kurz a kol. Praha, Nakladelství Československé akademie věd, 1966-1997.

#### SOURCES AND DICTIONARIES

### Information about the Author

**Mariya O. Novak**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Russian Language and Applied Linguistics, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, [mariakonovak@gmail.com](mailto:mariakonovak@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>

### Информация об авторе

**Мария Олеговна Новак**, доктор филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка и прикладной лингвистики, Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, [mariakonovak@gmail.com](mailto:mariakonovak@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0002-5501-8510>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>

UDC 811.161.1'04  
LBC 81.411.2-03

Submitted: 03.09.2018  
Accepted: 02.10.2018

## LEXICAL AND TEXTUAL FEATURES OF THE KAZAN GOSPEL OF THE 14<sup>TH</sup> CENTURY<sup>1</sup>

**Nataliya G. Nikolaeva**

Kazan State Medical University; Kazan Federal University, Kazan, Russia

**Anton V. Ermoshin**

Kazan State Medical University, Kazan, Russia

**Abstract.** The paper analyzes the lexical and textual features of the manuscript of the Kazan Gospel of the 14<sup>th</sup> century (the long lectionary of the so-called Mstislav type and class) preserved in the academic library of the Kazan Federal University. The research aim is to identify the manuscript's genetic relationships and to determine the range of closely related manuscripts on the basis of 25 different lexical markers. The authors have found out that the text of the Kazan Gospel reflects the vocabulary of various versions of the gospel text: archaic, Preslav, and Old Russian. In some cases old Slavic lexical units were already completely incomprehensible to the Russian copyist of the 14<sup>th</sup> century that led to serious distortions of the text made by both Russian and Greek scribes. Besides, the lexical mistakes such as inserts into the text from parallel or similar fragments have been described and determined as an important factor for determining the nearest circle of related gospel copies. The authors conclude that the analysis of the manuscript's lexical features in isolation from its textual features is incorrect, and therefore it is proposed to consider both lexical and textual features of manuscript's versions, taking into account their structural features (in this connection a number of relevant markers are also highlighted).

**Key words:** Kazan Gospel, long lectionary, Old Russian language, lexicon, textology.

**Citation.** Nikolaeva N.G., Ermoshin A.V. Lexical and Textual Features of the Kazan Gospel of the 14<sup>th</sup> Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 16-26. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>

УДК 811.161.1'04  
ББК 81.411.2-03

Дата поступления статьи: 03.09.2018  
Дата принятия статьи: 02.10.2018

## ЛЕКСИКО-ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ КАЗАНСКОГО ЕВАНГЕЛИЯ XIV ВЕКА<sup>1</sup>

**Наталья Геннадьевна Николаева**

Казанский государственный медицинский университет, Казанский федеральный университет,  
г. Казань, Россия

**Антон Владимирович Ермошин**

Казанский государственный медицинский университет, г. Казань, Россия

**Аннотация.** В статье проанализированы лексико-текстологические особенности хранящейся в Научной библиотеке Казанского федерального университета рукописи Казанского Евангелия XIV в. (полного апракоса так называемого Мстиславова типа и класса) с целью установления ее генетических связей и определения круга близкородственных рукописей. Показано, что в данном памятнике нашла отражение лексика различных редакций евангельского текста: древней, преславской, древнерусской. Зафиксированы случаи неосмысленных чтений и выявлено, что некоторые из них приводят к значительным искажениям содержания текста; охарактеризованы лексические ошибки, связанные с ошибками в антиграфе или вызванные порчей древнегреческих рукописей, с которых делались переводы; описаны оригинальные для Казанского Евангелия чтения. Доказано, что

кроме лексических маркеров существенным фактором для определения ближайшего круга родственных евангельских списков служат вставки в текст из параллельных или схожих фрагментов. Сделан вывод о некорректности проведения анализа лексических особенностей памятника изолированно от его текстологии; предложено рассматривать лексико-текстологические особенности рукописей, учитывая их структурные особенности, которые позволяют выделить ряд соответствующих им маркеров.

**Ключевые слова:** Казанское Евангелие, полный апракос, древнерусский язык, лексика, текстология.

**Цитирование.** Николаева Н. Г., Ермошин А. В. Лексико-текстологические особенности Казанского Евангелия XIV века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 16–26. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.2>

## Введение

Казанское Евангелие (далее – КЕ) – полный апракос конца XIV в., хранящийся в Научной библиотеке Казанского федерального университета. Эта старейшая рукопись древлехранилищ Казани до сих пор не была системно описана и введена в современный научный оборот. К сожалению, она отсутствует в списке рукописных евангелий, представленном в фундаментальном труде М. Гарзанити [Garzaniti, 2001, S. 509–584]; не упоминается в издании, подготовленном исследовательской группой под руководством А.А. Алексеева (Евангелие от Иоанна, с. 55–82), хотя в свое время краткое ее описание оставили А.С. Архангельский [1883] и П.Д. Шестаков [1880], вслед за которыми этот текст включил в свое исследование Г.А. Воскресенский [Воскресенский, 1896, с. 48]. Подтверждая мнение последнего, Л.П. Жуковская атрибутировала КЕ как апракос Мстиславова типа и класса [Жуковская, 1968, с. 319]. Вновь в поле зрения историков языка текст попадает в связи с составлением каталога древних рукописей, хранящихся в казанских архивах [Николаев, 2003; 2005]. В настоящее время исследовательской группой проводится подготовка этого КЕ к научному изданию в сопровождении справочного и критического аппарата.

В данной статье обобщены результаты изучения лексических особенностей рукописи с целью выявления генетических связей и определения круга близкородственных рукописей, охарактеризованы методологические проблемы исследования евангельских списков, а также представлен подход, позволяющий преодолеть некоторые трудности изучения таких текстов в лексическом аспекте.

## Проблемы методологии исследования

Определение лексических особенностей любого евангельского списка сопряжено с рядом трудностей, а выявление лексических особенностей полного апракоса всегда имеет дополнительную исследовательскую нагрузку.

Во-первых, специфика лексического состава последнего неизбежно связана с проблемой происхождения данного типа текста, которая до сих пор не имеет в науке однозначного решения. Если вопрос о том, какой тип евангельского текста был переведен Кириллом и Мефодием первым, убедительно решен в пользу краткого апракоса (обсуждается только его объем: от Пасхального Евангелия до краткого апракоса в его привычном составе), то о дальнейшем развитии этого типа текста нет окончательного заключения (см. [Garzaniti, 2001, S. 210–211, 227–228, 243]). Однако для обсуждения особенностей лексического состава полного апракоса важно понимать время возникновения рукописи – до тетра или позже, уже на основе краткого апракоса и Четвероевангелия. Кроме вопроса о происхождении в целом, для полных апракосов Мстиславова типа актуальны вопросы о характере данной редакции: в какой степени и в каких ее частях она зависит от древних вариантов текста и от преславской версии, в чем состоят ее оригинальные особенности. Новая гипотеза в отношении генезиса этих рукописей выдвинута в работах С.Ю. Темчина, в частности в [Темчин, 1997], которая в силу объема исследуемого материала она еще не получила достаточного подтверждения.

Во-вторых, сложность выявления лексических особенностей евангельских текстов связана именно с объемом материала, который должен быть подвергнут анализу:

массив списков таких рукописей в книгохранилищах всего мира изучен пока вне какой-либо единой системы. Несмотря на большое количество частных методик, выдвинутых исследователями разных стран, не выработан общий подход к материалу. Кроме того, многие рукописи остаются неизвестными или недоступными. В связи с этим установление генеалогических связей между ними представляется весьма сложным. Первостепенной задачей можно считать выявление группы достаточно близких друг другу списков, тогда как установление антиграфа и более отдаленных генетических связей не всегда возможно в силу объективных причин.

В-третьих, все это обуславливает трудность в атрибуции лексических особенностей: не во всех случаях представляется возможным определить, что принадлежит копиисту, что пришло из антиграфа, а что обусловлено типом текста. Например, сложно однозначно сказать, на каком этапе существования рукописи появились те или иные ошибки, возникшие вследствие внутреннего или внешнего диктанта. Текстовые вставки, связанные с общим литургическим контекстом, могли появиться на самой ранней стадии бытования евангельского перевода. При этом, как мы увидим в дальнейшем, эти же ошибки и вставки могут быть определенными вехами, характеризующими круг близкородственных рукописей.

В-четвертых, лексические особенности апракоса следует рассматривать на фоне его структурных особенностей. Только комплексный анализ структуры и ее лексического наполнения даст наиболее объективное представление о происхождении рукописи и ее генетических связях. К сожалению, до сих пор в работах по данной тематике доминирует какой-либо один из подходов. Так, классификация, предложенная Л.П. Жуковской, базируется прежде всего на структурных сходствах и различиях апракосов; большинство же исследователей углубляются в описание собственно лексических черт.

В-пятых, проблема выявления лексических особенностей евангельских списков связана с тем, что изучение славянского текста должно быть подкреплено знанием ви-

зантийской богослужебной традиции и пониманием того, что современные издания на греческом языке не могут быть основанием для сравнения и выводов относительно особенностей перевода. Мы согласны с М. Гардзанити, который отрицает релевантность изданий Нестле-Аланда или *Textus Receptus* для сопоставления славянских текстов с «оригиналом» [Garzaniti, 2001, S. 665]: количество вариантов греческих списков евангельского текста – необозримо, достоверно определить, на какой список ориентировался переводчик (или редактор), – трудно, и зачастую славянский материал подсказывает нам, что был греческий список, который не учтен самыми лучшими академическими изданиями *Textus Receptus*, но был положен в основу перевода (редакции) славянского текста. В дальнейшем при непосредственном анализе материала мы приводим греческие эквиваленты по изданию (Новый Завет), но используем их более как иллюстрацию, а не прочную доказательную базу.

Принимая во внимание все вышеизложенные трудности, мы видим нашу задачу в том, чтобы выявить в тексте КЕ своего рода лексические маркеры, которые позволили бы в дальнейшем определить круг близкородственных ему рукописей и его место в нем. К таковым можно отнести оригинальные чтения, связанные с сознательными и неосознанными правками текста, неосмысленными чтениями, вставками, передачей заимствованных слов, выбором эквивалента греческого слова (в пределах допустимого варьирования) и т. п. Маркеры определяются как на общем текстовом фоне рукописи, так и в сравнении с неким текстовым инвариантом, представленном в ряде рукописей того же типа. Для исследования мы привлекали прежде всего Мстиславо-во Евангелие как «типобразующий» текст, Врачанское Евангелие (XIII в.), которое Л.П. Жуковская считала близким КЕ (устное сообщение), несмотря на то, что Врачанский кодекс представляет собой краткий апракос, а также некоторые другие тексты того же типа (см. Источники).

Исчерпывающую классификацию возможных лексических разночтений, характеризующих древнерусские рукописи данного типа, приводит в своей работе С.Ю. Темчин [Тем-

чин, 1998, с. 194]. Однако нам представляется не вполне убедительной мысль исследователя о том, что во внимание необходимо принимать лишь те правки текста, которые относятся к разряду «сознательных» [Темчин, 1998, с. 190–191]. Многие «бессознательные» повторы оригинальных чтений и просто лексические ошибки в рукописи также могут приблизить нас к уточнению ее генетических связей: поставить текст в ряд подобных с таким же чтением или, напротив, обозначить его своеобразие.

## Результаты и обсуждение

1. Большинство неосмысленных чтений КЕ мы уже рассмотрели, руководствуясь классификацией Темчина *mutatis mutandis*, в другой работе [Николаева, 2017]. Воспроизведем здесь наиболее яркие примеры, которые можно отнести к лексическим маркерам.

(1) Мф. 8:32: *авыи̇ оустремил сѧ все стѧдо повредше| в море и истопоша в во|дахъ.* (23г).

Употребление *повредше* вместо *по врьгоу* (ср. Мст. 38г) может быть как зрительной, так и слуховой ошибкой.

(2) Мф. 22:16: *и посз|лають оучѣнкы свои| сз дьяконзы* (42а).

Вместо *сз дьяконзы* должно быть *сз иродианзы* (ср. Мст. 57г) – ошибка, идущая из антиграфа либо возникшая при копировании (возможно, при наличии порчи текста в антиграфе).

(3) М. 4:36: *и ѿпущел народзы и поѣхаша.| такоже бѣ в коравли.* (43г).

Вместо *поѣша* и употреблено *поѣхаша* (ср. Мст. 59в).

Отнесем сюда и еще один пример, насыщенный ошибочными чтениями разного генезиса:

(4) М. 15:7: *бѣ же нарочитыи варава сз своими свѣтилникы| сваганъ . иже в перьсидѣ оубо створиша* (98в).

Появление *нарочитыи* вместо *нарицаемыи* (ср. Мст. 116а) может быть объяснено сме-

нением чтения из Марка и Матфея: в соответствующем эпизоде Евангелия от Матфея Варавву характеризуют как *свагна нарочита* (133г). Слово *свѣтилникы* – это непонятое (?), невнимательно скопированное слово *свѣтъникы*, то есть «сообщники» (ср. Мст. 116а). Следующая синтагма является искажением *иже в прѣсѣдѣ оубо створише* (по РНБ, Гильф. 1, л. 269), то есть «который совершил убийство во время мятежа». Искажение ее может быть связано с тем, что слово *прѣсѣда* было копиисту уже непонятным, а *оубо* вместо *оубо* – вполне допустимая в его практике ошибка письма.

По-видимому, эти ошибки характеризуют лишь рукопись КЕ, но не принимать их во внимание при сравнении с текстами других апракосов нельзя, поскольку часть их могла прийти и из антиграфа.

2. Среди оригинальных чтений выделяется одно, о происхождении которого мы не пришли к однозначному выводу. Это чтение пока не было обнаружено ни в одной другой из исследованных нами рукописей: вероятно, оно является характеристикой КЕ:

(5) М. 1:12: *авыи̇ дхъ иъведе ис пустыни* (38г).

Можно предположить, что *ис* в данном случае представляет собой транскрипцию греческого предлога *εις* «в», что соответствует смыслу стиха (Дух вводит в пустыню). Ср. греч.: *Καὶ εὐθὺς τὸ Πνεῦμα αὐτὸν ἐκβάλλει εἰς τὴν ἔρημον*. В тексте КЕ есть и другой «греческий след», пришедший из древней традиции перевода: в перечислении имен апостолов (Мф. 10:3) второе имя Фаддея – Леввей – передается как *келевей*: *ке* в данном случае – это греческий союз *καὶ* «и», воспринятый как часть имени: *и ѿковъ алѣфѣиѣ|въ.* *келевей* прозванъ|и фадѣи (16б). То же чтение мы обнаруживаем и в ряде других рукописей (Мар.; ГИМ, Синод. 65; РГБ, ф. 304.1, 5). Предлог *ис* мог появиться и вследствие ошибки при восприятии текста на слух – ср. в Мст.: *и авыи̇ дхъ иъведе и въ пустыню* (54в). Однако его появление, возможно, обуславливает приставка. В подтверждение этому приведем похожий фрагмент из КЕ, где предлог также без необходимости дублирует приставку управляющего глагола. Аналогов этому в других рукописях мы не обнаружили:

(6) Мф. 5:5: ꙗко | тѣ наследꙋдꙋть на зѣмлю (12б-в).

Если верно последнее предположение, то такая лексико-грамматическая особенность является характерной для создателя текста КЕ.

**3. Ряд особенностей в чтении связан со следованием традиции перевода, основанной на редакции греческого текста, не зафиксированной академическими изданиями.**

(7) М. 1:33: ꙗ весь народъ собрав са | на послушаниѣ (39в);

то же, по свидетельству Г.А. Воскресенского, в ГИМ, Синод. 65 [Воскресенский, 1896, с. 244] – ср. более распространенное чтение в Мст.: и въ весь градъ събравъ са къ двѣрьмъ (55б), то же в РНБ, Гильф. 1 (130); Добр. (86); РГБ, ф. 304.I, 5 (55б); греч. καὶ ἦν ἡ πόλις ὅλη ἐπισυνήγμενή πρὸς τὴν θύραν.

(8) Л. 24:43: ꙗ приимъ предъ ними ꙗдъ | прочеѣ дати имъ (6г);

то же во многих рукописях (Арх.; Асс.; Врач.; Добр.; РГБ, Рум. 110), хотя последняя синтагма не обнаруживается в Мст.: и приимъ прѣдъ ними ѣсть (21г), ОЕ; РГБ, ф. 304.I, 5 и др., ее эквивалента нет и в академических изданиях греческого текста, однако она присутствует в Вульгате (et cum manducasset coram eis sumens reliquias dedit eis), что косвенно указывает на существующую греческую редакцию текста, в котором эквивалент ее наличествует.

(9) Ин. 9:41: нзыне же глѣ ꙗко видимъ грѣхъ вашъ | предъ вами ѣсть (2в),

в большинстве же рукописей на месте предъ вами ѣсть – прѣвзываютъ (ср. Арх. 5 об.; Врач. 28; Добр. 276; Мст. 17в; ОЕ 35 об. и др.; греч. μένει), но КЕ не изолированная в этом отношении рукопись, похожую редакцию мы встречаем в РГБ, ф. 304.I, 5, 17 об.: предъ мною ѣсть, что говорит о существовании другого варианта перевода (или перевода иной греческой редакцией).

(10) Ин. 8:12: ходѣи по мнѣ | не имать ходити | во тмѣ но имать жиѣота вѣчнаго в вѣки (11в).

Этот фрагмент явно имеет две традиции перевода, связанные, по всей видимости, с разночтениями в греческом: одна представлена в КЕ, а также в Арх., Врач., РГБ, ф. 304.I, 5; другая – свѣтъ животънзи – представлена в Мст. (26г) и восходит к ОЕ. Нужно отметить, что рукопись КЕ содержит также вставку в вѣки, не обнаруженную нами на настоящий момент в других апракосах.

**4. Вставки** – еще один лексический маркер, важный для определения оригинальности рукописи. Они могли появляться в тексте в силу разных причин, определить которые достоверно можно не всегда.

Так, в следующем отрывке выделенный фрагмент является вставкой, которая повторяется также в РГБ, ф. 304.I, 5, л. 65б:

(11) М. 6:54: ишедшо ꙗсѣ | ис корабля. ꙗ абыѣ | познаша ꙗ мѣжи | мѣста того. ꙗ прѣтекоша все ѡкругънеиѣ мѣсто то (49а).

Интересно, что в Мст. в этом месте тоже вставка, но несколько иного наполнения, и повторяется она, например, еще в РНБ, Гильф. 1, л. 151 об.: познаша и мѣжи земля генисаретскы (64б).

Некоторые вставки еще менее распространены. Так, в

(12) М. 1:13 въ бо съ звѣрми прѣвзываютъ. англи сѣѣжахуть ꙗмѣ (38г)

слово прѣвзываютъ является вставкой, которая обнаруживается еще только в одной рукописи – РГБ, Рум. 110. В случаях, подобных (11) и (12), последние возникали, по-видимому, вследствие путаницы или порчи текста, не исключено, что еще на уровне греческого подстрочника.

Не может не привлечь внимания исследователя КЕ вставка между Мф. 27:49 и 27:50, сделанная в седьмом «страстном евангелии» Великого четверга (причем в повторе этого текста в чтении на литургии Великой пятницы данной вставки в рукописи КЕ нет):

(13) дрѣгъзи же приимъ колпые проводе ꙗмѣ рѣв-ра. ꙗ изиде кровь и | вода (135г).

Источник этой фразы понятен – стих Ин. 19:34, повествующий об «одном из воинов», пронзившем ребра уже умершего на кресте Иисуса

перед снятием распятых для погребения. Удивительно другое: как это повествование попало в рассказ о еще не умершем Иисусе, будучи вставленным перед словами *іъъ же пакъъ възспивъ глѣмъ великъѣмъ іспѣсти дхъ* (135г), «приросло» к рассказу о войне, который, вонзив губку на трость, пытался напоить Христа уксусом (Ин. 27:48) – именно по отношению к нему воин с копьем обозначен как *дрѹгъгъи*. В результате было значительно искажено евангельское повествование о крестной смерти Христа: согласно данной «версии» она наступила вследствие прободения копьем ребер еще живого Иисуса. Данная интерполяция имеет место в Мст., но, в отличие от КЕ, не в чтении Великого четверга (154г), а на литургии Великой пятницы: *дрѹгъгъи же примъ копнѣ прободѣ юмоу ребра и ізидѣ вода и крѣвъ* (162а). Во Врач. это «апокрифическое уточнение» встречается в обоих чтениях: *інь же приѣмъ копнѣ. и прободѣ ѣмѹ ребра. ізидѣ крѣвъ и водаж* (л. 156 – 156 об.; то же на литургии пятницы – л. 131). В обоих случаях воспроизводит его и Арх. (109 об., 119 об.), причем текстуально весьма близко к КЕ. Оба раза данная интерполяция встречается в чтениях Великого четверга и Великой пятницы в ОЕ; в Асс. она есть на литургии Великой пятницы (110а) (в Великий четверг седьмое «страстное евангелие» здесь не приведено, а имеется отсылка к литургии пятницы). В этом случае искажение текста произошло еще на уровне греческого «оригинала».

Вставки из других евангелистов в параллельных или кажущихся сходными фрагментах текста достаточно распространены в КЕ.

В следующем примере интерполяция происходит не из параллельного чтения, а из схожей синтаксической конструкции, вероятно ошибочно воспринятой как близкий текст:

(14) Мф. 11:22: *тѹрѹ іи сидонѹ легчѣи бѹдѣтъ въз днь сѹднѣи. неже граду и вамъ* (20в).

Непонятное в данном контексте *граду* пришло, по-видимому, из Мф. 10:15: *ѡраднѣи бѹдетъ [земли содомьствѣи] и гоморьствѣ въз днь сѹднѣи неже граду томѹ* (16г); то же в М. 6:11, л. 49а.

Достаточно много вставок, происхождение которых можно объяснить влиянием «церковной фразеологии» (по Темчину) с включе-

нием широкого богослужебного контекста. Кроме того, ряд вставок возникает под воздействием ближайшего контекста (ошибочное повторение слов). Все они подробно были рассмотрены нами в указанной статье [Николаева, 2017].

5. Охарактеризуем далее **единичные** маркеры, которые либо редко употребляются в незначительном количестве рукописей, либо обнаружены к настоящему моменту только в КЕ.

К редким вариантам можно отнести следующие:

(15) Ин. 21:19: *се| же рѣ клеппа коію сме|ртью прославить ба* (10г);

в большинстве рукописей на месте *клеппа* стоит *знаменаѣ, назнаменуѣа* – вариант *клеппа* (в разной графике) был обнаружен нами только в Мар. по изданию (Евангелие от Иоанна), а также в Арх. (21 об.) и в РГБ, ф. 304.I, 5 (24б);

(16) М. 1:15: *іи| покайте и вѣрѹйте вѣ| сказаннѣ еѹгельско* (39а);

в большинстве рукописей, как в Мст. (54в), употреблено *въ еѹнгелиѣ* (в разных вариантах написания); вариант КЕ встречается только в ГИМ, Синод. 65 [Воскресенский, 1896, с. 244].

Рукопись ГИМ, Синод. 65 объединяют с КЕ также следующие необычные чтения:

(17) Мф. 5:39: *но аще кто оѹдариť та по лицу ѡ|врати юмѹ дрѹгоіѣ* (13в),

обычно же, как, например, в Мст. 29в: *в десноѹ ланитоѹ;*

(18) Мф. 5:41: *кто пойметъ та по сѣ|лѣ поприце іедино| итьти іди с нимъ| два* (13в),

вставка *итьти* отмечается только в ГИМ, Синод. 65 [Горский, Невоструев, 1855, с. 259];

(19) Мф. 8:6: *гѣ ѡтрокѹ мой| волить в домѹ ѡсла|вленъ злѣ стража* (21в),

в абсолютном большинстве рукописей употребляется глагол *лежить*, и только во Врач. (л. 51) мы обнаруживаем то же чтение – *волить*;

(20) Л. 13:34: *колькратъзи| възсхотѣхъ ѿада тво|а.*  
*ѿакоже курица гнѣ|здо свое подъ крилѣ| свои. и не възсхо-*  
*тъ|ете (75а),*

вместо обычного кокошь (например, в Мст. 88г) слово *курица* встречается в РГБ, ф. 304.1, 5 (89 об.), а также в Галицком и Юрьевском Евангелиях [Львов, 1966, с. 150].

Г.А. Воскресенский отмечает как поновление редакции оборот в М. 14:68 *не вѣдѣтъ не свѣдѣтъ* (Мст. 115б) – он повторяется в КЕ, лишь с поправкой на фонетические особенности последнего:

(21) *ни видѣтъ ни свидѣтъ что глѣши* (98а).

Интересно, что такое построение составитель текста КЕ употребляет еще раз – в другом фрагменте, но тоже в речи апостола Петра:

(22) Ин. 21:17: *тѣзи вѣси и вса свѣси ѿако люблю та* (10в);

в Мст. представляется более привычное: *тѣзи все вѣси. тѣзи вѣси ѿако люблю та* (25г); в РГБ, ф. 304.1, 5 встречается похожее на такое же, как в КЕ, построение этого фрагмента: *тѣзи все вѣси. тѣзи свѣси ѿако люблю та* (26б).

В нескольких случаях обнаруживаются необычные чтения, которые не повторились в доступных нам рукописях:

(23) Мф. 20:28: *ѿако снѣ| члвчъ не придетъ да| послужатъ ѿмѣ. но| да послужитъ и да|ти кровь свою за и|зб|вление многимъ* (33а),

на месте слова *кровь* обычно употребляется *дшю* – см. Мст. 47г и др. по изданию (Евангелие от Матфея, с. 109);

(24) Мф. 7:15: *блюдѣте са ѿ| лжихъ прѣкъ. иже| приходатъ к вамъ| во ѿдежахъ ѿвѣхъ. иже суть волци т|ажьции* (14г),

в Мст. *взлци възсхытающеи* (30в); в РГБ, ф. 304.1, 5 *волци хищници* (30г); греч. *ἀρπαγῆς*. Последние два варианта перевода доминируют в рукописях, вариант *тажьции* более пока не встретился. В продолжении текста выявлено еще одно необычное чтение, эквивалентов которому пока не обнаружено:

(25) Мф. 7:16: *ѿ волчець ѿго|ди* (14г),

вариант *ѿгоди* нетипичный, обычно употребляется (в разном написании) *смоквзы*.

Мы выделили 25 маркеров, которые представляют необычные чтения разного генезиса, формирующие в целом лексическое своеобразие памятника и позволяющие продолжить работу по его генеалогической атрибуции.

## Выводы

Нами уже был сделан предварительный вывод о том, что КЕ принадлежит к небольшой группе списков, к которой в соответствии с их лексическими особенностями можно отнести списки ГИМ Синод. 65 и РНБ Погод. 17 [Николаева, 2017, с. 125–126], поскольку обе рукописи содержат полный апракос Мстиславова типа. Настоящее исследование, основанное на методах поиска и анализа лексических маркеров, еще раз подтвердило близость КЕ и ГИМ Синод. 65.

Однако эти рукописи не вполне идентичны по структуре. Наряду с общностью таких структурных маркеров, как (а) наличие чтений для понедельника – пятницы после 16-й недели (воскресенья) Матфеева цикла, (б) их совпадение с принятыми в современном русском православном богослужбном Евангелии, имеются и существенные отличия: (в) в рукописи ГИМ Синод. 65 счет недель по Пятидесятнице (Матфеев цикл) идет от понедельника к воскресенью, а не от субботы к пятнице (как в КЕ, Мст. и др.); (г) в рукописи ГИМ Синод. 65 имеется достаточно архаичное евангельское чтение на *понахѣ* в первую пятницу Великого поста; (д) чтения понедельника, вторника, среды и пятницы Страстной седмицы, обозначенные в КЕ как чтения «на литургии», в ГИМ Синод. 65 отнесены на *вечеръ* [Горский, Невоструев, 1855, с. 231; Ермошин, Кузьмин, 2017]. Даже если не принимать во внимание последний маркер (литургии всех дней Страстной седмицы совершаются в соединении с вечерней, поэтому обозначения «на литургии» и «на вечерне» в данном случае не принципиальны, равно как и ответ на вопрос о том, служились ли в период создания этих рукописей литургии в Великую пятницу или уже нет), прочие сходства и разли-

чия, с одной стороны, не опровергают вероятных генетических связей обоих памятников, с другой – не позволяют считать, что они состоят в непосредственной связи антиграфа и копии.

Наблюдение над лексическим составом КЕ позволяет сформулировать несколько положений, на основе которых возможно дальнейшее изучение вопроса о лексических особенностях евангельских текстов:

– в памятнике соединяется лексика разных редакций евангельского текста – древней, преславской, древнерусской: некоторые традиционные слова уже незнакомы составителю – он не воспринимает их правильно на слух, делает ошибки;

– для определения более узкого круга родственных списков большой информативностью обладают вставки в текст;

– при описании лексики памятников типа КЕ необходим текстологический подход с привлечением как можно большего числа типологически родственных списков, поэтому говорить о лексических особенностях изолированно от текстологии не совсем корректно – мы предлагаем рассматривать эти особенности как лексико-текстологические.

#### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Статья подготовлена в рамках работы над проектом № 17-34-00019-ОГН\18 «Казанское Евангелие-апракос XIV века: лингво-историческое исследование», поддержанным фондом РФФИ.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Архангельский А. С., 1883. Древне-славянское Евангелие, принадлежащее Обществу археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете : (Материалы для истории русского языка). Воронеж : Типография В.И. Исаева. 28 с.

Воскресенский Г. А., 1896. Характеристические черты четырех редакций славянского перевода Евангелия от Марка по 112 рукописям Евангелия XI–XVI вв. М. : Унив. тип. 305 с.

Горский А. В., Невоструев К. И., 1855. Описание славянских рукописей Московской Синодальной библиотеки. Отдел первый: Священное Писание. М. : Синодальная типография. 357 с.

Ермошин А. В., Кузьмин С. И., 2017. Структура Казанского Евангелия XIV века: к проблеме типологизации средневековых славянских апракосов // *Культура и цивилизация*. Т. 7, № 6А. С. 223–236.

Жуковская Л. П., 1968. Типология рукописей древнерусского полного апракоса XI–XIV вв. в связи с лингвистическим изучением их // *Памятники древнерусской письменности: Язык и текстология* / под ред. В. В. Виноградова. М. : Наука. С. 196–332.

Львов А. С., 1966. Очерки по лексике памятников старославянской письменности. М. : Наука. 321 с.

Николаев Г. А., 2003. Казанское Евангелие-апракос XIV века // II Международные Бодуэновские чтения: Казанская лингвистическая школа: традиции и современность (Казань, 11–13 декабря 2003 г.) : тр. и материалы : в 2 т. Казань : Казан. гос. ун-т. Т. 2. С. 94–96.

Николаев Г. А., 2005. Рукописные книги XIV–XVII вв. в книгохранилищах Казани и их культурно-историческое значение // *Ученые записки Казанского государственного университета. Серия Гуманитарные науки*. Т. 147, кн. 2. С. 112–122.

Николаева Н. Г., 2017. К вопросу о генетических текстовых связях Казанского Евангелия // *Классические языки в постклассический период* : сб. статей. Казань : Бриг. С. 124–135.

Темчин С. Ю., 1997. Текстологическая история Баницкого Евангелия по данным внутренней реконструкции // *Palaeobulgarica*. Т. XXI, № 1. С. 48–62.

Темчин С. Ю., 1998. Текстологическая семья Мстиславова Евангелия: новые данные о группировке древнерусских списков полного апракоса // *Slavistica Vilnensis*. Т. 47, № 2. Р. 133–233.

Шестаков П. Д., 1880. Заметка о старинном харатейном Евангелии конца XIV-го или нач. XV-го века, принесенном в дар Обществу Я.И. Распорядителем // *Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете*. Казань : Тип. Каз. ун-та. Т. II. С. 121–127.

Garzaniti M., 2001. Die altslavische Version der Evangelien: Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung. Köln [etc.] : Böhlau. 795 S.

#### ИСТОЧНИКИ

*Арх.* – Архангельское Евангелие 1092 года: Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели. М. : Научно-издательский центр «Скрипторий», 1997. 674 с.

- Асс.* – Ассеманиево Евангелие XI в. *Evangeliarium Assemani: Codex Vaticanus 3. Slavicus glagoliticus*. Т. II. Pragaе : Sumptibus Academiae Scientiarum Bohemoslovenicae, 1955. 324 с., ил.
- Врач.* – Евангелие изборно (Врачанско Евангелие). URL: [https://www.europeana.eu/portal/ru/record/9200353/BibliographicResource\\_30000\\_96072609.html](https://www.europeana.eu/portal/ru/record/9200353/BibliographicResource_30000_96072609.html) (дата обращения: 20.08.2018).
- ГИМ, Синод.* 65 – Евангелие-апракос. Государственный исторический музей. Синодальное собрание. № 65. 170 л.
- Добр.* – Добрилово (Симеоново) Евангелие. Российская государственная библиотека. Ф. 256 (Рум.). № 103. 273 л. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-256-sobranie-rukopisnykh-knig-n-p-rumyantseva/103> (дата обращения: 20.08.2018).
- Евангелие от Иоанна* – Евангелие от Иоанна в славянской традиции. СПб. : Российское библейское общество, 1998. 82 с.
- Евангелие от Матфея* – Евангелие от Матфея в славянской традиции. СПб. : Российское библейское общество, 2005. 181 с.
- КЕ* – Евангелие-апракос. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки Казанского федерального университета. № 2072. 159 л.
- Мар.* – Российская государственная библиотека. Ф. 87 (Григ.), № 6. 171 л. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-87-sobranie-v-i-grigorovicha/6> (дата обращения: 20.08.2018).
- Мст.* – Апракос Мстислава Великого / под ред. Л. П. Жуковской. М. : Наука, 1983. 527 с.
- Новый Завет* – Новый Завет на греческом языке с подстрочным переводом на русский язык. СПб. : Российское библейское общество, 2008. 1406 с.
- ОЕ* – Остромирово Евангелие 1056–1057 года по изданию А.Х. Востокова. М. : Языки славянских культур, 2007. 968 с.
- РГБ, Рум.* 110 – Евангелие-апракос. Российская государственная библиотека. Ф. 256 (Рум.). № 110. 122 л. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-256-sobranie-rukopisnykh-knig-n-p-rumyantseva/110> (дата обращения: 20.08.2018).
- РГБ, ф.* 304.1, 5 – Евангелие-апракос. Российская государственная библиотека. Ф. 304. Оп. I. № 5. 164 л.
- РНБ, Гильф.* 1 – Евангелие апракос краткий. Российская национальная библиотека. Собр. Гильфердинга, № 1. 413 + III л. URL: <http://nlr.ru/manuscripts/fondy/digital-library#5?ab=3263B9E0-A834-4A66-A406-24F4F4253219> (дата обращения: 20.08.2018).

*РНБ, Погод.* 17 – Евангелие-апракос. Российская национальная библиотека. Собр. Погодина. № 17. 169 л.

## REFERENCES

- Arkhangelskiy A.S., 1883. *The Old Slavic Gospel Belonging to the Kazan University Society of Archeology, History and Ethnography (Materials for the History of the Russian Language)*. Voronezh, V.I. Isaev Publ. 28 p.
- Voskresenskiy G.A., 1896. *Peculiar Features of 4 Slavonic Translations of the Mark Gospel according to 112 Gospel Manuscripts of the 11<sup>th</sup> – 15<sup>th</sup> Centuries*. Moscow, University Publ. 305 p.
- Gorskiy A.V., Nevostruev K.I., 1855. *The Description of Slavonic Manuscripts of the Moscow Synod Library. Part One: Holy Scriptures*. Moscow, Synod Publ. 357 p.
- Ermoshin A.V., Kuzmin S.I., 2017. The Structure of Kazan Gospel of the 14<sup>th</sup> Century: To the Problem of Mediaeval Slavonic Evangelaries Typology. *Kultura i tsivilizatsiia* [Culture and Civilization], vol. 7, no. 6A, pp. 223-236.
- Zhukovskaya L.P., 1968. Typology of Old Russian Long Lectionary Manuscripts of the 11<sup>th</sup> – 14<sup>th</sup> Centuries in the Context of Linguistic Study. Vinogradov V.V., ed. *Pamyatniki drevnerusskoy pismennosti: Yazyk i tekstologiya* [Written Heritage of Old Russian Literature: Language and Textology]. Moscow, Nauka Publ., pp. 196-332.
- Lvov A.S., 1966. *Essays on the Lexicon of Old Slavonic Manuscripts*. Moscow, Nauka Publ. 321 p.
- Nikolaev G.A., 2003. The Kazan Gospel of the 14<sup>th</sup> Century. *II Mezhdunarodnye Boduenovskie chteniya: Kazanskaya lingvisticheskaya shkola: traditsii i sovremennost (Kazan, 11–13 dekabrya 2003 g.): tr. i materialy: v 2 t.* Kazan, Izd-vo KGU, vol. 2, pp. 94-96.
- Nikolaev G.A., 2005. Hand-Written Books of the 14<sup>th</sup> – 17<sup>th</sup> Century in Book Depositories of Kazan and Their Cultural and Historical Value. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan State University. Humanities], vol. 147, part 2, pp. 112-122.
- Nikolaeva N.G., 2017. To the Problem of Genealogical Textual Connections of the Kazan Gospel. *Klassicheskie yazyki v postklassicheskiy period: sb. st.* Kazan, Brig Publ., pp. 124-135.
- Temchin S.Yu., 1997. Textological History of the Gospel of Banica according to Internal

- Reconstruction Data. *Palaeobulgarica*, vol. XXI, part 1, pp. 48-62.
- Temchin S.Yu., 1998. Textological Family of the Mstislav Gospel: New Data on the Grouping of Old Russian Lists of Complete Aprakos. *Palaeobulgarica*, vol. 21, no. 1, pp. 48-62.
- Shestakov P.D., 1880. The Note on the Ancient Manuscript Gospel of the Late 14<sup>th</sup> or Early 15<sup>th</sup> Century Donated to the Society by Ya.I. Rastorguev. *Izvestiya Obshchestva arkhologii, istorii i etnografii pri Imperatorskom Kazanskom universitete* [The Proceedings of the Kazan State University of the Kazan University Society of Archaeology, History and Ethnography]. Kazan, Kazan University Publ., vol. II, pp. 121-127.
- Garzaniti M., 2001. *Die altslavisches Version der Evangelien: Forschungsgeschichte und zeitgenössische Forschung* [The Old Slav Version of Gospels: Its Study in History and Present]. Cologne, Böhlau Publ. 795 p.
- SOURCES**
- Arkhangelsk Gospel of 1092: Research. Old Russian Text. Word Indicators.* Moscow, Scriptoriy Publ., 1997. 674 p.
- Evangelium Assemani: Codex Vaticanus 3. Slavicus glagoliticus.* Prague, Sumptibus Academiae Scientiarum Bohemoslovenicae, 1955. vol. 2. 324 p., il.
- Gospel Anthology.* URL: [https://www.europeana.eu/portal/ru/record/9200353/BibliographicResource\\_3000096072609.html](https://www.europeana.eu/portal/ru/record/9200353/BibliographicResource_3000096072609.html) (accessed 20 August 2018).
- Gospel Aprakos.* State Historical Museum. Synodal meeting no. 65. 170 p.
- Dobrilovo (Simeonovo) Gospel. *Russian State Library*, F. 256, no. 103. 273 p. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-256-sobranie-rukopisnykh-knig-n-p-rumyantseva/103> (accessed 20 August 2018).
- Gospel of John in the Slavic Tradition.* Saint Petersburg, Russian Bible Society, 1998. 82 p.
- Gospel of Matthew in the Slavic Tradition.* Saint Petersburg, Russian Bible Society, 2005. 181 p.
- Gospel Aprakos. Department of Manuscripts and Rare Books of the Scientific Library of the Kazan Federal University*, no. 2072. 159 p.
- Russian State Library*, F. 87, no. 6. 171 p. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-87-sobranie-v-i-grigorovicha/6> (accessed 20 August 2018).
- Zhukovskaya L.P., ed. *Aprakos of Mstislav the Great.* Moscow, Nauka Publ., 1983. 527 p.
- The New Testament in Greek with Interlinear Translation into Russian.* Saint Petersburg, Russian Bible Society, 2008. 1406 p.
- Ostromirovo Gospel of 1056-1057 after A.Kh. Vostokov's Edition.* Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007. 968 p.
- Gospel Aprakos. Russian State Library*, F. 256, no. 110. 122 p. URL: <http://old.stsl.ru/manuscripts/fond-256-sobranie-rukopisnykh-knig-n-p-rumyantseva/110> (accessed 20 August 2018).
- Gospel Aprakos. Russian State Library*, F. 304, Op. I, no. 5. 164 p.
- Brief Gospel Aprakos. *Russian National Library. R. Hilferding's Collection*, no. 1. 413 + III p. URL: <http://nlr.ru/manuscripts/fondy/digital-library#5?ab=3263B9E0-A834-4A66-A406-24F4F4253219> (accessed 20 August 2018).
- Gospel Aprakos. Russian National Library. Pogodin's Collection*, no. 17. 169 p.

### Information about the Authors

**Nataliya G. Nikolaeva**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of the Latin Language, Kazan State Medical University, Butlerova St., 49, 420012 Kazan, Russia; Professor of Department of Romanic Philology, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russian, [eulen@mail.ru](mailto:eulen@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

**Anton V. Ermoshin**, Candidate of Sciences (History), Senior Lecturer, Department of the Latin Language, Kazan State Medical University, Butlerova St., 49, 420012 Kazan, Russia, [antoniy\\_v@mail.ru](mailto:antoniy_v@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5843-5777>

### Информация об авторах

**Наталья Геннадьевна Николаева**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой латинского языка, Казанский государственный медицинский университет, ул. Бултерова, 49, 420012 Казань, Россия; профессор кафедры романской филологии, Казанский федераль-

ный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, eulen@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4242-9230>

**Антон Владимирович Ермошин**, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры латинского языка, Казанский государственный медицинский университет, ул. Бутлерова, 49, 420012 г. Казань, Россия, [antony\\_v@mail.ru](mailto:antony_v@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5843-5777>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>

UDC 81'37  
LBC 81.053.1

Submitted: 01.06.2018  
Accepted: 02.07.2018

## TEXTUAL AND LINGUISTIC MEANS OF CONSTRUCTING THE VENERABLE IMAGE IN MEN OF FAITH HAGIOGRAPHIES<sup>1</sup>

**Evgeniya G. Dmitrieva**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Irina A. Safonova**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The paper provides some results of linguistic analysis of Men of Faith hagiography in synodal and modern periods of Russian hagiography, the Life of Saint Seraphim of Sarov and Optina elder Leonidas (schemamonk Leo), in particular. The authors focus attention on textual and language means that are used to present the image of the man of faith, educe some peculiarities of hagiographic scheme that is to describe the life of saint eldership. It has been stated that the canonical structure of the saint hagiography demonstrates some variations of its implementation in the texts that are referred to separated time periods thus contributing to a full coverage of the saint's image due to a partitive-scheme realization (with some toposes lacking), a transformed scheme (when toposes demonstrate various gradation in detalization), or may be expended (by including new toposes). In the men of faith descriptions the following word groups show regularities in co-occurrence: words that describe the intrinsic (unseen) world (emotive lexical units) or present relations with extrinsic (observed) world (perceptive lexis). The reliance of emotives to the object status is estimated as a tool that serves for presenting high emotional intensiveness and its reasons, coordination between quantitative markers of emotional states and their measurement is uncovered. The perception processes are defined as valuable for making the venerable image because the perceptive words definitely point to specificity of the object assumption, and altogether they show connection between the process of information perception and cognition.

**Key words:** hagiographic text, eldership, Venerable image, toposes, emotive lexical units, perceptive lexis, lexical semantics.

**Citation.** Dmitrieva E.G., Safonova I.A. Textual and Linguistic Means of Constructing the Venerable Image in Men of Faith Hagiographies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 27-39. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>

УДК 81'37  
ББК 81.053.1

Дата поступления статьи: 01.06.2018  
Дата принятия статьи: 02.07.2018

## ТЕКСТОВЫЕ И ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА СОЗДАНИЯ ОБРАЗА ПОДВИЖНИКА В ЖИТИЯХ ПРЕПОДОБНЫХ СТАРЦЕВ<sup>1</sup>

**Евгения Геннадьевна Дмитриева**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Ирина Александровна Сафонова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме воплощения в словесной форме уникальной картины мира этноса и его ценностных предпочтений. Материалом для изучения послужили жития Серафима Саровского и оптинского старца Леонида (в схиме Льва), относящиеся к синодальному и современному периодам развития русской агиографии. В центре внимания авторов находятся текстовые и языковые средства создания

образов преподобных. Рассмотрены особенности реализации агиографической схемы преподобнического жития в житиях старцев. Установлено, что при сохранении канона преподобнических житий в разновременных агиографических текстах схема может использоваться в них частично (отсутствие отдельных топосов), трансформироваться (реализация топосов с разной степенью детализации) или расширяться (реализация дополнительных топосов), что способствует более полному раскрытию образа святого.

Обнаружена общность в использовании языковых единиц при описании преподобного: его внутренне-го, «незримого», мира (эмотивная лексика) и взаимодействия с миром внешним, «зримым» (перцептивная лексика). Определена зависимость выбора эмотива от статуса характеризуемого субъекта, значимость высокой интенсивности эмоционального переживания и его причины, связь между количественными характеристиками эмоции и ее оценкой. В исследуемых текстах выявлены закономерности языковой экспликации восприятия информации об окружающем мире с помощью разных органов чувств; показана значимость глаголов зрительного восприятия в создании образа старцев; охарактеризованы возможности перцептивных глаголов выражать специфику протекания перцепции, зависящую от характера субъекта, и связь процесса восприятия с осмыслением информации, полученной с помощью органов чувств.

**Ключевые слова:** житие, старчество, образ подвижника, топосы, эмотивная лексика, перцептивная лексика, лексическая семантика.

**Цитирование.** Дмитриева Е. Г., Сафонова И. А. Текстовые и языковые средства создания образа подвижника в житиях преподобных старцев // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 27–39. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.3>

### Вводные замечания

На протяжении длительного времени жития занимали особое место в системе жанров отечественной словесности. Агиографические произведения на русской почве стали создаваться со времени принятия христианской веры, с самого начала возникновения древнерусской литературы и играли важную роль в литературном и – шире – культурном процессе до XVII в. включительно. В XVIII в. развитие русской житийной литературы замедлилось, новые тексты почти не создавались [Владимир (Швец), Сорочан, 2015, с. 97], однако в XIX – начале XX в. ее развитие вновь активизировалось. Затем последовал сложный для религиозной жизни советский период, оценивая который можно говорить о перерыве агиографической традиции. Конец XX в. ознаменовался созданием большого количества агиографических текстов, прославляющих как новых святых, прежде всего новомучеников и исповедников Российских, так и подвижников прошлого (появилось большое количество новых изданий с житиями, жизнеописаниями или биографиями подвижников, см., например: [Жития новомучеников и исповедников..., 2005–2008; Жития святых..., 1984; Карпов, 2005]).

Характерной чертой житий является, по словам С. Бёш-Гайано, их «подвижность» (наличие множества различных версий: от про-

стых вариантов до форм настоящей переработки), которая «уходит корнями в особенность “биографической” памяти, включающей не только жизнь, понимаемую в биологическом смысле, но и жизнь после смерти, то есть длительное “присутствие” святого в исторической действительности, выражаемое в приписываемой его мощам чудотворной силе (*virtus*)» [Бёш-Гайано, 2011, с. 507].

В этой связи особый исследовательский интерес приобретает сопоставление в разных аспектах современных житийных текстов с житиями предыдущих периодов. В качестве источников для такого сопоставления нами были избраны жития преподобных Серафима Саровского и оптинского старца Леонида (в схиме Льва), относящиеся к синодальному и современному периодам развития русской агиографии.

Жития преподобных представляют собой самый распространенный тип агиографических текстов [Руди, 2006, с. 431]. Преподобный – это разряд святых, подвиг которых заключался в монашеском подвижничестве. Монашеская аскеза как тип святости предполагает отказ от мирских привязанностей, забот и стремлений и выбор следования Христу, поста и молитвы как основы жизнедеятельности [Живов, 1994, с. 81]. Старчество же как особая, высшая форма церковного служения стало уникальным явлением в истории России XIX века. Оно, «как всеобъемлющее

делание, соединяет в себе все добродетели преподобных подвижников» [Ненароков, 2017, с. 7–8], «старческое руководство есть путь, которым старец-наставник ведет своих духовных детей к совершенствованию в духовной жизни» (ЖСЛ 2, с. 40).

В статье представлено сопоставление указанных житий с целью определить роль реализованных в них топосов в создании образа святых и выявить особенности использования языковых единиц при описании внутреннего, «незримого», мира преподобного (эмотивная лексика) и взаимодействия преподобного с миром внешним, «зримым» (перцептивная лексика).

### Реализация агиографической схемы преподобнического жития в житиях старцев

Любая интерпретация житийного материала, как отмечает В.М. Живов, требует предварительного рассмотрения того, что относится к сфере литературного этикета. Это предполагает изучение литературной истории житий, их жанров, установление типичных схем их построения, стандартных мотивов и приемов изображения и т. д. [Живов, 1994, с. 9].

Отводя особое место в русской агиографии преподобническим житиям, Т.Р. Руди отмечает, что в них сформировалась самая разнообразная и разработанная литературная топика [Руди, 2006, с. 431], и выделяет в корпусе русских монашеских житий XI–XVII вв. цепь образующих единую систему топосов, состоящую из 26 элементов. Наложение данной схемы на изучаемые нами тексты показало, что в рассматриваемых житиях представлены различные вариации и сочетания ее элементов.

Анализируемые жития подтверждают наблюдение Т.Р. Руди о том, что «важнейшим типом топика монашеских житий являются топосы подражания (и/или уподобления) ангелам – *imitatio angeli*» [Руди, 2006, с. 434]. Так, в житии Серафима Саровского находим:

(1) Принявъ новое имя Ангельское, онъ отвратилъ очи свои, еже не видѣши суеты, и измѣненіемъ Божественнымъ, направилъ путь свой внутреннимъ

вниманіемъ и умнымъ Боговидѣніемъ къ вѣчному солнцу правды, Христу Богу, имя Коего носилъ онъ непрестанно въ сердцѣ и устнахъ своихъ (ЖСС 1, с. 9).

Среди отмеченных топосов стабильность реализации обнаруживает топос «прохождение святым в монастыре различных служб», он представлен в каждом из четырех текстов:

(2) По вступленіи въ обитель проходилъ онъ разныя послушанія, какъ-то: будильщика, просфорника, занимался столярною работою, и, по обычаю оной Пустыни, имѣлъ келейное занятіе рѣзать кипарисные кресты. При построении въ то время больничной церкви, онъ изъ усердія сдѣлалъ престоль своими руками изъ кипариса (ЖСС 1, с. 8);

(3) Кроме того, что этому старцу Прохор должен был прислуживать, он исполнял и другие послушания: в хлебне, в просфорне, в столярной, как пономарь (ЖСС 2, с. 8);

(4) В часы отдыха Прохор занимался работою: искусно вырезал из кипарисного дерева крестики для раздачи их богомольцам. Он был вообще искусен в столярничестве, так что в одном из списков расписании иноков назван «Прохор-столяр». Участвовал он также в общих трудах-послушаниях братии, состоявших в сплаве леса, заготовке дров (ЖСС 2, с. 9);

(5) Большихъ подробностей о первоначальной монашеской жизни о. Леонида мы не знаемъ. Известно только, что, живя въ монастырѣ, онъ проводилъ дни свои въ непрерывныхъ трудахъ, подавая собою всѣмъ братіямъ примѣръ искренняго послушанія (ЖСЛ 1, с. 8);

(6) Ревностно принялся молодой послушник за монастырские труды, подавая братии пример послушания и трудолюбия (ЖСЛ 2, с. 36);

(7) И здесь, как и в Оптиной, он проводил дни свои в непрерывных трудах, подавая всем братьям пример искреннего послушания (ЖСЛ 2, с. 37).

Как видно из приведенных фрагментов, степень детализации описания трудов подвижника может различаться, но автор жития всегда подчеркивает усердие святого, его ревностное желание трудиться не покладая рук.

В результате сопоставления разновременных житий обнаружены топосы, которые реализуются только в текстах одного из периодов. Так, во всех проанализированных текстах дано описание родителей святого. Однако если в текстах XIX в. подчеркивается «обычность» этих людей:

(8) Отець его былъ Курскій купецъ Исидоръ, по прозванію Мошнинъ, мать Агаѳія. <...> Какъ при жизни своей онъ [отец] занимался строеніемъ церквей, такъ и умирая оставилъ, начатое имъ въ городѣ Курскѣ, созиданіе каменнаго храма во имя великаго Чудотворца, Преподобнаго Сергія, на попеченіе женѣ своей Агаѳіи, подъ надзоромъ которой въ послѣдствіи времени оно и довершено (ЖСС 1, с. 5);

(9) Родители его были простые карачевскіе граждане, по фамиліи Наголкины (ЖСЛ 1, с. 7),

то в современных текстах реализуется топос благочестивых родителей:

(10) Происходил он из семьи богатого и именитого курского купца Исидора Мошнина, имевшего кирпичные заводы и бравшего подряды на постройку каменных зданій, церквей и домов. Он был известен как чрезвычайно честный человек, усердный к храмам. <...> Агаѳія Мошнина была еще более благочестивой, чем ее муж. Особенной ее чертой, которая впоследствии так резко отличала и ее великого сына, – было милосердіе (ЖСС 2, с. 3);

(11) Родители его были простые благочестивые граждане мещанскаго сословія по фамиліи Наголкины. Сына они воспитали в страхе Божиим, в добродетели, честности и целомудрии (ЖСЛ 2, с. 35).

Топос оплакивания преставившаго подвижника реализуется только в текстах XIX века:

(12) Всѣ, будучи поражены симъ извѣстіемъ, скорбѣли о разлукѣ съ таковымъ доблестнымъ подвижникомъ, который былъ примѣромъ всей братіи и служилъ украшеніемъ обители (ЖСС 1, с. 31);

(13) Хотя въ монастырѣ нѣтъ обыкновенія цѣловать тѣло умершаго, но почитатели, будучи побуждены великою любовію къ почившему, во продолженіи литургіи и отпѣванія, непрерывно цѣловали его руку со слезами (ЖСЛ 1, с. 176).

Топосы могут быть реализованы в житиях с разной степенью детализации. Об этом свидетельствует, например, сопоставление параллельных мест текстов жития Серафима Саровскаго, повествующих об аскетическом подвиге святого:

(14) По вступленіи въ жизнь отшельническую, тѣлесныя его упражненія состояли въ воздѣлываніи градь для саженія овощей, также въ приготовленіи дровъ для топленья келіи (ЖСС 1, с. 12);

(15) Внешние труды его состояли в заготовленіи дров и топке кельи; впрочем, часто, чтобы томить себя, он терпел в келье мороз. Летом он обрабатывал огород, который удобрял мхом, собираемым на болоте. Во время этой работы он иногда обнажался до пояса, и множество насекомых безжалостно жалили его. Тело опухало, покрывалось запекшейся кровью, а он терпел (ЖСС 2, с. 15–16).

Некоторые топосы могут быть представлены в житии одного из старцев. Только в житии Серафима Саровскаго реализован «мотив божественных знаменій, до рожденія святого и/или в раннем младенчестве свидетельствующих о его избранности и посвященности Богу» (формулировка Т.Р. Руди: [Руди, 2006, с. 497]). Предваряя повествованіе о паденіи маленькаго Прохора с колокольни, чудесном его спасеніи и о чудесном его выздоровленіи после поклоненія иконе Богоматери, автор житія пишет:

(16) Особое промысленіе Божіе о Прохоре выразилось в двухъ событіяхъ его жизни (ЖСС 2, с. 4).

В житии Серафима Саровскаго XIX в. также есть указаніе на божественную природу этихъ событий:

(17) Благочестивая мать усмотрѣла въ семьѣ особенное дѣйствіе Промысла Божія, сохранившаго отрока... (ЖСС 1, с. 6);

(18) Отъ сихъ благодатныхъ дѣйствій и чудеснаго изцѣленія въ отрокѣ возгорѣлось пламенное усердіе къ Господу Богу и Спасу нашему Іисусу Христу и Пречистой Его Матери (ЖСС 1, с. 7).

Топос обученія святого грамоте обнаруживается только в житіяхъ Серафима Саровскаго:

(19) По времени отрокъ Прохоръ отданъ былъ для обученія чтенію и письму. Онъ былъ прилѣженъ и показывалъ остроту ума (ЖСС 1, с. 6);

(20) Когда его стали учить церковной грамоте, онъ принялся за дело съ большою охотой, быстро преуспевалъ в ученіи... (ЖСС 2, с. 5).

В жизнеописаніяхъ преподобнаго Льва этотъ топос не реализуется, но подчеркивается знаніе подвижникомъ жизненныхъ реалий:

(21) Въ молодости Левъ Даниловичъ Наголкинъ занимался торговыми дѣлами, и въ должности

купеческого прикащика дѣлалъ часто большіе и дальніе разѣзды, такъ что хорошо зналъ почти всю Россію; имѣлъ соображеніе съ людьми всѣхъ сословій, и чрезъ это еще въ мирѣ приобрѣлъ большое знаніе людей и опытность... (ЖСЛ 1, с. 7);

(22) Одаренный от Бога прекрасной памятью, любознательностью и сообразительностью, он, еще живя в миру, приобрел глубокое знание людей и опытность (ЖСЛ 2, с. 35–36).

Некоторые из топосов, выделенных Т.Р. Руди, в житиях преподобных старцев Серафима Саровского и Льва Оптинского не реализуются. Это брачный топос и мотив испытания отрока игуменом монастыря. Кроме того, тексты житий практически не содержат сведений о детстве подвижников. Полностью отсутствует эта информация в рассматриваемых житиях преподобного Льва, а в современном тексте жития Серафима Саровского читаем:

(23) К сожалению, о его детской поре сохранилось очень мало сведений. Он рос тихо, в обстановке исконно русского благочестия, и, можно сказать, все заветнейшее, лучшее русского народа, всю высокую его духовность, всю заботу и думу его о спасении, о вечности мало-помалу впитал в свою душу от того, что уже в ней не стало места иной заботе, иной думе (ЖСС 2, с. 4).

Важным результатом наблюдения над текстами разновременных житий считаем выявление случаев, отражающих развитие системы топосов, выделенной Т.Р. Руди: обнаружены примеры переосмысления и добавления топосов. Так, топос «плач родителей о сыне как о мертвом, поиски отрока и безуспешные попытки вернуть его к жизни в миру» (формулировка Т.Р. Руди: [Руди, 2006, с. 497]) в житии Серафима Саровского находит принципиально иную реализацию – мать святого, понимая высшее предназначение своего сына и принимая его выбор, не препятствует его уходу в монашество:

(24) Умная и благочестивая мать Прохора сердцем чуяла, что не жилец ее мальчик в миру, что иная ждет его доля. Вообще в отношении Агафьи Мошниной к своему сыну мы видим полную противоположность тому, как относилась к преподобному Феодосию Печерскому тоже по-своему любившая его мать <...> Умная и благочестивая Агафья Мошнина поступила не так. Как мудрая

христианка, она поняла, что пожертвовать сыном, без ропота уступив его Богу, будет угодной Ему жертвой, и что Бог всякому, ищущему Его, силен дать такое счастье, перед которым ничто вся слава, счастье и благополучие мира. И вера ее оправдалась (ЖСС 2, с. 5–6).

Анализируемые жития содержат дополнительные топосы: выбор обители, смерть наставника, переход в другую обитель, стремление к уединению, принятие старчества как духовного подвига:

(25) По-прежнему, о. Серафим искал пустыни для уединенной молитвы: вечером уходил в лесную келью и, проведя там ночь в молитве, к утру возвращался в Саров (ЖСС 2, с. 14);

(26) Отец Серафим заботливо ходил за умирающим наставником и благодетелем своим и горько оплакивал его (ЖСС 2, с. 15);

(27) Оплавав и предав земле тело любимого отца, преподобный Лев оставил обитель и некоторое время пробыл в Площанской Богородицкой пустыни (ЖСЛ 2, с. 39).

Перечисляя духовные подвиги старца, автор жития упоминает «усиленный пост» (ЖСС 2, с. 9), почти непрерывное служение: *ночи на воскресенья и большие праздники проводил все в молитве* (ЖСС 2, с. 11), столпничество (ЖСС 2, с. 19), молчальничество (ЖСС 2, с. 23), затворничество (ЖСС 2, с. 24), старчество (ЖСС 2, с. 26).

Итак, анализ житийных текстов позволяет говорить о сохранении канона преподобнических житий в синодальных и современных агиографических текстах, хотя агиографическая схема в них может использоваться частично, трансформироваться или расширяться, способствуя более полному раскрытию образа святого.

### **Эмотивные лексемы как средство характеристики преподобного**

Рассматривая художественно-изобразительные особенности произведений агиографического жанра, С.А. Аверина отмечает, что «в этом жанре, может быть, ярче, чем в каком-либо другом, прослеживается связь языковых средств (их выбор) с идейно-образным содержанием произведения» [Аверина, 1991, с. 9]. Жития накапливают опыт создания пси-

хологических портретов, инструментарий приемов психологического анализа, «раскрытия внутреннего мира человека в его повседневном поведении» [Адрианова-Перетц, 1964, с. 42].

Особую роль в выражении нравственно-религиозного идеала в агиографическом тексте играет лексика эмоций. Это обусловлено тем, что указания на психологические состояния человека, его чувства, эмоциональные отклики на события внешнего мира, способствуют созданию общей эмоциональной атмосферы повествования, делающей изображаемое более близким и понятным читателю, лично переживаемым.

Предпринятое нами ранее исследование функционирования эмотивных лексем в древнерусских и старорусских житиях показало, что основная их функция – характерологическая. В нашей работе под характерологической функцией языковых единиц понимается употребление их в речи (тексте) с целью описания и характеристики людей, предметов и явлений действительности [Дмитриева, 2011, с. 44]. К факторам, определяющим специфику реализации характерологической функции, относятся: 1) статус характеризуемого субъекта (святой / обычный человек); 2) характер обозначаемой глаголом эмоции (положительная / отрицательная / нейтральная) и ее интенсивность (низкая / средняя / высокая); 3) причина эмоционального переживания.

Использование эмотивов в исследуемых нами житиях преподобных старцев обнаруживает общность, которая проявляется прежде всего в том, что статус характеризуемого субъекта связан с характером обозначаемой лексемой эмоции. Так, с подвижниками практически всегда связаны положительные эмоции, которые они переживают сами или вызывают у окружающих, например:

(28) Старец благословил всех окружавших его и сказал: «Ныне со мною будет милость Божия». После сих слов начал он **веселиться** духом и **радоваться** сердцем, и хотя испытывал тяжкие телесные страдания от болезни, но не мог скрыть ощущаемой им духовной **радости**, и лицо его начало все более и более светлеть (ЖСЛ 2, с. 49).

Наибольшей частотностью среди выявленных в житиях эмотивов обладают лексемы с корнем *-люб-* (*любовь, любимый, воз-*

*любленный, любовно* и др.), употребленные в разнообразных сочетаниях с лексическими единицами, обозначающими Всевышнего, людей, предметы, локусы:

(29) Съ горящимъ усердіемъ онъ началъ подвизаться о приближеніи **любовію** ко Господу, и дѣятельнымъ образомъ узналъ, что любовь возвышаетъ умъ нашъ къ Богу... (ЖСС 1, с. 9);

(30) Преподобный обрадовался приходу своего **возлюбленного** наставника как обретению великого сокровища (ЖСЛ 2, с. 38);

(31)... и возбуждалъ ихъ къ **любви любовію** своею. Впрочемъ, не смотря на его **любовь** ко всѣмъ, онъ былъ для нѣкоторыхъ тяжекъ къ видѣнію... Но и съ ненавидящими его онъ былъ мирень, обходился кротко и **любовно** (ЖСС 1, с. 27);

(32) И теперь он должен был в оставшиеся ему семь лет жизни излить на русский народ все сокровища своего опыта, всю силу своих молитв, всю великость своей **любви** (ЖСС 2, с. 26);

(33) Пробыв пять месяцев в Сарове, о. Серафим вернулся опять в **любимую** свою пустынную келью (ЖСС 2, с. 21).

Употребленные в житиях лексемы, выражающие отрицательные эмоции, характеризуют подвижников положительно:

(34) «Кто нас **оскорбит** словом или делом, и если мы переносим **обиды** по-евангельски, – учил он, – вот и вериги наши, вот и власяница» (ЖСС 2, с. 24).

Глагол *оскорбит* имеет значение «крайне обидеть, унижить кого-либо; уязвить, задеть в ком-либо какие-либо чувства» (БТСРЯ, с. 729) и называет процесс эмоционального воздействия, результатом которого является отрицательное чувство высокой степени интенсивности, на что в контексте указывает отождествление его с веригами и власяницей. Хотя, безусловно, характеризовать негативно данная лексема всегда будет лицо, инициирующее данную эмоцию, а не субъект эмоционального переживания, но в приведенном контексте заслуживает внимания именно то, что старец преодолевает в себе порождаемую внешним влиянием сильную отрицательную эмоцию.

Обычные люди (и миряне, и священнослужители) могут испытывать как положительные, так и отрицательные эмоции, например:

(35) Но, видя, что он вроде мертвого, связав ему руки и ноги, бросили его в сени, а сами кинулись в келью, где обшарили все углы, сломали даже печь, все **надеясь** отыскать деньги. Но нашли лишь икону да несколько картофелин. На них **напал страх**, и они убежали (ЖСС 2, с. 20).

Признаком, по которому миряне противопоставлены святому, становится причина эмоционального переживания. Ср. **надеясь отыскать деньги** в (35) и:

(36) После этого видения он отказался от какой бы то ни было врачебной помощи, говоря, что всю **надежду возлагает** на Господа и Богоматерь (ЖСС 2, с. 21).

Особенность в употреблении эмотивных лексем проявляется в выражении ими высокой интенсивности эмоционального переживания. Как и в текстах более ранних периодов, особенно часто для ее передачи используются уточнители образа действия:

(37) В течение нескольких часов после видения страдалец ощущал **чрезвычайную** духовную радость (ЖСС 2, с. 21).

Высокая интенсивность эмоционального переживания может переходить в качественную характеристику. Так, отрицательно оцениваются в житиях отдельные чувства, например, ярость, и виды эмоциональных состояний – страсти:

(38) Иногда он видел открытый гроб, из которого вставал мертвец. Этим привидениям о. Серафим не поддавался, но прогонял их силой крестного знамения. Тогда враг стал нападать на него с еще большей **яростью**. Он поднимал подвижника на воздух и с такой силой ударял его об пол, что кости могли бы быть сломаны, если бы не охранявшая его благодать (ЖСС 2, с. 18);

(39) Имея умъ, очищенный отъ **страстей**, онъ неоднократно удостоивался духовныхъ видѣній (ЖСС 1, с. 10);

(40) Под руководством сего богопросвещенного старца отец Леонид обучался науке из наук и искусству из искусств – умному монашескому деланию, подвигу непрестанной молитвы и противоборства **страстям**, и достиг просвещения духовного (ЖСЛ 2, с. 38).

Существительное *ярость* имеет в современном русском языке значение «сильный гнев, бешенство» (БТСРЯ, с. 1533), сходное

со значением, закрепленным в языке XIX в. – «сильный гнев, запальчивость» (СЦСиРЯ, т. 4, с. 484), и номинирует длительное эмоциональное состояние аффективной природы, отрицательное чувство высокой интенсивности. В современном русском языке существительное *ярость* входит в один синонимический ряд со словами *гнев*, *раздражение*, *бешенство*. При этом *гнев* обозначает состояние и чувство сильнейшего негодования и возмущения, вызванные кем-, чем-либо; *раздражение* – состояние недовольства и возмущения; *ярость* – сильнейший гнев, крайнюю степень негодования; *бешенство* – сильнейший гнев, проявляющийся с необузданной силой (СС, т. 1, с. 237).

Ярость отличается от гнева не только большей степенью интенсивности, но и предельным характером, близким к бессознательному состоянию – животной ярости, ср.: *Когда он проезжал по глухой лесной дороге, на него напал волк, который, вскочив в сани, с яростью набросился на молодого приказчика и вырвал из его ноги кусок мяса* (ЖСЛ 2, с. 36). В связи с этим носителями данного переживания в житиях часто являются либо люди, одержимые дьяволом, либо животные, связанные с дьявольскими силами, либо сам дьявол.

Таким образом, эмотивы в анализируемых текстах используются прежде всего для характеристики людей (чаще – подвижника, но также и священнослужителей, мирян). Сохраняемые традиции в их употреблении связаны с выбором той или иной лексемы, который зависит как от ее семантики, так и от ее «типового» контекстуального окружения; с закреплением определенного круга лексем (преимущественно с семантикой положительных эмоций) за описанием подвижника.

#### Глаголы восприятия как средство описания подвижника

Образ святого создается в житийных текстах с помощью разных языковых средств: наряду с эмотивной лексикой значимыми являются глаголы восприятия, поскольку в их семантике отражены особенности получения информации об окружающем мире с помощью

органов чувств и связь этого процесса с осмыслением данной информации.

Глаголы восприятия мы рассматриваем как единицы, формирующие отдельную лексико-семантическую группу, которая входит в состав лексико-семантического поля 'действие' (см. об этом: [Семантика древнерусского глагола..., 2015, с. 242]).

Специфика перцепции как вида деятельности определяется несколькими факторами, прежде всего активностью / пассивностью воспринимающего субъекта и каналом получения информации. В связи с этим перцептивные глаголы анализируются нами с учетом их дифференциации по разным основаниям. В зависимости от характера воспринимающего субъекта (активный / пассивный) выделены глаголы преднамеренного (в другой терминологии – целенаправленного, контролируемого) и непреднамеренного (нецеленаправленного, неконтролируемого) восприятия. В зависимости от определяемого каналом получения информации способа восприятия выделены подгруппы глаголов с общим значением восприятия, зрительного восприятия, слухового восприятия, обоняния и осязания (подробнее об этом: [Семантика древнерусского глагола..., 2015, с. 241–244]).

Для создания образа старцев в анализируемых текстах используются единицы, относящиеся к трем из названных подгрупп, – глаголам с общим значением восприятия, зрительного и слухового восприятия. Перцептивные глаголы употребляются агиографами также в повествовании о других священнослужителях и мирянах, приходивших к старцам за исцелением от физических и душевных недугов, однако их описание подчинено другой цели – созданию образа подвижника.

Использование перцептивных глаголов в исследуемых нами житиях обнаруживает общность, которая проявляется в характере значения лексической единицы (прямое или переносное).

Глаголы с общим значением восприятия, не содержащие в семантике указания на канал получения информации об окружающем мире, обозначают «синкретичное» восприятие, которое всегда осуществляется пассивным субъектом. Глаголы этой подгруппы используются для описания как преподобных, так и

людей, приходивших к ним за помощью и получивших в дальнейшем исцеление по молитвам старцев. Специфика употребления таких единиц обнаруживается в том, что в рассматриваемых текстах они реализуют не прямые значения, ставшие результатом семантических изменений в их смысловых структурах, например:

(41) Господь укреплял его: он **не чувствовал** утомления, не нуждался почти в отдыхе, часто забывал о пище и питье (ЖСС 2, с. 11);

(42) съ первыхъ чисель сентября о. Леонид началъ ослабѣвать здоровьемъ, и болѣлъ недѣль пять: **чувствовалъ** сильную боль въ правомъ боку, въ груди скопленіе мокротъ, и въ животѣ большую затвердѣлость (ЖСЛ 1, с. 172);

(43) Таковая истина его [о. Леонида] словъ и кротость смягчили мое сердце, и я со слезами просил у него прощения, и **чувствовалъ** вполнѣ незлобіе его (ЖСЛ 1, с. 116);

(44) Она была больна, **чувствовала** ужасную тоску и от болезни не могла в постные дни кушать пищи, положенной уставом Церкви (ЖСС 2, с. 41).

Употребляясь в сочетании с существительными *утомление*, *незлобие*, *боль*, с возвратным местоимением *себя*, глагол *чувствовать* обозначает не получение информации о внешнем мире с помощью органов чувств, но мыслительные (*чувствовала незлобіе*; *чувствовала ужасную тоску*) и физиологические (*чувствовалъ сильную боль*) процессы, замкнутые в сфере субъекта.

Глаголы зрительного восприятия могут номинировать как непреднамеренное, так и преднамеренное получение информации с помощью органов зрения и реализуют в изучаемых житийных текстах прямые и переносные значения.

Непреднамеренное зрительное восприятие выражено в тексте лексемами *видать* (*увидать*), *видеть* (*увидеть*), *замечать* (*заметить*):

(45) Какъ скоро **увидаль меня** батюшка о. Леонидъ, то съ любовною улыбкою благословиль (ЖСЛ 1, с. 108);

(46) Никто никогда **не видел святого** возмущенным (ЖСЛ 2, с. 46);

(47) Временами он [о. Серафим] **видел Ангелов**, сослужащих братии и воспевающих (ЖСС 2, с. 13);

(48) **Увидѣвъ его** братія въ такомъ жалкомъ положеніи, ужаснулись и спрашивали, что съ нимъ случилось? (ЖСС 1, с. 17);

(49) Как только **увидела Преподобного**, тотчас упала перед ним и бес громко закричал в ней (ЖСЛ 2, с. 46).

Глагольные словоформы функционируют в сочетании с существительными и местоимениями, обозначающими объекты, которые могут быть восприняты с помощью зрения (*святой, Преподобный, я* и др.), эксплицируя процесс зрительного восприятия, непреднамеренность которого подтверждается грамматически – глагол управляет формой вин. п. без предлога (или род. п. без предлога при отрицании).

Отдельного рассмотрения требует глагол *замечать (заметить)*, зафиксированный в современном житийном тексте в следующем употреблении:

(50) Приходя иногда к о. Серафиму, они заставали его в таком положении [он стоял неподвижно, углубясь в созерцание тайн духовных], он их **не замечал** и, иногда прождав перед ним около часу, они так и уходили, не замеченные им (ЖСС 2, с. 14).

Данный глагол многозначен: «1. Увидеть, обнаружить; обратить внимание на что-л., подметить; 2. Запомнить по каким-либо признакам; приметить; 3. Сказать; вставить в разговор замечание» (БТСРЯ, с. 333). Употребление глагола в конструкции с местоимением, указывающим на конкретный объект, в форме род. п. без предлога (*их не замечал*), а также использование контекстуального локального уточнителя *перед ним* позволяют сделать вывод о реализации в данном случае прямого значения – «восприятие зрением».

Глаголы непреднамеренного зрительного восприятия используются в исследуемых текстах не только в прямых, но и в переносных значениях, связанных с разного рода мыслительными процессами (как правило, эти значения закреплены в лексической системе и зафиксированы в толковых словарях). Так, глагол *видеть (увидеть)* употреблен в сочетании с существительным *сон*, например:

(51) Прохор **увидел во сне** Пресвятую Богородицу, которая обещала посетить и исцелить его (ЖСС 2, с. 5);

(52) Марфа Толстова ... была совершенно слепая четырнадцать лет и **видела во сне** старичка [о. Серафима], повелевшего ей побывать в Сарове, где она получит исцеление (ЖСС 2, с. 54);

(53) Въ этой скорби она два раза **видѣла во снѣ**, что старецъ даль ей кусокъ хлѣба (ЖСЛ 1, с. 131).

Глаголы зрительного восприятия в переносных значениях отмечены и в следующих контекстах:

(54) Съ особенною неусыпною заботилъся онъ о тѣхъ, въ коихъ **видѣлъ расположение** къ добру, утверждалъ ихъ совѣтами, наставленіями, указаніемъ пути спасенія, и возбуждалъ ихъ къ любви любовію своею (ЖСС 1, с. 27);

(55) Настоятель, **видя твердость** его духа, оставилъ его при его желаніи, и онъ возвратился въ свою келлію (ЖСС 1, с. 18);

(56) За такой образъ дѣйствій о. Леонидъ подвергался многимъ нареканіямъ, и даже нѣкоторыя духовныя особы, по слухамъ, **видѣли** въ немъ **самочиніе** и **желаніе** учить (ЖСЛ 1, с. 59);

(57) Какія перемѣны ни происходили въ положеніи о. Леонида, онъ все принималъ равнодушно. «...**Не вижу** таковыхъ **скорбей**, которыя были бы невыносимы...» (ЖСЛ 1, с. 161);

(58) С особенной любовью встречал он тех, в ком **видел желаніе** исправиться, искреннее раскаяніе в грѣхах (ЖСС 2, с. 26).

Использование глагола *видеть* в сочетании с абстрактными существительными (*расположение, твердость, самочиние, желаніе, скорбь*) исключает возможность обозначения им зрительного восприятия объекта, обязательным признаком которого является конкретность. В приведенных контекстах рассматриваемый глагол номинирует не процесс получения информации об окружающем мире, а мыслительный процесс.

В житиях старцев употреблены и глаголы преднамеренного зрительного восприятия, среди них наиболее широко представлены *взглянуть, посмотреть*:

(59) Преподобный отец наш, **взглянув на него**, сказал: «Эка остолопина идет!» (ЖСЛ 2, с. 43);

(60) Отец Серафим, благословляя прочихъ, **взглянул и на меня** и дал мне знак рукой, чтоб я прошел к нему (ЖСС 2, с. 37);

(61) «Вот, началъ свою рѣчь о. Леонид, **посмотрите на этого человѣка...**» (ЖСЛ 1, с. 62);

(62) Старецъ, **посмотрѣвъ на него**, и грозясь пальцемъ, промолвилъ: «охъ, Ванюшка, не передь добромъ ты смиряешься» (ЖСЛ 1, с. 126);

(63) **Посмотрѣвши на предстоящихъ учениковъ** своихъ, онъ поднѣялъ правую руку, перекре-

стился самъ, потомъ благословилъ ихъ всехъ, и опять **взглянулъ на икону** Божіей Матери, какъ будто прося ученикамъ своимъ Ея заступленія (ЖСЛ 1, с. 175).

Как показывают примеры, глаголы преднамеренного зрительного восприятия использованы в прямых значениях, при этом преднамеренность эксплицируется грамматически – глагол управляет формой вин. п. с предлогом *на*.

Глаголы слухового восприятия, подобно глаголам зрительного восприятия, обозначают в исследуемых текстах как непреднамеренное, так и преднамеренное получение информации и реализуют преимущественно прямые значения.

Непреднамеренность слухового восприятия выражена глаголами *слушать*, *слыхать*, *слышать* (*выслушать*, *услышать*), которые используются агиографами при описании святых, других священнослужителей и мирян. Например:

(64) Наканунѣ какого-либо праздника или воскреснаго дня всегда приходилъ онъ въ монастырь, гдѣ **слушалъ вечерню**, всенощное бдѣніе и въ самый праздникъ приобщался Святых Таинъ (ЖСС 1, с. 12);

(65) старецъ, часто углубляясь въ молитву, забывал о немъ, **не слыхалъ** его **объясненій**, и нѣсколько разъ заставлялъ его повторять одно и то же (ЖСЛ 1, с. 100);

(66) Иноки, жившіе в лесу, **слыхали** от него [о. Серафима] мудрые **наставления** (ЖСС 2, с. 17);

(67) Во время таковаго его уединенія многіе изъ братіи **слышали его** часто поющимъ Антифонъ (ЖСС 1, с. 24);

(68) Старецъ, **выслушавъ все** съ отеческою любовію, очень утѣшил меня своею бесѣдою (ЖСЛ 1, с. 86);

(69) Невольно или от стыда ученики иногда хотели утаить от Старца свои помыслы, но Преподобный, **выслушав исповедь**, сам высказывал все утаенное (ЖСЛ 2, с. 43);

(70) Однажды во время молитвы о. Серафим **услышал вой** зверей за стенами кельи (ЖСС 2, с. 17).

В сочетании с существительными (*вечерня*, *объяснение*, *наставление*, *исповедь*) или местоимениями (*все*), обозначающими услышанное, а также с существительными, номинирующими звуки (*вой*), глаголы слухового восприятия реализуют прямое значение.

Итак, глаголы восприятия используются в анализируемых житийных текстах для описания святых, других священнослужителей и мирян. Из выделенных в зависимости от способа получения информации подгрупп перцептивных глаголов в исследуемом материале представлены подгруппы глаголов с общим значением восприятия, зрительного и слухового восприятия. Если глаголы слухового восприятия преимущественно реализуют прямые значения, то глаголы с общим значением восприятия и глаголы зрительного восприятия – не только прямые, но и переносные значения, ставшие фактом языковой системы.

### Заключение

В результате исследования агиографических текстов установлено, что традиция создания преподобнических житий развивается, о чем свидетельствует появление агиографического описания подвижников нового типа – старцев. При создании их образа обнаруживаются изменения в агиографической схеме – отсутствие реализации отдельных топосов, переосмысление некоторых топосов, появление дополнительных топосов.

Сопоставление жизнеописаний одного святого, относящихся к синодальному и современному периодам, выявило на фоне общей сюжетной основы наличие вариантов в разработке отдельных топосов, при этом говорить о постепенном свертывании житийного канона нельзя, поскольку выбор того или иного варианта агиографической схемы, по видимому, определяется в большей мере интенциями автора, чем общими тенденциями развития жанра.

В создании образа подвижника важную роль играет лексика, раскрывающая его внутренний, «незримый», мир (эмотивные глаголы) и характеризующая способы его взаимодействия с миром внешним, «зримым» (перцептивные глаголы).

Рассмотрение лексики эмоций позволило выявить константные черты представления святого: зависимость выбора лексемы от статуса характеризуемого субъекта, значимость высокой интенсивности эмоционального переживания и его причины; связь между количественными характеристиками эмоции и ее оцен-

кой (эти черты наблюдаются и в житийных текстах более ранних периодов).

Обращение к анализу глаголов восприятия позволило выявить значимые для описания преподобного перцептивные процессы и установить закономерности их языковой экспликации. В анализируемых житийных текстах доминируют глаголы зрительного восприятия. Кроме того, представлены глаголы с общим значением восприятия и глаголы слухового восприятия. Лексические единицы, выражающие обоняние и осязание, в текстах не отмечены, что свидетельствует о нерелевантности полученной таким образом информации для создания образа святого. Глаголы восприятия используются, как правило, в прямых значениях, отражая при этом специфику протекания перцепции, зависящую от характера субъекта. Важная для создания образа преподобного связь перцептивных и мыслительных процессов реализуется посредством переносных значений глагольных единиц.

#### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований в рамках научного проекта № 17-34-01009-ОГН «Отражение представлений о нравственном идеале в языке русской оригинальной агиографии XVIII–XX веков».

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аверина С. А., 1991. К характеристике художественно-образительных средств в русской агиографии XVI в. // История русского языка: Лексикология и грамматика. Казань : Изд-во Каз. ун-та. С. 9–15.
- Адрианова-Перетц В. П., 1964. Задачи изучения «агиографического стиля» Древней Руси // Труды Отдела древнерусской литературы / отв. ред. Д. С. Лихачев. М. ; Л. : Наука. Т. 20 : Актуальные задачи изучения русской литературы XI–XVII веков. С. 41–71.
- Бёш-Гайано С., 2011. Изучение житий святых и историография // Русская агиография: Исследования. Материалы. Публикации / отв. ред. Т. Р. Руди, С. А. Семячко. СПб. : Изд-во «Пушкинский Дом». Т. II. С. 503–516.
- Владимир (Швец), архимандрит, Сорочан С. Б., 2015. Введение в агиографию. Харьков : Майдан. 264 с.

Дмитриева Е. Г., 2011. Характерологическая функция эмотивной глагольной лексики в древнерусских и старорусских текстах // Слово в языке и тексте : Сборник статей к 85-летию со дня рождения Софии Петровны Лопушанской. Волгоград : Волгоградское научное издательство. С. 42–55.

Живов В. М., 1994. Святость. Краткий словарь агиографических терминов. М. : Гнозис. 112 с.

Жития новомучеников и исповедников..., 2005–2008. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века / сост. игум. Дамаскин (Орловский) : в 9 т. Тверь : Булат.

Жития святых..., 1984. Жития святых : 1000 лет русской святости / собрала монахиня Таисия : в 2 т. 2-е изд., испр. и доп. Jordanville, N.Y. : Holy Trinity Russian orthodox monastery.

Карпов А. Ю., 2005. Православные святые и чудотворцы. М. : Вече. 304 с.

Ненароков Н., 2017. Оптинское старчество и его истоки // Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. 2-е изд. Введенский ставропигиальный мужской монастырь Оптиная пустынь. С. 5–31.

Руди Т. Р., 2006. О композиции и топике житий преподобных // Труды Отдела древнерусской литературы ; отв. ред. О. В. Творогов. СПб. : Дмитрий Буланин. Т. 57. С. 431–500.

Семантика древнерусского глагола..., 2015. Семантика древнерусского глагола: синхронно-диакронический аспект : коллектив. моногр. / О. А. Горбань, Е. Г. Дмитриева, М. В. Косова, И. А. Сафонова, Е. В. Терентьева ; отв. ред. Е. М. Шептухина. 2-е изд., доп. М. : Флинта : Наука. 352 с.

#### ИСТОЧНИКИ

ЖСЛ 1 – Жизнеописание Оптинского старца иеромонаха Леонида (в схимѣ Льва). М. : Типография В. Готье, на Кузнецкомъ мосту д. Торлецкаго, 1876. С. 7–181.

ЖСЛ 2 – Житие преподобного Льва, старца Оптинского // Преподобные старцы Оптинские. Жития и наставления. Изд. 2-е. Введенский ставропигиальный мужской монастырь. Оптиная пустынь, 2017. С. 35–50.

ЖСС 1 – Сказание о жизни и подвигахъ блаженныя памяти отца Серафима, Саровской пустыни иеромонаха и затворника. М. : Въ Университетской Типографіи, 1841. 31 с.

ЖСС 2 – Житие преподобного Серафима Саровского чудотворца // Преподобный Серафим Саровский. Житие і повчання. К. : Києво-Печерська Успенська Лавра, 2013. С. 3–56.

СЛОВАРИ

- БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- СС – Словарь синонимов русского языка : в 2 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. Л. : Наука, 1970–1971.
- СЦСиРЯ – Словарь церковно-славянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. Санкт-Петербург : В Типографии Императорской Академии наук, 1847.

REFERENCES

- Averina S.A., 1991. On Characteristics of Literary and Descriptive Means in Russian Hagiography of the 16<sup>th</sup> cen. *Istoriya russkogo yazyka: Leksikologiya i grammatika* [History of the Russian Language: Lexicology and Grammar]. Kazan, Izd-vo KGU, pp. 9-15.
- Adrianova-Perets V.P., 1964. The Goals in Studies of Hagiographic Style of Ancient Rus. Likhachev D.S., ed. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury. T. 20: Aktualnye zadachi izucheniya russkoy literatury XI–XVII vekov* [Proceedings of the Department of Old Russian Literature. Vol. 20: Current Problems of Russian Literature Studies of the 11<sup>th</sup>–17<sup>th</sup> cc.]. Moscow; Leningrad, Nauka Publ., pp. 41-71.
- Besh-Gayano S., 2011. Studies of Hagiographic Texts and Historiography. Rudy T.R., Semyachko S.A., eds. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Publikatsii*. Saint Petersburg, Pushkin Dom Publ., vol. 2, pp. 503-516.
- Vladimir (Schvets), archimandrite, Sorochan S.B., 2015. *Introduction to Hagiography*. Kharkov, Maidan Publ. 264 p.
- Dmitrieva E.G., 2011. On Characteristic Function of Emotive Verbal Lexis in Ancient and Old-Russian Texts. *Slovo v yazyke i tekste: Sbornik statey k 85-letiyu so dnya rozhdeniya Sofii Petrovny Lopushanskoy*. Volgograd, Volgogradskoe nauchnoe izd-vo, pp. 42-55.
- Zhivov V.M., 1994. *Holiness. A Short Dictionary of Hagiographical Terms*. Moscow, Gnozis Publ. 112 p.
- Hegumen Damaskin (Orlovsky), 2005-2008. *The Lives of New Martyrs and Confessors of Russia of the 20<sup>th</sup> Century: in 9 vols*. Tver, Bulat Publ.
- Nun Taisiya, 1984. *The Life of Holy Fathers: 1000 years of Russian Sanctity: in 2 vols*. Jordanville;

New York, Holy Trinity Russian orthodox monastery.

- Karpov A. Yu., 2005. *Orthodox Saints and Wander-Makers*. Moscow, Veche Publ. 304 p.
- Nenarokov N., 2017. Optina Eldership and its Roots. *Prepodobnye startsy Optinskie. Zhitiya i nastavleniya*. Eastern Orthodox Monastery Optina Pustyn, pp. 5-31.
- Rudy T.R., 2006. On Composition and Theme of Hagiography. Tvorogov O.V., ed. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury*. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., vol. 57, pp. 431-500.
- Gorban O.A., Dmitrieva E.G., Kosova M.V., Safonova I.A., Terentyeva E.V. (eds.), 2015. *Semantics of the Old Russian Verb: Synchronous and Diachronic Aspect: Monograph*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 352 p.

SOURCES

- Life of Opina Elder Hieromonch Leonidas (Schemamonk Leo)*. Moscow, Tipographia V. Gotije, na Kuznetskom mostu d. Torletskago, 1876, pp. 7-181.
- Life of Venerable Leo, Optina Elder. Prepodobnye startsy Optinskie. Zhitiya i nastavleniya*. Eastern Orthodox Monastery Optina Pustyn, 2017, pp. 35-50.
- Story about the Life and Feats of Saint Seraphim of Sarov, Hieromonch and Ascetic of Sarov Hermitage*. Moscow, V Universitetskoy Tipographii, 1841. 31 p.
- Life of Holy Saint Seraphim of Sarov, the Wonder-Maker. Prepodobnyy Serafim Sarovskiy. Zhitiye i povchannya*. Kiev, Kievo-Pecherska Uspenska Lavra, 2013, pp. 3-56.

DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A. (ed.). *Great Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ. 2000. 1536 p.
- Evgenyeva A.P. (ed.). *The Dictionary of Synonyms in the Russian Language: in 2 vols*. Leningrad, Nauka Publ. 1970-1971
- Dictionary of the Church Slavonic and Russian language, compiled by the Second Department of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vols*. Saint Petersburg, V Tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1847.

### **Information about the Authors**

**Evgeniya G. Dmitrieva**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [eg\\_dmitrieva@volsu.ru](mailto:eg_dmitrieva@volsu.ru), [iryas@volsu.ru](mailto:iryas@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

**Irina A. Safonova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [ia\\_safonova@volsu.ru](mailto:ia_safonova@volsu.ru), [iryas@volsu.ru](mailto:iryas@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>

### **Информация об авторах**

**Евгения Геннадьевна Дмитриева**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [eg\\_dmitrieva@volsu.ru](mailto:eg_dmitrieva@volsu.ru), [iryas@volsu.ru](mailto:iryas@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-5117-5677>

**Ирина Александровна Сафонова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [ia\\_safonova@volsu.ru](mailto:ia_safonova@volsu.ru), [iryas@volsu.ru](mailto:iryas@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1103-7434>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>

UDC 811.161.1'04  
LBC 81.411.2-03

Submitted: 01.06.2018  
Accepted: 29.06.2018

**DRAFT TEXT AS A BASIS FOR RECONSTRUCTING  
MENTAL AND SPEECH ACTIVITY  
(EXEMPLIFIED WITH REGIONAL DOCUMENTS OF THE 18<sup>TH</sup> CEN.)**

**Oksana A. Gorban**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Marina V. Kosova**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Elena M. Sheptukhina**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The research is based on the documents of 1735-1755 from the State Archive of the Volgograd Region and is aimed at revealing pragmatic features of alterations and corrections that are preserved in the drafts of administrative correspondence and texts. Linguistic interpretation of reasons for corrections and selection of a certain variant of the utterance for the written text drafts resulted in distinguishing three types of corrections: factual, stylistic, and communicatively pragmatic. Factual corrections touch upon the content of the document and are explained by necessity to depict the past, present or future events in accordance with the relevance of situation. That is determined by exactness as a major feature of the document. These corrections appear to be text cut-ins of various length which help to clarify or confirm information presented in the document. Stylistic corrections are aimed at improving the style of information delivery and language performance at the lexical, grammatical, textual levels of the document. They are alterations that help to bring the text into compliance with the norms of officialese, exactness, logical and textual coherence; the corrections are provided by lexical insertions or alterations, removing dialectal and common words, restoring direct word order, changing verbal forms, adding discourse units that are to explicate logical relations between syntactic parts when the transformation of oral speech into written is required. Stylistic improvements are presented as the ones that demonstrate intentions of the writer to develop varieties in the genre. Pragmatic alterations communicate the intention to orient the text towards its addressee, to follow the norms of speech etiquette, to simplify the content and its perception, besides, in case of word order correction due to etiquette norms, pruning complicated speech units, adding etiquette clichés and emotionally colored phrases, they contribute to the impact the text is supposed to produce.

In conclusion it is stated that reconstruction of the human language history may be viewed through reconstruction of mental-and-speech activity of officialese writers, in particular by discovering such features as language and professional competences, choice of language style, knowledge on correctness and speech norms, that all together reflect the direction in the development of the Russian literary language in the 18<sup>th</sup> century.

**Key words:** document, stylistics, pragmatics, history of Russian administrative language, mental-and-speech activity, draft text, document features, regional administrative writing.

**Citation.** Gorban O.A., Kosova M.V., Sheptukhina E.M. Draft Text as a Basis for Reconstructing Mental and Speech Activity (Exemplified with Regional Documents of the 18<sup>th</sup> Cen.). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 40-54. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>

## ЧЕРНОВОЙ ТЕКСТ КАК ОСНОВА РЕКОНСТРУКЦИИ РЕЧЕМЫСЛИТЕЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ (НА МАТЕРИАЛЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДОКУМЕНТОВ XVIII в.)

**Оксана Анатольевна Горбань**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Марина Владимировна Косова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Елена Михайловна Шептухина**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Аннотация.** Исследование выполнено на материале архивного фонда «Михайловский станичный атаман» (Государственный архив Волгоградской области). На основе лингвистического анализа правки в черновиках документов предлагается интерпретация мотивов текстовых исправлений и выбора того или иного варианта высказывания. Выделено три типа правок: фактуальные, стилистические, коммуникативно-прагматические. Фактуальная правка, связанная с содержанием документа и нацеленная на адекватную передачу сути событий, которые происходили, происходят или будут происходить, обусловлена одним из важнейших свойств документа – точностью – и осуществляется посредством вставки развернутого текстового фрагмента, отдельного слова или словосочетания, дополняющих или уточняющих имеющуюся в документе информацию. Стилистическая правка, связанная с речевым воплощением содержания, затрагивает лексический, грамматический, текстовый уровни документа и способствует его приведению в соответствие требованиям канцелярского стиля: обеспечивается точность, логичность, связность текста посредством лексических вставок или замен, устранения диалектных и разговорных единиц, восстановления прямого порядка слов, изменения грамматических форм, добавления союзов, указательных местоимений, наречий, эксплицирующих логические отношения между частями высказывания при трансформации устной речи в письменную. Выявлены стилистические правки, демонстрирующие стремление писца разнообразить речь. Правки коммуникативно-прагматического характера, связанные с ориентированностью текста на адресата, обеспечивают соблюдение речевого этикета, упрощают восприятие представляемой в документе информации, способствуют реализации его воздействующей функции в результате восстановления порядка слов в этикетных формулах, устранения сложных речевых оборотов, добавления этикетных формул и высказываний, усиливающих эмоциональное воздействие на адресата.

Делается вывод о возможности реконструкции речемыслительной деятельности составителей документов с учетом их языковых и профессиональных компетенций, языкового вкуса, представлений о «правильной» речи, отражающих тенденции развития русского литературного языка в XVIII веке.

**Ключевые слова:** документ, стилистика, прагматика, история русского делового языка, речемыслительная деятельность, черновой текст, свойства документа, региональная деловая письменность.

**Цитирование.** Горбань О. А., Косова М. В., Шептухина Е. М. Черновой текст как основа реконструкции речемыслительной деятельности (на материале региональных документов XVIII в.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 40–54. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.4>

### Введение

Черновики как подготовительные варианты создаваемых текстов являются объектом изучения разных наук. В первую очередь ими занимается текстология: именно в тру-

дах по текстологии, многие из которых стали классикой филологической науки, разработаны основные понятия, принципы, методы, приемы исследования истории создания художественных, исторических, религиозных текстов [Алексеев, 1999; Бонди, 1971; Жуковская, 1976;

Лихачев, 2001; Творческая история, 1927; Томашевский, 1959; и др.]. Сформулированы задачи этой дисциплины, в которых акцент постепенно переместился с восстановления архетипа памятника, исходного авторского текста на исследование всей его истории: в древнерусской литературе – его бытования в списках, редакциях и т. д., в литературе нового времени – творческой истории произведений от авторского замысла к их изданию (и переизданию). В этом ключе особое внимание текстологов, изучающих новую литературу, было обращено на черновые рукописи произведений, создаваемые «в процессе непосредственной работы, сочинения вещи» [Бонди, 1971, с. 148]. Решение перечисленных задач потребовало выработки метода текстологического чтения черновики, позволяющего установить последовательность порождения текста [Бонди, 1971, с. 143–190], а также способов передачи ее исследователем и/или издателем – транскрипции черновики. Современная текстология продолжает активно развиваться в направлении изучения творческой истории не только литературных, но и философских, музыкальных произведений с опорой на черновые рукописи [например: Тарасова, 2011; Фатыхова, 2004; Шубникова-Гусева, 2009; Щедрина, 2008; и др.]; ведет поиски новых возможностей передачи процесса работы над текстом, предоставляемых цифровыми технологиями [Векшин, Хомякова, 2015].

Что касается деловых документов, то их черновики рассматриваются, как правило, с позиций исторического источниковедения. Многими учеными они привлекаются к исследованиям в качестве материала для анализа наряду с другими опубликованными и неопубликованными архивными источниками и используются для решения различных задач, позволяя охарактеризовать тот или иной социальный тип личности [Егоров, 2013], более полно представить отдельную историческую персону посредством изучения личного архива [Всеволодов, 2016], раскрыть стадии создания важнейших исторических документов, выявить их содержательные, идейные компоненты, не нашедшие отражения в окончательном варианте текста [Леонов, 2012].

В ряде работ черновые бумаги исследуются с палеографической и текстологической

точек зрения. Например, в черновиках биографических и служебных документов И.А. Милютина анализируются особенности почерка, способы правки, порядок размещения выносных записей, стратегии развертывания текста [Всеволодов, 2016].

В собственно лингвистическом аспекте черновики делопроизводственных документов практически не изучались, хотя языковая составляющая включается, например, в метод комплексного палеографического, текстологического, дискурсивного анализа лексики, риторики текстов черновики, предложенный А.И. Ереминым и, по его мнению, дающий возможность раскрыть черты мышления и поведения людей в повседневной жизни, не предназначенные для фиксации формуляром [Еремин, 2014, с. 150–151].

Методологически значимым в контексте нашего исследования является мнение Л.И. Тимофеева, высказанное относительно изучения черновики художественных произведений. Ученый отмечал, что они представляют «самостоятельный интерес при массовом их рассмотрении, так как позволяют судить об отношении писателя к различным сторонам слова вообще» [Тимофеев, 1987, с. 64]; рассматривая языковые замены «в конкретной связи со всеми особенностями словесной системы данного текста, мы вслед за тем получаем возможность выйти за пределы данного текста, ... другими словами – говорить уже о закономерностях творческого процесса в целом» [Тимофеев, 1987, с. 70]. Распространяя эту мысль и на другие тексты, в частности тексты документов, считаем возможным говорить о закономерностях речемыслительного процесса. Именно черновики с их правками, зачеркиваниями и вставками слов, фраз и т. д. показывают, как создается текст. Б.В. Томашевский об этом писал: «Те варианты, которые находятся в черновике, есть свидетельства о поисках и о колебаниях в выборе текста. Это не переработка текста, которая наблюдается в последующих редакциях, это отражение процесса рождения произведения» [Томашевский, 1959, с. 109]. На наш взгляд, лингвистический анализ черновых документов, опирающийся на идеи Л.С. Выготского, А.А. Леонтьева, Е.С. Кубряковой, С.Д. Кацнельсона о связи мышления и речи, этапах

порождения речи, реализации смыслов в языковых единицах и др. позволит не только представить последовательность создания документного текста, но и увидеть в нем отражение речемыслительного процесса, реконструировать речемыслительную деятельность писавшего их человека.

### **Специфика документа как объекта лингвистического исследования**

Документный текст, по сравнению с другими, в том числе художественными, текстами имеет свои особенности: это стандартность структуры (композиции) и речевых средств, задаваемых формуляром документа; типизируемость отражаемой в тексте социальной ситуации, соотносимой с тем или иным видом (жанром) документа; регламентированность деловой коммуникации; свойства субъекта текста (во многих случаях он является коллективным), характер работы по созданию документа в официальном учреждении (возможность диктовки текста, устного обсуждения и т. д.). Все это накладывает ограничения на использование черновики документов как основы для реконструкции индивидуального речемыслительного процесса. Ограничения возникают и тогда, когда рассматриваются документы предшествующих эпох, характеризующихся социальными, культурными и языковыми отличиями от эпохи современной.

Тем не менее предлагаемый в статье подход к лингвистическому анализу черновики документов правомерен.

Во-первых, речевая деятельность в принципе не исключает создания типовых текстов. М.М. Бахтин считал, что в типичных ситуациях человеческая речь отражается в форме готовых речевых жанров, которые даны носителем языка почти так же, как родной язык, – короткой реплики, поговорки, бытового рассказа, письма, стандартной военной команды, делового документа, романа и многих других [Бахтин, 1979, с. 231]. Учеными отмечается, что в процессе речепорождения реализуются не только творческое начало, но и разного рода шаблоны, стереотипы, модели, схемы – когнитивные, коммуникативные, собственно языковые (концепты, фреймы, речевые жанры, синтаксические модели, устойчи-

вые сочетания слов разной степени сращения и др.) [Норман, 1994, с. 124–130; Федорушков, 2018; и др.]. Так, Е.С. Кубрякова пишет, что «сближение содержания с языковой формой значительно облегчается благодаря тому, что уже при восприятии мира и определенного его фрагмента действовали тоже стереотипы или схемы» [Кубрякова и др., 1991, с. 14]; речемыслительные процессы связаны в том числе «с отнесением задумываемого сообщения к определенному типу текста»; «в акте создания речевого высказывания человек – мысленно – подводит сообщаемое под известный стереотип, осмысляя его как просьбу или запрос информации, как рассказ или инструкцию и т. п.» [Кубрякова и др., 1991, с. 14]. Можно предположить, что составитель документа, оказываясь вовлеченным в сферу официально-деловых отношений, осмысливает характер сложившейся ситуации как типовой и в соответствии с ней выбирает вид (жанр) документа, функционально предназначенный для ситуаций подобного рода; выбор жанра документа, в свою очередь, обуславливает выбор его схемы (композиции, набора реквизитов, то есть формуляра), а выбранная схема наполняется соответствующими ей речевыми средствами, в том числе готовыми, типовыми [Косова, 2015].

Во-вторых, в документных текстах выделяются свободные от клише части, создание которых требует определенного творчества; этот творческий речемыслительный процесс и отражается в разного рода текстовых правках.

В-третьих, правильное понимание мотивации производимых правок с достаточной долей достоверности возможно, если учитывать исторический контекст – особенности управления и делопроизводства, состояние языковой системы, языковую ситуацию и другие факторы. Не случайно, например, при решении текстологических задач Д.С. Лихачев считал необходимым описать работу древнерусских книжников над рукописями [Лихачев, 2001, с. 62–99], а Б.В. Томашевский – работу наборщика и корректора над печатным текстом [Томашевский, с. 38–66].

Итак, в данной статье рассматриваются черновики как рукописи, «в которых текст имеет несколько слоев, отражая творческий

процесс» [Лихачев, 2001, с. 132] или подготовительный этап создания документов.

### Методика анализа черновики документов

Объектом рассмотрения в настоящей статье являются документы архивного фонда «Михайловский станичный атаман» Государственного архива Волгоградской области, созданные в 1734–1753 гг. (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 1–9; далее при ссылке на документы указывается также лист / оборот листа). Это черновики исходящих документов, созданных в канцелярии Михайловской станицы; среди них подавляющее большинство составляют доношения и рапорты старшин и станичных атаманов в канцелярию Войска Донского и другие учреждения; встречаются также сообщения, прошения, сказки, приговоры станичного сбора (названия приводим по самоназваниям документов). В рассмотренном архивном материале исходящие документы представлены в основном именно черновиками; беловые отпуски (копии с исходящих документов, сохранявшиеся в деле для справки) единичны.

Составителями документов выступали станичные писари из грамотных казаков, даже если адресантами были атаман, старшина или иное должностное лицо, которые при этом могли «не уметь» грамоте, о чем в исследуемых документах есть соответствующие записи. Текст диктовался вышестоящим лицом либо создавался на основе его рассказа как вторичный. Задача писаря заключалась в трансформации общего содержания в письменный текст и в оформлении этого текста по правилам делопроизводства [см.: Косивцова, 2008, с. 259; Шептухина, 2017, с. 1176].

Черновые документы фонда созданы в основном разными писцами; некоторые из них составлены одним человеком, например, приговор станичного сбора от 18 мая 1748 г. (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 1–2) и сказка казаков Михайловской станицы от 26 февраля 1749 г. (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 5–5 об.) – станичным писарем Иваном Вишняковым. Однако каждый документ в отдельности, насколько позволяют судить почерк и чернила, писался и правился одним человеком, что дает основание для реконструкции речемыслитель-

ного процесса при создании одного документа, в совокупности же – для выявления общих закономерностей речемыслительной деятельности.

Исследование черновых текстов заключалось в анализе исправлений, осуществлявшихся при создании документа: в выявлении способов и последовательности правки текста, в ее лингвистической интерпретации (объяснении мотивировки выбора той или иной речевой единицы, расширения или сужения текста).

Среди способов правки выделены такие, как зачеркивание (удаление единицы текста), вставка (добавление единицы текста), собственно исправление (вставка единицы текста взамен удаленной). Вставки производились путем вписывания текстового фрагмента между строк с соблюдением последовательности чтения строк; при исправлении предпочтительный вариант обычно надписывался между строк над зачеркнутым (отмечены единичные случаи написания нескольких букв поверх исправляемых). Вставляемый фрагмент мог записываться также на свободном пространстве листа бумаги – как правило, на левом поле, специально для этого достаточно широком, иногда на верхнем или нижнем полях. Запись на левом поле чаще производилась горизонтально, в соответствии со строками основного текста, но могла быть сделана и вдоль левого края листа (если вставляемый фрагмент был довольно объемным), перпендикулярно строкам основного текста. При этом в тексте специальным знаком отмечалось место вставки, такой же знак был перед добавляемым фрагментом, записанным на поле. Набор знаков вставки является общим для всех документов, независимо от составителя: это знаки «“» (основной), «⊕», «+», «#», в единичных случаях «/», «X». Если на одной стороне листа давалось несколько вставок, то писцы старались использовать знаки, не повторяясь; в противном случае помещали добавляемые фрагменты по возможности ближе к месту вставки.

С точки зрения последовательности исправлений можно отметить те, которые производились непосредственно в процессе порождения высказывания (отвергнутый вариант зачеркивался и новый писался в продол-

жение этой же строки и этого же высказывания) либо после его завершения или завершения всего текста (добавляемый текст вставлялся между строк или на поле, предпочитаемый вариант писался над зачеркнутым, то есть отвергнутым).

Важной задачей исследования является выяснение мотивов текстовых исправлений и выбора того или иного варианта высказывания. Исправления в рассмотренных документах не касаются графики и орфографии, все они носят содержательный или собственно языковой характер, то есть при порождении текста писцы демонстрировали владение орфографическими навыками, контроль же (проверка) текста осуществлялся без учета орфографии, описки (пропуски букв и под.) также не получали исправления, но, возможно, это происходило при переписывании текста набело.

### Характер текстовых исправлений в региональных документах XVIII в.

Лингвистическая интерпретация правок, вносимых писцом в текст документа, позволила выделить среди них три типа: фактуальные, стилистические, коммуникативно-прагматические.

**Фактуальная правка** связана с содержанием документа и нацелена на адекватную передачу фактуальной информации – сути событий, которые происходили, происходят или будут происходить в действительности [см.: Горбань и др., 2016, с. 185]. Она осуществляется посредством вставки развернутого текстового фрагмента или отдельного слова, выражения, дополняющего или уточняющего уже имеющуюся в документе информацию. Такого рода правки заключаются большей частью в расширении порождаемого текста и обусловлены одним из важнейших свойств документа – точностью.

Прежде всего, восполняются сведения, позволяющие идентифицировать лиц, упомянутых в документах:

(1) от(е)ць ево Василѣи Милованов был козакъ и козачьи службы в равенстве в тои станицы с козаками производил **а онѣ Селиванѣ доподлинно козачии сынѣ а отецъ ево** умре там (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 5)<sup>1</sup>,

благодаря информации, добавленной после характеристики отца Селивана, подчеркивается, как следствие, принадлежность Селивана к казакам, то есть уточняется его социальный статус;

(2) і мать ево родная ~~была призвана вдова Авдотя Василева~~ **которая и н(ы)нѣ въ жителстве находитца т[а]м в лубоко' <так!> старости [в то]тъ зборѣ** ~~была призвана і на вспрось~~ покасала (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1),

здесь в текст документа вставлен фрагмент, в котором уточняется информация о матери подследственного: указаны ее имя, место жительства и место, куда она была призвана и где дала показания (станичный сбор), при этом поначалу пишущий решил включить в текст информацию о ее приглашении на сбор, а затем передумал и написал подробнее о ней самой. Добавленные сведения усиливают юридическую значимость документа и придают достоверность показаниям;

(3) по смерти предписанной **сестры** Матрены (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.);

(4) от предписанной **снохе сво[еи]** Матрене (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.),

добавлены сведения о родственных отношениях упоминаемых лиц;

(5) нижишя <так!> раби Михаиловской станицы **старшина Петръ Лащилинѣ** станичной атаманѣ Евтропѣ Григорев і всеи станицы козаки (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 10 об.),

в исходном тексте пропущен один из адресантов; приписать его в конце документа, вероятно, было невозможно по причине высокого статуса, а указать старшину в числе адресантов было, по-видимому, необходимо для придания значимости просьбе, содержащейся в письме.

К фактуальным правкам можно отнести добавление имени лица, о котором идет речь:

(6) нашей станицы отставно козакъ **Степанѣ Ку[...]** в то время случился был (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 5 об.);

(7) Михаиловской станицы станичный атаман **Евтропѣ Купинѣ** і всеи станицы козаки (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 15).

В результате фактуальной правки в документе могут быть восполнены детали происходивших событий, существенные для следственного дела, для регулирования финансовых отношений и т. д.:

(8) Василя Швеца которой объявил справедливостию пред мною **якобы онъ поклепал вашего ведомства пыховскаго малорасиянина Михаилу Ткача напрасно сказал** что пыховский их малорасиянинъ **Ткач** на это купленную шубу в покупке свидетелѣи ни одного не показаль (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 5–5 об.),

охарактеризовано содержание данных Василием Швецом показаний: они являются поклепом; уточнено имя (прозвище) малороссиянина;

(9) оная шуба **имъ Ваен Швецом объявляна взита** Воиска Донскаго г(о)с(по)дамъ старшинамъ бозарнымъ **которая ими г(оспо)дами взита** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 5 об.),

воспроизведены важные для следствия подробности случившегося: украденная шуба не просто была взята, но предъявлена старшинам самим Швецом (при этом пишущий начал было писать полное имя, но счел возможным оставить только прозвище упоминавшегося ранее лица);

(10) ценою ~~за всеем~~ **за тысячу** за восемь сот рублевъ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.),

уточнена цена за определенное количество кирпича, что позволило, видимо, оценить возможности финансирования строительства;

(11) ~~и~~ **имеющегося** в нашей станицы **тако ж и в Урюпенско' Покровскои ярмонки** вашего **воисковаго** терезного збору (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.),

уточнен источник финансирования: войсковой, а не станичный или иной сбор, в том числе с ярмарки.

В текст может быть добавлена ссылка на документы, ставшие юридическим основанием для осуществления тех или иных действий либо источником какой-либо юридически значимой информации:

(12) оно' касакъ Иванов **по тои премеморни и реестру** будит требоватца (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 7);

(13) по ~~имѣннымъ~~ **нашимъ** спискамъ достоверно справку ~~имѣли чѣ~~ **и по справке** у нас в станицѣ ~~имелея~~ **имелся** касакъ Лѣонтѣи Шишкин которой ~~умрѣ~~ **назад тому лѣтъ дватцат** въ 73 годъ умре (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 4).

Пример (13) содержит также фактуальную правку, связанную с уточнением хронологии событий: оборот *назад тому лѣтъ дватцат*, выражающий неопределенное количество лет, чему способствуют его действительная функция (*тому назад* – ‘назад от нас, нашего времени’) и обратный порядок слов (*лет дватцат*), сразу в процессе порождения высказывания заменен на точную дату (*в 73 год*)<sup>2</sup>. В том случае, когда определение точной даты представляется затруднительным, восстанавливается относительная хронология событий:

(14) после того на русской бабѣ ~~зовуть~~ звали ее Марфою а чья дочь не знаемъ он женился **и поженитве со оною в давных годах а сколко тому будеть не упомн[ит]** ~~и давню~~ из Михайловской станицы отбыл (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.),

вместо зачеркнутого *и давню* вставлено уточнение, что отъезд произошел после женитьбы, а насколько давно, сведений не имеется.

**Стилистическая правка** носит собственно языковой характер и затрагивает лексический, грамматический, текстовый уровни. В результате документ приводится в соответствие требованиям делового языка – обеспечивается точность, устраняются диалектные, разговорные и вводятся книжные элементы и т. д.

На лексическом уровне отмечаются вставки и замены слов и словосочетаний.

– Устраняются диалектизмы:

(15) ~~на бахче~~ **на огороде** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 4 об.),

диалектное *бахча* = *бакиа* в значении ‘огород, сад’ СЦСРЯ отмечает как обл. (т. 1, с. 19, 25), САР – как татарское (т. 1, стб. 111), СОСРЯ – как татарское, уйгурское и караимское (вып. 1, с. 76). В документе оно заменено на общеупотребительное слово.

– Уточняется наименование вида документа:

(16) где пождат ево Мартинова ~~известия пис-ма~~ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6 об.),

лексическая замена обусловлена, по-видимому, необходимостью конкретизировать форму сообщения, придав ему статус документа.

– Переносится акцент с формы на содержание документа:

(17) получили мы всепокорн~~и~~шия от вашего высокоблагородия и всего Воиска Донскаго воисковую грамоту... в каторой ~~написане~~ **показано** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 6, л. 3),

в результате лексической замены актуализирована содержательная сторона пересказываемой грамоты (*показано* – «объявлено, сделано явным, выражено»), высказыванию придана официально-деловая окраска и, возможно, усилена его юридическая значимость, поскольку термин *показание* «свидетельство» использовался в приказном языке (СЦСРЯ, т. 3, с. 304).

– Устраняются разговорные элементы:

(18) Матрена Василева ... **в самужество** была взята ... ~~и не взяти~~ **и по женитве** онои **Семень** ... **посланъ** в службу в Низовой корпусъ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.),

разговорное неполное *взята* заменено семантически полным устойчивым оборотом *в самужество взята*, соответственно, *по взятии* было заменено на *по женитве*, соотносимое с целым оборотом, а не с глаголом.

– Уточняется именование лица:

(19) в свидетелство никого **он Ткачь** не нашол (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 5 об.),

местоимение *он* указывает на то, что лицо упоминалось ранее, однако это предыдущее упоминание отделено от данного высказывания предложениями с указанием других лиц, что могло вызвать непонимание того, о ком идет речь, и потребовало вставки имени.

(20) с отаманом Василиемъ Тимофеевымъ **Сегуняевым** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.);

(21) именованной **козакъ** Семень Иванов **Чертин** в станицы Михайловскои ~~козакъ~~ был (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1).

Выполненная в (20) и (21) правка отражает адаптацию документа к общерусской

норме трехкомпонентного официального именования людей (имя, отчество, фамилия) – у казаков обычно фамилии не употреблялись, а формы типа *Тимофеев*, *Иванов* – это именования по отцу.

(22) ~~Сафинева~~ **Костеньтин** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.);

(23) Костентина и Аник~~и~~а ~~она~~ **детей** Василевы <так!> **а чьи прозванием не извесна** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.),

для соблюдения требования документной точности в (22) фамилия, которая в тексте относится к нескольким лицам, заменена именем конкретного лица; в (23) уточняется полное имя лиц: первоначальное *Васил(ь)евы(х)* дополнено уточнением *детей*, что указывает на именование по отцу; необходимость же указать фамилию (*прозвание*) потребовала вставки о том, что фамилия не известна. Возможно, первоначально не было ясно, чем является *Васильевых* – патронимом или фамилией. Последующее уточнение потребовало правки.

– Устраняется стилистическая несочетаемость слов:

(24) ~~и о том рабское покорнишии дерзновение принели~~ ... того ради всепокорнейшия прин[яв] рабскую смелость (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.),

лексическая замена обусловлена тем, что существительное *дерзновение* могло использоваться для выражения противоположных оценок: «1) Говоря в хорошую сторону: бодрость, смелость, отважность в чем... 2) В обыкновенном языке употреблении говорится в худую сторону и означает: неосновательная, безрассудная предприимчивость в чем, или неучитивость, нескромность; неумеренная, излишняя отвага» (САР, т. 2, стб. 629), *дерзновение* – «благородная смелость» (СЦСРЯ, т. 1, с. 320). Возможно, составителю документа оно (в первом значении) показалось несовместимым со словом *рабский*, поэтому было заменено синонимом *смѣлость* от *смѣлый* – «2. дерзновенный» (САР, т. 5, стб. 620), что позволило, с одной стороны, сохранить этикетное самоуничижение (общепринятая формула *рабский*), а с другой – выразить свою решительность, но без какой-либо оценки.

– Подбирается точное слово:

(25) рабски вашего отеческого ~~заступления~~ **ходатаинства** просим же **потому** не можно ль нам всепокорнейшим о тои же м(и)л(о)сти у всего Войска Донского просить (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.),

лексическая замена обусловлена тем, что существительное *ходатайство* «представительство, заступление» (САР, т. 3, стб. 219; СЦСРЯ, т. 4, с. 405) точнее, чем *заступление*, отражает воспроизводимую в документе ситуацию, связанную с представительством (ходатайством) войскового атамана перед всем Войском, а не только с защитой.

– Восполняются устойчивые обороты:

(26) вседержителя г(о)с(по)да бога и спаса нашего Иисуса Христа, і всенепорочные матере его всемилостивейшия г(о)сп(о)жи д(ѣ)в(ѣ)в(ѣ) Маріі (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 7);

(27) на **полном** станищномъ зборе Михайловскою станицаю ... скасали (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1).

Стремление к точности реализуется в правках на грамматическом уровне.

– Изменяется порядок слов:

(28) насать ~~нѣтъ~~ восмнатцать **леть** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 5);

(29) доношение ~~было~~ писано **было** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6),

в (28) выбран порядок следования существительного за числительным, который не только в современном русском языке, но и в русском языке XVIII в. выражал определенность (см. об этом: [«Российская грамматика», 1981, с. 172]); в (29) изменение порядка слов связано со стилистическими требованиями – использованием в книжной речи латинизированных конструкций.

– Исправляются или добавляются грамматические формы глаголов, например:

(30) после того на руской бабѣ ~~зовуть~~ **звали** ее Марфою а чья дочь не знаемъ он женился (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.),

грамматическая форма сказуемого изменена в соответствии с содержанием текста (отнесение действия к прошлому при повествовании о прошедших событиях);

(31) ежели мы вышеписанные Усавъ Саранинь всеи своеи скаскои скасали что ложно и впред кемъ іsobличины **будемъ** в такомъ случае повинны будемъ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 5 об.),

восстановлена связка в будущем времени при именном сказуемом, тем самым восстановлена и формальная корреляция сказуемых в частях сложного предложения.

Стилистическая правка может определяться стремлением реализовать требования логичности, связности, целостности текста и осуществляется на лексическом и грамматическом уровнях.

К правкам лексического характера можно отнести замены личного местоимения:

(32) именованная Матрена Василева ~~за нѣмъ~~ **за покасанным Семеном** в самужество была всята (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1);

(33) слышала ~~она~~ **вышеименованная Василева** (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.).

Местоимение 3 лица в анафорической функции употребляется в рассмотренных документах редко. Оно практически всегда сопровождается именем собственным, с которым соотносится (например, *он Санеевъ*), либо заменяется словами *названный*, *реченный* и под. в той же функции и в сочетании с именем собственным. Такое словоупотребление обусловлено требованием связности текста, документной точности, однозначности выражения, а также приданием речи книжного характера.

Грамматические правки, обеспечивающие логичность, связность текста, обнаруживаются в тех контекстах, где составитель документа, по-видимому, трансформирует устную речь в письменную:

(34) то место весма прилично **для того** что колаколной звон **при оных** **будеть** один (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 10);

(35) а ежели бѣс пастуха **скотъ** иман будѣтъ на глѣбѣ ~~<такъ вѣ. хлѣбѣ>~~ или на речки в лугах **то б** **взят с хозяевъ** с лошадѣ ~~<такъ!>~~ и с коровы по дѣсяти копѣякъ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 1 – 1 об.),

в (34) восстановлен причинный союз *для того что* «потому что» или изъяснительный *что* заменен на *для того что* с целью уточнить логическую связь предложений; восстановлена связка *будет* при именном сказуемом, которая точ-

нее передает временную отнесенность ситуации, а также уточнено место – *при оных* (то есть церквах). Вероятно, обе вставки появляются, когда первоначально записанная устная речь «перекодируется» в письменную по правилам письменной речи. Правки, произведенные в (35), можно толковать следующим образом: если текст диктовался или обсуждался в общих чертах, акцент был сделан именно на размере штрафа (по 10 копеек с лошади и с коровы), но при передаче высказывания в письменной форме образовались, во-первых, пропуск подлежащего *скоть* и сказуемого *взять*, а во вторых – бессмыслица, так как штраф не может быть взят с лошади. В ходе правки добавлены недостающие члены предложения, вторая часть союза *ежели ... то*, а следовательно, восстановлена структура предложения и его смысл.

Соблюдение требования логичности документного текста обеспечивается добавлением союзов, указательных местоимений, наречий, эксплицирующих логические отношения между частями предложения и отдельными предложениями, например:

(36) просим же **потому** не можно ль нам всепокорнейшим о той же м(и)л(о)сти у всего Войска Донскаго просить (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.),

бессоюзное предложение заменяется на союзное, в результате чего выражается причинно-следственная связь между предложениями;

(37) хотя вашим высокородиемъ в бытност вашу в нашей станицы по великодушию вашему где строитца божиеи ц(е)ркви каменного здания место назначено, **только** н(ы)нѣ мы всенижайшия раби у вашего высокородия покорнейше просим (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 10),

логическая связь между предложениями эксплицирована союзом *хотя*, поэтому союз *только* «но, однако» структурно избыточен, но он усиливает значимость описываемой в предложении ситуации, возникшей несмотря на предыдущие обстоятельства (или вопреки им). Возможно, он четче разделяет две громоздкие синтаксические конструкции, устанавливая границу развернутой фразы с союзом *хотя*;

(38) говорил чтоб быть свободными ... **по тому ресону** а объявит при случае ѿ себѣ не онаго Егора

Буковскаго крестьянами но брата ево Сидора Буковскаго (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 4 об.),

вставка, содержащая указательное местоимение, эксплицирует причинно-следственную связь между предложениями;

(39) жена ево Матрена в скором времени **потом ж(е)** умерла (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 1 об.),

посредством употребления наречия уточнена временная последовательность излагаемых фактов для их однозначной интерпретации.

Логическая связь между частями предложения может быть восстановлена в результате изменения порядка слов:

(40) чтоб оную совсемъ во ѿкончание привест **в триста в шездесят тысячах кирпичях** против присланого от вашего высокородия рисунка ~~в триста в шездесят тысячах кирпичях~~ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 – 6 об.),

первоначальный порядок слов нарушал правильное понимание синтаксических связей, поэтому словосочетание с числительным перенесено непосредственно к глаголу, с которым оно связано.

К стилистическим относятся правки, отражающие стремление писца разнообразить речь, демонстрирующие его языковой вкус, например:

(41) *помянутого* Шацкаго уезду ... *покасанной* Чеботаревъ ... въ *покасанной* промемории объявлено ... *означенной* Михеевъ ... мы *именованные* в воисковой дом были призваны і *предписанной* Петръ Чеботаревъ ... у ~~именованнаго~~ **нами упомянутого** продавца Егора Буковскаго ... *оных* Петра Чеботарева з женою и з детми ... у *означеннаго* Егора Буковскаго он Егор Буковской с *реченным* Чеботаревым ... ~~помянутой~~ Чеботарев от ~~помянутого~~ от меня Моргунова ... *реченного* Чеботарева ... ~~предписанного~~ Сидора Буковскаго ... мы *вышеименованные* ссылаемся на *вышеобъявленную* промеморию ... *вышеписаннаго* ... при допросе не объявлял ... ~~предписаннаго~~ Сидора Буковскаго ... *предписанной* мои крестьянин Михеевъ ... на *покасанную* бахчу ... вместо *вышеписанных* старшины Петра Лащилина козака Савелья Моргунова (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 8, л. 3 – 4 об.),

выделенные курсивом слова показывают, насколько широко использовались пишущим воз-

возможности лексической синонимии; повтор единиц на большом пространстве текста (четыре стороны листа) снят после удаления некоторых фрагментов; там же, где повторяющиеся единицы оказались недалеко друг от друга, произведена замена.

Правки *коммуникативно-прагматического характера* обеспечивают соблюдение речевого этикета, упрощают восприятие представляемой в документе информации, способствуют усилению воздействия на адресата. Это достигается в результате восстановления порядка слов в этикетных формулах, добавлением этикетных формул либо их элементов к уже использованной формуле, например:

(42) всенижаише **вашего** высококородия ~~ваше~~ покорнейше просим (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.);

(43) писано было к любезнейшему вашему родителю ~~Данилу Еремовичу~~ а нашему высоко- милостивому отцу і к[ормильцу] Данилу Еремовичу (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6);

(44) высокогородный і высокопочтенный г(о)с(по)д(и)нь Войска Донскаго воисковой атаман Д высоком(и)л(о)стивы от(е)ць и г(о)с(у)д(а)рь нашъ Данило Еремовичъ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6);

(45) тако с почитанием нашим ~~остаеть~~ при одании **нижайшаго** нашего поклона ~~остаясь~~ (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 15),

в (43) и (44) видно, что составитель написал или начал писать имя лица, но, как бы спохватившись, зачеркнул и продолжил с использованием этикетной формулы.

Отметим, что этикетные элементы могут быть и удалены из документа. Например:

(46) соблаговолено было бы нам ~~покорнейшим~~ в те места ехать (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6);

(47) наше ~~покорнейше~~ доношение (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6 об.);

(48) от Войска Донскаго ~~не никакон~~ резолюцы нам ~~покорнейшим~~ не прислано (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 5, л. 6 об.),

как видим, в тексте одного документа вычеркнуто несколько раз повторенное прилагательное *покорнейший* – требуемое речевым этикетом наименование адресанта, эксплицирующее его статусные различия с адресатом. Возможно, правка отражает стремление ад-

ресанта сделать текст более информативным, упростить для адресата его восприятие, а также избежать лексического повтора.

На упрощение восприятия информации направлена корректировка текста и в следующих случаях:

(49) вашему высококородию і ~~Войску Донскому~~ в семь веце во всем і **само желаемых пребыванен состоянеи** долгоденъственных благополучности, и ~~от сопротивоборющихся примирных состоянеи и от всевышняго г(о)с(по)да бога всегда присудетствующаго в церквах может исходатаиствовать, и от него же сотворившаго всех, вельчская~~ а в будущем ~~вечь~~ о нелишени ~~снабдевающих церковь~~ю царствия небесного, от вседержителя г(о)с(по)да бога и спаса нашего Иисуса Христа, і всенепорочные матере его всемилостивеишия г(о)сп(о)жи д(~~ѣ~~)вья Маріи может молитвами ~~сугубо еторичею~~ **сугубо** исходаиствовать (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 7),

в приведенном фрагменте этикетные пожелания перефразированы с использованием общепринятых выражений, что значительно упростило его восприятие. Возможно также и то, что составитель документа счел неуместной для делового текста речевую вычурность.

(50) ~~светлая божия церковь за ваше высококородие [тако] і Войску Донскому будет вечно бога молит, о чемь от нас нижайших посланы нарочно для прошения нашей станицы стариси Аѣнь Лащилинь Савелен Моргунов в(ашего) в(ысокородия) высоко-~~м(и)л(о)стиваго отца и г(о)с(у)д(а)ря нашего всенижайшия раби М[...] (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 7),

здесь также вместо пространной апелляции к церковному и божественному покровительству, которая, по-видимому, была расценена как неуместная в деловом документе, и этикетных выражений оставлены только имена пишущих.

Имеющийся материал свидетельствует о том, что иногда правка связана с отказом от выражения просьбы к вышестоящему лицу:

(51) ~~е семь~~ вашего высококородия і всего Войска Донскаго ~~нрө~~ **нижайшия раби всепокорнейше про-**сим ~~нижайшии раби~~ Михаиловской станицы сторшина Петръ Лащилинь, станищной атаман Еетропъ Григоревъ і косаки (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 9),

вычеркнута формулировка просьбы и сопутствующие ей этикетные формулы, оставлены только имена авторов письма (доношения);

(52) по самом побѣге их оное вашем[у] благородию всепокорнѣише доносимъ чтоб нам все нижаншим са которых мы неоднократно са ними очерѣди козаки несколько лѣтъ за них козаки служат, и всепокорнѣише просим вашего благородия милостивою до нас все нижайших резолюцы о семъ вашему благородию всепокорнѣише доносим Михайловскои станицы станищной атаманъ Трифонъ Калинен старики и вся станицѣ козаки (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 4),

правка показывает, что составитель документа несколько раз пытался выразить просьбу к войсковому атаману о благоволении и послаблении казакам, которые несут сверхурочную службу за бежавших казаков, но ограничился только констатацией факта. Определить причины отказа от просьбы затруднительно без знания экстралингвистической ситуации, вероятно, автор понимал нецелесообразность такого обращения, прогнозировал негативную реакцию адресата, невозможность исполнения того, о чем просят, и т. д.

Правка коммуникативно-прагматического типа способствовала усилению воздействующей функции, обусловленной видом документа:

(53) а понеже ц(е)ркви божия ~~подаян~~ **рачением** и **подаяниемъ** строениемъ совершающа боголюбивыми христианы того ради всепокорнейшия прин[яв] рабскую смелость все нижайше вашего высокородия ~~ваше~~ покорнейше просим (ГАВО, ф. 332, оп. 1, д. 7, л. 6 об.),

вставка имеет характер психологического аргумента, она вводит обращение к религиозным чувствам адресата, вероятно, с целью усилить воздействие на него, поскольку исполнение просьбы адресанта (разрешение на строительство церкви) основано на том, что адресат – боголюбивый христианин и т. д. При этом в самой вставке сначала была попытка написать *подаянием*, затем выбрано *рачением*, что смещает смысловые акценты с материальных, на этические.

### Заключение

Черновики исторических официальных документов, несмотря на стандартизованность структуры и речевой организации, отражают создание документных текстов как творческий процесс. Выделенные типы тек-

стовых правок показывают разнообразие мотивов (факторов), обуславливающих выбор тех или иных языковых средств, речевых единиц при составлении официальных документов в провинциальной канцелярии. Помимо необходимости наиболее полно и точно передать суть излагаемых событий, писцы руководствуются также целью создать стилистически совершенный (или близкий к совершенному) текст, соответствующий правилам делопроизводства, официальной коммуникации, общерусским языковым нормам, требованиям деловой речи своего времени. В процессе порождения одного текста и даже одного высказывания эти мотивы действуют в совокупности, хотя могут иметь различную значимость; приоритетность их может и меняться. Дальнейший многоаспектный анализ последовательности этих правок даст возможность реконструкции речемыслительной деятельности составителей документов, а в целом позволит воссоздать эпоху в истории языка сквозь призму человеческого фактора – с учетом языковых и профессиональных компетенций, языкового вкуса, представлений о «хорошей» и «правильной» речи, отражающих тенденции развития русского литературного языка в XVIII веке.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> При цитировании источников титла раскрываются, восстанавливаемые при этом буквы даются в скобках, утраченные и восстановленные буквы приводятся в квадратных скобках, выносные буквы пишутся в строке без выделения, имена собственные – с прописной буквы, предлоги и частицы – отдельно от последующих или предыдущих словоформ, в остальном орфография текстов сохраняется; при этом «зело» передается буквой «s»; вставляемые фрагменты текста даются полужирным шрифтом, зачеркнутые – зачеркиванием.

<sup>2</sup> Неясно, однако, что значит *в 73 годъ*, если документ написан в 1750 году. Возможно, нашла отражение особенность написания дат в исследуемых документах: иногда не прописывалась 1 (тысяча). Кроме того, под влиянием старой системы записи чисел при помощи букв кириллицы пишущий (наверняка, обученный церковнославянской грамоте) мог забыть написать ноль. Тогда 73 можно прочитать как 1730, а это и есть для пишущего 20 лет назад.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев А. А., 1999. Текстология славянской Библии. СПб. : Дмитрий Буланин. 254 с.
- Бахтин М. М., 1979. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М. : Искусство. С. 237–280.
- Бонди С. М., 1971. Черновики Пушкина. Статьи 1930–1970 гг. М. : Просвещение. 232 с.
- Векшин Г. В., Хомякова Е. В., 2015. Проблемы представления творческой истории произведения в печатных и электронных изданиях // Известия высших учебных заведений. Проблемы полиграфии и издательского дела. № 4. С. 22–27.
- Всеволодов А. В., 2016. Черновики И.А. Милютина // Милютинские чтения. Социально-экономическое и культурное развитие России во второй половине XIX – начале XXI века : сб. науч. работ. Вып. VII / ред.-сост. А.Е. Новиков. Череповец : Изд-во ЧГУ. С. 75–92.
- Горбань О.А. и др., 2016. Горбань О. А., Ильинова Е. Ю., Косова М. В., Шептухина Е. М. Жанровые особенности войсковых грамот XVIII в. (по материалам архивного фонда «Михайловский станичный атаман») // Известия Уральского федерального университета. Серия 2. Гуманитарные науки. Т. 18, № 4 (157). С. 182–199. DOI 10.15826/izv2.2016.18.4.074
- Егоров А. Н., 2013. Документы губернских жандармских управлений как источник формирования образа провинциального либерала (по материалам Вологодской и Новгородской губерний) // Вестник Череповецкого государственного университета. Т. 1, № 3. С. 34–37.
- Еремин А. И., 2014. Черновики документации русской классической гимназии конца XIX – начала XX в. как источник для изучения истории повседневности // Вестник РГГУ. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. № 19 (141). С. 141–153.
- Жуковская Л. П., 1976. Текстология и язык древнейших славянских памятников. М. : Наука. 368 с.
- Косивцова А. В., 2008. Лингвопрагматический анализ языковой личности заводчика Н.А. Демидова (на материале частно-деловых писем XVIII в.) // Вестник Тюменского государственного университета. № 1. С. 258–264.
- Косова М. В., 2015. Параметры речевого жанра как модель документного текста // Современная коммуникативистика. Т. 4, № 6. С. 16–19. DOI: <http://dx.doi.org.10.12737/16551>.
- Кубрякова и др., 1991. Кубрякова Е. С., Шахнарвич А. М., Сахарный Л. В. Человеческий фактор в языке: Язык и порождение речи / отв. ред. Е. С. Кубрякова; АН СССР, Ин-т языкознания. М. : Наука. 238 с.
- Леонов М. И., 2012. Проект программы партии социалистов-революционеров // Вестник Самарского государственного университета. № 2/2 (93). С. 101–106.
- Лихачев Д. С., 2001. Текстология (на материале литературы X–XVII вв.). При участии А.А. Алексеева и А.Г. Боброва. 3. изд., перераб. и доп. СПб. : Алетейя. 759 с.
- Норман Б. Ю., 1994. Грамматика говорящего. СПб. : Изд-во СПбГУ. 228 с.
- «Российская грамматика», 1981. «Российская грамматика» Антона Алексеевича Барсова / подгот. текста и текстолог. коммент. М.П. Тоболовой ; под ред. и с предисл. Б. А. Успенского. М. : Изд-во МГУ. 776 с.
- Тарасова Н. А., 2011. Проблема установления последовательности записей в рукописном тексте Ф.М. Достоевского (на материале романа «Подросток» и «Дневника писателя» за 1876–1877 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 3: Филология. № 3 (25). С. 96–106.
- Творческая история, 1927. Творческая история. Исследования по русской литературе (Пушкин, Грибоедов, Достоевский, Гончаров, Островский, Тургенев) : ст. / под ред. Н. К. Пиксанова. М. : Изд-во «Никитинские субботники». 248 с.
- Тимофеев Л. И., 1987. Слово в стихе. Изд. 2-е, доп. М. : Сов. писатель. 424 с.
- Томашевский Б. В., 1959. Писатель и книга. Очерк текстологии. М. : Искусство. 279 с.
- Фатыхова Э. А., 2004. Нотные рукописи А.К. Глазунова (опыт текстологического исследования) : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. СПб. 22 с.
- Федорушков Ю. Г., 2018. Фразематический ключ к вербономинальным конструкциям русского языка: мастерская компьютерной фразеологии // Исследовательский журнал русского языка и литературы. Т. 12 (2). С. 209–225. DOI: 10.29252/iarll.12.209. URL: <http://journaliarll.ir/article-1-150-en.html>
- Шептухина Е. М., 2017. Речевая репрезентация сферы субъекта войсковых грамот рубежа XVIII–XIX вв. // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. Т. 159, кн. 5. С. 1175–1186.
- Шубникова-Гусева Н. И., 2009. Есенин, Маяковский и другие в работе над текстом (постановка проблемы) // Контекст: Историко-литературные и теоретические исследования. Т. 2008. С. 104–125.
- Щедрина Т. Г., 2008. Публикации или реконструкции? Проблемы текстологии в историко-филологическом исследовании // Вопросы филологии. № 7. С. 130–140.

**ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**

- «Михайловский станичный атаман». Государственный архив Волгоградской области. Ф. 332. Оп. 1.
- САР – Словарь Академии Российской : в 6 т. СПб. : Императ. Академия наук, 1789–1794.
- СОРЯ – Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI–XVII вв. / под ред. О. С. Мжельской. Вып. 1. СПб. : Наука, 2004. 333 с.
- СРЯ XVIII – Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–6. Л. : Наука. Ленингр. отд-ние, 1984–1991; Вып. 7–19. СПб. : Наука. Санкт-Петерб. отд-ние, 1992–2011. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/0slov.htm>.
- СЦСРЯ – Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии наук : в 4 т. СПб. : В Типографии Императорской Академии наук, 1847.

**REFERENCES**

- Alekseev A.A., 1999. *Textology of the Slavonic Bible*. Saint Petersburg, Dmitriy Bulanin Publ. 254 p.
- Bakhtin M.M., 1979. The Problem of Speech Genres. *Estetika slovesnogo tvorchestva*. Moscow, Iskusstvo Publ., pp. 237-280.
- Bondi S.M., 1971. *Drafts of Pushkin. Articles of 1930–1970*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 232 p.
- Vekshin G.V., Khomyakova E.V., 2015. About the Ways of Text Creating Representation in Printed and Digital Books. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Problemy poligrafii i izdatelskogo dela* [Proceedings of the Institutions of Higher Education. Issues of the Graphic Arts and Publishing], no. 4, pp. 22-27.
- Vsevolodov A.V., 2016. Drafts of I. A. Milyutin. Novikov A.E., (ed.) *Milyutinskiye chteniya. Sotsialno-ekonomicheskoe i kulturnoe razvitie Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XXI veka: sb. nauch. rabot. Vyp. VII*. Cherepovets, Izd-vo ChGU, pp. 75-92.
- Gorban O.A., Ilyinova E.Yu., Kosova M.V., Sheptukhina E.M., 2016. Genre Characteristics of the 18<sup>th</sup> Century Military Charters (On the Materials of the Mikhailovsky Stanitsa Ataman Archive). *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Humanities and Arts], vol. 18, no. 4 (157), pp. 182-199. DOI: 10.15826/izv2.2016.18.4.074.
- Egorov A.N., 2013. Documents of the Provincial Gendarmerie Departments as a Source of Formation of the Image of the Provincial Liberal (Based on the Materials of the Vologda and Novgorod Provinces). *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Cherepovets State University Bulletin], vol. 1, no. 3, pp. 34-37.
- Eremin A.I., 2014. The Draft Documentation of the Russian Classical Gymnasium of the Late 19<sup>th</sup>–Early 20<sup>th</sup> Centuries as a Source for Studying the History of Everyday Life. *Vestnik RGGU. Seriya: Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye* [RGGU Bulletin. Series: Historical Studies. History of Russia], no. 19 (141), pp. 141-153.
- Zhukovskaya L.P., 1976. *Textual Criticism and the Language of the Oldest Slavic Manuscripts*. Moscow, Nauka Publ. 368 p.
- Kosivtsova A.V., 2008. Linguopragmatic Analysis of the Language Personality of Industrialist N.A. Demidov (on the Material of Private and Business Letters of the 18<sup>th</sup> Century). *Vestnik Tyumenskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 1, pp. 258-264.
- Kosova M.V., 2015. Speech Genre Characteristics as a Model of the Documentation Text. *Sovremennaya kommunikativistika* [Modern Communication Studies], vol. 4, no. 6, pp. 16-19. DOI: <http://dx.doi.org/10.12737/16551>.
- Kubryakova E.S., Shakhnarovich A.M., Sakharnyy L.V., 1991. *Human Factor in Language: Language and Speech Generation*. Moscow, Nauka Publ. 238 p.
- Leonov M.I., 2012. Draft Program of the Socialist-Revolutionary Party. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Samara State University], no. 2/2 (93), pp. 101-106.
- Likhachev D.S., 2001. *Textology (on the Material of Literature of the 10<sup>th</sup>-17<sup>th</sup> Centuries)*. Saint Petersburg, Aleteya Publ. 759 p.
- Norman B.Yu., 1994. *Speaker's Grammar*. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU. 228 p.
- Tobolova M.P., Uspensky B.A. (eds.), 1981. *Russian Grammar by Anton Barsov*. Moscow, Izd-vo MGU. 776 p.
- Tarasova N.A., 2011. On the Ascertainment of Sequence of Notes in F. M. Dostoevsky's Hand-Written Text (on the Material of the Novel *Adolescent* and *Diary of the Writer*, 1876–1877). *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta. Seriya 3: Filologiya* [St. Tikhon's University Review. Series III: Philology], no. 3 (25), pp. 96-106.
- Piksanov N.K. (ed.), 1927. *Creative History. Research on Russian Literature (Pushkin, Griboedov, Dostoevsky, Goncharov, Ostrovsky, Turgenev): Articles*. Moscow, Nikitinskiye subbotniki Publ. 248 p.

- Timofeev L.I., 1987. *The Word in Verse*. Moscow, Sovetsky pisatel Publ. 424 p.
- Tomashevskiy B.V., 1959. *The Writer and the Book. Essay of Textology*. Moscow, Iskusstvo Publ. 279 p.
- Fatykhova E.A., 2004. *Music Manuscripts of A. K. Glazunov (the Experience of Textological Study)*. Cand. art hist. abs. diss. Saint Petersburg. 22 p.
- Fedorushkov Yu.G., 2018. A Phrasematic Key to the Russian Verb-Nominal Constructions: The Workshop of the Computational Phraseography. *Issledovatel'skiy zhurnal russkogo yazyka i literatury*, vol. 12 (2), pp. 209-225. DOI: 10.29252/iarll.12.209.
- Sheptukhina E.M., 2017. Speech Representation of the Subject Sphere in Military Charters at the Turn of the 18<sup>th</sup> – 19<sup>th</sup> Centuries. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya: Gumanitarnye Nauki* [Proceedings of Kazan University. Humanities], vol. 159, no. 5, pp. 1175-1186.
- Shubnikova-Guseva N.I., 2009. Esenin. Mayakovskiy i drugie v rabote nad tekstom (postanovka problemy). *Kontekst: Istoriko-literaturnye i teoreticheskiye issledovaniya*, vol. 2008, pp. 104-125.
- Shchedrina T.G., 2008. Publication or Reconstruction? Problems of Textual Criticism in the History of Philosophy. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 130-140.

#### SOURCES AND DICTIONARIES

- The Fund Mikhailovskiy stanitsa Ataman. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* [State Archive of the Volgograd Region], F. 332, Op. 1.
- Dictionary of the Russian Academy: in 6 vols*. Saint Petersburg, Imperat. Akademiya nauk, 1789-1794.
- Mzhelskaya O.S. (ed.). *Dictionary of the Colloquial Russian Language of Moscow Russia in the 16<sup>th</sup> – 18<sup>th</sup> Centuries*. Saint Petersburg, Nauka Publ. 2004. 333 p.
- Dictionary of the Russian Language of the 18<sup>th</sup> Century*. Leningrad, Nauka Publ., 1984-1991, vol. 1-6; Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992-2011, vols. 7-19. URL: <http://feb-web.ru/feb/sl18/slov-abc/Oslov.htm>.
- Dictionary of the Church Slavonic and Russian Language, Compiled by the Second Division of the Imperial Academy of Sciences: in 4 vols*. Saint Petersburg, V Tipografii Imperatorskoy Akademii nauk, 1847.

#### Information about the Authors

**Oksana A. Gorban**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [oa\\_gorban@volsu.ru](mailto:oa_gorban@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

**Marina V. Kosova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [mv\\_kosova@volsu.ru](mailto:mv_kosova@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

**Elena M. Sheptukhina**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [em\\_sheptuhina@volsu.ru](mailto:em_sheptuhina@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0002-8007-6042>

#### Информация об авторах

**Оксана Анатольевна Горбань**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [oa\\_gorban@volsu.ru](mailto:oa_gorban@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0002-2345-3673>

**Марина Владимировна Косова**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [mv\\_kosova@volsu.ru](mailto:mv_kosova@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0003-2854-8759>

**Елена Михайловна Шептухина**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [em\\_sheptuhina@volsu.ru](mailto:em_sheptuhina@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0002-8007-6042>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.5>

UDC 811.111'01  
LBC 81.432.1-03

Submitted: 01.06.2018  
Accepted: 02.07.2018

## THE PERFECT TENSE AND THE FORMS OF PAST PARTICIPLE IN OLD ENGLISH

Vladimir A. Bondar

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

**Abstract.** The paper deals with peculiarities of using the possessive verb *habban* + inflected participle II. On the basis of the sample of Old English prose texts we analyze the frequency distribution of instances throughout the periods (dates) which manuscripts from the corpus belong to. We also provide a detailed analysis of semantic and syntactic properties of inflected participles used as part of the construction 'habban + participle II'. Assuming that the semantics of this construction with both inflected and uninflected participles was meaningful, it is suggested to make distinction between the meaning of 'habban + participle II' with inflected participles and with uninflected participles as similar to the semantic shades which can be traced when adjectives are used either attributively or predicatively. The proposed distinction between inflected and non-inflected participles used within the investigated construction retains its resultant-state semantics but brings in certain distinctive shades of meaning in characteristics of the subject and/or object. In particular, an inflected participle indicates durative immanent features of the subject and/or object (similar to attributive characteristics of adjectives), whereas a non-inflected participle describes the subject and/or object based on the model of predicative usage of adjectives emphasizing its contextual, ad hoc, temporary feature.

**Key words:** perfect tense, statal perfect, semantics, participle forms, morphology, syntax, Old English.

**Citation.** Bondar V.A. The Perfect Tense and the Forms of Past Participle in Old English. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 55-67. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.5>

УДК 811.111'01  
ББК 81.432.1-03

Дата поступления статьи: 01.06.2018  
Дата принятия статьи: 02.07.2018

## ПЕРФЕКТ И ФОРМЫ ВТОРОГО ПРИЧАСТИЯ В ДРЕВНЕАНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Владимир Анатольевич Бондарь

Санкт-Петербургский государственный университет, г. Санкт-Петербург, Россия

**Аннотация.** В данной статье рассматриваются особенности употребления конструкции, состоящей из possessивного глагола *habban* и флектированного причастия II. На основе выборки из корпуса древнеанглийских прозаических текстов проведен анализ распределения частотности примеров по периодам, к которым принадлежат дошедшие до нас рукописи, и описаны семантико-синтаксические характеристики флектированных причастий в рамках конструкции «habban + причастие II». С учетом того, что семантика «habban + причастие II» как с флектированными, так и с нефлектированными причастиями имела результативный характер, предлагается различать значения конструкции с указанными причастными формами по аналогии с семантическими различиями, которые прослеживаются при атрибутивном и предикативном употреблении прилагательных. Установлено, что основанием выбора флектированного или нефлектированного причастия в рамках результативной конструкции «habban + причастие II» являлся признак субъекта-объекта: причастие с флексией указывало на длительную, имманентную характеристику описываемого предмета (аналогично атрибутивному прилагательному), а без нее – на ситуативный, временный признак предмета (аналогично предикативному прилагательному). Показано, что выявленная тенденция действовала в рамках древнеанглийского языка при сохранении флективной системы у прилагательных и существительных и прекращала свое действие к концу древнеанглийского периода, отражая изменения морфологической системы языка.

**Ключевые слова:** перфект, результатив, семантика, причастные формы, морфология, синтаксис, древнеанглийский язык.

**Цитирование.** Бондарь В. А. Перфект и формы второго причастия в древнеанглийском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 55–67. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.5>

### Вводные замечания

В истории развития перфекта в английском языке не вызывает сомнений тот факт, что его источником послужило сочетание possessивного глагола *habban* (иметь) со вторым причастием от переходных глаголов. При этом последнее согласовывалось с прямым дополнением по роду, числу и падежу, что являлось одним из бесспорных доказательств отсутствия грамматикализации possessивного глагола на ранних этапах развития английского языка и статуса конструкции «*habban* + причастие II» как относительно свободного сочетания. Проблемы в интерпретации конструкции возникают, когда наряду с флектированной формой причастия употребляется нефлектированный вариант:

(1) þa hæfde he me gebundenne mid þære wynsumnesse his sanges... (Bo:22.50.8.913) – ‘тогда он меня сковал (досл. ‘имел меня скованным’) прелестью своего пения...’;

(2) Darius hæfde gebunden his agene mægas mid gyldenre racentan (Or3:9.70.7.1374) – ‘Дарий связал (досл. ‘имел связанными’) своих собственных сородичей золотыми цепями’.

Так, Дж. Ласски предлагает рассматривать случаи, аналогичные (1), как неграмматизированный результатив с адъективным причастием, а случаи, аналогичные (2), – как полноправный перфект с глагольным причастием [Lussky, 1922, p. 39]. Заранее отметим вполне справедливое замечание исследователя: если в древнеанглийском никакого различия, кроме как риторического (мелодика предложения, поэтическая вольность), между двумя формами причастий в анализируемой конструкции не было, то почему такой свободой не пользовались прилагательные [Lussky, 1922, p. 39]?

Однако, как показал на различных примерах Б. Митчелл, такой подход противоречит фактическому материалу: в практически одинаковых контекстах встречаются примеры с одной и той же глагольной лексемой, но

в разных причастных формах. Кроме того, в одной синтагме с двумя причастиями, соединенными союзом *and* (и), используются одновременно флектированная и нефлектированная формы [Mitchell, 1985, p. 283–285]. Казалось бы, интуитивно верное разграничение функционально-семантических характеристик двух форм второго причастия в конструкции с possessивным глаголом, предложенное Дж. Ласски, в действительности оказывается неправильным: сложно представить, что перфект и результатив могут употребляться в контекстах с однородными причастиями.

Удивительно, но данное противоречие специалисты по истории английского перфекта старательно обходили стороной, по умолчанию полагая, что примеры с флектированной формой, по крайней мере, на ранних этапах развития английского языка не могли быть чем-то иным, кроме как результативом. В фундаментальном труде по истории английского языка «The Cambridge history of the English language» в разделе, посвященном синтаксису, Э. Трауготт аккуратно касается данной темы (по ее мнению, трансформация конструкции с *habban* в вербальный комплекс была частично завершена в древнеанглийском), высказывая предположения о возможных причинах отпадения флексий в причастиях: сначала такие изменения могли произойти в конструкциях с дополнениями в ср. р. ед. ч., имевшими нулевое окончание, а потом распространились и на остальные контексты [Traugott, 1992, p. 192–193]. Тем не менее без ответа остается вопрос о том, как рассматривать на синхроническом уровне в дошедших до нас древнеанглийских текстах соотношение контекстов с разными формами причастий.

Анализируя развитие конструкции с possessивным глаголом в германских языках, О.А. Смирницкая различает внутри нее две формы синтаксической связи: атрибутивную и предикативную, а древнейшим прототипом конструкции, по ее мнению, «следует считать именно многозначную конструкцию с предикативной связью».

кативно-атрибутивной формой связи» [Смирницкая, 1965, с. 7]. В ходе анализа древнеанглийского материала автор приходит к выводу о том, что противопоставление по атрибутивности и предикативности играло второстепенную роль в развитии перфекта. Отсутствие флектированных форм причастий едва ли можно рассматривать как прямое доказательство синтаксической неразложимости анализируемой конструкции, а «потеря причастием флексии свидетельствует лишь о возникновении новых синтаксических связей внутри сочетаний “habban + причастие II”» [Смирницкая, 1965, р. 12].

В последнее время в работах по истории английского перфекта исследователи отстаивают точку зрения, в соответствии с которой в древнеанглийском широко развит перфект, а момент перехода результата (формы с флектированным причастием) в эту форму необходимо относить к дописьменному периоду [Johannsen, 2016; Lee, 2004; Łęcki, 2010; Wischer, 2004]. В рамках данной концепции с довольно радикальным предложением выступила И. Вишер, которая считает, что флексии причастий, входивших в эту конструкцию, не играли никакой роли, то есть семантических различий между двумя типами конструкций не было. В защиту своего тезиса автор приводит следующие аргументы: превалирование нефлектированных форм (в корпусе И. Вишер лишь в 10 % контекстов представлены флектированные причастия); наличие примеров, в которых за объектом следуют причастия в двух разных формах; аналогическое расширение окончания м. р., вин. п., мн. ч. (-e) на ср. р., мн. ч., где должно быть нулевое окончание: [WHom\_20.3:30.1766] & we *habbað Godes hus inne & ute clæne berypte* – ‘мы полностью осквернили дома Бога внутри и снаружи’ (здесь и далее перевод примеров наш. – В. Б.); наличие адъективного окончания в контекстах с динамическим прочтением конструкции: [BInom 2]:15.24.201] *þin agen geleafa þe hæfþ gehæledne* – ‘твоя собственная вера тебя излечила’; отсутствие окончания у явно адъективных причастий: *ÆLet 1 (Wulfsgige X a) B1.8.1 [0098 (91)] gyf he ænigne gylt ungebet hæfð* – ‘если у него есть неискупленный грех’. Подводя итог, исследователь утверждает, что наличие нефлектированных форм можно рассматривать как лишенный всякого значения осколок предыдущего состояния

(a meaningless residue of a former state) [Wischer, 2004, р. 244–246].

Отсутствие единой точки зрения по данному вопросу приводит к курьезным случаям, когда данный И. Вишер пример из гомилий Вульфстана с расхождением между требуемой и фактически употребленной флексиями причастия, другим автором рассматривается как доказательство того, что конструкция с посессивным глаголом и флектированным причастием в древнеанглийском языке не являлась перфектом: *beryppte* имеет адъективный характер именно благодаря наличию флексии, само причастие находится в позиции после дополнения, а посессивный глагол полностью сохраняет свое лексическое значение (конструкция выдвигает на первый план оскверненное состояние домов Бога, а само действие осквернения оттесняется на задний план и логически выводится из данного состояния [Yao, 2015, р. 249]).

### Материал и цели исследования

Для выявления статуса конструкции *habban* с флектированным причастием и характеристик ее отношения к аналогичным примерам без флектированных причастий мы проанализируем примеры, полученные методом сплошной выборки из синтаксически размеченного корпуса древнеанглийской прозы (*The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose*). Тексты этого корпуса относятся к разным жанрам и принадлежат к одному из четырех периодов: до 850 гг., 850–950 гг., 950–1050 гг., 1050–1150 годы. Мы не только рассмотрим синтаксические особенности (модели расположения элементов конструкции относительно друг друга), но и проанализируем семантические характеристики глаголов, используемых в формах флектированных причастий. Основной задачей исследования, таким образом, является выяснение функциональных особенностей флектированных причастий в рамках конструкции «*habban* + причастие II», семантики конструкции, а также доказательной силы аргументов, высказанных И. Вишер.

Общее количество примеров в нашей выборке 138, что составляет 9,5 % от общего числа примеров «*habban* + причастие II» (1 454)

и в целом совпадает с количественными данными в выборке И. Вишер (10 %). На этих показателях основывается статистика, отражающая синтаксические характеристики конструкции и хронологическую дистрибуцию анализируемых причастий. Однако, как показано далее, этот количественный аргумент едва ли можно использовать в качестве доказательства отсутствия функциональной нагрузки у флектированных причастий.

Для дальнейшего (семантического) анализа из 138 примеров мы исключили повторы глагольных лексем и контексты, где конструкция «*habban* + причастие II» используется с модальными глаголами, например:

(3) **ne mihte** lencg **habban** his handa **astrehte** (ÆLS [Pr Moses]:16.2878) – ‘не мог долго **держат** свои руки **распростертыми**’;

или выступает в качестве каузатива, например:

(4) he **sceolde** ðone Godes alter **habban** uppan **aholodne** (CP [Cotton]:33.216.18.26) – ‘он **должен** алтарь Бога **выдолбить** наверху’.

(Полный обзор всех примеров *habban* в каузативном значении см. в [Kilpiö, 2013]). Таким образом, семантическому анализу будут подвергнуты 93 глагольные лексемы.

### Хронологическая и количественная характеристики конструкции

Флектированные причастия встречаются в текстах, относящихся ко всем вышеуказанным периодам, за исключением самого раннего (до 850 гг.). В количественном отношении их распределение в нашей выборке выглядит следующим образом: период 850–950 гг. – 50 употреблений (36 %), 950–1050 гг. – 28 (20 %), 1050–1150 гг. – 60 (44 %). Приведенные данные косвенно свидетельствуют о тенденции к сокращению употребления флектированных причастий в анализируемой конструкции. Так, если в текстах IX в. зафиксировано 36 % примеров, то столетие спустя – 20 %. Превалирование флектированных причастий в XI–XII вв. объясняется тем, что к данному периоду относятся тексты, которые были написаны в ранние эпохи (IX и X вв.), но дошли до нас в составе поздних рукописей, где не исключены ошибки, сделанные и в ре-

зультате неправильной интерпретации, вызванной языковыми процессами, проходившими на стыке древнеанглийского и среднеанглийского периодов.

Из 93 анализируемых лексем 42 глагола (45 %) использованы исключительно в форме флектированного второго причастия, в то время как остальные 51 (55 %) зафиксированы в обеих формах. При этом из данных корпуса очевидно, что доминируют нефлектированные формы практически всех лексем. Например, распространенная в текстах 850–950 гг. лексема *ge-sellan* (продавать, отдавать) используется без флексии 9 раз, а во флективной форме 1 раз – в переводе «Утешение философией» Боэция:

(5) hi me **habbad** **gesealdne** hiora wlencum (Bo:7.17.31.286) – ‘они меня **отдали** своей пышности’.

Аналогичное этому соотношение характерно и для периода 950–1050 гг.: глагол *don* (делать) представлен 22 нефлектированными формами и 1 флектированной формой – в тексте перевода Семикнижия:

(6) Bearnleasne ge **habbad** me **gedonne** (Gen:42.36.1793) – ‘бездетным вы меня **сделали**’ (досл. ‘бездетным вы **имеете** меня **сделанным**’).

### Синтаксическая характеристика

Рассмотрим, в каком окружении употребляются флектированные формы второго причастия. При однородных причастиях, соединенных союзом *and* (и) используются либо 2 флектированные формы, либо сочетание флектированной и нефлектированной форм (2 нефлектированные формы – довольно распространенное явление и здесь в расчет не принимается):

(7) ac se anwealda **haefð** ealle his gesceafta swa mid his bridle **befangene & getogene & gemanode...** (Bo:21.49.2.883) – ‘но Всемогущий все свои создания как своей уздой **схватил** и **сдержал** и **поддерживал...**’;

(8) þu þe buten ælcere wæmmunge and buten flite us **hæfest** ealle **ofercumene and genyðered?** (Nic [C]:313.305) – ‘ты, кто без какого-либо загрязнения и без борьбы всех нас **побеждаешь** и **подчиняешь?**’ (досл. ‘**имеешь побежденными** и **подчиненными**’).

В нашей выборке зафиксировано 3 примера, аналогичных (8). Каждый из них относится к одному из периодов (850–950 гг., 950–1050 гг. и 1050–1150 гг.) соответственно. Взаимное расположение флектированного и нефлектированного причастия может варьироваться. При этом количество случаев с двумя флектированными причастиями в 3 раза больше. Из 9 примеров 2 относятся к периоду 850–950 гг., 2 – к периоду 950–1050 гг. и 5 употреблены в текстах 1050–1150 гг. В 5 примерах перед вторым причастием используется прямое или предложное дополнение. В тех контекстах, где употребляется 2 конструкции, соединенные сочинительным союзом, в первом случае используется флектированная форма, во втором – нефлектированная. Всего обнаружено 2 таких примера, один из которых относится к периоду 850–950 гг., другой – к 950–1050 гг.:

(9) for ðon þa feawan þe þær ut offlugon **hæfdon** eft þa burg **gebune**, & **hæfdon** Thebane, Crecra leode, him on fultum **asponon** (Or: 3:1.53.20.1025) – ‘из-за тех немногих, которые оттуда убежали, и затем овладели тем городом и на свою сторону переманили фиванцев, греческий народ’;

(10) and cyddon þæt þa hæþenan **hæfdon** hi **besetene**, and **ofslagen hæfdon** sum þusend manna (Maccabees:389.5094) – ‘и рассказали, что язычники их осадили и убили тысячу человек’.

В более широких контекстах (в рамках сложносочиненного или сложноподчиненного предложения) также фиксируется параллельное употребление флектированной и нефлектированной форм:

(11) And sona swa þæt wæs þæt hi swa **gedon hæfdon**, þa **hæfdon** hy **forworhte** hy sylfe... (WHom 6:48.273) – ‘И вскоре, как только они таким образом поступили, тогда они себя погубили...’

Из 10 подобных (11) примеров в нашей выборке 6 относятся к периоду 1050–1150 гг. и 4 – к периоду 850–950 годов. Большинство случаев приходится на употребление согласованных флектированных причастий, в то время как совместное употребление конструкций с обеими формами причастий в рамках более широкого контекста в основном относится к позднему периоду.

Далее рассмотрим позиционные особенности флектированных причастий по отношению к другим элементам конструкции в рамках предложения. Это расположение элементов уже было описано в ряде работ. Здесь стоит упомянуть о результатах, полученных в [Mitchell, 1985; Wischer, 2004], которые мы затем сравним с нашими данными. Важно также иметь в виду, что причастие, согласованное с дополнением ср. р. ед. ч., имеет нулевую флексию. Однако, как отмечает Б. Митчелл, едва ли существует какой-нибудь смысл проводить детальное разграничение между примерами с нулевой флексией и нефлектированными причастиями [Mitchell, 1985, p. 284].

В работе исследователя выделены 6 моделей распределения элементов *habban*, дополнения и второго причастия. Две из них выделяются для безобъектных конструкций. При этом автор отмечает, что флектированные причастия встречаются во всех моделях, кроме объектных – PP + HAVE + Obj, PP + Obj + HAVE (с дополнением в вин. п.) – и 2 безобъектных моделей – PP + HAVE и HAVE + PP. Митчелл отмечает, что все примеры, в которых реализуются объектные модели, включают прямые дополнения в вин. п. [Mitchell, 1985, p. 282–283]. В целом автор приходит к выводу, что ни в прозе Альфреда, ни в текстах Эльфрика, ни в поэтических, ни в прозаических текстах анализируемая конструкция не обладает ни фиксированной формой, ни фиксированной функцией [Mitchell, 1985, p. 291]. Однако выборка Б. Митчелла основана не на корпусных данных, поэтому им не были учтены примеры с флектированным причастием в род. п.:

(12) & þa, æfter þan þe he **hæfde** unrim manna **gehæledre & geclænsedra & deaddra awehte** (HomS 24.1 [Scragg]:38.14) – ‘и после того, как он бесчисленное множество людей **вылечил, очистил и воскресил** из мертвых’,

и с прямым дополнением, выступающим в роли обстоятельства места:

(13) ...þe on ðam scræfe tile hwile **gereste hæfdon** (LS 34 [SevenSleepers]:390.284) – ‘...которые в пещере должное время **отдыхали**’,

о котором речь пойдет в следующем разделе.

На основе более обширной, чем у Б. Митчелла, выборки из корпуса текстов типы дополнений, модели расположения элементов конструкции «*habban* + причастие II» и их частотность рассматривает И. Вишер. Самой распространенной моделью является *Obj + PP + HAVE* (32 %), характерная для придаточных предложений; менее частотны *HAVE + Obj + PP* (23 %), характерная для главного предложения, *HAVE + PP + Obj* (20 %), *Obj + HAVE + PP* (15 %); низкую частотность имеют *PP + HAVE + Obj* (4 %) и 2 безобъектных модели – *HAVE + PP* (3 %) и *PP + HAVE* (2 %) [Wischer, 2004, p. 245].

Каковы модели расположения элементов в рамках конструкции с флектированными причастиями в нашей выборке и как они соотносятся с данными, приведенными в работах Б. Митчелла и И. Вишер? Нами было выделено 3 вида контекстов: главное, придаточное и простое предложения (к последнему виду мы будем относить также примеры сложносочиненных предложений). В каждом из них представлены несколько моделей расположения элементов: в простом предложении – 17, в главном – 6, в придаточном – 18. Представим наиболее распространенные модели, где *S* – подлежащее, *HAVE* – посессивный глагол, *PP* – флектированное причастие, *Obj* – дополнение, *ObjDir* – прямое дополнение, *ObjInd* – косвенное дополнение, *ObjPrep* – предложное дополнение.

Как видно из таблицы, флектированное причастие в наиболее распространенных случаях находится в постобъектной позиции за исключением 3 примеров в главном предложении. Предобъектная позиция фиксируется в менее частотных моделях. Такое располо-

жение флектированного причастия встречается уже в ранних текстах короля Альфреда (период 850–950 гг.). Вполне возможно, что данные примеры отражают происходившие сдвиги в порядке слов древнеанглийского предложения. Позиция флектированного причастия в предложении не отличается от той, которая наблюдается у нефлектированных причастий и не нарушает общих требований к порядку слов (см. данные выборки И. Вишер). Кроме того, в нашей выборке встречаются примеры, которые отсутствуют у Б. Митчелла, в частности употребления причастия в род. п. и несколько случаев с 2 дополнениями: одно из которых (как правило, предложное) выносится в позицию после посессивного глагола, а другое (как правило, прямое) – перед причастием.

Для флектированного причастия наиболее характерны 2 позиции по отношению к другим элементам конструкции «*habban* + причастие II»: рамочная (с дополнением между посессивным глаголом и причастием) и контактная (последовательное расположение посессивного глагола и причастия) в разных соотношениях (причастие может стоять до или после *habban*) и типах предложений. Логично предположить, что контактная позиция способствовала трансформации результирующей семантики конструкции в перфектную, но поскольку данная позиция встречается как в ранних, так и поздних произведениях и в разных типах предложений, едва ли справедливо делать вывод о влиянии изменения порядка слов на семантику конструкции. Здесь же следует привести мнение О.А. Смирницкой, которая на основании анализа древнеанглийских текстов, начиная с самых ранних и заканчивая ранне-среднеанглийскими, приходит к заключению,

**Расположение элементов конструкции «*habban* + причастие II» в предложениях разных типов**

Тип предложения	Расположение элементов конструкции	Количество примеров
Простое	<i>but S HAVE Obj PP</i>	13
	<i>but S Obj HAVE PP</i>	6
	<i>S HAVE Double Obj PP</i>	4
Главное	<i>HAVE S PP Double Obj</i>	3
	<i>S HAVE Obj PP</i>	2
	<i>S HAVE ObjInd ObjDir PP</i>	2
Придаточное	<i>when S HAVE Obj PP</i>	22
	<i>when S Obj PP HAVE</i>	12
	<i>how S ObjDir HAVE PP ObjPrep</i>	4

что контактное расположение посессивного глагола и причастия не может быть объяснено распадом рамочной конструкции. По мнению автора, идиоматизация перфекта, наоборот, способствовала распространению нового порядка слов [Смирницкая, 1965, с. 13]. Исследователь не исключает, что мы имеем дело с двумя параллельными процессами (идиоматизация перфекта и изменение порядка слов), находящимися во взаимной зависимости и вызванные разными причинами.

Вывод о том, что флексии в причастиях носили формальный характер и были лишены значения, сделанный на основании неправильного употребления флектированного причастия в примере из Вульфстана, является явным преувеличением. Во-первых, в примере & *we habbað Godes hus inne & ute clæne berypte* флексия *-e* в *berypte* может быть опиской, вызванной влиянием 3 подряд стоящих наречий с флексией *-e*: *inne*, *ute*, *clæne*. Во-вторых, данный пример единичен и зафиксирован в рукописи, которая относится к позднедревнеанглийскому периоду. Следовательно, нельзя исключить возможность ошибки при переписывании, поскольку писец мог не использовать в своей речи флектированные формы причастий с анализируемой нами конструкцией, а распад флексий как в системе существительных, так и в системе прилагательных мог привести к путанице. В-третьих, если бы гипотеза И. Вишер была верна, то аналогичные примеры мы находили бы уже в ранних текстах, но в прозе Альфреда (как и в поздних текстах Эльфрика) согласование имеет стабильный характер без всевозможных ошибок:

(14) *Swa swa wildu hors, ðonne we hie æresð gefangnu habbað, we hie ðacciað & straciað mid bradre handa* (CP:41.303.7.2013) – ‘как и дикие лошади, когда мы их сначала **поймаем** (досл. ‘**имеем пойманными**’), мы их похлопываем и гладим открытыми ладонями’.

В примере (14) из текста «Пастырское попечение» (период 850–950 гг.) причастие *gefangnu* соотносится с существительным *hors* ср. р., мн. ч, о чем свидетельствует флексия *-u*.

В исследованном материале имеются случаи употребления абстрактного существительного в качестве подлежащего с конструкцией «*habban* + причастие II»:

(15) *Loca nu; þin agen geleafa þe hæfþ gehæledne* (HomS 8 [BlHom 2]:15.24.201) – ‘Вот смотри, твоя собственная вера тебя **имеет излеченным**’.

Мы полагаем, что *þin agen geleafa* (твоя собственная вера) используется метафорически как воплощение некой высшей силы, силы наделенной способностью творить чудеса, как проявление Всевышнего и тем самым создается возможность для употребления глагола обладания. После слов Иисуса следует предложение *He þa sona instæpes geseh* (HomS 8 [BlHom 2]:15.25.202) – ‘Он сразу же увидел вход’, которое позволяет трактовать *hæfþ gehæledne* как проявление стального результата (но не динамического процесса): в вере ты пребываешь излеченным. Более того, если бы в древнеанглийском «*habban* + причастие II» широко использовалась с абстрактными существительными (по шкале Хоппера-Трауготт, см.: [Hopper, Traugott, 1993]), то, вероятнее всего, были бы отмечены примеры и с фиктивным подлежащим (*dummy subject*), выраженным местоимением *it*. Однако они фиксируются только в среднеанглийском (см., например: [Carey, 1994, p. 49–50, 56]).

### Семантическая характеристика глаголов

Из 93 глагольных лексем лишь одна представляет собой безобъектный дуративный глагол – *gerestan* (отдыхать). Он употреблен в тексте Эльфрика «Жития святых», который относится к периоду 1050–1150 гг.

(16) ...þe on ðam scræfe tile hwile **gereste hæfdon** (LS 34 [SevenSleepers]:390.284) – ‘...которые в пещере должное время **отдыхали**’.

Пример (16) анализируется в работе К. Кэри, посвященной истории развития перфекта в английском языке. Хотя *gerestan* – это глагол деятельности по классификации Вендлера (*activity verb*), автор, как мы полагаем, верно отмечает, что *gerestan* не является безобъектным, поскольку обстоятельство времени *tile hwile* (должное время) в данном предложении можно рассматривать как «псевдо-объект» [Carey, 1994, p. 74]. Мы считаем такой подход правильным, поскольку он позво-

ляет непротиворечиво объяснить использование флектированного причастия. Во-первых, если *tile hwile*, выступающее на уровне семантических ролей как сирконстант, рассматривать в качестве дополнения, то дуративный глагол деятельности трансформируется в таком случае в предельный глагол совершения по классификации Вендлера (accomplishment verb), указывающий на результирующее состояние, находящееся в сфере субъекта. Во-вторых, *tile hwile* представляет собой субстантивное словосочетание, состоящее из ядра-существительного (мн. ч. ж. р. от *hwil*) и согласующегося с ним прилагательного *tile* (должное, длительное). Отсюда появление флексии *-e* у причастия и его согласование с дополнением. Анализ примера (16) демонстрирует важность конкретного контекста для толкования семантики того или иного глагола.

Рассмотрим другие утверждения И. Вишер относительно употребления неопределенных глаголов в анализируемой конструкции. В выборке исследователя большинство глаголов являются предельными, однако лингвист приводит 3 примера, противоречащие, по ее мнению, тезису, согласно которому глаголы (*gehealdenne*, *gesewene*, *gesyngod*), используемые в качестве причастия в конструкции «*habban* + причастие II», являются исключительно предельными [Wischer, 2004, p. 249]. Для анализа мы выбрали первые 2, поскольку они интересуют нас еще и как флектированные причастия. Рассуждая о предельности и неопределенности, Б. Комри замечает, что эти семантические аспектуальные характеристики глагола зависят от контекста: в *make a chair* – *make* предельный глагол, поскольку ситуация предполагает некий конечный пункт создания стула; в *John is singing* – *sing* неопределенный глагол, так как ситуация не включает подобного конечного пункта, но при этом действие, названное в *John is singing a song* является предельным [Comrie, 1976, p. 44–45]. Приведем пример, цитируемый И. Вишер, но в более расширенном варианте, с началом предложения, опущенного в ее цитации:

(17) *he cwæð: ðæt sindan ða ða ðe mid wifum ne beod besmitene, & hira mægedhad habbað gehealdenne* (CP:52.409.5.2814) – ‘он сказал: это те,

кто женами **не опорочены** и свою **непорочность сохранили**’ (досл. ‘имеют сохраненной’).

В примере (17) следует обратить внимание на некоторые особенности. Несмотря на то, что глагол *gehealdan* действительно обозначает продолжительное действие (хранить, держать, поддерживать), конструкция «*habban* + причастие II» используется с прямым объектом, а глагол имеет приставку *ge-*, которая, как правило, выполняет телесизирующую функцию (см.: [McFadden, 2015]). Кроме того, «*habban* + причастие II» используется параллельно с пассивной конструкцией «*beon / wesan* + причастие II», включающей флектированное причастие и выражающей результирующее состояние. В совокупности эти данные указывают на то, что *habbað gehealdenne* в примере (17) имеет результирующий характер, поскольку указывает на состояние, в котором прибывает субъект, совершивший над объектом определенное действие: неопороченные и сохранившие непорочность (те, кому удалось достичь этого результата). Подобным образом можно трактовать употребление статального глагола *ge-seon* (видеть) и ряд других, в частности, *ge-singan* в контексте с прямым дополнением:

(18) *Ða hig hæfdon heora lofsang gesunggenne þa ferdon hig...* (Mt [WSCp]:26.30.1877) – ‘когда они свою хвалебную песнь **спели** (досл. ‘**имели спетой**’), тогда отравились они...’

Аналогичные этому примеры приводит Б. Комри для иллюстрации предельности в современном английском языке. Итак, в нашей выборке все глаголы за исключением *finden* от *findan* (находить) (имеющиеся 15 примеров употребления бесприставочного глагола *findan* относятся к разным периодам) используются с телесизирующей приставкой *ge-* или другими приставками: *a-biddan* (приглашать), *be-fón* (ловить), *for-corfian* (отрезать), *ofer-cuman* (преодолевать), *of-sleán* (убивать), *on-lisan* (освободить). Эти приставки кроме изменения лексического значения создают предельность ситуаций, которые обозначены глаголами.

Как отмечает В.А. Плунгян, «результатив оказывается достаточно слабо грамматализованной глагольной формой: он имеет существенные ограничения на образование

(будучи возможен только у предельных процессов...) и хорошо предсказуемую “узкую” семантику, выводимую из лексического значения глагола» [Плунгян, 2016, с. 10]. Иными словами, глаголы, используемые с результатом, как правило, обладают семантикой изменения состояния (ср., например: [Сичинава, 2005, с. 87], где приводятся лексемы типа *sadit̃sa*, *veiat̃*, *lomiat̃*). Действительно, кроме вышеприведенных факторов, способствующих созданию предельной ситуации, как отмечалось во многих работах, лексическая семантика глаголов, используемых в качестве флектированного причастия, способствует реализации значения предельности, поскольку глаголы обозначают: **изменение состояния** – *a-fȳlan* (порочить, загрязнять), *a-hón* (вешать, распинать), *á-hȳdan* (прятать), *a-hȳrdan* (затвердевать), *á-weccan* (воскрешать), *be-lúcan* (заточать, закрывать), *be-smítan* (порочить, запятнать), *ge-clǣnsian* (очищать), *ge-búgan* (сгибать), *ge-liffæstan* (оживлять), *ge-scógan* (обувать), *ge-sweftian* (усыплять, умиротворять), *ge-tȳnan* (закрывать, прятать), *ge-wyldan* (укрощать, подчинять), *on-lisan* (освободить); **завершение действия** – *ge-fyllan* (наполнять, выполнять, заканчивать), *ge-lǣstan* (выполнять, завершать); **лишение / дарение** – *á-drifan* (прогонять), *aflīeman* (изгонять), *a-draefan* (прогонять), *be-nīman* (лишать, забирать), *be-rīpan* (обдирать, лишать), *ge-nīman* (забирать), *ge-sellan* (отдавать); **ментальные процессы (говорение, восприятие) и эмоции** – *ge-hátan* (командовать, клясться), *ge-leornian* (учить), *ge-manian* (увещевать), *ge-reccan* (рассказывать), *ge-seón* (видеть), *ge-wilnian* (хотеть, желать); **движение** – *ge-féran* (ехать, путешествовать), *ge-cyrran* (поворачиваться, возвращаться). С глаголами движения используется флектированная форма причастия, но, как показано в [Бондарь, 2017], «*habban* + причастие II» с нефлектированной формой причастий также обладала семантикой результативности. Более того, примеры использования стативных глаголов, в частности ментальной деятельности и говорения, приводимые как доказательство наличия перфектной семантики у анализируемой конструкции (см.: [Łecki, 2010; Wischer, 2004]), в [Carey, 1994] анализируются как результативы.

## Обсуждение данных

Анализ данных показывает, что флектированные причастия в конструкции «*habban* + причастие II» обозначали характеристики объекта, находящегося в определенном состоянии в результате выполненного субъектом действия, или самого субъекта после совершения им определенного действия. Флектированное причастие очевидно носило адъективный характер. При этом посессивный глагол не являлся вспомогательным (как в современном перфекте). Интересно отметить, что Ю. Тойота в работе, посвященной развитию пассивной конструкции с *be* в английском языке, на основании критериев определения вспомогательных глаголов (*auxiliaryhood*), разработанных Б. Хейне, приходит к выводу о том, что *be* в древнеанглийском не утрачивал лексического значения и находился в стадии изменения грамматического статуса: вспомогательным глаголом он станет только в среднеанглийском [Toyota, 2008, p. 56–57, 93]. При этом уже в древнеанглийском в конструкции с *beon* / *wesan* использовались обе формы причастий (см., например, в [Mitchell, 1985, p. 311–315]).

В работе Р. Майлхаммера и Е. Смирновой древнеанглийская конструкция с глаголом-связкой рассматривается как полностью композиционная, передающая пассивное значение в результате совмещения аспектуальных характеристик глагола-связки и аспектуально-транзитивных характеристик второго причастия [Mailhammer, Smirnova, 2013, p. 50–61]. Отвечая на вопрос о том, можно ли говорить о грамматикализированных пассивах в древнеанглийском, и размышляя о постепенном исчезновении флексий причастий как свидетельстве грамматикализации конструкции, авторы ссылаются на то, что в древнеанглийском предикативные прилагательные имели тенденцию к нефлектированному употреблению [Mailhammer, Smirnova, 2013, p. 48].

Таким образом, вышеприведенные трактовки конструкции «*beon* / *wesan* + причастие II» позволяют понять пример (16), где обе конструкции описывают субъект и то состояние, в котором он находится (обладание результатом действия). При этом мы едва ли можем интерпретировать примеры (8), (10) и (11) как со-

четание перфекта и результатива, тем более с однородными причастиями. В таком случае возникает вопрос: каким образом следует трактовать семантику «*habban* + причастие II» с нефлектированным причастием? Мы считаем, что эта конструкция выражала результативность (доказательства того, что данная конструкция имеет статально-результативный характер в большинстве контекстов см. также в [Carey, 1994; Detges, 2000]). По мнению О.А. Смирницкой, изначально (во всех древнегерманских языках) компоненты, входящие в «*habban* + причастие II», связаны атрибутивно-предикативной связью, а процесс отделения предикативности и атрибутивности длился многие столетия и привел «к образованию особой конструкции с переходным глаголом неполной предикации и предикативным причастием в винительном падеже» [Смирницкая, 1965, с. 5–7].

Исходя из этого, мы предлагаем рассматривать развитие связей внутри конструкции следующим образом. На начальных этапах атрибутивная характеристика причастия формировалась по модели сочетания прилагательного и существительного, а посессивный глагол выражал непосредственное владение предметом. Предикативная связь выдвигалась на первый план при расширении семантики посессивного глагола. Так, в Оксфордском словаре кроме значения непосредственного обладания у *habban* уже в древнеанглийский период фиксируется множество других, например:

(19) & *hæfð* ðæs suiðe micelne **hunger** (King Ælfred tr. Gregory Pastoral Care (Hatton) (1871) xxxix. 283) (цитируется по OED) – ‘и сильный **голод** испытывает’.

Расширение значения разрывало непосредственную атрибутивную связь причастия и дополнения, а также способствовало переосмыслению по типу предикативной связи внутри конструкции. За этим следовало и уподобление причастия прилагательному в конструкциях с предикативной связью, где прилагательные зачастую были лишены флексий. В дальнейшем «*habban* + причастие II» сохраняла свою общую результативную семантику. Размежевание атрибутивной и предикативной функций причастий несло и смысловые разграничения, аналогичные тем, которые прослежива-

ются в прилагательных, используемых в этих функциях. При атрибутивном употреблении причастие выражает признак, который приписывается объекту как некая постоянная характеристика, при предикативном – обозначает ситуацию, указывая на временную, непостоянную, проявляемую в данном контексте черту. Это можно продемонстрировать на двух примерах, относящихся к периодам 950–1050 гг. и 1050–1150 гг. соответственно:

(20) *Þæt wæs dioflum sylfum, for þon þe hie hira godu hæfdon geworhte of treowum & of stanum & of oðrum untimbrum missenlicum* (HomS 39 [ScraggVerc 12]:4.1668) – ‘Это было для самого дьявола, поскольку они **сделали** своих богов из деревьев и камней, и различных бесполезных материалов’;

(21) *On þys geare, þæt wæs ymb twelf monað þæs þe hie on þæm eastrice geweorc geworht hæfdon...* (ChronA [Plummer]:894.1.1021) – ‘В этот год, это было около двенадцати месяцев после того, как они **построили** сооружение в восточной части королевства...’

В примере (20) описание богов строится по атрибутивной модели и подчеркивает их постоянное качество: они были деревянными, каменными и т. д. В (21) предикативная модель причастия описывает ситуативный признак сооружения: завершенность строительства в определенный срок (сооружение недавно построенное). Данное разграничение позволяет объяснить употребление конструкций с обеими формами причастий в рамках одного широкого контекста и даже одного предложения (об этом см. в разделе «Синтаксическая характеристика»). Приписывание атрибутивной, постоянной характеристики объекту носило, видимо, субъективный характер и осуществлялось автором в тех контекстах, где необходимо было сделать данный акцент. Так, приводившийся уже пример (6) из Семикнижья – *Bearnleasne ge habbað me gedonne* (Gen:42.36.1793) – вполне можно интерпретировать с данной точки зрения: несомненно, что действие завершилось сейчас, есть его результат, но автор, по-видимому, в данном контексте счел необходимым подчеркнуть, что Яков теперь стал бездетным навсегда.

С этой же позиции необходимо рассматривать и пример (16), где, как мы уже отмечали, флектированное причастие *gereste* ис-

пользовано неслучайно. Выше нами приведены синтактико-семантические аргументы в пользу такого употребления. Здесь охарактеризуем общую семантику более широкого контекста, основываясь на собственном понимании разграничений атрибутивного и предикативного употребления причастий. Согласно легенде, которая пересказывается в тексте, семеро юношей-христиан отказались выполнять приказ императора приносить жертвы языческим богам и, чтобы избежать казни, укрылись в пещере. Место, где они скрывались, обнаружили и вход в пещеру замуровали. Однако Бог сделал так, что юноши заснули долгим сном. Он разбудил их снова, когда это было необходимо (по легенде через 200 лет). В тексте говорится, что Господь, который своей мощью воскрешал мертвых и оживил Лазаря, таким же образом пробудил ото сна семерых святых, спящих в пещере. В этом свете становится понятным, что приписывание атрибутивного признака субъекту через флектированное причастие оправдано: постоянной характеристикой семерых юношей было состояние сна, которое передается словом *gerestan* (отдыхать, пребывать). То, что в данном случае характеристика результата действия относится не к объекту, а к субъекту, укладывается в рамки концепции К. Кэри, которая называет такие конструкции «Resultant State-Process» (результатирующая статально-процессная конструкция). В них подлежащее находится в посессивных отношениях ('have' relation) с финальным состоянием процесса [Carey, 1994, p. 13 et passim]. Моносубъектность «*habban* + причастие II» отмечается и в [Смирницкая, 1965; Detges, 2000], где утверждается, что тип результатива, условно называемый Результатив II, совмещает в себе агенс и подлежащее. Хотя такая конструкция может показаться нелогичной, она существует во многих языках мира (например, исп. «*tener* + причастие II») и является предшественником перфекта [Detges, 2000, p. 350].

### Выводы

Подводя итоги, отметим наиболее важные результаты данного исследования. Выбор флектированных и нефлектированных прича-

стий в рамках результативной конструкции «*habban* + причастие II» имел смысловое основание – признак субъекта-объекта: причастие с флексией указывало на длительную, имманентную характеристику описываемого предмета (аналогично атрибутивному прилагательному), а без нее – на ситуативный, временный признак прилагательного (аналогично предикативному прилагательному).

Данное разграничение действовало в рамках древнеанглийского периода при сохранении флективной системы у прилагательных и существительных, но начало подвергаться изменениям к концу древнеанглийского периода (XI–XII вв.) при общем расшатывании морфологии языка, о чем может свидетельствовать пример из текста Вульфстана.

Малая представленность флектированных причастий может быть связана с субъективным авторским взглядом и потребностями контекста.

Семантические характеристики глаголов, используемых в формах флектированных причастий, свидетельствуют о результативном значении «*habban* + причастие II», в рамках которой они употреблялись.

Синтаксические характеристики элементов, входящих в конструкцию с посессивным глаголом и флектированным причастием, отражают общую тенденцию их позиционного распределения в составе конструкции, за исключением превалирования постобъектных позиций причастий, которое характерно для изначальной (присущей всем германским языкам) модели с атрибутивно-предикативными связями.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондарь В. А., 2017. *Habban* + причастие II с глаголами движения в древнеанглийском языке // Вопросы языкознания. №. 5. С. 75–91.
- Плунгян В. А., 2016. К типологии перфекта в языках мира // Acta Linguistica Petropolitana. Труды института лингвистических исследований. Т. 12, ч. 2. С. 7–36.
- Сичинава Д. В., 2005. Типология глагольных систем с синонимией базовых элементов парадигмы : дис. ... канд. филол. наук. Москва. 444 с.
- Смирницкая О. А., 1965. Происхождение аналитической формы перфекта в древних германских языках : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Москва. 18 с.

- Carey K., 1994. *Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect* : PhD dissertation. San Diego : University of California at San Diego. 165 p.
- Comrie B., 1976. *Aspect*. Cambridge : Cambridge University Press. 142 p.
- Detges U., 2000. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification // *Studies in Language*. Vol. 24, № 2. P. 345–377.
- Hopper P. J., Traugott E. C., 1993. *Grammaticalization*. Cambridge : Cambridge University Press. 276 p.
- Johannsen B., 2016. From possessive-resultative to perfect? Re-assessing the meaning of [hæbb- + past participle] constructions in Old English prose // *Re-assessing the Present Perfect* / V. Werner, E. Seoane, C. Suárez-Gómez (eds). Berlin ; Boston : Walter de Gruyter GmbH. P. 23–41.
- Kilpiö M., 2013. Causative habban in old English // *Comparative Studies in Early Germanic Languages: With a focus on verbal categories*. T. 138. P. 101–125.
- Lee J.-H., 2004. *Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective*. Dissertation. Austin : The University of Texas at Austin. 225 p.
- Łęcki A., 2010. Grammaticalisation Paths of «Have» in English. Series: *Studies in English Medieval Language and Literature*. Vol. 24. Frankfurt am Main : Peter Lang. 269 p.
- Lusky G. F., 1922. The Verb Forms Circumscribed with the Perfect Participle in the Beowulf // *The Journal of English and Germanic Philology*. Vol. 21, № 1. P. 32–69.
- Mailhammer R., Smirnova E., 2013. Sources of passive constructions in Old High German and Old English // *Comparative Studies in Early Germanic Languages. With a focus on verbal categories* / G. Diewald, L. Kahlas-Tarkka, I. Wischer (eds.). Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. P. 41–70.
- McFadden Th., 2015. Preverbal ge- in Old and Middle English. URL: [http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/mitarbeiter/mcfadden/ge\\_writeup.pdf](http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/mitarbeiter/mcfadden/ge_writeup.pdf) (дата обращения: 19.01.2018).
- Mitchell B., 1985. *Old English Syntax*. Vol. I. Oxford : Clarendon. 820 p.
- Toyota J., 2008. *Diachronic change in the English passive*. Springer. 286 p.
- Traugott E. C., 1992. *Syntax // The Cambridge history of the English language* / R. M. Hogg (ed.). Cambridge : Cambridge University Press. P. 168–289.
- Wischer I., 2004. The HAVE-‘perfect’ in Old English // *New Perspectives on English Historical Linguistics. Selected Papers from 12 ICEHL (Glasgow, 21–26 August 2002)* / Ch. Kay (ed.). Vol. 1: *Syntax and Morphology*. Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. P. 243–255.
- Yao X., 2015. The present perfect and the preterite in Australian English // *Grammatical Change in English World-Wide (Studies in Corpus Linguistics, 67)* / P. Collins (ed.). Amsterdam : John Benjamins Publishing Company. P. 247–268.

**ИСТОЧНИКИ**

- OED – Oxford English Dictionary online. URL: <http://www.oed.com> (дата обращения: 18.01.2018).
- The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose – The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose (YCOE)* / A. Taylor, A. R. Warner, S. Pintzuk, F. Beths. York : University of York : Department of Linguistics, 2003. P. 196–227.

**REFERENCES**

- Bondar V.A., 2017. *Habban + Participle II with the Verbs of Motion in old English*. *Voprosy yazykoznaninya [Topics in the Study of Language]*, no. 5, pp. 75-91.
- Plungyan V.A., 2016. Toward the Typology of the Perfect Tense in the World Languages. *Acta Linguistica Petropolitana. Trudy instituta lingvisticheskikh issledovaniy*, vol. 12, part 2, pp. 7-36.
- Sichinava D.V., 2005. *The Typology of Verbal Systems with the Synonymy of the Paradigm's Basic Elements*. *Cand. philol. sci. diss.* Moscow. 444 p.
- Smirnitskaya O.A., 1965. *The Origin of the Analytical Form of the Perfect in the Ancient Germanic Languages*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 18 p.
- Carey K., 1994. *Pragmatics, Subjectivity and the Grammaticalization of the English Perfect*. PhD dissertation. University of California at San Diego. 165 p.
- Comrie B., 1976. *Aspect*. Cambridge, Cambridge University Press. 142 p.
- Detges U., 2000. Time and truth: The grammaticalization of resultatives and perfects within a theory of subjectification. *Studies in Language*, vol. 24, no. 2, pp. 345-377.
- Hopper P.J., Traugott E.C., 1993. *Grammaticalization*. Cambridge, Cambridge University Press. 276 p.
- Johannsen B., 2016. From possessive-resultative to perfect? Re-assessing the meaning of [Habban- + past participle] constructions in Old English prose. Werner, V., Seoane, E., Suárez-Gómez C.,

- eds. *Re-assessing the Present Perfect*. Berlin; Boston, Walter de Gruyter GmbH, pp. 23-41.
- Kilpiö M., 2013. Causative habban in old English. *Comparative Studies in Early Germanic Languages: With a focus on verbal categories*, vol. 138, pp. 101-125.
- Lee J.-H., 2004. *Periphrastic Perfect Tense in English: A Historical Perspective. Dissertation*. The University of Texas at Austin. 225 p.
- Łęcki A., 2010. *Grammaticalisation Paths of 'Have' in English. Series: Studies in English Medieval Language and Literature*. Frankfurt am Main, Peter Lang, vol. 24. 269 p.
- Lusky G. F., 1922. The Verb Forms Circumscribed with the Perfect Participle in the Beowulf. *The Journal of English and Germanic Philology*, vol. 21, no. 1, pp. 32-69.
- Mailhammer R., Smirnova E., 2013. Sources of passive constructions in Old High German and Old English. Diewald G., Kahlas-Tarkka L., Wischer I. (eds.). *Comparative Studies in Early Germanic Languages. With a focus on verbal categories*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 41-70.
- McFadden Th. *Preverbal ge- in Old and Middle English*. URL: [http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/mitarbeiter/mcfadden/ge\\_writeup.pdf](http://www.zas.gwz-berlin.de/fileadmin/mitarbeiter/mcfadden/ge_writeup.pdf) (accessed 19 January 2018).
- Mitchell B., 1985. *Old English Syntax*. Oxford, Clarendon, vol. I. 820 p.
- Toyota J., 2008. *Diachronic change in the English passive*. Springer. 286 p.
- Traugott E.C., 1992. Syntax. Hogg R.M., ed. *The Cambridge history of the English language*. Cambridge, Cambridge University Press, pp. 168-289.
- Wischer I., 2004. The HAVE-‘perfect’ in Old English. Kay Ch., ed. *New Perspectives on English Historical Linguistics. Selected Papers from 12 ICEHL (Glasgow, 21–26 August 2002). Vol. 1: Syntax and Morphology*. Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 243-255.
- Yao X., 2015. The Present Perfect and the Preterite in Australian English. Collins P., ed. *Grammatical Change in English World-Wide (Studies in Corpus Linguistics, 67)*. Amsterdam, John Benjamins Publishing Company, pp. 247-268.

### SOURCES

- Oxford English Dictionary online*. URL: <http://www.oed.com> (accessed 18 January 2018).
- Taylor A., Warner A. R., Pintzuk S., Beths F., 2003. *The York-Toronto-Helsinki Parsed Corpus of Old English Prose (YCOE)*. York, University of York, Department of Linguistics, pp. 196-227.

### Information about the Author

**Vladimir A. Bondar**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of English for Academic and Business Communication, Saint Petersburg State University, Universitetskaya Emb., 7-9, 199034 Saint Petersburg, Russia, [alstar@inbox.ru](mailto:alstar@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7636-0326>

### Информация об авторе

**Владимир Анатольевич Бондарь**, кандидат филологических наук, доцент кафедры делового иностранного языка, Санкт-Петербургский государственный университет, наб. Университетская, 7–9, 199034 г. Санкт-Петербург, Россия, [alstar@inbox.ru](mailto:alstar@inbox.ru), <https://orcid.org/0000-0001-7636-0326>



# РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

---

---

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.6>

UDC 811.161.1'35  
LBC 81.411.2-65

Submitted: 19.09.2018  
Accepted: 16.10.2018

## THE PROBLEMS AND CONTRADICTIONS OF COMPLEX ADJECTIVES CODIFICATION IN THE RUSSIAN LANGUAGE <sup>1</sup>

Elena G. Sidorova

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The paper analyzes the linguistic content of the norm regulating the writing of complex adjectives, fixed in the Rules of *Russian spelling and punctuation* of 1956. The criteria underlying these recommendations are described, and the reasons for the selectivity of the application of the formulated rules are identified. We characterize the research aimed at clarifying the content of the standard for writing complex adjectives on the basis of either a formal grammatical principle or its combination with the semantic and syntactic criterion. It has been revealed that an attempt to combine the action of conflicting criteria within the framework of uniform rules without regard to their hierarchy leads to an increase in the number of exceptions to the rules and cannot be considered successful.

We carry out the analysis of vocabulary codification of complex adjectives. It is argued that the spelling discrepancy in recommending the continuous / hyphenated writing of complex adjectives in modern Russian is caused by the high level of preparation and editing of a number of dictionaries and by repeated transfiguration of individual words fixed in academic spelling dictionaries. Contradictions at the codification of the spelling norm require changes in the content and principles of the very rules, as well as in the recommendations of spelling dictionaries.

**Key words:** spelling norm, codification, recoding, spelling rules, spelling variability, writing criteria.

**Citation.** Sidorova E.G. The Problems and Contradictions of Complex Adjectives Codification in the Russian Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 68-80. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.6>

УДК 811.161.1'35  
ББК 81.411.2-65

Дата поступления статьи: 19.09.2018  
Дата принятия статьи: 16.10.2018

## ПРОБЛЕМЫ И ПРОТИВОРЕЧИЯ КОДИФИКАЦИИ СЛОЖНЫХ ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ <sup>1</sup>

Елена Геннадьевна Сидорова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Аннотация.** В статье анализируется лингвистическое содержание нормы, регламентирующей написание сложных прилагательных, закрепленное в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года. Описаны критерии, положенные в основу данных рекомендаций, и выявлены причины избирательности

применения сформулированных правил. Охарактеризованы исследования, нацеленные на уточнение содержания норматива написания сложных прилагательных либо на базе формально-грамматического принципа, либо на базе его совмещения с семантико-синтаксическим критерием. Установлено, что попытка в рамках единых правил совместить действие противоречащих друг другу критериев без учета их иерархии приводит к увеличению количества исключений из правил и не может быть признана успешной.

Проведен анализ словарной кодификации сложных прилагательных. Утверждается, что орфографический разнобой при рекомендации слитного / дефисного написания сложных прилагательных в современном русском языке обусловлен как не всегда высоким уровнем подготовки и редактирования ряда словарей, так и неоднократной перекодификацией отдельных слов, закрепленной в академических орфографических словарях. Противоречия при кодификации орфографической нормы требуют внесения изменений как в содержание и принципы самих правил, так и в рекомендации орфографических словарей.

**Ключевые слова:** орфографическая норма, кодификация, перекодификация, правила орфографии, орфографическая вариативность, критерии определения написания.

**Цитирование.** Сидорова Е. Г. Проблемы и противоречия кодификации сложных прилагательных в русском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 68–80. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.6>

### Введение. «Болевая точка» русской орфографии

Орфография, понимаемая нами вслед за В.Ф. Ивановой как «раздел языкознания, изучающий и разрабатывающий систему правил, обеспечивающих единообразие написаний» [Иванова, 1997, с. 303], по самой сути своей призвана облегчать читающему восприятие письменного текста посредством унификации графического облика конкретного слова. При этом существуют орфографические нормативы, остающиеся в центре внимания лингвистов на протяжении значительного временного отрезка, но так и не приведенные в удовлетворительное для носителей языка состояние, что создает в орфографии «болевы́е точки». Безусловно, одной из таких «точек» следует признать правописание сложных прилагательных. Еще С.И. Ожегов, характеризуя сложные прилагательные как весьма продуктивную группу лексем, отмечал: «Они возникают постоянно, и с таким же постоянством обнаруживаются колебания в слитном написании или через черточку» [Ожегов, 1957, с. 37]. Это мнение, высказанное ученым более полувека назад, разделяют и современные исследователи, констатируя, что «область слитного, дефисного или раздельного написания характеризуется большей вариативностью, чем любая другая область русской орфографии» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 98]. Наблюдения за практикой печати показывают, что вариативность написания сложных прилагательных обнаруживается даже в тек-

стах, прошедших корректуру. Так, в современных региональных СМИ орфографически непоследовательно фиксируется множество подобных лексем. Ср.:

*вегетососудистая дистония* (ВП, 13.07.2018) – *вегето-сосудистая дистония* (КП-Волгоград, 8–15 марта 2017);  
*рискоориентированный подход* (ВП, 10.05.2017) – *риск-ориентированный подход* (Донской вестник, 24.06.2017);  
*нефтегазовая отрасль* (ВП, 09.11.2015) – *нефте-газовый колледж* (Спутник, 09.09.2017);  
*народнохозяйственное значение* (ВП, 24.04.2012) – *народно-хозяйственное значение* (Спутник, 21.09.2017);  
*средневысокая плотность* (ВВ, 01.02.2018) – *средне-низкая плотность* (ВВ, 01.02.2018);  
*среднеспециальные учебные заведения* (ВП, 23.04.2018) – *средне-специальное учебное заведение* (ВП, 04.07.2017);  
*социально значимые периоды* (Донской вестник, 10.06.2017) – *социально-значимые проекты* (Донской вестник, 30.01.2016);  
*социально опасное положение* (Спутник, 29.08.2017) – *социально-опасное положение* (Спутник, 18.01.2018);  
*конноспортивные шоу* (ВП, 18.07.2018) – *конно-спортивный клуб* (ВП, 12.12.2014);  
*естественнонаучные фильмы* (ВП, 06.06.2016) – *естественно-научный цикл* (ВП, 09.11.2017).

Попытаемся выявить причины широкой орфографической вариативности в написании сложных прилагательных.

### Лингвистическое содержание орфографической нормы

Лингвистическое содержание нормы, регламентирующей написание сложных прилагательных, закреплено «Правилами русской орфографии и пунктуации» 1956 года. Данный свод стал значительным достижением в сфере правописания, его составители отмечали в Предисловии, что он «является первым полным сводом, так как известный труд академика Я.К. Грота “Русское правописание” (1885 г.) посвящен рассмотрению преимущественно отдельных неясных и спорных случаев орфографии, а полного свода правил русской пунктуации до сих пор вообще не существовало. <...> Настоящие “Правила” должны служить основным источником для всех составителей учебников, словарей русского языка, специальных словарей, энциклопедий и справочников. Они должны быть необходимым практическим руководством для каждого, кто интересуется вопросами русского правописания» [Правила..., 1957, с. 3–4].

Рекомендации по орфографическому оформлению сложных прилагательных опираются на несколько критериев:

1) словообразовательный, предписывающий слитное написание прилагательных, «образованных от слитно пишущихся сложных имен существительных» (п. 1 § 80) [Правила..., 1957, с. 41], и дефисное написание прилагательных, «образованных от существительных, пишущихся через дефис» (п. 1 § 81) [Правила..., 1957, с. 41];

2) семантико-синтаксический, в соответствии с которым пишутся слитно сложные имена прилагательные, «образованные из сочетаний слов, по своему значению подчиненных одно другому» (п. 2 § 80) [Правила..., 1957, с. 41], и через дефис прилагательные, «образованные из двух или более основ, обозначающих равноправные понятия» (п. 2 § 81) [Правила..., 1957, с. 42];

3) семантический, на основании которого рекомендуется писать через дефис сложные прилагательные, обозначающие качество с дополнительным оттенком либо оттенком цветов (п. 3 § 81) [Правила..., 1957, с. 42];

4) формально-семантический, в соответствии с которым рекомендуется писать че-

рез дефис сложные прилагательные, «входящие в состав географических собственных имен и начинающиеся с *восточно-, западно-, северно- и северо-, южно- и юго-*» (п. 4 § 81) [Правила..., 1957, с. 42];

5) функционально-стилистический, предусматривающий слитное написание сложных прилагательных, «употребляемых в качестве терминов» (п. 3 § 80) [Правила..., 1957, с. 41].

Наиболее бесспорным нам представляется первый из выделенных критериев. Привлечение словообразовательных связей для обоснования выбора способа орфографического оформления сложного прилагательного способствует сохранению графической взаимосвязи производящей и производной основ, тогда как утрата этой взаимосвязи вряд ли будет желательна для носителя языка.

Составители «Правил...» центральное место при определении слитного / дефисного написания прилагательных отвели семантико-синтаксическому критерию, поскольку действие именно соответствующих ему пунктов правил должно мотивировать графический облик большей части всех сложных прилагательных русского языка. Между тем положенный в его основу признак, связанный с разграничением сочетаний равноправных и неравноправных понятий, вызвал противоречивые отклики ученых и педагогов. Так, в «Обзоре по усовершенствованию русской орфографии» приводятся диаметрально противоположные точки зрения ученых. Ср.: «Двойное написание сложных имен (слитное и дефисное) не является механическим приемом; наоборот, оно оправдано языком, поскольку отражает существенные различия в отношениях слагаемых сложного слова» – «Вряд ли можно считать лингвистически оправданной попытку проводить прямую аналогию между компонентами сложного слова и соответствующими словосочетаниями, поскольку компоненты сложного слова не сохраняют грамматических значений членов исходных словосочетаний», «при установлении взаимоотношения компонентов сложных слов нередко возникают затруднения: понятия “сочинительная” или “подчинительная” связь, “равноправность” и “неравноправность” компонентов и др. не дают ясного критерия в руки пишущего» [Обзор..., 1965, с. 300]. Кроме того, для установ-

ления типа синтаксических отношений (равноправные / неравноправные) между компонентами исходного словосочетания «нужно иметь достаточные, а иногда и исчерпывающие сведения о денотате, не отраженные однозначно в его именовании» [Сидорова, 1998, с. 63], да и не каждое сложное прилагательное однозначно мотивируется словосочетанием, даже когда эти словосочетания существуют. Е.В. Бешенкова и О.Е. Иванова утверждают, что «правила, основанные на семантико-синтаксическом принципе ... имеют достаточно ограниченную сферу действия – они обременены слишком большим количеством отступлений, понижающих их предсказательную силу, чтобы считаться безусловным руководством к действию» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 181].

Семантический признак, положенный в основу правила о дефисном написании сложных прилагательных, обозначающих качество с дополнительным оттенком и оттенки цвета, несмотря на кажущуюся простоту, также не способствовал укреплению данной орфографической нормы. По мнению Б.З. Букчиной, «основная причина разнобоя в написании сложных цветовых обозначений нам представляется в том, что правило сформулировано слишком обобщенно и не учитывает разнообразия составных частей анализируемых прилагательных: цвета и оттенки цветов выражаются разными лексико-семантическими средствами <...> Не учтено то обстоятельство, что цвета и оттенки цветов могут выражаться ... например, наречными словами типа *абсолютно, почти, ослепительно, идеально, чисто*, с которыми, как правило, образуются не сложные слова, а словосочетания» [Букчина, 2001, с. 60]. Рекомендация оформлять посредством дефиса сложные прилагательные, передающие оттенки цвета, является, по сути, нарушением основного семантико-синтаксического принципа, поскольку отношения производящих основ подобных композитов нельзя назвать равноправными (*светло-зеленый* – это не *светлый* и *зеленый*, а *зеленый* в его светлом оттенке; *темно-синий* – это не *темный* и *синий*, а *синий* в его темном оттенке и т. д.).

Представляется лингвистически недостаточно обоснованным формально-семанти-

ческий критерий, в соответствии с которым требуется использовать дефис между частями прилагательных, если они начинаются с *восточно-, западно-, северно- и северо-, южно- и юго-* и при этом являются частью географического наименования. С одной стороны, наличие определенных формальных элементов в составе прилагательного значительно упрощает принятие решения для пишущего. С другой стороны, не вполне понятно, почему сложные прилагательные с указанными компонентами пишутся по-разному в зависимости от вхождения / невхождения в структуру географического имени собственного (например, *Восточно-Китайское море, Западно-Сибирская равнина, Северо-Атлантическое течение, но восточногерманские традиции, западноевропейская литература, северокорейский праздник*), несмотря на факт их образования от подчинительных сочетаний (*Восточный Китай, Западная Сибирь, север Атлантики, Восточная Германия, Западная Европа, Северная Корея*). Вряд ли целесообразно связывать способ орфографического оформления прилагательного с решением другой, не менее сложной задачи по разграничению имен собственных и нарицательных.

Функционально-стилистический критерий, положенный в основу правила о слитном написании терминологических сложных прилагательных, также оказался трудноприменимым. Это обусловлено как отсутствием четких признаков, по которым рядовой носитель языка мог бы адекватно разграничивать термины и нетермины, так и действующими в современном русском языке разнонаправленными тенденциями – использованием слов литературного языка в качестве терминов и вхождением терминов в состав литературного языка. Кроме того, имеются случаи использования терминов-омонимов. Нередко функционирование термина в рамках различных систем номинации приводит к его орфографическому варьированию. Несмотря на рекомендации «Правил...» писать подобные сложные прилагательные слитно (п. 3 § 80), высказываются мнения о том, что «именно дефисное написание сложного термина способствует выполнению когнитивной функции термина» [Гарифуллина, 2009, с. 64]. Мы раз-

деляем точку зрения Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой, утверждавших что «особые правила для терминологической лексики невозможны и не нужны» [Букчина, Калакуцкая, 1981, с. 156], тем более что, как отмечает В.В. Лопатин, «правильно надо писать не только общеупотребительные и стилистически нейтральные слова, а все слова, независимо от их стилистической окраски, от сферы употребления и вообще от употребительности» [Лопатин, 2011, с. 159].

Неконечность принятых в 1956 г. правил осознавалась самими авторами, и этим, видимо, обусловлено примечание 1 к § 81: «Прилагательные, образованные из двух или более основ, не подходящие под перечисленные правила, пишутся через дефис» [Правила..., 1957, с. 42]. Если речь идет о нескольких исключениях, то весь перечень подобных слов должен быть представлен, в противном случае неясно, каким образом пишущий сумеет определить, что какое-то сложное прилагательные «не подходит под перечисленные правила». Более того, если какие-либо слова «не подходят под перечисленные правила», то они должны «подходить» под какие-то другие, во всяком случае их собственные дифференциальные признаки должны быть обозначены максимально четко.

### Предложения по совершенствованию орфографической нормы

В течение десятилетий, прошедших с момента утверждения «Правил...» (1956 г.), предпринимались неоднократные попытки уточнить лингвистическое содержание норматива. В некоторых учебных и справочных изданиях появилось правило, рекомендуемое писать «через дефис сложные имена прилагательные, образованные из сочетания прилагательного с существительным, но с перестановкой этих элементов, например: *литературно-художественный* (ср. *художественная литература*), *словарно-технический* (ср. *технические словари*)» [Розенталь, 1996, с. 58].

Еще один лингвистический критерий, отсутствующий в «Правилах...», связан с разграничением определений, являющихся компонентами сложного слова, по признаку их

однородности / неоднородности. В учебном пособии под редакцией Л.А. Введенской представлено следующее правило: «Через дефис пишутся сложные прилагательные, обозначающие названия отделов учреждений, заводских цехов, промышленных предприятий, учебных заведений и т. п. Они состоят из двух неоднородных определений, из которых одно имеет общее значение, а другое – узкое: *жилищно-строительный (отдел)* (*строительный* имеет общее значение, *жилищный* – узкое, так как кроме жилищного есть государственное строительство); *литературно-редакторский (факультет)*, *почвенно-мелиоративная (станция)*» [Орфография и пунктуация, 1984, с. 56]. В таком виде правило создает для пишущего дополнительные трудности, связанные с необходимостью запоминания значения сложных прилагательных (тем более что список значений открыт), а также с выяснением однородности / неоднородности определений. Зыбкость границ однородных и неоднородных определений отчетливо прослеживается в справочнике «Орфография и пунктуация» Н.С. Валгиной и В.Н. Светлышевой. Аналогичное вышеприведенному правилу о дефисном написании сложных прилагательных, обозначающих неоднородные признаки, они иллюстрируют списком из 69 слов [Валгина, Светлышева, 1993, с. 71–72].

В учебном пособии А.И. Кайдаловой и И.К. Калининой содержатся два правила, касающиеся прилагательных, обозначающих неоднородные признаки, причем их рекомендации прямо противоположны друг другу. Ср.: «Пишутся слитно сложные прилагательные, образованные из двух неоднородных прилагательных, между которыми нельзя поставить союзы *и, но, не только... но и*: *древнецерковнославянский язык* (*древний церковный славянский язык*), *новогреческий язык* (*новый греческий язык*), *сложносочиненное предложение* (*сложное сочиненное предложение*)» [Кайдалова, Калинина, 1998, с. 104] – «Пишутся через дефис сложные прилагательные, образованные из двух или более основ, характеризующие понятие с разных сторон» [Кайдалова, Калинина, 1998, с. 114]. Далее авторы уточняют, что «сложные прилагательные анализируемого типа образуются из двух и более прилагательных, которые или одина-

ково равноправны по отношению к существительному, ими определяемому, или одно дает общее определение, а второе указывает на более узкую функцию или на дополнительный признак, оттенок. Среди подобных сложных прилагательных много названий учреждений, учебных заведений, отделов, цехов, а также научных терминов, названий разнообразных мероприятий в области культуры и т. д.: *научно-медицинский журнал, общественно-политическое мероприятие, опытно-показательный участок* и др.» [Кайдалова, Калинина, 1998, с. 116].

Наиболее значительным достижением в направлении совершенствования данной орфографической нормы считаем попытку мотивации выбора написания сложных прилагательных на основании предложенного Б.З. Букчиной и Л.П. Калакуцкой формально-грамматического принципа, в соответствии с которым следует писать через дефис «сложные имена прилагательные, образованные из двух или более основ, имеющие в этих основах суффиксы прилагательных (или причастий)» [Букчина, Калакуцкая, 1983, с. 27], а слитно следует писать слова, «не имеющие в этих основах суффиксов прилагательных» [Букчина, Калакуцкая, 1983, с. 27]. Между тем не все ученые поддержали предлагаемый формально-грамматический критерий в качестве достаточной мотивации выбора слитного или дефисного написания сложных прилагательных. Например, С.Н. Борунова признавала, что «последовательное проведение этого принципа нежелательно, так как разрушит устоявшиеся в соответствии с действующим правилом, не вызывающие затруднений написания» [Борунова, 1994, с. 52]. Е.В. Бешенкова и О.Е. Иванова констатируют, что «отличить суффикс прилагательного от суффикса существительного, что определяет написание слова, иногда бывает совсем не просто» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 182].

Итогом многолетней работы по совершенствованию лингвистического содержания норматива можно считать рекомендации, представленные во второй редакции «Правил...», опубликованной в 2006 году. Все выделенные нами в рамках свода 1956 г. критерии определения верного написания сохраняются и в новой версии «Правил...». При этом

значительно сузилось действие функционально-стилистического критерия: теперь дефисное написание рекомендуется только для научно-технических терминологических «прилагательных с повторяющимся корнем типа *водо-водяной, газо-газовый*» (п. 4 §129) [Правила..., 2006, с. 136] и «музыкальных терминов, содержащих в качестве составной части названия нот», например: *до-мажорный, фа-диез-минорный* (п. 5 § 129) [Правила..., 2006, с. 136].

Обращает на себя внимание содержание п. 3 § 130: «Из правила пп. 1–2 имеется много исключений. Так, пишутся слитно, несмотря на равноправное по смыслу отношение основ, прилагательные *глухонемой, буровзрывной, пароводяной, водовоздушный, газопаровой, газобензиновый, нефтегазовый, тазобедренный* и др. ... пишутся через дефис, несмотря на подчинительное отношение основ, прилагательные *буржуазно-демократический, военно-исторический, жилищно-кооперативный, парашютно-десантный, гражданско-правовой*» (в неконечном списке представлено 20 прилагательных). В своде утверждается, что «дефисному написанию таких слов способствует наличие в первой основе суффикса относительных прилагательных (-н-, -енн-, -ов-, -ск-)» (п. 3 § 130) [Правила..., 2006, с. 138].

Таким образом, авторы новой редакции «Правил русской орфографии и пунктуации» сохранили в качестве ведущего принципа, регулирующего правописание сложных прилагательных, семантико-синтаксический (сочинительное или подчинительное отношение основ), однако обозначили и действие формально-грамматического признака (наличие или отсутствие суффикса прилагательного в первой части).

Попытку в рамках единых правил совместить действие указанных принципов предприняли Е.В. Бешенкова и О.Е. Иванова в книге «Теория и практика нормирования русского письма». Воспроизведем фрагмент предложенной ими системы правил, значимый в контексте нашего исследования:

«3. Правило. Сложные прилагательные с сочинительным отношением основ и суффиксом в первой части пишутся через дефис, напр.: *выпукло-вогнутый, кабельно-спутни-*

ковый, колюще-режущий, осенне-зимний, садово-парковый.

Исключения: *таломерзлый, топливо-воздушный, роликовинтовой, рокиловтулочный, роликоленточный*. <...>

4. Правило. Сложные прилагательные с подчинительным отношением основ и без суффикса в первой части пишутся слитно, напр.: *колесотокарный, йодосодержащий* и *йодосодержащий, овощемоечный, рельсоукладочный, сталелитейный*.

Исключение-подправило 1. Сложные прилагательные, содержащие названия нот, пишутся через дефис, напр.: *до-мажорный, соль-диезный*.

Исключение-подправило 2. Сложные прилагательные с первой частью – аббревиатурой пишутся через дефис, напр.: *ДНК-содержащий, УФ-излучающий*.

Исключения. Пишутся через дефис следующие прилагательные: *вакуум-измерительный, вакуум-выпарной, вакуум-градиентный, вакуум-концентрический, вакуум-формовочный, интернет-зависимый, интернет-ориентированный, кросс-жанровый, кросс-секторальный, кросс-модуляционный, кросс-платформенный, носослезный, резус-конфликтный, резус-положительный, резус-отрицательный, спин-орбитальный, электрон-дефицитный, электрон-позитивный*. <...>

6. Правило. Написание остальных сложных прилагательных определяется по словарю.

Примеры.

Сложные прилагательные с сочинительным отношением основ и без суффикса в первой части: а) пишущиеся слитно: *буровзрывной, водопаровой, рельсошпальный, тазобедренный*; б) пишущиеся дефисно: *звукбуквенный, фарфоро-фаянсовый, овощемолочный*.

Сложные прилагательные с подчинительным отношением основ и с суффиксом в первой части: а) пишущиеся слитно: *водноспортивный, горнолыжный, узкоконкретный, узкокорыстный, наружнораковинный, писчебумажный, сельскохозяйственный, соединительнотканый, спинномозговой, хлопчатобумажный, эфирномасляной*; б) пишущиеся дефисно: *авторско-правовой, адресно-справочный, алфавитно-словар-*

*ный, антикварно-букинистический, военно-авиационный, газово-печной, китобойно-промысловый, коррозионно-устойчивый, лодочно-прокатный, налично-денежный, народно-демократический, оборонно-промышленный, образно-экспрессивный, овчинно-шубный, овчинно-меховой, подземно-транспортный, пожарно-технический, социально-экономический, строительно-дорожный, строительно-инвестиционный, уголовно-разыскной, умеренно-диссимилятивный, универсально-гибочный*.

Сложные прилагательные с неясной смысловой соотнесенностью основ независимо от наличия / отсутствия суффикса в первой части: а) пишущиеся слитно: *вегетоатенический, вегетососудистый, речемыслительный, мочекаменный*; б) пишущиеся дефисно: *школьно-письменный, хлористоводородный*» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 186–188].

Языковедам удалось сформулировать «правило-предписание, то есть правило, применение которого однозначно приведет к написанию, соответствующему и словарной кодификации <...> В той области письма, где эти факторы (семантико-синтаксические отношения основ и наличие / отсутствие суффикса в первой части слова. – Е. С.) действуют совместно, в одном направлении, написание прилагательного – слитное или дефисное – предсказуемо и, самое главное, совпадает с действующей нормой письма» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 183–184]. При этом вызывает множество вопросов формулировка правила 6. Представленный пункт, по-видимому, нельзя считать полноценным правилом, поскольку в нем не содержится ни одного дифференциального признака, а это противоречит требованиям, которым, по мнению авторов, должны соответствовать формулировки правил: «адекватность проблеме, адекватность описываемому материалу, полнота охвата материала, непротиворечивость, адекватность выделенных критериев, полнота списка исключений, – а также доступность формулировки правил для обычного носителя языка, сколь бы сложной ни была теория, положенная в их основу» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 134]. По нашему мнению, именно утверждаемая авторами «принципиальная неиерархичность факторов» [Бешен-

кова, Иванова, 2016, с. 6], влияющих на орфографическое оформление слова, нередко приводит к нелогичным, противоречивым мотивировкам правописания. Ср.: в «Объяснительном словаре-справочнике», подготовленном Е.В. Бешенковой, О.Е. Ивановой, Л.К. Чельцовой, слитное написание сложного прилагательного *цифроаналоговый* мотивируется тем, что оно «без суффикса в первой части, несмотря на сочинительное отношение основ», тогда как дефисное написание прилагательного *цифро-буквенный* – тем, что это «сложное прилагательное с сочинительным отношением основ, несмотря на отсутствие суффикса в первой части» [2017, с. 470]. Неясно, на основании чего носитель языка должен определить, какой из двух признаков, определяющих правописание сложных прилагательных, нужно учитывать в каждом конкретном случае, а каким необходимо пренебречь?

Как видим, пока ученым не удалось разработать правила, последовательное применение которых с обязательным учетом иерархии дифференциальных признаков позволило бы носителю языка орфографически верно писать сложные прилагательные.

### Проблемы словарной кодификации

Кодификация орфографических норм осуществляется с помощью соответствующих правил и фиксации в словаре. Вопрос о главенствующей роли одного из этих способов в отечественной науке решался по-разному. Еще Д.Н. Ушаков отдавал приоритет правилам, считая нецелесообразным «постоянное обра-

щение в обычной практике к орфографическому словарю» [Науменко, 2018, с. 60], и, выступая на совещании словесников, сетовал на то, что нет «двух орфографических словарей, которые бы не противоречили друг другу» (цит. по: [Науменко, 2018, с. 58]). Предпочтение правилам справедливо отдают Е.В. Бешенкова и О.В. Иванова, мотивируя свою позицию тем, что, «во-первых, во многих случаях правила помогают быстро определить правильное или неправильное написание и без словаря, во-вторых, не все слова, подчиняющиеся правилам, есть в словаре. Кроме того, правила как способ описания существующей системы орфографии нужны кодификатору, поскольку при возникновении новых слов правило позволяет определить то написание, которое соответствует системе» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 134]. По мнению же А.А. Зализняка, «высшей инстанцией здесь является словарь, а все более общие правила получают статус более или менее эффективных приемов, позволяющих предсказать (но все же без полной гарантии), какое написание даст орфографический словарь» [Зализняк, 2004, с. 171–172]. С.Н. Борунова, говоря о противоречиях действующих правил, констатирует: «По-видимому, вопрос о написании сложных прилагательных может быть решен в полной мере только в словарном порядке» [Борунова, 2009, с. 91].

Сопоставление написаний сложных прилагательных в различных орфографических словарях показало значительную вариативность кодификации данной группы слов (см. таблицу).

### Кодификация сложных прилагательных в орфографических словарях

Сложное прилагательное	Ожегов С.И. Орфографический словарь русского языка в 2 т. (М., 2001)	Орфографический словарь под ред. И.М. Стронской (СПб., 2004)	Федорова Т.Л. Русский орфографический словарь (М., 2016)
<i>винно?каменный</i>	<i>виннокаменный</i>	<i>виннокаменный</i>	<i>винно-каменный</i>
<i>геолого?разведочный</i>	<i>геологоразведочный</i>	<i>геологоразведочный</i>	<i>геолого-разведочный</i>
<i>горно?металлургический</i>	<i>горнометаллургический</i>	<i>горно-металлургический</i>	<i>горно-металлургический</i>
<i>древесно?волоконный</i>	<i>древесно-волоконный</i>	<i>древесноволоконный</i>	<i>древесно-волоконный</i>
<i>естественно?научный</i>	<i>естественнонаучный</i>	<i>естественнонаучный</i>	<i>естественно-научный</i>
<i>народно?хозяйственный</i>	<i>народнохозяйственный</i>	<i>народнохозяйственный</i>	<i>народно-хозяйственный</i>
<i>посудо?хозяйственный</i>	<i>посудохозяйственный</i>	<i>посудо-хозяйственный</i>	<i>посудо-хозяйственный</i>
<i>патолого?анатомический</i>	<i>патологоанатомический</i>	<i>патологоанатомический</i>	<i>патолого-анатомический</i>
<i>первобытно?общинный</i>	<i>первобытнообщинный</i>	<i>первобытнообщинный</i>	<i>первобытно-общинный</i>
<i>судебно?медицинский</i>	<i>судебномедицинский</i>	<i>судебно-медицинский</i>	<i>судебно-медицинский</i>
<i>условно?рефлекторный</i>	<i>условнорефлекторный</i>	<i>условнорефлекторный</i>	<i>условно-рефлекторный</i>

Как видим, обращение к орфографическим словарям не всегда гарантирует выбор правильного варианта написания в силу того, что нередко словари «бесконтрольно и без необходимой экспертизы издаются различными издательствами» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 262]. Именно учитывая данное обстоятельство, авторы новой редакции «Правил ...» рекомендуют: «в спорных и сомнительных случаях написания сложных прилагательных следует обращаться к академическому орфографическому словарю» [Правила..., 2006, с. 138].

С целью выявить специфику кодификации сложных прилагательных проанализируем материал соответствующих разделов в подготовленных в академии наук орфографических словарях разных лет издания: «Орфографический словарь русского языка» (1957 и 1992 гг.), «Русский орфографический словарь» (1999 и 2012 гг.), «Орфографический словарь» с комментариями Н.В. Соловьева (2002 г.), «Орфографический словарь русского языка» Б.З. Букчиной, И.К. Сазоновой, Л.К. Чельцовой (2016 г.) и «Объяснительный русский орфографический словарь-справочник» Е.В. Бешенковой, О.Е. Ивановой, Л.К. Чельцовой (2017 г.).

Многие сложные прилагательные за 60 лет, прошедшие с момента издания первого из рассматриваемых словарей, изменили свой орфографический облик. Например, в словаре 1957 г. зафиксированы в слитном написании слова *геологоразведочный*, *горно-металлургический*, *естественнонаучный*, *патологоанатомический*, *первобытнообщинный*, *судебно-медицинский*, *условнорефлекторный*, в то время как во всех последующих академических изданиях они уже представлены в дефисном варианте: *геолого-разведочный*, *горно-металлургический*, *естественно-научный*, *патолого-анатомический*, *первобытно-общинный*, *судебно-медицинский*, *условно-рефлекторный*.

Некоторые прилагательные неоднократно меняли свой орфографический облик. Так, изначальное дефисное написание слова *лиро-эпический* заменено на слитное в словарях 1992, 1999, 2002 гг., а затем вновь вернулось в словарях 2012, 2016, 2017 годов. Дефисное написание *товаро-пассажирский* заменено на слитное в словарях 1992, 1999, 2002 гг., а за-

тем вновь вернулось в словарях 2012, 2017 гг., при этом в словаре 2016 г. оно по-прежнему представлено в дефисном варианте. Слитное написание прилагательного *церковнославянский* заменено на дефисное в словарях 1992, 1999, 2002 гг., а затем вновь вернулось в словарях 2012, 2016, 2017 годов. Ср. также: *жестяно-баночный* – в словарях 1957 и 1999 гг., но *жестянобаночный* – в словарях 1992, 2002, 2012, 2016 гг.; *горнолыжный*, *кишечно-сосудистый*, *конногвардейский* – в словарях 1957, 1992, 2002, 2012, 2016 гг., но *горно-лыжный*, *кишечно-сосудистый*, *конногвардейский* – в словаре 1999 г.; *спинномозговой* – в словарях 1957, 1992, 2002, 2012, 2017 гг., но *спинно-мозговой* – в словарях 1999 и 2016 гг.; *монголо-татарский*, *мясомолочный*, *плоско-выпуклый*, *приемо-сдаточный*, *пухо-перовой*, *силлабо-тонический*, *фарфоро-фаянсовый* – в словарях 1957, 1992, 2002, 2012, 2016, 2017 гг., но *монголо-татарский*, *мясомолочный*, *плосковыпуклый*, *приемосдаточный*, *пухоперовой*, *силлаботонический*, *фарфорофаянсовый* – в словаре 1999 года. Прилагательное *посудохозяйственный* зафиксировано с дефисом в словарях 1992, 2002, 2012, 2016, 2017 гг., а в словарях 1957, 1999 гг. представлен его слитный вариант – *посудохозяйственный*.

Заслуживает отдельного внимания слово *народно?хозяйственный*. Начиная с «Правил русской орфографии и пунктуации» 1956 г. и затем во всех школьных и вузовских учебниках и учебных пособиях его слитное написание иллюстрировало факт образования данного прилагательного от подчинительного словосочетания *народное хозяйство*. В 1991 г. под влиянием орфографической аналогии, в соответствии с которой «группы слов с одинаковой первой или второй частью стремятся в перспективе к единообразному написанию» [Бешенкова, Иванова, 2016, с. 129], произошла перекодификация этого слова. Учитывая тот факт, что все другие сложные прилагательные с первым компонентом *народно-* (*народно-государственный*, *народно-демократический*, *народно-освободительный*, *народно-поэтический*, *народно-революционный* уже были представлены в таком варианте в Орфографическом словаре 1957 г.) последовательно фикс-

сируются с дефисом, слитное написание этого прилагательного было изменено на дефисное, несмотря на сохранение семантико-синтаксического принципа, который не отменили даже в новой редакции «Правил...». Показательно, что данного прилагательного в полном академическом справочнике – «Правилах русской орфографии и пунктуации» под ред. В.В. Лопатина 2006 г. нет не только в примерах, иллюстрирующих слитное написание сложных прилагательных, образованных из основ слов, отношения между которыми имеют подчинительный характер (п. 1 § 130), но и в п. 3, содержащем так называемые исключения. Таким образом, пишущему остается выбирать: следовать правилам, изложенным в своде, или воспроизводить тот вариант, который зафиксирован в академическом орфографическом словаре.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в последнем на данный момент издании «Русского орфографического словаря» (4-е изд., 2012 г.), являющегося «нормативным справочником по правописанию для самого широкого круга носителей русского языка и пользователей во всем мире» (Бешенкова, Иванова, 2016, с. 256), не всегда реализуется необходимая, с нашей точки зрения, последовательность в орфографическом оформлении соотносительных в словообразовательном аспекте существительных и прилагательных.

Ср.: *воднолыжник, воднолыжница – воднолыжный; горнолыжник, горнолыжница – горнолыжный; конногвардеец – конногвардейский; монголо-татары – монголо-татарский; церковнославянизм – церковнославянский; НО: геологоразведчик, геологоразведчица – геолого-разведочный; звукобуква – звуко-буквенный; лироэпика – лиро-эпический; меднолитейщик – медно-литейный; патологоанатомия – патолого-анатомический; силлаботоника – силлабо-тонический.*

Анализ кодификаций, закрепленных в различных орфографических словарях, продемонстрировал высокую степень вариативности, нестабильности в области слитных и дефисных написаний в современном русском языке.

## Заключение

Итак, состояние орфографической нормы, регламентирующей правописание сложных прилагательных, нельзя назвать удовлетворительным. Среди причин, которые привели к существенному расшатыванию норм письма вообще и сложных прилагательных в частности, можно назвать не только традиционно упоминаемое в работах лингвистов снижение общего уровня грамотности носителей языка, но и отсутствие адекватно сформулированных правил, которые смогли бы применять носители языка любого уровня компетенции, существование множества орфографических словарей с несовпадающими рекомендациями. Очевидно, что требуется внесение определенных изменений как в содержание и признаки самих правил, причем с обязательным учетом их иерархии, так и в рекомендации орфографических словарей.

## ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) и Администрации Волгоградской области, проект № 17-14-34005 «Отражение динамических процессов в грамматическом строе русского языка в региональной прессе».

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., 2016. Теория и практика нормирования русского письма. М. : ЛЕКРУС. 424 с.
- Борунова С. Н., 1994. О написании сложных прилагательных в русском языке // Русская речь. № 4. С. 50–52.
- Борунова С. Н., 2009. О написании сложных прилагательных в русском языке. Из истории кодификации // Лингвистические основы кодификации русской орфографии: теория и практика / под ред. В. В. Лопатина. М. : Издательский центр «Азбуковник». С. 73–99.
- Бужчина Б. З., 2001. О написании сложных прилагательных // Словарь и культура русской речи. К 100-летию со дня рождения С.И. Ожегова. М. : Индрик. С. 59–72.
- Бужчина Б. З., Калакуцкая Л. П., 1981. Орфография и грамматика (на материале терминологической лексики) // Терминология и культура речи

- / отв. ред. Л. И. Скворцов, Т. С. Коготкова. М. : Наука. С. 135–157.
- Букчина Б. З., Калакуцкая Л. П., 1983. Слитно или раздельно? Опыт словаря-справочника. М. : Русский язык. 879 с.
- Валгина Н. С., Светлышева В. Н., 1993. Орфография и пунктуация : Справочник. М. : Высшая школа. 336 с.
- Гарифуллина Р. В., 2009. Дефис в системе терминологического образования (на примере физико-математических терминов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Русский и иностранные языки и методика их преподавания. № 3. С. 64–70.
- Зализняк А. А., 2004. Древнерусская графика со смешением ъ – о и ь – е // Отцы и дети Московской лингвистической школы: Памяти Владимира Николаевича Сидорова. М. : Институт русского языка. С. 165–191.
- Иванова В. Ф., 1997. Орфография // Русский язык. Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Российская энциклопедия ; Дрофа. С. 303–305.
- Кайдалова А. И., Калинина И. К., 1998. Современная русская орфография. М. : Бизнес-Информ. 272 с.
- Лопатин В. В., 2011. Упорядочение орфографических правил: итоги и перспективы // Вопросы культуры речи. Вып. X. М. : Институт русского языка им. В.В. Виноградова. С. 155–165.
- Науменко С. В., 2018. Орфографический меморандум Д.Н. Ушакова // Русский язык в школе. № 79 (1). С. 57–63. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-1-57-64>
- Обзор..., 1965. Обзор по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.) / отв. ред. В. В. Виноградов. М. : Наука. 500 с.
- Ожегов С. И., 1957. Упорядочение русской орфографии // Вестник АН СССР. № 1. С. 30–38.
- Орфография и пунктуация, 1984. Орфография и пунктуация : учеб. пос. для студентов филологических специальностей вузов / отв. ред. Л. А. Введенская. Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та. 200 с.
- Правила..., 1957. Правила русской орфографии и пунктуации. 2-е изд. М. : Государственное учебно-педагогическое издательство министерства просвещения РСФСР. 176 с.
- Правила..., 2006. Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник / под ред. В. В. Лопатина. М. : Эксмо. 480 с.
- Розенталь Д. Э., 1996. Справочник по орфографии и пунктуации. Челябинск : Юж.-Урал. кн. изд-во ; Нижний Новгород : «Русский купец и Братья славяне». 368 с.
- Сидорова Е. Г., 1998. Правописание сложных прилагательных (проблема совершенствования орфографической нормы). Волгоград : Изд-во Волгогр. гос. ун-та 152 с.

### ИСТОЧНИКИ

- ВВ* – газета «Вечерний Волгоград».
- ВП* – газета «Волгоградская правда».
- Донской вестник* – газета «Донской вестник» Иловлинского муниципального района Волгоградской области.
- КП-Волгоград* – газета «Комсомольская правда в Волгограде».
- Спутник* – газета «Спутник» Чернышковского муниципального района Волгоградской области.

### СЛОВАРИ

- Объяснительный русский орфографический словарь-справочник, 2017* – Бешенкова Е. В., Иванова О. Е., Чельцова Л. К. Объяснительный русский орфографический словарь-справочник. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. 592 с.
- Орфографический словарь русского языка, 2016* – Букчина Б. З., Сазонова И. К., Чельцова Л. К. Орфографический словарь русского языка. 6-е изд. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. 1296 с.
- Орфографический словарь русского языка, 2001* – Ожегов С. И. Орфографический словарь русского языка : в 2 т. М. : Сезам-маркетинг.
- Орфографический словарь русского языка, 1957* – Орфографический словарь русского языка / под ред. С. И. Ожегова и А. Б. Шапиро. М. : Государственное издательство иностранных и национальных словарей. 1260 с.
- Орфографический словарь русского языка, 1992* – Орфографический словарь русского языка. М. : Русский язык. 416 с.
- Орфографический словарь русского языка, 2004* – Орфографический словарь русского языка / под ред. И. М. Стронской. СПб. : Издат. дом «Литера». 896 с.
- Русский орфографический словарь, 1999* – Русский орфографический словарь. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Редкол. : В. В. Лопатин (отв. ред.), Б. З. Букчина, Н. А. Еськова [и др.]. М. : «Азбуковник». 1280 с.
- Русский орфографический словарь, 2012* – Русский орфографический словарь. Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова / под ред. В. В. Ло-

- патина. О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М. : АСТ-ПРЕСС КНИГА. 896 с.
- Орфографический словарь, 2002* – Соловьев Н. В. Комментарий. Правила : Справочник. 3-е изд., испр. и доп. СПб. : Норинт. 848 с.
- Русский орфографический словарь, 2016* – Федорова Т. Л. Русский орфографический словарь 220 тысяч слов с грамматическим приложением. М. : ООО «Стандарт». 800 с.

## REFERENCES

- Beshenkova E.V., Ivanova O.E., 2016. *Theory and Practice of Russian Spelling Standardization*. Moscow, LEKRUS Publ. 424 p.
- Borunova S.N., 1994. On the Spelling of Complex Adjectives in Russian. *Russkaya rech*, no. 4, pp. 50-52.
- Borunova S.N., 2009. On the Spelling of Complex Adjectives in Russian. From the History of Codification. Lopatin V., ed. *Lingvisticheskie osnovy kodifikatsii russkoy orfografii: teoriya i praktika*. Moscow, Azbukovnik Publ., pp. 73-99.
- Bukchina B.Z., 2001. On the Spelling of Complex Adjectives. *Vocabulary and Culture of Russian Speech. To the 100<sup>th</sup> Birth Anniversary of S. I. Ozhegov*. Moscow, Indrik Publ., pp. 59-72.
- Bukchina B.Z., Kalakutskaya L.P., 1981. Spelling and Grammar (On the Material of Terminological Vocabulary). Skvortsov L.I., Kogotkova T.S., eds. *Terminologiya i kultura rechi*. Moscow, Nauka Publ., pp. 135-157.
- Bukchina B.Z., Kalakutskaya L.P., 1983. *Together or Separately? Data from the Reference Dictionary*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 879 p.
- Valgina N.S., Svetlysheva V.N., 1993. *Spelling and Punctuation: Reference Book*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 336 p.
- Garifullina R.V., 2009. Hyphen in the Term Formation System (On the Material of Physical and Mathematical Terms). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Russkiy i inostrannye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, no. 3, pp. 64-70.
- Zaliznyak A.A., 2004. Old Russian Graphics with a Mix of ъ – о and ъ – е. *Ottsy i deti Moskovskoy lingvisticheskoy shkoly: Pamyati Vladimira Nikolaevicha Sidorova*. Moscow, Institute of the Russian Language, pp. 165-191.
- Ivanova V.F., 1997. Spelling. Karaulov Yu.N., ed. *Russkiy yazyk. Entsiklopediya* [The Russian Language. Encyclopedia]. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ.; Drofa Publ. pp. 303-305.
- Kaydalova A.I., Kalinina I.K., 1998. *Modern Russian Spelling*. Moscow, Biznes-Inform Publ. 272 p.
- Lopatin V.V., 2011. Streamlining of Spelling Rules: Results and Prospects. *Voprosy kulturny rechi. Vyp. X*. Moscow, In-t russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova, pp. 155-165.
- Naumenko S.V., 2018. Orthographic Memorandum of D. N. Ushakov. *Russkiy yazyk v shkole* [Russian language at school], vol. 79, no. 1, pp. 57-63. DOI: <https://doi.org/10.30515/0131-6141-2018-79-1-57-64>
- Vinogradov V.V. (ed.), 1965. *Overview of the Improvement of Russian Spelling (18<sup>th</sup> – 20<sup>th</sup> Centuries)*. Moscow, Nauka Publ. 500 p.
- Ozhegov S.I., 1957. Streamlining Russian Spelling. *Vestnik AN SSSR*, no. 1, pp. 30-38.
- Vvedenskaya L.A. (ed.), 1984. *Spelling and Punctuation*. Rostov-on-Don, Izd-vo Rostovskogo un-ta. 200 p.
- Russian spelling and Punctuation Rules*. Moscow, State Pedagogical Publishing House of the Ministry of Education of the RSFSR, 1957. 176 p.
- Lopatin V.V. (ed.), 2006. *Russian Spelling and Punctuation Rules. Complete Academic Handbook*. Moscow, Eksmo Publ. 480 p.
- Rozental D.E., 1996. *Spelling and Punctuation Guide*. Chelyabinsk, Yuzh.-Ural. kn. izd-vo; Nizhniy Novgorod, Russkiy kupets i Bratya slavyane Publ. 368 p.
- Sidorova E.G., 1998. *Spelling of Complex Adjectives (Problem of Improving the Spelling Norms)*. Volgograd, Izd-vo VolGU. 152 p.

## SOURCES

- Newspaper *Vecherniy Volgograd*.
- Newspaper *Volgogradskaya pravda*.
- Newspaper *Donskoy vestnik* of the Ilovliinsky Municipal District of the Volgograd Region.
- Newspaper *Komsomolskaya pravda v Volgograde*.
- Newspaper *Sputnik* of the Chernyshkovsky Municipal District of the Volgograd Region.

## DICTIONARIES

- Beshenkova E.V., Ivanova O.E., Cheltsova L.K., 2017. *Explanatory Dictionary of Russian Spelling*. Moscow, AST-Press kniga. 592 p.
- Bukchina B.Z., Sazonova I.K., Cheltsova L.K., 2016. *Russian Spelling Dictionary*. Moscow, AST-Press kniga. 1296 p.
- Ozhegov S.I., 2001. *Russian Spelling Dictionary: in 2 vols*. Moscow, Sezam-marketing Publ.
- Ozhegov S.I., Shapiro A.B. (eds.), 1957. *Russian Spelling Dictionary*. Moscow, State Publishing House of Foreign and National Dictionaries. 1260 p.

*Russian Spelling Dictionary*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 1992. 416 p.

Stronskaya I.M. (ed.), 2004. *Russian Spelling Dictionary*. Saint Petersburg, Litera Publ. 896 p.

Lopatin V.V., Bukchin B.Z., Eskov N.A. (eds.), 1999. *Russian Spelling Dictionary*. Moscow, Azbukovnik Publ. 1280 p.

Lopatin V.V., Ivanova O.E. (eds.), 2012. *Russian Spelling Dictionary*. Moscow, AST-Press kniga. 896 p.

Solovyev N.V., 2002. *Orthographic Dictionary. Commentary. Rules: Reference Book*. Saint Petersburg, Norint Publ. 848 p.

Fedorova T.L., 2016. *Russian Spelling Dictionary: 220 Thousand Words with Grammar Application*. Moscow, Standart Publ. 800 p.

### Information about the Author

**Elena G. Sidorova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian Philology and Journalism, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [eg\\_sidorova@volsu.ru](mailto:eg_sidorova@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6064-9616>

### Информация об авторе

**Елена Геннадьевна Сидорова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской филологии и журналистики, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [eg\\_sidorova@volsu.ru](mailto:eg_sidorova@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-6064-9616>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.7>

UDC 811.161.1'366  
LBC 81.411.2-20

Submitted: 24.08.2018  
Accepted: 17.09.2018

## MEDIA NEOLOGISMS AS A FACTOR OF COMMUNICATIVE RISKS

**Larisa V. Ratsiburskaya**

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

**Darya V. Solovyeva**

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

**Abstract.** The paper analyzes media word creation in the context of its risk potential. On the basis of the modern socio-political press materials the author shows that unmotivated use of expressive neologisms can negatively affect the communication process and reduce its effectiveness: word-building neologisms can complicate the perception of a media text, distort the meaning of the information message, cause negative emotions in the recipient, lead to violation of ethical and aesthetic norms, etc. The risk potential of occasionalisms is considered in connection with their inherent and adherent expressiveness. The inherent expressiveness is stipulated by the structural and semantic features of the occasional words. Adherent expressiveness is connected with functional and discursive factors. The study of media neologisms allows not only identifying and characterizing the structural and functional features of the occasional lexemes, but also giving their social and ethical evaluation. It is necessary to draw attention of the linguistic community to the problem of communication risk potential since the consequence of communication risks can result in social, professional, political, and cultural risks. The research materials contribute to the further study of media discourse, word-formation neology and communication theory. They can also be used in the development of special courses for students of higher educational institutions, specializing in Journalism and Philology.

**Key words:** word-building neologisms, risk potential, communicative risks, expressiveness, media text.

**Citation.** Ratsiburskaya L.V., Solovyeva D.V. Media Neologisms as a Factor of Communicative Risks. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 81-89. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.7>

УДК 811.161.1'366  
ББК 81.411.2-20

Дата поступления статьи: 24.08.2018  
Дата принятия статьи: 17.09.2018

## МЕДИЙНЫЕ НОВООБРАЗОВАНИЯ КАК ФАКТОР КОММУНИКАТИВНЫХ РИСКОВ

**Лариса Викторовна Рацибурская**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,  
г. Нижний Новгород, Россия

**Дарья Владимировна Соловьева**

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,  
г. Нижний Новгород, Россия

**Аннотация.** В статье анализируется медийное словотворчество в аспекте его рискогенности. На материале публикаций в современной общественно-политической прессе показано, что немотивированное использование экспрессивных новообразований может отрицательно отражаться на процессе коммуникации, его эффективности: словообразовательные неологизмы способны затруднять восприятие медиатекста, искажать смысл информационного сообщения, вызывать у адресата негативные эмоции, приводить к наруше-

нию этических и эстетических норм и др. Рискогенность окказионализмов рассматривается в связи с их ингерентной и адгерентной экспрессивностью. Ингерентная экспрессивность обусловлена структурно-семантическими особенностями окказиональных слов. Адгерентная экспрессивность связана с функционально-дискурсивными факторами. Изучение медийных новообразований позволяет не только выявить и описать структурные и функциональные особенности окказиональных лексем, но и дать им социально-этическую оценку. Привлечение внимания лингвистического сообщества к проблеме рискогенности коммуникации необходимо потому, что следствием коммуникативных рисков могут стать риски социального, профессионального, политического, культурного характера. Материалы исследования вносят вклад в дальнейшее изучение медийного дискурса, словообразовательной неологии и теории коммуникации. Они также могут быть использованы в разработке спецкурсов для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлениям «Филология» и «Журналистика».

**Ключевые слова:** словообразовательные неологизмы, рискогенность, коммуникативные риски, экспрессивность, медиатекст.

**Цитирование.** Рацибурская Л. В., Соловьева Д. В. Медийные новообразования как фактор коммуникативных рисков // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 81–89. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.7>

### Введение

Коммуникация – одна из основ жизни общества – с лингвистической точки зрения понимается как «процесс передачи сообщения адресантом и его восприятия адресатом при использовании ими одного и того же языка (мимика, жесты, позы и окружающие предметы – добавочные, вспомогательные, но не основные средства коммуникации, как ее знаки они изучаются в семиотике и криминалистике)» [Рискогенность современной коммуникации..., 2015, с. 10].

Выявляя критерии успешной коммуникации, пристальное внимание к которой обусловлено возросшим интересом к функциональным и прагматическим аспектам речи, многие ученые (Т.М. Дридзе, Е.А. Земская, О.В. Кукушкина, Н.И. Формановская) указывают на проблемы – сбои или провалы – в процессе общения. В теории коммуникации возникли такие понятия, требующие осмысления, как коммуникативные неудачи, коммуникативные барьеры, коммуникативные риски.

Исследованию коммуникативных неудач (КН) посвящено большое количество лингвистических работ, в которых подчеркивается, что КН являются «почти неизбежными спутниками естественного общения» [Гудков, 2003, с. 12]. Этим термином обозначается «полное или частичное непонимание высказывания партнером коммуникации, то есть неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего» [Ермакова, Земская, 1993, с. 30–31]. Анализируя

специфику данного явления на материале естественного русского диалога, авторы процитированной работы одним из видов КН считают также «нежелательный эмоциональный эффект, не предусмотренный говорящим в процессе общения: обида, раздражение, изумление» [Ермакова, Земская, 1993, с. 32]. Н.И. Формановская выделяет социально-культурные, психосоциальные и собственно языковые КН [Формановская, 2002]. Объединяет все виды коммуникативных неудач их свойство быть обнаруженными непосредственно в процессе общения, когда коммуниканты не предполагают их возникновения.

Этим КН отличаются от коммуникативных барьеров (КБ), которые осознаются участниками общения как препятствие для эффективной коммуникации еще до ее начала. КБ могут быть связаны с факторами окружающей среды (акустические помехи, погодные условия), с техническими факторами (плохое качество связи, помехи в эфире), с человеческими факторами (психологические, социокультурные, эмоциональные барьеры и др.).

Термин «коммуникативные риски» (КР) в трудах лингвистов появился сравнительно недавно и не имеет еще словарной дефиниции. Типология КР, представленная в работе саратовских исследователей, основана на упомянутой классификации КН: выделяются риски полного непонимания, неправильного / неполного или не совсем точного понимания, а также риски вызова у адресата нежелательной эмоциональной реакции [Рискогенность современной коммуникации..., 2015]. На наш

взгляд, сущность термина-словосочетания заключена в семантической характеристике главного слова: *риск* – ‘реальная возможность чего-либо нежелательного, опасного’ (БУСРЯ, с. 1018). Исходя из этого, сформулируем рабочее определение нового термина: коммуникативный риск – это реальная возможность получения непрогнозируемого, нежелательного результата коммуникации, возможность возникновения коммуникативной неудачи.

В живом общении КН – это свершившийся факт, а КР – это потенциальная возможность КН, создаваемая особенностями речи и коммуникативного поведения участников общения, условиями коммуникации. Следовательно, участники общения могут преодолеть риски в случае их идентификации (например, эмоциональная реакция адресата на утверждение). В письменной речи (в частности, в сфере СМИ) предупредить КР гораздо сложнее, так как между адресантом и адресатом нет непосредственной обратной связи. Следствием неопознанных КР в массовой печати могут стать риски социального, профессионального, политического, культурного и иного характера.

### Специфика экспрессивности неологизмов в СМИ

Коммуникативная функция является исходной функцией журналистики – это «функция общения, налаживания контакта» [Прохоров, 2011, с. 59]. Она реализуется в тройном информационном взаимодействии: налаживание связей между субъектами журналистики, массовой аудиторией и важнейшими социальными институтами. Только после установления таких контактов возможно выполнение других функций, прежде всего воздействующей.

Одной из зон КР в медиакommunikации является словообразовательная система языка, в частности, ее речевая реализация в виде новообразований. С одной стороны, новообразования в СМИ обладают неисчерпаемым экспрессивным потенциалом, являются эффективным средством воздействия на массовую аудиторию, отражают актуальные процессы в жизни общества. Экспрессивность исследователи выделяют как внутренний, из-

начально присущий авторскому новообразованию признак: «Обязательная экспрессивность – характернейшая черта окказиональных слов. Это их сквозной признак, в отличие от слов канонических, большей части которых экспрессивность не свойственна» [Лыков, 1976, с. 23]. С другой стороны, употребление новообразований в текстах СМИ способно вызывать сложности восприятия, провоцировать сбои в коммуникации, приводить к нарушению морально-этических принципов и др.

Сегодня прагматической установкой на воздействие характеризуется фактически любой журналистский текст, специфической чертой которого является оценочность – «совокупность разноуровневых языковых единиц, объединенных оценочной семантикой и выражающих положительное или отрицательное отношение автора к содержанию речи» [Баженова, 2003, с. 139]. Понятие оценочности взаимодействует с понятием экспрессивности, и в работах многих лингвистов они отождествляются. Однако эти понятия имеют существенные различия: оценочность – это частный признак экспрессивности, которая связана с воздействующей (прагматической) функцией языковых единиц. Их основное предназначение – «не просто назвать тот или иной элемент действительности, а сделать это так, чтобы воздействовать на собеседника, причем вторая задача выходит на первый план» [Кругликова, 1988, с. 53].

Нецелесообразное использование экспрессивных средств языка, обусловленное стремлением авторов максимально воздействовать на читателя, способствует появлению КР в медийном дискурсе: «Часто участники общения ищут какие-то броские, необычные языковые средства, выражения своих мыслей, позволяющие им выделиться, любой ценой заставить обратить на себя внимание. Но поиски необычного в общении в условиях беспредельной свободы при недостаточном уровне коммуникативной компетенции приводят порой к ухудшению качества передаваемого сообщения» [Рискогенность современной коммуникации..., 2015, с. 44].

Употребление оценочных окказионализмов может стать причиной возникновения КР, однако это не означает, что каждое оценочное новообразование рискогенно, то есть спо-

собно порождать риск, например, «упрек, осуждение, критический анализ, критические замечания сами по себе представляют нормальное явление, если они обоснованы и выражаются адекватными ситуациями средствами» [Петрова, Рацибурская, 2011, с. 20]. Вместе с тем в современных СМИ нередки такие случаи медийного словотворчества, которые могут отрицательно отражаться на коммуникативном процессе, препятствовать реализации коммуникативного намерения (интенции) автора. При анализе подобных случаев важно не только указать потенциально «опасные» новообразования, но и определить, чем обусловлена их рискогенность.

### Ингерентная экспрессивность неологизмов как фактор их рискогенности

Оценочный характер словообразовательных неологизмов может зависеть от их структурных особенностей: в состав нового слова входит экспрессивный формант или словообразовательная основа, оно создано с использованием экспрессивного способа словообразования (контаминация, заменительная деривация и др.), принадлежит словообразовательному типу с экспрессивным значением. В таких случаях ученые говорят об **ингерентной**, то есть не зависящей от контекста, **экспрессии**:

(1) **Шифрофрения**. Мессенджеры готовят к вскрытию (Коммерсант, 04.10.2016);

(2) **ОтЦБятина**. Банк России пока не сильно помогает экономике страны (Наша Версия, 04.09.2016);

(3) **Сейсмофига**. В стране продолжают закрывать сейсмостанции и увольнять специалистов (Наша Версия, 04.09.17).

Новообразование *шифрофрения* возникло как результат контаминации *шифрование* + *шизофрения*; *отЦБятина* (от *отсебятина*), *сейсмофига* (от *сейсмостанция*) – как результат заменительной деривации. Рискогенность представленных новообразований-гибридов (риск спровоцировать нежелательную читательскую реакцию) связана с негативно-оценочной семантикой отдельных производящих слов – *шизофрения*, *отсебятина*, *фига*. Субъект коммуникации намеренно пытается

вызвать у адресата негативные эмоции, заменяя конструктивную критику обвинением, порицанием, оскорблением. Это может привести к повышению уровня агрессивности в общественном пространстве.

Сочетаемость сразу нескольких структурных особенностей обусловила высокий уровень экспрессивности в следующем примере:

(4) **ДоБАЗАрились**. Не разорит ли Россию строительство военных баз за границей (Наша Версия, 14.01.2018).

Выбранный автором словообразовательный тип, реализующий значение ‘довести себя до неприятных последствий путем интенсивного совершения действия, названного мотивирующим глаголом’ (доработаться, добежаться и пр.) [Русская грамматика, т. I, с. 384], представлен преимущественно в разговорной речи; мотивирующим для окказионализма является стилистически сниженный глагол *базарить* (жарг. ‘говорить’). Смысловая связь окказионализма с тематикой статьи устанавливается благодаря графической акцентуации слова *база*.

Появление в СМИ жаргонной, вульгарной и бранной лексики вызывает этическую настороженность в социуме. Об этом писал еще Б.Н. Головин: «Чистой мы называем такую речь, в которой нет чуждых литературному языку элементов и нет элементов языка, отвергаемых нормами нравственности» [Головин, 1981, с. 18]. Недопустимыми с этой точки зрения являются следующие новообразования:

(5) **Аккуеть!** (Наша Версия, 22.08.16).

В материале говорится о строительстве в Турции атомной электростанции Аккую, наименование которой и положено в основу окказионального слова;

(6) **АУЕвские малолетки**. У детей входит в моду жизнь по тюремным понятиям (Наша Версия, 28.08.17),

графический гибрид мотивирован малоизвестной аббревиатурой АУЕ (*Арестантский уклад един*), обозначающей неформальное объединение молодежи в современной России. В данных примерах наблюдается синтез сразу двух коммуникативных рисков: слож-

ность восприятия статьи и прямое нарушение законов успешной коммуникации (унижение собеседника), так как окказионализмы явно неблагозвучны, имеют фонетическое сходство с бранными выражениями. Эксплицитная оценка создается посредством использования грубых, непристойных выражений. Журналисты не считаются с нравственными законами, изобретая новые слова, что может дискредитировать образ самих создателей текста в глазах общественности, а также навредить имиджу изданий в целом.

Структурные особенности новых слов приводят к рискам, связанным не только с неуместной экспрессией, но и с **непониманием смысла** окказиональной лексемы. Адресат может неправильно «расшифровать код», информация будет воспринята искаженно или вовсе останется неувоенной. Так, в результате журналистской небрежности не только усложняется понимание текста, но и происходит дезориентация массового адресата в информационном потоке:

(7) **КОИБания** (КОИБ + колебания) с линейной партией. Как ЦИК создает политические проблемы из обычного разгильдяйства (Новая газета, 11.03.2018).

Сложность для понимания окказионализма связана с определением денотата мотивирующего слова – редкой аббревиатуры **КОИБ** (Комплекс обработки избирательных бюллетеней).

За неясностью авторского замысла может стоять немотивированное включение в словообразовательные игры иноязычных элементов. Журналисты злоупотребляют малоизвестными заимствованными лексемами, транслитерированными иноязычными элементами:

(8) «Восстание **фейкометов**». Ополченцев Донбасса выдали за погибших в Сирии «вагнеровцев» (Наша Версия, 22.02.2018),

новое слово образуется от неологизма *фейк* (англ. *fake* – ‘подделка’) и служит для обозначения людей, которые распространяют в интернете заведомо ложную информацию;

(9) Но остальные национал-социалисты спокойно продолжили путь вместе с либералами и **лефтистами** (Завтра, 25.02.2018);

(10) А барыга, закупевающий паленый **кажуальный шмот** на «Али-экспрессе» и перепродающий его со стопроцентной накруткой тем, кто не догадался сам залезть в интернет, они своих клиентов презирают (МК, 26.03.2018).

Окказионализмы образованы от английских слов *left* (‘левый’), *casual* (‘повседневный’).

Стремление «быть в тренде» может обернуться для авторов реальным коммуникативным провалом: у читателей возникнет чувство неполноценности, ущербности, тревоги при попытке осмыслить написанное.

Заемствованные слова, используемые до их реального вхождения в лексическую систему русского языка, являются потенциальными «рискогенами», их употребление в медиатекстах требует грамотных авторских пояснений:

(11) **Накраудфанди** *наудачу* (АиФ, 18.01.2018).

Императивный глагол мотивирован англицизмом *краудфандинг*. Журналист пишет: *В 2018-м «узаконят» еще один модный, но пока не очень известный в России способ вложения денег – краудфандинг, то есть «организацию взаимного финансирования»*. Поясняется, что это за явление, однако почему популярный способ вложения денег назван именно так, станет понятно только читателям, владеющим английским языком (англ. *crowdfunding* – ‘народное финансирование’, *crowd* – ‘толпа’).

Перенасыщение медийных текстов иноязычной лексикой вызывает тревогу лингвистического сообщества: «Одна из распространенных стратегий негативного воздействия на адресата речи – это создание кодового конфликта: через разницу кодов адресант, стараясь унижить адресата, сознательно стремится к непониманию <...>. ...используется узкоспециальная терминология и, прежде всего, варваризмы – малоизвестные заимствования, иноязычные вкрапления» [Коряковцева, 2008, с. 97].

#### Адгерентная экспрессивность неологизмов как фактор их рискогенности

Коммуникативные риски, порождаемые окказиональными лексемами, также необходимо рассматривать в связи с **адгерентной**

(внешней, приобретенной) **экспрессией** новообразований. В большинстве случаев она как бы наслаивается на ингерентную экспрессию, дополняет ее. Адгерентная экспрессивность окказионализмов создается за счет их лексического и контекстуального окружения, тематической направленности материалов, использования в словообразовании ключевых слов эпохи, прецедентных феноменов. Это так называемые функционально-дискурсивные факторы экспрессивности окказиональных слов.

В следующем заголовке окказионализм создается по образцу голофрастического новообразования *Крымнаш*, пользующегося популярностью в материалах прессы об украинских событиях:

(12) **Крымкэш.** «Сакральная Корсунь» рискует превратиться в «хаб» для обналички и других незаконных банковских операций (Новая газета, 01.06.2015).

Первый риск возникает в результате усложнения восприятия за счет использования в новообразовании английской лексемы *кэш* (англ. *cash* – ‘наличные деньги’). Вторая опасность связана с контекстуальным окружением: если универб *обналичка* (‘незаконный перевод безналичных денежных средств в наличные’) широко распространен в разговорной речи, то малознакомое широкой аудитории слово из компьютерного жаргона *хаб* (жарг. ‘сетевой концентратор’), вероятно, вызовет нежелание адресанта знакомиться с текстом.

Проблемы интерпретации окказионального слова возникают не только в тех случаях, когда речь идет о словах, мотивированных англицизмами:

(13) **Раскуначили!** Проворовавшимся региональным элитам впору заказывать себе тюремные роботы (Наша Версия, 11.02.2018).

Замена корня в узуальном *раскуначили* на созвучный экзотизм *кунак*: у кавказских горцев ‘лицо, связанное с кем-либо обязательством взаимной дружбы, защиты, гостеприимства; друг, приятель’ (БТСРЯ, с. 480). Используя выразительные возможности слова, имеющего территориальную принадлежность, автор рискует вызвать недоумение аудитории. Кроме того, окказионализм *раскуначили* ас-

социируется с бранными словами: именно грубо-экспрессивный потенциал слова станет определяющим для тех читателей, которым производящее слово неизвестно. Уровень отрицательной оценки повышается за счет контекста, в котором употреблены новообразования с суффиксом *-щин-*, имеющим семантику неодобрения:

(14) По сути, в республике складывалась клановая **кумовщина**, точнее, **кунакщина**, с круговой порукой, замешанной на самой неприкрытой коррупции (Наша Версия, 11.02.2018).

Журналист напрямую обвиняет тех, кто стал объектом его профессионального внимания. Нарушение моральных принципов не просто может препятствовать коммуникативному процессу, но и спровоцировать риски юридического характера – возможность возникновения судебного конфликта.

Как известно, на распространение в общественном пространстве антипатриотических взглядов нацелены журналисты оппозиционных изданий:

(15) **Игры патристов.** Военно-спортивная игра «Зеленка» может привести к необратимым последствиям (Новая газета, 29.04.2017).

Окказионализм образуется путем междусловного наложения узуального *патриот* и вулгарного *педераст* – ‘тот, кто предается педерастии’ (БТСРЯ, с. 789). Коммуникативные риски возникают потому, что, во-первых, интеллектуальных усилий от читателя требует «дешифровка» новообразования, провести которую возможно только после знакомства с материалом; во-вторых, отталкивает пейоративная коннотация нового слова, неприемлемая для интеллигентной аудитории, в-третьих, смысловую сумятицу вносит в текст употребление других новообразований:

(16) Так что с Варламовым все очевидно. Тут долгая, безнаказанная, все контролирующая **цапковщина** в полный рост и полная уверенность духовно-патриотических **цапков** (Новая газета, 29.04.2017).

Словообразовательные неологизмы мотивированы именем собственным, которое сегодня уже неактуально для массового читателя (Сергей Цапков – лидер организованной пре-

ступной группировки в России; осужден в ноябре 2013 года).

Рискогенными следует признать игровые окказиональные лексемы (особенно в заголовочных комплексах) в материалах о трагических событиях:

(17) #**Мосхозсмерть**. «Наша Версия» продолжает расследование гибели ветерана в «Мосхозторге» (Наша Версия, 31.03.2018).

Часть узуального *Мосхозторг* заменена на существительное *смерть*, вызывающее у адресата негативные эмоции. Тематика материала не согласуется с пренебрежительной иронией, которую содержит индивидуально-авторское слово.

Циничным является заголовок материала, в котором говорится о последствиях страшного пожара в торговом центре «Зимняя вишня»:

(18) **ЧОПнулись** по-быстрому. Охранная фирма, отвечавшая за безопасность в ТЦ «Зимняя вишня», самоликвидировалась (Наша Версия, 30.03.2018).

Автор нарушает все нормы нравственности, образуя графодериват на базе аббревиатуры *ЧОП* (частное охранное предприятие) и омонимичного сленгизма *чпокнуться* (по-быстрому) (сленг. 'провести ночь с кем-то'). Читателей не может не возмутить такая эпатажная языковая игра, они осудят авторское стремление «быть оригинальным» при описании человеческих драм.

Оскорбительным, неприемлемым для всех членов социума может быть следующий заголовок:

(19) Легкое **сдыхание** (сдыхать + дыхание). От грязного воздуха каждый год умирают 140 тысяч россиян (Наша Версия, 15.01.2018).

Использование грубого новообразования при подаче драматических статистических данных не способствует гармоничному общению с читателями, может оказать на аудиторию угнетающее воздействие. У начитанных людей возникает ассоциация со знаменитым рассказом И.А. Бунина «Легкое дыхание», однако, кроме трагичности тем статьи и художественного произведения, никаких связей между ними больше не прослеживается.

Неудачное использование прецедентных феноменов часто снижает информативность заголовочного комплекса:

(20) **Керри-брэнди**, ангел мой (Завтра, 01.05.2015)

В названии журналистского материала обыгрывается строчка из стихотворения Осипа Мандельштама (*Шерри-брэнди, ангел мой*) и имя американского политика (*Джон Керри*). Шуточный тон при освещении серьезных проблем является неуместным, материалы вряд ли заинтересуют компетентных читателей, хотя нацелены они именно на них. Прецедентные феномены обуславливают двусмысленность в понимании текста, хотя обоснованной логической связи между именами собственными и используемыми выражениями нет. Вероятно, прецеденты случайно вызвали индивидуальные эмоциональные ассоциации у авторов статей.

## Выводы

Словообразовательные неологизмы, создавая возможность нереализации прогнозируемого авторского намерения, возможность провала, сбоя коммуникации, порождают коммуникативные риски.

Лингвистический анализ новообразований позволяет установить, как создается рискогенность новообразований, а последствия рискогенных словоупотреблений представляют научный интерес в социолингвистическом аспекте. Рискогенность окказиональных новообразований может быть связана с их структурно-семантическими особенностями или обусловлена различными дискурсивными факторами (контекстуальным и лексическим окружением, актуализацией фоновых знаний реципиента и пр.).

В большинстве случаев использование окказиональных лексем, в основе которых лежит жаргонная, вульгарная, обценная лексика, можно признать рискогенным. Такие новообразования негативно воздействуют на массовую аудиторию, могут провоцировать ответную агрессию, часто дезориентируют массового читателя в информационном потоке. Результаты проведенного анализа нагляд-

но демонстрируют также опасность избыточного употребления заимствований в публикациях СМИ. Включение «импортных» слов в словообразовательные эксперименты может отрицательно влиять на речевую культуру аудитории, угрожать национальной самобытности русского языка. На рискогенность неологизмов, связанную с их экспрессивностью, существенное влияние оказывают дискурсивные факторы. Нередко контекст, а также обращение журналиста к культурным и фоновым знаниям аудитории не облегчают восприятие новообразований, а усложняют его, свидетельствуют об агрессивном речевом поведении автора, нарушении им этических и эстетических табу, приводят к возникновению неоправданных и избыточных ассоциаций, затемняющих понимание основного смысла статьи.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Баженова Е. А., 2003. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М. Н. Кожинной. М. : Флинта : Наука. С. 139–146.
- Головин Б. Н., 1981. О хорошей речи // О культуре речи : сб. ст. М. : Знание. С. 3–68.
- Гудков Д. Б., 2003. Теория и практика межкультурной коммуникации. М. : ИТДГК «Гнозис». 288 с.
- Ермакова Е. Н., Земская Е. А., 1993. К построению типологии коммуникативных неудач // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М. : Наука. С. 30–64.
- Коряковцева Е. И., 2008. Язык современной российской прессы: варваризмы и арготизмы как сигналы речевой агрессии // *Prace slawistyczne*. 125: Współczesna komunikacja językowa : najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich / red. nauk. Zofia Rudnik-Karwatowa. Warszawa : Slawistyczny ośrodek wydaw. S. 80–110.
- Кругликова Л. Е., 1988. Структуры лексического и фразеологического значения. М. : МГПИ им. В.И. Ленина. 86 с.
- Лыков А. Г., 1976. Современная русская лексикология (русское окказиональное слово). М. : Высшая школа. 120 с.
- Петрова Н. Е., Рацбургская Л. В., 2011. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии. М. : Флинта : Наука. 160 с.
- Прохоров Е. П., 2011. Введение в теорию журналистики. М. : Аспект Пресс. 351 с.
- Рискогенность современной коммуникации..., 2015. Рискогенность современной коммуникации и роль коммуникативной компетентности в ее преодолении / А. Н. Байкулова [и др.] ; под ред. О. Б. Сиротининой и М. А. Кормилицыной. Саратов : Изд-во Саратов. ун-та. 188 с.
- Русская грамматика, 1980. Русская грамматика : в 2 т. Т. 1. М. : Наука. 789 с.
- Формановская Н. И., 2002. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход. М. : Русский язык. 216 с.

#### ИСТОЧНИКИ

- АиФ* – «Аргументы и Факты». URL: <http://www.aif.ru>.
- Завтра* – «Завтра». URL: <http://zavtra.ru>.
- Коммерсант* – «Коммерсант». URL: <https://www.kommersant.ru>.
- МК* – «Московский Комсомолец». URL: <http://mk.ru>.
- Наша Версия* – «Наша Версия». URL: <https://versia.ru>.
- Новая газета* – «Новая газета». URL: <https://www.novayagazeta.ru>.

#### СЛОВАРИ

- БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка / сост. и гл. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- БУСРЯ* – Большой универсальный словарь русского языка / под ред. В. В. Морковкина. М. : Словари XXI века ; АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2016. 1456 с.

#### REFERENCES

- Bazhenova E.A., 2003. *The Stylistic Encyclopedic Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Flinta; Nauka Publ., pp. 139-146.
- Golovin B.N., 1981. On Good Speech. *O kulture rechi: sb. statey*. Moscow, Znanie Publ., pp. 3-68.
- Gudkov D.B., 2003. *Theory and Practice of Intercultural Communication*. Moscow, Gnozis Publ. 288 p.
- Ermakova E.N., Zemskaya E.A., 1993. Towards a Typology of Communicative Failures. *Russkiy yazyk v ego funktsionirovanii. Kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt*. Moscow, Nauka Publ., pp. 30-64.
- Koryakovtseva E.I., 2008. The Language of the Modern Russian Press: Barbarisms and Slang as Signals of Speech Aggression. Rudnik-Karwatowa Z., ed. *Prace slawistyczne. 125: Współczesna komunikacja językowa: najnowsze zmiany w leksyce i słowotwórstwie języków słowiańskich*. Warszawa, Slawistyczny ośrodek wydaw, pp. 80-110.

- Kruglikova L.E., 1988. *Structures of Lexical and Phraseological Meaning*. Moscow, MGPI im. VI. Lenina. 86 p.
- Lykov A.G., 1976. *Modern Russian Lexicology (Russian Occasional Word)*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 120 p.
- Petrova N.E., Ratsiburskaya L.V., 2011. *The Language of Modern Mass Media: Means of Speech Aggression*. Moscow, Flinta; Nauka Publ. 160 p.
- Prokhorov E.P., 2011. *Introduction to the Theory of Journalism*. Moscow, Aspect Press. 351 p.
- Baykulova A.N., Viktorova E.Yu. (et al.), 2015. *The Risk Potential of Modern Communication and the Role of Communicative Competence in Overcoming It*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta. 188 p.
- Russian Grammar. In 2 vols.* Moscow, Nauka Publ., 1980, vol. 1. 789 p.
- Formanovskaya N.I., 2002. *Speech Communication: a Communicative-Pragmatic Approach*. Moscow, Russkiy yazyk Publ. 216 p.

#### SOURCES

- Newspaper *Argumenty i fakty*. URL: <http://www.aif.ru/>.
- Newspaper *Zavtra*. URL: <http://zavtra.ru/>.
- Newspaper *Kommersant*. URL: <https://www.kommersant.ru/>.
- Newspaper *Moskovskiy Komsomolets*. URL: <http://mk.ru/>.
- Newspaper *Nasha Versiya*. URL: <https://versia.ru/>.
- Newspaper *Novaya gazeta*. URL: <https://www.novayagazeta.ru/>.

#### DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A. (ed.), 2000. *The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ. 1536 p.
- Morkovkin V.V. (ed.), 2016. *The Big Universal Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Slovare XXI veka; AST-PRESS SHKOLA Publ. 1456 p.

#### Information about the Authors

**Larisa V. Ratsiburskaya**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, [racib@yandex.ru](mailto:racib@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

**Darya V. Solovyeva**, Postgraduate Student, Department of Modern Russian Language and General Linguistics, Institute of Philology and Journalism, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Prosp. Gagarina, 23, 603950 Nizhny Novgorod, Russia, [solovyova\\_dariya@mail.ru](mailto:solovyova_dariya@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1727-0034>

#### Информация об авторах

**Лариса Викторовна Рацибурская**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой современного русского языка и общего языкознания, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, [racib@yandex.ru](mailto:racib@yandex.ru), <https://orcid.org/0000-0002-9332-050X>

**Дарья Владимировна Соловьева**, аспирант кафедры современного русского языка и общего языкознания, Институт филологии и журналистики, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, просп. Гагарина, 23, 603950 г. Нижний Новгород, Россия, [solovyova\\_dariya@mail.ru](mailto:solovyova_dariya@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1727-0034>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.8>

UDC 811.161.1'42  
LBC 81.411.2-51

Submitted: 27.07.2018  
Accepted: 27.08.2018

## THE NUCLEAR INDUSTRY LEXICON IN THE CONTEMPORARY RUSSIAN POLITICAL DISCOURSE

Nataliya B. Feldman

Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Vladimir, Russia

**Abstract.** The present research has been conducted within the scope of such relevant direction of linguistics as functional lexicology, and is associated with the identification of semantic modifications of the word, which are conditioned by contextual features of its use. The adjectives *atomic* and *nuclear* became the object of the analysis: we give their characteristics in the lexical system of the Russian language, present the frequency of their use in different types of discourse, study more than 300 contexts of their use with nouns in the modern political discourse. The adjectives are studied in their direct and figurative meanings in neutral texts, as well as in pejorative (negative) and ameliotory (positive) contexts. It has been established that the Russian political discourse is characterized by prevailing use of adjectives *atomic* and *nuclear* in direct meaning. It has been revealed that the basis of metaphORIZATION as the main way of creating figurative meanings of the adjectives in the political discourse is represented with such features as *powerful release of energy, concentration, innovativeness, progress*. We show the mechanism of leveling the pejorative axiological component of the phrase *atomic bomb* arising from its use in direct meaning and the appearance of ameliotory connotative meanings in the neutral phrase *nuclear reactor*. It has been found that the units under study are not recorded by lexicographic sources in figurative meanings, since they express an occasional sense in the political discourse.

**Key words:** nuclear industry lexicon, thematic lexicon, neutral connotation, ameliotory (positive) connotation, pejorative (negative) connotation, metaphorical transfer, change of lexical meaning, context.

**Citation.** Feldman N.B. The Nuclear Industry Lexicon in the Contemporary Russian Political Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 90-101. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.8>

УДК 811.161.1'42  
ББК 81.411.2-51

Дата поступления статьи: 27.07.2018  
Дата принятия статьи: 27.08.2018

## ЛЕКСИКА АТОМНОЙ ОТРАСЛИ В СОВРЕМЕННОМ РУССКОЯЗЫЧНОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Наталья Борисовна Фельдман

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, г. Владимир, Россия

**Аннотация.** Исследование выполнено в русле такого актуального направления лингвистики, как функциональная лексикология, и связано с выявлением смысловых модификаций слова, обусловленных контекстуальными особенностями его использования. Объектом анализа стали прилагательные *атомный* и *ядерный*: дана их характеристика в лексической системе русского языка, представлена их частотность в разных типах дискурса, исследовано более 300 случаев употребления прилагательных *атомный* и *ядерный* в современном политическом дискурсе; рассмотрены прямые и переносные значения данных прилагательных в нейтральном тексте, в мелиоративных и пейоративных контекстах. Установлено, что в русскоязычном политическом дискурсе преобладает употребление прилагательных *атомный* и *ядерный* в прямом значении. Выявлено, что в основе метафоризации – основного способа создания переносных значений прилагательных *атомный* и *ядерный* в политическом дискурсе – лежат такие признаки, как «мощное высвобождение энергии», «концентрация», «инновационность», «движение вперед». Показан механизм нивелирования пейоративного оценочного компонента словосочетания *атомная бомба*, возникающего при его использовании в прямом значении, и появления мелиоративных коннотативных смыслов у нейтрального словосочетания *ядерный реактор*. Обнаружено, что исследу-

емые единицы в переносных значениях не фиксируются лексикографическими источниками, поскольку в политическом дискурсе они выражаютokkaзиональный смысл.

**Ключевые слова:** лексика атомной отрасли, тематическая группа лексики, нейтральная коннотация, мелиоративная коннотация, пейоративная коннотация, метафорический перенос, изменение лексического значения, контекст.

**Цитирование.** Фельдман Н. Б. Лексика атомной отрасли в современном русскоязычном политическом дискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 90–101. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.8>

## Введение

Лексика атомной отрасли представляет собой обширную группу единиц, включающую термины, профессионализмы, номинации технологических явлений и процессов, названия устройств, механизмов и их частей, а также отдельных свойств и характеристик таких машин. Эти единицы в переносном значении, возникшем как результат метафорических или метонимических переносов, находятся на периферии анализируемой тематической группы. Лексика отрасли отмечается в разных дискурсах, в том числе и в политическом, а именно – в речи общественных и политических деятелей.

Актуальность настоящего исследования определяется отсутствием монографического описания тематической группы лексики атомной отрасли и общеязыковых процессов, происходящих в этой группе: расширение или сужение лексического значения, его изменение путем метафорического или метонимического переносов, а также отражение этих изменений в устной и письменной речи. К настоящему времени проанализированы в отдельных аспектах только некоторые единицы этой тематической группы. Так, в монографии В.М. Лейчика охарактеризованы слова *атом*, *токамак*, *МАГАТЭ* [Лейчик, 2009, с. 32, 37, 61, 66]. М.К. Борисова провела сопоставительный анализ структурных моделей отдельных

терминов атомной сферы (*ядерная безопасность*) в английском, французском и русском языках [Борисова, 2016, с. 119–121].

В центре нашего внимания находятся прилагательные *атомный* и *ядерный*, функционирующие в современном политическом дискурсе как в прямом, так и в переносном значении. В качестве источника языкового материала использованы высказывания общественных и политических деятелей, опубликованные на официальном сайте Президента Российской Федерации ([www.kremlin.ru](http://www.kremlin.ru)), а также в СМИ за период с 2011 по 2017 годы. Анализу подвергнуты более 250 текстов, из них методом сплошной выборки извлечены 300 контекстов с различной коннотацией, в которых употреблены исследуемые прилагательные.

## Частотность употребления прилагательных *атомный* и *ядерный* в разных дискурсах

В разное время прилагательные *атомный* и *ядерный* использовались в текстах с разной частотой, о чем свидетельствуют, например, данные «Нового частотного словаря русской лексики» О.Н. Ляшевской, С.А. Шарова, представленные в таблице 1.

Варьирование частоты употребления прилагательных *атомный* и *ядерный* в разные периоды обусловлено экономическими и

Таблица 1

### Частотность употребления прилагательных *атомный* и *ядерный* в разных жанрах и в разные периоды, ipm

Период	<i>Атомный</i>		<i>Ядерный</i>	
	Художественная литература	Публицистика	Художественная литература	Публицистика
1950–60-е гг.	23,0	26,7	6,2	7,4
1970–80-е гг.	16,2	44,4	4,3	43,3
1990–2000-е гг.	12,0	38,2	7,0	68,1
<i>Общий индекс частоты</i>	32,4		43,1	

общественно-политическими причинами. Так, 50–60-е гг. XX в. – время зарождения и развития атомной отрасли в Советском Союзе, когда были созданы первые ядерные реакторы и первые атомные бомбы, в 1954 г. заработала первая в мире Обнинская атомная электростанция. Успехам в сфере мирного атома и незасекреченным военным технологиям посвящались газетные статьи и художественные произведения.

Увеличение частоты встречаемости прилагательных *атомный* и *ядерный* в публицистике в период 1970–1980 гг. и 1990–2000 гг. обусловлено, на наш взгляд, тем, что 26 апреля 1986 г. произошла авария на Чернобыльской АЭС, которая вызвала широкий общественный резонанс в конце 80-х гг. XX в. и привлекает внимание СМИ в настоящее время. Дата аварии является особым информационным поводом, способствующим росту количества публикаций, в которых использованы анализируемые нами единицы. Значительное повышение частотности употребления прилагательного *ядерный* в публицистических текстах 1990–2000 гг. может быть связано как с развитием темы аварии на АЭС (Чернобыльской, Фукусимской), так и с обсуждением темы ядерного разоружения, активно освещавшейся в средствах массовой информации в 1990-е годы.

Из таблицы видно, что прилагательное *ядерный* в художественной литературе всех указанных периодов употребляется реже по сравнению с лексемой *атомный*, что может быть связано со следующими факторами:

- прилагательное *атомный* в большей степени ассоциировалось с мирными технологиями (атомные электростанции), а *ядерный* – с военными (ядерные бомбы, ядерные взрывы);
- военные технологии всегда засекречены и, следовательно, упоминаются в публицистической и художественной литературе нечасто.

#### Прилагательные *атомный* и *ядерный* в лексикографических источниках

1. В «Толковом словаре русского языка» С.И. Ожегова (включая издания в соавторстве с Н.Ю. Шведовой) прилагательное *атомный* как самостоятельная единица, которой посвящена отдельная словарная статья,

не зафиксировано, однако представлен целый ряд однокоренных слов (*атом*, *атомистический*, *атомник*, *атомоход*, *атомщик*) (Ожегов, с. 38). У прилагательного *ядерный* отмечено три значения: 1. см. *ядро*. 2. Относящийся к процессам, происходящим в атомном ядре (спец.). *Я. реактор*. *Ядерная энергия*. *Ядерное топливо*. *Ядерная физика*. 3. Относящийся к ядерному оружию, обладающий этим оружием. *Я. век*. *Я. арсенал*. *Ядерная держава*. *Ядерное разоружение* (Ожегов, с. 734).

2. В «Большом толковом словаре русского языка» у прилагательных *атомный* и *ядерный*, помимо двух основных значений, уже фиксируется дополнительное значение: у прилагательного *атомный* со стилистической пометой «разг.», у прилагательного *ядерный* – со стилистической пометой «жарг.»:

Атомный, -ая, -ое. 1. к Атом. *Атомное ядро*. *А. номер* (порядковый номер химического элемента в периодической системе Менделеева). *Относительная атомная масса* (отношение массы атома элемента к 1/12 массы атома углерода). *А-ая энергия* (=ядерная). 2. Связанный с высвобождением и использованием ядерной энергии. *А-ая электростанция* (работающая на ядерном топливе). *А. ледокол* (ледокол-атомоход). *А-ое оружие* (ядерное оружие). *А-ая война* (ядерная война). 3. Разг. Ошеломляющий, потрясающий. *А-ая смесь* (о чем-л. совершенно несовместимом). *Анекдот просто а.!* *А-ые цены* (непомерно высокие) (БТСРЯ, с. 51).

Ядерный, -ая, -ое. 1. к Ядро (2, 4 зн.). *Я-ая оболочка*. *Я-ая траектория*. *Я-ая вмятина*. *Я-ая часть клетки*. 2. Относящийся к процессам, происходящим в атомном ядре, к использованию энергии атомного ядра. *Я-ая реакция*. *Я-ая энергия*. *Я-ое топливо*. *Я-ое оружие*. *Я. взрыв*. *Я-ая катастрофа*. *Я. реактор* (устройство, в котором осуществляется управляемая цепная реакция деления атомных ядер). *Я-ая физика* (раздел физики, в котором изучаются атомные ядра и их превращения). || Обладающий ядерным оружием. *Я-ые страны*. *Я-ая подводная лодка*. 3. Жарг. Чрезмерный, крайний в своем проявлении. *Я-ые цены* (очень высокие). *Я. плащ* (сверхмодный) (БТСРЯ, с. 1531).

3. В «Толковом словаре русского языка конца XX века» указанные прилагательные не зафиксированы. Специфика этого словаря заключается в подробном описании наиболее употребительной лексики русского языка периода 1985–1997 гг. и динамических языковых процессов, остающихся за рамками классических толковых словарей. Несмотря на увеличение частотности употребления прилагательных *атомный* и *ядерный* в указанный период, анализируемые прилагательные не стали предметом внимания составителей словаря, что, возможно, связано либо с узкой сферой их употребления, либо с отсутствием динамических языковых процессов в анализируемый период, в частности, расширения / сужения лексического значения, а также метафорических и метонимических переносов.

4. В «Толковом словаре начала XXI века» прилагательное *атомный* отсутствует, а прилагательное *ядерный* фиксируется в составе словосочетания *ядерный чемоданчик* и в устойчивом выражении *держат палец на ядерной кнопке* (ТСРЯ, с. 1107). Существующая отсылка к существительному *чемоданчик* фиксирует следующее лексическое значение:

Чемоданчик. Ядерный чемоданчик (находящееся у главы государства устройство, сигналом с которого санкционируется нанесение ответного ядерного удара) (ТСРЯ, с. 1067).

Значение глагола *держат* трактуется следующим образом:

Держать. Держать палец на ядерной кнопке (быть готовым к нанесению ядерного удара) (ТСРЯ, с. 300).

Выражая значение, зафиксированное третьим в словаре С.И. Ожегова, прилагательное *ядерный* в составе приведенных словосочетаний получает дополнительную смысловую нагрузку, что отражено в толковании, приведенном в скобках: наличие полномочий использования ядерного оружия, готовность к его применению.

5. В «Большом академическом словаре русского языка» зафиксировано три значения слова *атомный*: 1. Относящийся к атому, связанный с ним. 2. Связанный с исследованием атома. 3. Связанный с использованием энергии распада ядра атома (БАСРЯ, с. 304).

6. В «Активном словаре русского языка» фиксируются шесть лексем прилагатель-

ного *атомный*, значения которых отражены и в других лексикографических источниках. В соответствии со спецификой словаря в словарной статье, посвященной вокабуле *атомный*, приведены примеры расширения значения и метонимического переноса лексемы *атомный* 2.3: «Такой, в котором используется или перерабатывается энергия, освобождающаяся при распаде ядер атомов» (АСРЯ, с. 123). Авторы, во-первых, отмечают, что расширенные употребления словосочетаний с лексемой *атомный* в вышеуказанном значении наблюдаются в период, когда атомная энергетика и ядерные технологии начали использоваться в медицине, сельском хозяйстве и других отраслях, и приводят в качестве примера словосочетания *атомный век* и *атомная эра*, во-вторых, выделяют метонимическое употребление прилагательного *атомный* применительно к явлениям, процессам, устройствам и т. п., связанным с разработкой и применением ядерного оружия: *атомные испытания*, *атомный гриб*, *атомная война*, *атомная бомбардировка*, *атомное бомбоубежище*, *атомная стратегия* и т. п. (АСРЯ, с. 123).

Лексические значения прилагательных *атомный* и *ядерный*, зафиксированные в лексикографических источниках, реализуются в различных текстах и дискурсах, в том числе в высказываниях политических деятелей.

#### Общая характеристика прилагательных *атомный* и *ядерный* в русскоязычном политическом дискурсе

Словосочетания с прилагательными *атомный* и *ядерный* в речи российских политических деятелей в XXI в. используются как в прямом, так и в переносном значениях, при этом текст может быть нейтральным, а может иметь мелиоративную или пейоративную коннотации. Как справедливо указывает Т.В. Матвеева, слова, являющиеся частью терминологической системы, языковой коннотацией обладать не могут, за исключением случаев, когда используется отраслевой компонент [Матвеева, 2010, с. 155]; соответственно, в настоящей статье анализу подвергается коннотация контекста, в котором употребляются анализируемые нами языковые едини-

цы. Под контекстом мы вслед за О.С. Ахмановой [Ахманова, 1966, с. 197] и Т.В. Матвеевой [Матвеева, 2010, с. 159] понимаем речевое окружение прилагательных *атомный* и *ядерный*, законченное речевое высказывание, позволяющее в полном объеме раскрыть содержание, функцию и особенности значения анализируемых нами языковых единиц. Мелиоративная коннотация контекста, в соответствии с определением О.С. Ахмановой, рассматривается как коннотация законченного речевого высказывания, придающая слову положительное экспрессивно-эмоционально-оценочное значение [Ахманова, 1966, с. 218]. Пейоративная коннотация контекста толкуется как коннотация законченного речевого высказывания, придающая слову отрицательное экспрессивно-эмоционально-оценочное значение [Ахманова, 1966, с. 303]. Оценка (мелиоративная и пейоративная) является, как указывает Т.В. Матвеева, важнейшим компонентом коннотации и может быть направлена на предмет речи, собеседника, ситуацию общения либо самого говорящего [Матвеева, 2010, с. 288].

Политический дискурс, формирующийся в политической коммуникации, демонстрирует процесс, в котором язык выступает «и как средство отражения политической деятельности, и как составляющая поля политики» [Человек и его дискурс..., 2014, с. 133], то есть политическая деятельность во многих случаях сводится к речевой деятельности. Соответственно, мелиоративная и пейоративная оценка в политическом дискурсе становится инструментом выражения соответствующей коннотации контекста и в некоторых случаях используются в качестве обозначения вектора политической деятельности либо отношения говорящего к сказанному.

В таблице 2 представлено процентное соотношение употребления лексики атомной

отрасли в прямом и переносном значениях с различной коннотацией контекста.

Количественные данные свидетельствуют о том, что при употреблении словосочетаний с прилагательными *атомный* и *ядерный* в прямом значении большинство высказываний политических деятелей – это нейтральный текст либо контекст с мелиоративной коннотацией. Как правило, эти прилагательные используются в следующих речевых ситуациях: ответы на вопросы в рамках «прямой линии» с Президентом, поздравления с отраслевыми праздниками, юбилеями, тематические доклады.

### Употребление прилагательных *атомный* и *ядерный* в прямом значении

#### Нейтральные тексты

(1) Д.А. Медведев, Президент Российской Федерации (2008–2012). Выступление на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, 27.06.2011.

Особое внимание **ядерной отрасли**. Россия, конечно, и дальше будет заниматься развитием **ядерной энергетики**, совершенствуя системы безопасности **ядерных реакторов** на станциях. Серьезные исследования нужно вести в области переработки **ядерных отходов** (Заседание...).

(2) С.В. Кириенко, генеральный директор госкорпорации «Росатом». Выступление на заседании Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России, 27.06.2011.

Первое, и главное, на сегодняшний день: 1 гигаватт **атомных электростанций** – это, собственно, один блок **атомной станции** – предотвращает 4,6 миллиона тонн выбросов CO<sub>2</sub> в год, то есть совокупно все **атомные станции**, работающие в мире, экономят 1700 миллионов тонн (Заседание...).

Прилагательные *атомный* и *ядерный* в анализируемых контекстах входят в состав

Таблица 2

#### Употребление прилагательных *атомный* и *ядерный* в речи политических деятелей, %

Тип значения	Характер контекста			
	Общее употребление	Нейтральный текст	Контекст с мелиоративной коннотацией	Контекст с пейоративной коннотацией
Прямое	98	62,9	31,3	3,8
Переносное	2	–	1,5	0,5

терминологических словосочетаний: *ядерная отрасль, ядерная энергетика, ядерный реактор, ядерные отходы, атомная электростанция, атомная станция*. Эти словосочетания в прямом значении, будучи нейтральными единицами, встречаются в текстах, в которых представлены тактические и стратегические планы развития отрасли и их реализация, доклады о результатах деятельности и аналитические выводы. Ситуации употребления лексики атомной отрасли в русскоязычном политическом дискурсе не отличаются от ситуаций употребления терминологической лексики других технологических сфер.

### **Контексты с мелиоративной коннотацией**

(3) В.В. Путин, Президент Российской Федерации. Поздравление работникам и ветеранам атомной промышленности. 28.09.2015.

Становление отечественной **атомной отрасли**, которой в нынешнем году исполняется 70 лет, во многом определило эффективное развитие национальной экономики, послевоенную историю нашей страны. Благодаря **атомной промышленности** был обеспечен **ядерный паритет** и обороноспособность государства, создана **атомная энергетика**, открылись уникальные возможности для освоения арктического региона, мощнейший импульс получила фундаментальная и прикладная наука. Сегодня необходимо неуклонно наращивать фундаментальные научные исследования, работать над повышением надежности и безопасности **атомных объектов**, активно участвовать в реализации космических программ, перспективных международных проектов, укреплять позиции России на мировых рынках, в глобальной конкуренции (Поздравление...).

В приведенной цитате мелиоративная коннотация контекста создается посредством:

– реализации структурной схемы высказывания «тезис – аргументы»: тезис о том, что становление отечественной атомной отрасли во многом определило развитие послевоенной экономики и истории страны, заключенный в первом предложении, сопровождается аргументами, подтверждающими выдвинутый тезис, во втором и третьем предложениях;

– словосочетаниями, построенными по модели «прилагательное + существительное», в которых зависимое слово имеет позитивную

коннотацию, а главное слово представляет собой существительное, обозначающее активное действие, движение, процесс: *эффективное развитие, уникальные возможности, мощнейший импульс, перспективные международные проекты*;

– наречиями образа действия *активно, неуклонно*, характеризующими развитие отрасли;

– глаголами *открылись, получила, наращивать, работать, участвовать, укреплять* и краткими страдательными причастиями *обеспечен, создана*, выражающими значение совершенного или совершаемого действия, направленного на созидание, приобретение;

– словосочетаниями *обеспечен ядерный паритет, обороноспособность государства, надежность и безопасность атомных объектов*, подчеркивающими безопасность атомных технологий.

В результате анализа употребления лексики атомной отрасли в прямом значении в контексте с мелиоративной коннотацией установлено, что речевая ситуация употребления лексики атомной отрасли в контексте с мелиоративной коннотацией – это, как правило, поздравления с отраслевыми праздниками, юбилеями, другими значимыми событиями; позитивная коннотация контекста обеспечивается темой высказывания и соответствующими ей речевыми средствами:

а) уникальность и современность атомных технологий (*уникальный, эффективный, мощнейший, перспективный*);

б) безопасность атомной энергетики (*фундаментальные научные исследования, надежность, безопасность*);

в) непрерывность развития отрасли (*неуклонно, активно*);

г) Россия как носитель уникальных и эффективных технологий, разработанных атомной промышленностью.

Таким образом, политические деятели посредством использования лексических единиц атомной отрасли в прямом значении в контексте с мелиоративной коннотацией, с одной стороны, подчеркивают надежность, безопасность и инновационность атомных технологий, с другой стороны, формируют образ России как мощного государства, владеющего этими технологиями.

**Контексты с пейоративной коннотацией**

(4) В.В. Путин, Президент Российской Федерации. Прямая линия с Президентом. 15.06.2017.

Не хочется здесь ничего нагнетать, но специалисты знают, что, допустим, американские **атомные подводные лодки** дежурят на севере Норвегии, подлетное время ракет – 15 минут до Москвы, и мы должны понимать, что там происходит, видеть, что там происходит, мы должны этот берег защитить соответствующим образом, пограничную охрану обеспечить (Прямая линия...).

Пейоративной коннотации приведенного контекста способствует выражение отношения говорящего к предмету речи, переданное безличной глагольной формой с отрицательной частицей *не* в сочетании с инфинитивом (коннотация опасности, угрозы): *не хочется здесь ничего нагнетать*, с последующим перечислением фактов готовности американцев к возможной агрессии: *подлетное время ракет – 15 минут до Москвы*. Однако пейоративность контекста нивелируется готовностью говорящего обеспечить безопасность, выраженной модальным словом *должны* и глагольными лексемами, представляющими цепочку связанных действий: фиксация угрозы (*знают, дежурят*) – ее осознание (*понимать, видеть*) – ее нейтрализация (*защитить, обеспечить*).

(5) В.В. Жириновский, председатель партии ЛДПР.

«Стамбул уничтожить очень легко: достаточно одну **ядерную бомбу** в пролив бросить, и его смоем. Это будет такое страшное наводнение, столб воды поднимется на 10-15 метров, и города не будет, а там 9 миллионов живет», – пояснил лидер либерал-демократов (Лента.ру).

Пейоративная коннотация контекста создается посредством глаголов отрицательно-воздействия на объект и глаголов прекращения бытия (*бросить ядерную бомбу в пролив; его [Стамбул] смоем; будет страшное наводнение; уничтожить Стамбул; уничтожить легко; города не будет*).

Обобщая проведенный анализ употребления лексики атомной отрасли с пейоративной коннотацией, следует отметить, что в указанных примерах с помощью языковых средств создается коннотация опасности, уг-

розы, исходящей от внешнего источника либо по его вине, от которой нужно защищаться. При этом в высказывании В.В. Жириновского содержится прямое предложение стать именно таким источником опасности, а в высказывании В.В. Путина анализируются потенциальные угрозы, источником которых являются другие страны. Таким образом, позиция В.В. Путина как главного лица государства выглядит гораздо более нейтральной и взвешенной. В этом контексте Президент выступает как гарант безопасности граждан, политик, видящий возможные угрозы мирному существованию и знающий, как эти угрозы нивелировать. В свою очередь В.В. Жириновский, будучи оппозиционным политиком и не имея реальной власти, может позволить себе более рискованные высказывания для привлечения внимания к своей персоне либо для создания образа России как страны с мощным ядерным потенциалом, который она может применить в случае необходимости.

**Употребление  
прилагательных *атомный* и *ядерный*  
в переносном значении**

Примеры использования лексических единиц атомной отрасли в переносном значении встречаются в российском политическом дискурсе редко, но они иллюстрируют тенденцию, зафиксированную в словаре С.А. Кузнецова: метафорический перенос происходит на основе таких признаков денотата, как мощь, энергия, высокая степень концентрации. Рассмотрим примеры использования терминов, содержащих прилагательные *атомный* и *ядерный* и употребленных в переносном значении. Все приведенные ниже примеры представляют собой индивидуальные авторские метафоры.

**Контексты с мелиоративной коннотацией**

(6) – Интерес к сельскому хозяйству у государства будет расти. Хлеб – это такая же **атомная бомба**, которая защищает нас с вами, и защищает так же активно. Потому что продовольственная безопасность, как и государственная безопасность, поставлены у нас в стране вровень, – заявил депутат Госдумы ФС РФ Геннадий Кулик (Зинурова).

В приведенном примере метафора основана на понимании важности, насущной необходимости для государства атомной бомбы как хлеба (ср. с русской поговоркой *Хлеб всему голова*). При этом коннотация угрозы отсутствует, она нивелируется словами *безопасность* и *защищает*. Хлеб сопоставляется с атомной бомбой, главное назначение которой, по мысли говорящего, состоит в защите страны и гарантировании безопасности ее гражданам.

(7) «Владимирская область – одна из центральных областей. Нужно было заняться немножко рядом серьезных экономических вопросов. Ну если так сказать по-русски, встряхнуть область. Я иногда считаю, что я, как **атомная бомба**, свалилась с учетом тех изменений, новшеств, поддержки экономики, новых проектов, прихода инвесторов. Я далека от мысли что-то идеализировать», – заявила Светлана Орлова, губернатор Владимирской области (Ростовцев).

В данном высказывании за основу метафорического переноса принимаются такие свойства номинируемого объекта, как концентрация энергии, мощь, сила. Губернатор Владимирской области Светлана Орлова сравнивает себя с атомной бомбой, потому что видит свою задачу в том, чтобы *встряхнуть область*, причем в позитивном смысле, и этот смысл создается с помощью однородных дополнений, в функции которых выступают слова с положительной коннотацией: *изменений, новшеств, поддержки экономики, новых проектов, прихода инвесторов*. Сравнительный оборот *свалилась, как атомная бомба* может ассоциироваться с фразеологизмом *упасть (свалиться) как снег на голову* с общим значением внезапности, неожиданности. Для говорящего эта внезапность и неожиданность, непредвиденность происходящего связаны с желанием решить серьезные экономические задачи и привнести новшества в экономику области. Это высказывание отнесено нами к группе контекстов с мелиоративной коннотацией, так как, во-первых, словосочетание *атомная бомба* употребляется автором высказывания как собственная характеристика и определяет положительные действия и процессы, которые начали происходить после назначения С.Ю. Орловой на

должность губернатора Владимирской области и которые она перечисляет сразу же после сравнения себя с атомной бомбой. Следовательно, мы можем говорить о наличии мелиоративной оценки, направленной на говорящего и его деятельность, создающей основной контекст анализируемого речевого высказывания.

(8) В.В. Путин, Президент Российской Федерации.

Но возникает вопрос: если мы существуем более 1000 лет, так активно развиваемся и укрепляем себя, значит, что-то у нас есть такое, что этому способствует. Это что-то – это внутренний **«ядерный реактор»** нашего народа, нашего человека, русского человека, российского человека, который позволяет двигаться вперед. Это некая пассионарность, о которой Гумилев говорил в свое время, которая толкает нашу страну вперед (Открытый урок...).

Основой метафорического переноса являются такие признаки, как наличие мощной энергии, необходимой для движения вперед, надежность и одновременно инновационность. Говоря о внутреннем «ядерном реакторе» русского человека, русского народа, В.В. Путин упоминает пассионарность как неуклонное стремление двигаться вперед. Важно подчеркнуть, что эту метафору В.В. Путин употребил, выступая перед российскими школьниками онлайн на открытом уроке «Россия, устремленная в будущее». Постановку кавычек можно объяснить индивидуальным характером авторской метафоры, которую говорящий осознает.

Анализ русскоязычного политического дискурса, в котором термины атомной отрасли употребляются в переносном значении в контексте с мелиоративной коннотацией, показал, что:

– словосочетание *атомная бомба*, обозначающее устройство с колоссальным разрушающим и поражающим эффектом, в XXI в. в речи российских политиков начинает приобретать новое, метафорическое значение, в основу которого положены признаки «безопасность», «защита», «энергия», «мощь», «инновационность», «тотальность»; при этом традиционный пейоративный оценочный компонент указанного словосочета-

ния нивелируется общей мелиоративной коннотацией контекста;

– мелиоративная коннотация контекста создается посредством метафорического переноса, который актуализирует позитивную черту у сравниваемого с атомной бомбой понятия: хлеб как основа продовольственной безопасности страны, особенности личности говорящего, воплощающей энергию движения вперед, изменения и развитие;

– словосочетание *ядерный реактор* используется как метафора, которая обозначает внутреннюю энергию, способствующую развитию, и может быть употреблено говорящим по отношению как к отдельному человеку, так и к народу в целом. Мелиоративная коннотация создается в результате использования лексических единиц, обозначающих движение вперед, развитие.

#### **Контекст с пейоративной коннотацией**

(9) Г.А. Зюганов, председатель Центрального комитета КПРФ.

Жилье хрущевской эпохи – это почти 40 процентов российского жилого фонда. Оно было рассчитано на 30, максимум на 40 лет, простояло же все 50–60. Если его сейчас не обновлять и не реконструировать, то через 10 лет оно все превратится в аварийное, и тогда эта жилищно-коммунальная «**атомная бомба**» взорвется неизбежно (Зюганов).

В приведенном примере основой метафорического переноса стал признак «концентрация энергии», но употребленное в контексте неизбежного коммунального коллапса словосочетание *атомная бомба* создает пейоративную коннотацию, которая усиливается в высказывании словами со значением «разрушение» (*аварийное, взорвется*), а также глаголами, выражающими положительное воздействие на объект, но употребленными с отрицательной частицей *не* (*не обновлять, не реконструировать*).

Появление авторских метафорических переносов, связанных с использованием терминов атомной отрасли, обусловлено, по-видимому, экстралингвистическими факторами. Одним из них может быть информационная политика государственной корпорации

по атомной энергии «Росатом». Некоторые из ее принципов, реализованные в течение последних десяти лет, включают в себя максимально возможную прозрачность и открытость в вопросах применения атомных технологий в разных сферах, достоверность и оперативность информации, размещение в свободном доступе (онлайн) показателей уровня радиоактивности на территории предприятий атомной отрасли.

#### **Выводы**

1. Лексические единицы исследуемой тематической группы в русскоязычном политическом дискурсе употребляются преимущественно в прямом значении в нейтральных текстах, мелиоративных или пейоративных контекстах, при этом специфики, связанной с употреблением слов именно этой тематической группы в указанных видах текста и контекста, не выявлено. Прилагательные *атомный* и *ядерный* в составе словосочетаний употребляются аналогично лексемам, относящимся к тематическим группам профессиональной лексики других отраслей.

2. Мелиоративная коннотация контекста при употреблении лексем *атомный* и *ядерный* в прямом значении создается посредством насыщения речи прилагательными *уникальный, эффективный, мощнейший, инновационный, перспективный, приоритетный, высокотехнологический*; существительными *исследования, надежность, безопасность, лидер (технологий), обороноспособность, возможности*; наречиями образа действия *неуклонно активно, бурно*; в результате этого формируется образ России как страны, владеющей уникальными и инновационными технологиями.

3. Особенности построения русскоязычного политического дискурса с пейоративной коннотацией, в котором прилагательные *атомный* и *ядерный* используются в прямом значении, заключаются в следующем: во-первых, при выражении официальной позиции России по вопросам, касающимся использования ядерных технологий (в том числе военных) преобладает тема внешней угрозы, к которой Россия готова; при этом политики, представляющие оппозиционные партии (в частности,

В.В. Жириновский), создают образ России как внешнего агрессора, способного решить конфликт военным путем; во-вторых, высказывания, содержащие атомную лексику (в том числе заявления Президента РФ В.В. Путина), построены по схеме «тезис – аргументы – вывод», помогающей изложить позицию говорящего в виде взвешенной позиции, общая идея которой выражается в наличии внешней угрозы и готовности ей противостоять. Пейоративная коннотация контекста создается в результате использования глаголов и прилагательных, выражающих значения отрицательного воздействия на объект, прекращения бытия, отрицательных эмоций и др.

4. Переносные значения терминов атомной отрасли, включающих прилагательные *атомный* и *ядерный*, создаются в результате метафоризации, в основе которой лежат такие признаки, как «мощное высвобождение энергии», «концентрация», «инновационность», «движение вперед». В проанализированных примерах нивелируется пейоративный оценочный компонент словосочетания *атомная бомба*, возникающий при его употреблении в прямом значении, и создается мелиоративная коннотация словосочетания *ядерный реактор*. В примере с пейоративной коннотацией контекста пейоративная оценка словосочетания *атомная бомба* используется автором высказывания как средство усиления контекстуальной коннотации. Выявленные переносные значения не фиксируются современными лексикографическими источниками.

5. Подобное словоупотребление и использование метафорического переноса применительно к лексике атомной отрасли в современном русскоязычном политическом дискурсе может быть связано, по нашему мнению, с информационной политикой Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» последних 10 лет, нацеленной на максимальную открытость и прозрачность в вопросах, касающихся применения атомных технологий, уровня радиоактивности в регионах, присутствия предприятий атомной отрасли.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ахманова О. С., 1966. Словарь лингвистических терминов. М. : Советская энциклопедия. 608 с.
- Борисова М. К., 2016. Сопоставительный анализ терминов международной безопасности в английском, французском и русском языках (на примере тематических областей «ядерная безопасность» и «информационная безопасность») // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. № 1. С. 118–127.
- Лейчик В. М., 2009. Люди и слова: Как рождаются и живут слова в русском языке / отв. ред. Г. В. Степанов. 2-е изд., испр. и доп. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 216 с.
- Матвеева Т. В., 2010. Полный словарь лингвистических терминов. Ростов н/Д : Феникс. 562 с.
- Человек и его дискурс..., 2014. Человек и его дискурс-4 : коллектив. моногр. / отв. ред. М. Р. Желтухина. М. : ИЯ РАН : Издат. центр «Азбуковник». 398 с.
- ИСТОЧНИКИ**
- Лента.ру* – Жириновский предложил уничтожить Стамбул ядерным ударом // «Лента.ру». 27.11.2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/27/zhirinovski/>.
- Заседание...* – Заседание Комиссии по модернизации и технологическому развитию экономики России. 27.06.2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/11755>.
- Зинурова* – Зинурова Е. Депутат Госдумы Геннадий Кулик: «Хлеб – это такая же атомная бомба» // Телеканал «Губерния33». 03.04.2017. URL: <http://trc33.ru/news/society/deputat-gosdumy-gennadiy-kulik-khleb-eto-takaya-zhe-atomnaya-bomba/>.
- Зюганов* – Зюганов Г. А. Оружие против кризиса – в программе КППФ. 17.08.2017. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/167853.html>.
- Открытый урок...* – Открытый урок «Россия, устремленная в будущее». 01.09.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55493>.
- Поздравление...* – Поздравление работникам и ветеранам атомной промышленности. 28.09.2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50381>.
- Прямая линия...* – Прямая линия с Президентом. 15.06.2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54790>.
- Ростовцев* – Ростовцев И. Хроники Светланы Орловой. Неделя № 9: «Я, как атомная бомба, свалилась на область» // Информационный портал «ПроВладимир». 21.05.2017. URL: <https://provladimir.ru/news/vlast/hroniki-svetlany-orlovoj-nedelya-9-ya-kak-atomnaya-bomba-svalilas-na-oblast>.

## СЛОВАРИ

- АСРЯ* – Активный словарь русского языка / В. Ю. Апресян [и др.] ; отв. ред. Ю. Д. Апресян. М. : Языки славянской культуры, 2014. Т. 1. 408 с.
- БАСРЯ* – Большой академический словарь русского языка / гл. ред. К. С. Горбачевич. М. ; СПб. : Наука, 2004. Т. 1. 662 с.
- БТСРЯ* – Большой толковый словарь русского языка / сост. и глав. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Ожегов* – Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Л. И. Скворцова. 27-е изд., испр. и доп. М. : ООО «Издательство «Мир и Образование», 2016. 736 с.
- Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / под ред. Г. Н. Складчиковской. СПб. : Фолио-Пресс, 1998. 700 с.
- ТСРЯ* – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковской. М. : Эксмо, 2007. 1136 с.

## REFERENCES

- Akhmanova O.S., 1966. *Dictionary of Linguistic Terms*. Moscow, Sovetskaya entsiklopediya Publ. 608 p.
- Borisova M.K., 2016. Comparative Analysis of International Security Terms in the English, French and Russian Languages (Case Study Based on Thematic Groups *Nuclear Safety and Information Security*). *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series: Linguistics], no. 1, pp. 118-127.
- Leychik V.M., 2009. *People and Words: How Words Are Born and Live in the Russian Language*. Moscow, LIBROKOM Publ. 216 p.
- Matveeva T.V., 2010. *Complete Dictionary of Linguistic Terms*. Rostov-on-Don, Feniks Publ. 562 p.
- Zheltukhina M.R. (ed.), 2014. *Man and Their Discourse-4: Collective Monograph*. Moscow, IYa RAN Publ.; Azbukovnik Publ. 398 p.

## SOURCES

- Zhirinovskiy Proposed to Destroy Istanbul with a Nuclear Strike. *Lenta.ru*, November 27, 2015. URL: <https://lenta.ru/news/2015/11/27/zhirinovskiy/>.
- Meeting of the Commission for Modernization and Technological Development of the Russian*

*Economy*. June 27, 2011. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/11755>.

- Zinurova E. State Duma Deputy Gennadiy Kulik: “Bread and a Atomic Bomb Are Alike”. *Guberniya 33 TV Channel*, April 3, 2017. URL: <http://trc33.ru/news/society/deputat-gosdumy-gennadiy-kulik-khleb-eto-takaya-zhe-atomnaya-bomba/>.
- Zyuganov G.A. *Arms against the Crisis – in the Program of the Communist Party of the Russian Federation*. August 17, 2017. URL: <https://kprf.ru/party-live/cknews/167853.html>.
- Open Lesson “Russia Rushing to the Future”*. September 1, 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/55493>.
- Congratulations to Employees and Veterans of the Nuclear Industry*. September 28, 2015. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/50381>.
- Phone-in with the President*. June 15, 2017. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/54790>.
- Rostovtsev I. The Chronicles of Svetlana Orlova. Week 9: “I, Like an Atomic Bomb, Fell on the Region”. *Information Portal ProVladimir*, May 21, 2017. URL: <https://provladimir.ru/news/vlast/hroniki-svetlany-orlovojnenedelya-9-ya-kak-atomnaya-bomba-svalilas-na-oblast>.
- DICTIONARIES**
- Apresyan V.Yu., Apresyan Yu.D., Babaeva E.E. (et al.). *Active Vocabulary of the Russian Language*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ., 2014, vol. 1. 408 p.
- Gorbachevich K.S. (ed.). *Big Academic Dictionary of the Russian Language*. Moscow; Saint Petersburg, Nauka Publ., 2004, vol. 1. 662 p.
- Kuznetsov S.A. (ed.). *Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1536 p.
- Ozhegov S.I. *The Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, Mir i obrazovanie Publ., 2016. 736 p.
- Dictionary of Russian language of the late twentieth century. Language changes / ed. G. N. Sklyarevskaya. SPb. : Folio Press Publishing House, 1998. 700 p.
- Sklyarevskaya G.N. (ed.), 2007. *Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Beginning of the 21<sup>st</sup> Century. Up-to-Date Vocabulary*. Moscow, Eksmo Publ. 1136 p.

### **Information about the Author**

**Nataliya B. Feldman**, Postgraduate Student, Department of the Russian Language, Vladimir State University named after Alexander and Nikolay Stoletovs, Prosp. Oktyabrskiy, 3, 600000 Vladimir, Russia, nbfeldman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0354-3778>

### **Информация об авторе**

**Наталия Борисовна Фельдман**, аспирант кафедры русского языка, Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых, просп. Октябрьский, 3, 600000 г. Владимир, Россия, nbfeldman@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0354-3778>



# МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

---

---

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>

UDC 81'25  
LBC 81.18

Submitted: 28.07.2018  
Accepted: 03.09.2018

## TRANSLATION EXPERIMENT AND THE DEVELOPMENT OF EMPIRICAL TRANSLATION RESEARCH IN RUSSIAN TRANSLATION STUDIES

**Tatyana A. Volkova**

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia

**Abstract.** The paper provides a brief overview of approaches to experiment in contemporary linguistic research in general and in translation studies in particular. With a focus on Russian translation studies, we attempt to categorize translation experiments with regard to aim, data and methodology. Procedural (activity-based) translation experiments are aimed at describing the process of translation influenced by various factors. Didactic (competence-based) translation experiments are aimed mainly at improving the quality of professional translator training, at the same time reflecting, to a certain extent, the patterns of the translator's verbal and cognitive activity and providing certain methodological frameworks for experimental translation research. Psycholinguistic (association, reception) translation experiments are mainly product-based and aimed at the target text recipient, describing the patterns of target text perception and understanding.

We see empirical (experimental) translation research as a developing discipline within translation studies in the Russian line of thought. The immediate goal is to build a pool of translation experiments and work out a translation experiment standard; define the interdisciplinary boundaries and describe the metalanguage of experimental (empirical) translation studies; specify the requirements for experimental procedures, data, and an experimental setting, as well as for selecting and briefing the participants; describe online and offline experimental techniques, dependent and independent variables, and metadata.

**Key words:** experiment, translation, linguistic experiment, translation experiment, empirical translation studies, experimental linguistics.

**Citation.** Volkova T.A. Translation Experiment and the Development of Empirical Translation Research in Russian Translation Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 102-116. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>

УДК 81'25  
ББК 81.18

Дата поступления статьи: 28.07.2018  
Дата принятия статьи: 03.09.2018

## ПЕРЕВОДЧЕСКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ И РАЗВИТИЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ПЕРЕВОДОВЕДЕНИЯ В РОССИЙСКОЙ НАУКЕ О ПЕРЕВОДЕ

**Татьяна Александровна Волкова**

Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия

**Аннотация.** В статье дан краткий критический обзор подходов к эксперименту в современных лингвистических исследованиях в целом и исследованиях перевода в частности. Предложена классификация переводческих экспериментов с учетом цели, материала, методики их проведения. Процедурные (деятельностные) эксперименты призваны установить, как протекает процесс перевода под влиянием различных факторов. Дидактические эксперименты направлены преимущественно на повышение качества профессиональной подготовки переводчиков, однако в той или иной степени отражают механизмы речемыслительной деятельности переводчика и определяют возможные процедуры экспериментального исследования перевода. Психолингвистические (ассоциативные, рецептивные) эксперименты направлены преимущественно на реципиента перевода и изучение механизмов восприятия и понимания текста как результата перевода.

Утверждается, что «экспериментальное переводоведение» развивается как самостоятельное направление науки о переводе в российской традиции. Ближайшая перспектива развития этого направления видится в формировании базы экспериментальных исследований перевода и выработке стандарта переводческого эксперимента, в определении границ междисциплинарности и описании метаязыка экспериментального переводоведения, в формулировке требований к процедуре, испытуемым, материалу и инструкции переводческого эксперимента, в выявлении возможностей использования опосредованных и непосредственных методик, характера экспериментальной ситуации, независимых и зависимых переменных, метаданных.

**Ключевые слова:** эксперимент, перевод, лингвистический эксперимент, переводческий эксперимент, экспериментальное переводоведение, экспериментальная лингвистика.

**Цитирование.** Волкова Т. А. Переводческий эксперимент и развитие экспериментального переводоведения в российской науке о переводе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 102–116. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.9>

## Введение

В зарубежном переводоведении тема переводческих экспериментов разработана достаточно глубоко, поскольку вопросы методологии эмпирических исследований письменного и устного перевода рассматриваются учеными давно, а в последние два десятилетия количество экспериментальных исследований значительно возросло (см., например: [Alvstad, Hild, Tiselius, 2011; *Empirical modelling of translation and interpreting...*, 2017; *Empirical translation studies...*, 2017; Tirkkonen-Condit, Jääskeläinen, 2000]). Зарубежные ученые отмечают, что использование эмпирического материала для проверки теории / модели перевода либо построение теории / модели на основе полученного эмпирического материала требует использования методов и методик исследования перевода и как процесса, и как результата [*Empirical modelling of translation and interpreting...*, 2017, p. vii]. Предлагается интеграция синхронных и асинхронных методик [*Empirical modelling of translation and interpreting...*, 2017, p. viii] – в данном случае может быть использована, на наш взгляд, русскоязычная терминология О.А. Леонтович [Леонтович, 2011, с. 26] – и отмечается важность триангуляции данных, полученных с помощью

методик разного типа [*Empirical modelling of translation and interpreting...*, 2017, p. viii].

Проведение экспериментов с целью изучения перевода становится все более актуальным в современном российском переводоведении, что «обусловлено логикой развития этой науки» [Яковлев, 2015б, с. 265]. Однако в отечественном переводоведении теоретическая и методологическая база для проведения экспериментов, на наш взгляд, еще только формируется: с одной стороны, переводоведы проводят разнообразные эксперименты, методика и структура которых отвечают целям и задачам конкретных исследований, что позволяет накопить некоторый опыт в этой области, с другой стороны, пока не выработаны унифицированные типология и методология экспериментов. Эта лакуна отчасти восполняется в предлагаемом исследовании подходов к эксперименту в современном российском переводоведении.

## Экспериментальные методы в лингвистике

В российском языкознании на современном этапе можно наблюдать базовое различие в понимании лингвистического эксперимента: он толкуется как метод исследования

или как авторский прием (языковая игра, креативное использование языка, лингвистические опыты, отклонение от нормы). Мы рассматриваем эксперимент как метод исследования (процесса) перевода, но в целом вектор наших дальнейших рассуждений детерминруется определением, сформулированным К.И. Белоусовым для эксперимента в психолингвистике: «с позиций деятельностного подхода эксперимент в психолингвистике – это деятельность исследователя, которая, задавая условия деятельности испытуемого, предполагает выявить особенности его речемыслительной деятельности» [Белоусов, 2017, с. 29–30].

По мнению К.И. Белоусова, экспериментальная лингвистика «описывает не только собственно экспериментальную деятельность лингвиста, но и квазиэкспериментальную деятельность и лингвистическое наблюдение» [Белоусов, 2017, с. 28]. Различия в экспериментальной деятельности лингвистов выявляет и О.В. Федорова: как эмпирическую лингвистику она определяет исследования, «в которых для сбора языкового материала используется методология наблюдения и/или эксперимента (в отличие от интроспективной лингвистики, использующей интроспекцию)» [Федорова, 2013, с. 12], как экспериментальную лингвистику – «эмпирические исследования, в которых присутствует элемент сознательного влияния исследователя на процесс языкового взаимодействия» [Федорова, 2013, с. 12].

Существует ряд методологических вопросов, по которым авторы пока не пришли к единому мнению. Прежде всего, это вопрос о квалификации респондентов, привлекаемых к участию в лингвистическом эксперименте: должны они быть специалистами или неспециалистами, могут / должны ли испытуемые быть профессиональными лингвистами (филологами). Так, Н.С. Болотнова отмечает, что «целесообразно опираться прежде всего на показания языкового сознания компетентной аудитории, особенно имеющей филологическое образование (не случайно в качестве информантов чаще всего привлекаются студенты)» [Болотнова, 2010, с. 33]. К.И. Белоусов ставит под сомнение «обращение в психолингвистике к “наивному” читателю для разрешения им широкого спектра вопросов, посвященных семантике художественного

текста» [Белоусов, 2017, с. 9]. О.В. Федорова, напротив, считает, что «многие психолингвистические эксперименты не следует проводить с людьми, профессионально занимающимися лингвистическими исследованиями» [Федорова, 2008, с. 18].

К важным следует также отнести вопросы о самообучении респондентов в процессе эксперимента и о парадоксе наблюдателя. Так, О.А. Леонтович справедливо отмечает, что «испытуемые могут модифицировать свое поведение под влиянием целей эксперимента (адаптировать свое поведение к созданным в процессе эксперимента условиям)» [Леонтович, 2011, с. 56]. Уменьшить влияние «самообучения испытуемых» на результаты эксперимента возможно, если, как считает Е.В. Ягунова, эксперимент будет организован таким образом, чтобы реципиент не мог понять, какие реакции хочет получить от него экспериментатор [Ягунова, 2005, с. 40], и если, как полагает О.В. Федорова, испытуемые не будут заранее осведомлены о цели эксперимента [Федорова, 2008, с. 18].

Наиболее активно экспериментальные методы используются в психолингвистике. Их объяснительные возможности и специфика применения обсуждаются в работах А.А. Залевской, И.А. Стернина, Р.М. Фрумкиной и многих других авторов (см., например опубликованные материалы круглого стола «Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов», посвященного «вопросам проведения и обработки результатов ассоциативных экспериментов» [Рудакова, Стернин, 2016, с. 312]). В публикациях омских лингвистов описаны ассоциативные и семантические эксперименты, проведенные с целями реконструкции динамики значения слова, психолингвистического моделирования процессов восприятия и понимания профессионалами официально-деловых текстов [Бутакова, 2012; 2014; Бутакова, Гуц, 2015].

Эффективность экспериментальных методик в психолингвистике демонстрируют работы Т.А. Гридиной, которая провела «направленный эксперимент по толкованию респондентами словотворческих инноваций с прогнозируемым выходом в зону языковой игры (при установке придумать, что может назы-

вать данное слово)), апробировала методики «продолжения / завершения игрового текста – адаптированный вариант экспериментального метода вероятностного прогнозирования», создания «поля креативных номинаций – образование дериватов от стимульного слова по заданным тематическим векторам с последующей “сборкой” текста из полученных игр», а также процедуру написания синквейнов [Гридина, 2016, с. 146–152]. Опираясь на результаты экспериментального исследования техник запоминания информации, Т.А. Гридина и Н.И. Коновалова выделили «универсальные и индивидуальные стратегии кодирования и декодирования формы и содержания заданных стимулов при использовании вербальных и невербальных мнемотехник» [Гридина, Коновалова, 2010, с. 21–22].

Экспериментальные методы, эксплицирующие языковое сознание носителей языка, широко применяются в коммуникативной стилистике. Так, Н.С. Болотнова считает продуктивным при исследовании художественного (поэтического) текста свободные и направленные ассоциативные эксперименты; «эксперименты на членение текста в соответствии с исследовательской задачей»; «эксперименты по количественной оценке связанности словесных пар»; «эксперименты на группировку слов»; «эксперименты на соответствие слова контексту» [Болотнова, 2010, с. 34].

Итак, в некоторых областях лингвистики имеются существенные результаты в использовании экспериментальных методов. Поскольку характер нашей статьи более всего соответствует формуле «экспериментальная лингвистика глазами переводчика», далее рассмотрим, какое применение находят обозначенные достижения в экспериментальных исследованиях перевода и как они могут повлиять на развитие современного переводоведения.

### **Классификация эксперимента в переводоведении**

Систематизацию методов исследования процесса перевода провел А.А. Погосов. Он выделил интроспективные методы (например, метод фиксации размышлений вслух), ретроспективные методы (например, опрос инфор-

мантов в виде интервьюирования или анкетирования); метод объективации процесса перевода с помощью специальных компьютерных программ, комбинированные методы (различные сочетания перечисленных выше методов) [Погосов, 2011, с. 11]. Однако эта классификация не охватывает всего разнообразия реализованных в переводоведении экспериментов и не учитывает, как нам представляется, целей проведения переводческого эксперимента.

Далее охарактеризуем лингвистические эксперименты, проведенные для изучения перевода, обращая особое внимание на цели, принципы проектирования и процедуры экспериментальных исследований, и параллельно предпримем попытку классифицировать анализируемые переводческие эксперименты по цели, материалу и/или методике проведения.

### **«Процедурные» (деятельностные) эксперименты**

Этот тип исследования перевода как процесса тесно связан с экспериментами Х. Крингса: его методика «думать вслух» (метод мышления вслух, TAP, think-aloud protocols) находит широкое применение в современном переводоведении и составляет основу экспериментов, которые мы обозначили как «процедурные» (деятельностные).

Экспериментальное исследование процесса перевода по методу мышления вслух с целью «разработки и теоретико-экспериментального обоснования когнитивно-эвристической модели перевода» провел А.Г. Минченков [2008]. В результате сравнения переводов, выполненных участниками эксперимента, с опубликованным переводом А.Г. Минченков закономерно заключает, что «студенты гораздо чаще, чем профессиональные переводчики, не обладали необходимыми знаниями и не смогли успешно осмыслить то или иное предложение» [Минченков, 2008, с. 36–37].

С одной стороны, эксперименты по методике «думать вслух» являются источником разнообразного эмпирического материала. С другой стороны, авторы выражают сомнения по поводу однозначности полученных таким образом результатов [Яковлев, Манюкова, 2014, с. 138]. А.А. Яковлев также подчеркивает, что

«выбор переводчика обусловлен множеством взаимодействующих и накладывающихся друг на друга факторов, и лишь инструкция эксперимента заставляет его приостановить “поток сознания” или сконцентрироваться лишь на одном факторе (на одной грани многогранного образа), дабы именно его назвать наиболее существенным» [Яковлев, 2015а, с. 91–92]. В этом смысле справедливым остается мнение В.Н. Комиссарова о том, что «в своей практической работе переводчик может добиваться необходимого результата и каким-либо путем, не совпадающим ни с одной из известных нам моделей» [Комиссаров, 1990, с. 189]. Методика «думать вслух», как и любая другая форма сбора комментариев переводчиков в отношении выполняемых или выполненных в процессе перевода действий, может не отражать реальных действий и их реальных причин.

Характеризуя тип «процедурных» (деятельностных) экспериментов, отметим, что они не ограничиваются методикой мышления вслух. Цель этих экспериментов – установить, как протекает процесс перевода под влиянием различных факторов, поэтому «процедурные» (деятельностные) экспериментальные исследования перевода нередко сочетают в себе аппаратные (eyetracking, keylogging) и опросные методики (анкетирование, интервьюирование), могут выполняться с привлечением корпусов и других специальных ресурсов.

Так, в исследовании Д.Ю. Груздева, направленном на изучение «процесса поиска лингвистической информации и принятия переводческого решения с помощью тематического электронного корпуса» [Груздев, 2013, с. 3], проведен лингвистический эксперимент с применением ретроспективного (анкетирование) и интроспективного (ТАР-протоколы) методов. Цель эксперимента заключалась в проверке предположения о возможности повысить качество перевода специализированного дискурса в результате использования тематического корпуса. Поскольку автор считает корпус текстов «инструментом начинающего переводчика», участниками эксперимента стали студенты, обучающиеся переводу. На первом этапе эксперимента они выполняли письменный перевод с использованием традиционных ресурсов («тестовый перевод»),

на втором этапе – с применением тематического корпуса текстов («контрольный перевод») [Груздев, 2013].

Экспериментальные методы при выявлении возможности применения электронного корпуса текстов для решения некоторых переводческих проблем в письменном переводе с русского языка на иностранный использованы Н.В. Владимовым. В качестве испытуемых были привлечены переводчики-непрофессионалы, поскольку они, не обладая развитыми переводческими навыками и большим опытом реальной переводческой деятельности, не имели, по мнению исследователя, четкой стратегии решения переводческих трудностей [Владимов, 2005, с. 5]. Посредством количественного, качественного и сопоставительного анализа, а также методов наблюдения и фиксирования интроспективных комментариев информантов Н.В. Владимов исследовал первоначальные варианты переводов, их отредактированные варианты, протоколы вносимых исправлений, оценочные отзывы эксперта [Владимов, 2005].

Эксперимент, нацеленный на установление связи между особенностями переводческого процесса, уровнем профессиональной компетенции переводчика и качеством перевода, провел А.А. Погосов. Автором использованы методы фиксации размышлений вслух, интервьюирования и анкетирования, компьютерной объективации процесса перевода, а также количественный и качественный анализ переводных текстов. Обобщая результаты эксперимента, А.А. Погосов установил, что верное решение переводческой проблемы независимо от уровня профессиональной компетенции обеспечивает дедуктивный способ обработки информации. При этом профессионалы используют его почти в 8 раз чаще, чем индуктивный, а начинающие переводчики – примерно в 2,5 раза чаще [Погосов, 2011].

Экспериментальному изучению процесса письменного перевода с русского языка на английский посвящено исследование Н.И. Подольской [1998]. Процесс перевода текста фиксировался и воссоздавался с помощью специального программного обеспечения, затем были проведены структурно-семантический анализ текста на исходном языке (ИЯ), сопоставление текста на ИЯ и протоколов исследо-

вания, сопоставление протоколов исследования и соответствующих им текстов на языке перевода (ПЯ), анализ индивидуальных протоколов исследования и сопоставительный анализ всех протоколов исследования. Комментируя возможности эксперимента с применением компьютерных технологий, Н.И. Подольская справедливо замечает, что «часть данных, так же, как в экспериментах с использованием метода “think aloud”, неизбежно остается скрытой от наблюдения, поскольку проследить ход мысли и пути поиска вариантов оказывается возможным лишь тогда, когда происходят сбои в программе порождения высказывания или при внесении переводчиком исправлений в уже созданный им текст на ПЯ. Некоторый субъективизм возможен при дальнейшей обработке данных экспериментатором, однако это... справедливо для анализа результатов любого исследования любым экспериментатором» [Подольская, 1998, с. 5].

В исследовании К.А. Ельцова была предложена стратегия перевода аббревиатур и проведена экспериментальная оценка ее эффективности с участием в качестве испытуемых профессиональных переводчиков и студентов-переводчиков выпускных курсов. Согласно процедуре эксперимента его участники выполняли сначала письменный перевод, затем устный перевод с листа, после чего с каждым испытуемым проводилось интервью – «информанту предлагалось воспроизвести и обосновать свой вариант перевода каждой интересующей экспериментатора аббревиатуры и по возможности расшифровать ее» [Ельцов, 2005, с. 11–12]. Заметим, что «инструктаж информантов не предусматривал разъяснения экспериментальной задачи»: автор справедливо отмечает, что «личностно-оценочный аспект деятельности переводчика, который объективно присутствует при выполнении любого задания, может сделать данные о естественном переводческом поведении менее валидными» [Ельцов, 2005, с. 11].

Экспериментальное исследование влияния знания языка на качество перевода было осуществлено А.А. Яковлевым [2014]. Двум группам испытуемых с разным уровнем владения английским языком предлагалось перевести текст с английского на русский. Обе группы были поделены на две подгруппы для

перевода вариантов текста с одинаковым содержанием, но различающихся формально. При этом в обоих вариантах были нарушены какие-либо языковые нормы: высказывания содержали несколько тема-рематических «пар» и требовали парцелляции или были излишне парцеллированы и содержали немотивированные повторы темы или ремы. От реципиентов требовалось обнаружить нарушения языковой нормы и осуществить необходимые трансформации с целью передать в переводе смысл текста без нарушения языковой нормы и узуса. В результате такого эксперимента была подтверждена исследовательская гипотеза о том, что «испытуемые... с различающимся языковым уровнем осуществляют в переводе различные виды трансформаций (прежде всего – семантико-синтаксические); [испытуемые – Т. В.] с более высоким языковым уровнем способны ориентироваться не столько на форму, сколько на смысл переводимого текста и реализовывать в тексте перевода такие преобразования, которые могут быть обусловлены именно содержанием, а не формой оригинального текста» [Яковлев, 2014, с. 359].

Л.В. Кушнина предлагает гештальт-синергетическую экспериментальную методику интерпретации текста, позволяющую выявить природу процесса перевода [Кушнина, 2004]. Эта методика заключается в следующем: испытуемым (студентам) предлагается вербально-графическое представление высказывания, показывающее направление мысли автора, на его основании происходит порождение текста на родном языке, а затем выполняется перевод текста на иностранный язык. Результаты серии экспериментов показывают континуальность и разновекторность процесса перевода вследствие его гештальт-синергетической природы и эксплицируют фазу формирования образа-гештальта текста [Кушнина, 2004, с. 19].

В экспериментальном исследовании отношения переводчика к переводимому тексту А.А. Яковлев и А.К. Манюкова предприняли попытку «определить, влияет ли контекст на вариативность перевода», и «выявить особенности отношения переводчика к переводимому тексту» [Яковлев, Манюкова, 2014, с. 138]. Испытуемым предлагалось оценить переводы предложений, данных вне контекста, и

предложений с контекстом. В качестве реципиентов были привлечены студенты-старшекурсники, получающие профессию переводчика, следовательно имеющие теоретическую базу, позволяющую осуществлять выбор варианта перевода. Результаты показали, что «при наличии контекста... противоречие возникает не столько между предложенным вариантом перевода и образом содержания текста (который корректируется контекстом), сколько между предлагаемым и “желаемым” вариантом перевода – тем, к которому был склонен сам испытуемый» [Яковлев, Манюкова, 2014, с. 139].

Продолжая исследование роли контекста в процессе перевода, А.А. Яковлев апробировал следующую экспериментальную методику: одной группе испытуемых было предложено перевести пять предложений, представленных вне контекста, второй группе – те же предложения с указанием стиля или тематики текстов, из которых они взяты, третьей группе – небольшие фрагменты текста, содержащие данные предложения. По мнению исследователя, испытуемые первой группы должны были переводить, основываясь только на внутреннем контексте, испытуемые второй группы – на широком контексте, третьей группы – на узком вербальном контексте. Результаты эксперимента подтвердили гипотезу о том, что «разные виды контекста влияют на осуществление перевода системно, но внутренний контекст играет интегрирующую, управляющую роль в этой системе» [Яковлев, 2015б, с. 265].

Таким образом, процедурные (деятельностные) переводческие эксперименты нацелены на изучение процесса перевода в различных условиях и характеризуются разнообразием методик, позволяющих приблизиться к пониманию когнитивных механизмов, лежащих в основе действий переводчика.

#### *Дидактические («компетентностные», педагогические) эксперименты*

Экспериментальные исследования этого типа проводятся преимущественно с участием обучающихся переводу студентов с целью повышения качества профессиональной подготовки переводчиков.

В качестве примера охарактеризуем эксперимент по выявлению способностей к переводу, проведенный Я.И. Рецкером [1974]. По словам ученого, этот переводческий эксперимент преследовал научные цели: он был призван выявить «определенные закономерности, устанавливаемые лингвистической теорией перевода» [Рецкер, 1974, с. 31], и, следовательно, требовал точности в выборе объекта наблюдений и языкового материала, а также однородности состава испытуемых («для научной ценности результатов эксперимента идеальной можно считать аудиторию примерно одинакового уровня знаний и навыков, то есть студентов старших курсов вуза») [Рецкер, 1974, с. 31].

Испытуемым предлагалось письменно перевести короткий фрагмент художественного произведения, содержащий целостную характеристику персонажа. При оценке качества переводов экспериментатор выбрал определяющим стилистический фактор, отмечая впоследствии, что немногие испытуемые учли подлинную стилистическую специфику текста: его лаконичность, проявившуюся в создании цельного портрета посредством выделения немногих характерных деталей, и что «даже довольно точный перевод ... оказался многословным ... и лишенным динамичности подлинника» [Рецкер, 1974, с. 33]. В исследовании отмечена связь эксперимента с дидактикой перевода: сравнивая работы студентов-переводчиков разных курсов, автор установил, что «закономерность перестановок [в тексте – Т. В.], диктуемых самой логикой фактов и обстоятельств, лучше воспринимается после того, как на этом явлении уже фиксировалось внимание переводчиков в теории и практике перевода» [Рецкер, 1974, с. 35].

В цитируемом исследовании описан также эксперимент по проверке закономерности трансформаций, проводившийся с целью оценить в переводах, выполненных разными переводчиками, вероятность совпадения ошибок и закономерность «совпадения... “переводческих находок”, то есть удачного отхода от словарных соответствий» [Рецкер, 1974, с. 35]. Эксперимент позволил установить, что «в квалифицированных переводах одного и того же произведения, выполненных разными переводчиками, неизменно наблюдается довольно

высокий процент словарных совпадений» и чем выше квалификация переводчиков, тем выше процент совпадений [Рецкер, 1974, с. 36]. Впоследствии в качестве экспериментального материала ученый использовал студенческие контрольные письменные работы (перевод с английского языка на русский), давшие ему «материал для наблюдения над трансформациями “первой ступени” – дифференциацией, конкретизацией и генерализацией понятий в переводе» [Рецкер, 1974, с. 38].

Как видим, центральным параметром, используемым автором для оценки результатов эксперимента, выступают переводческие трансформации в русле лингвистической теории перевода, что обусловлено доминировавшими в середине 70-х гг. XX в. теоретическими концепциями и подходами к обучению переводчиков, во многом сформировавшими отечественную науку о переводе. Однако эмпирические исследования Я.И. Рецкера в определенной степени задают методологические ориентиры для проведения переводческих экспериментов на современном этапе, хотя на смену «переводческим трансформациям» постепенно приходят «переводческие решения».

Охарактеризуем (для сравнения) экспериментальное исследование Э. Пима и Э. Торрес-Симон [Рум, Торрес-Симун, 2015], посвященное изучению типов переводческих решений<sup>1</sup> (translation solution types), анализируемых студентами с различными комбинациями рабочих языков, одним из которых обязательно являлся английский. Авторы выдвигают следующую гипотезу: типология приемов перевода Ж.-П. Вине и Ж. Дарбельне оказывается более эффективной при работе с европейскими языками, типология китайского автора Лу Дяньяна – при работе с языковой комбинацией «английский – восточный язык»; под «эффективностью» понимается владение представленными приемами и умение применять их при анализе собственного перевода [Рум, Торрес-Симун, 2015, р. 91]. Кроме того, авторы указывают на возможность восполнить в результате эксперимента пробелы, выявленные в ходе применения обозначенных классификаций в различных языковых комбинациях, и приблизиться к построению универсальной классификации переводческих при-

емов, в полной мере сознавая важность и трудновыполнимость этой задачи.

Испытуемые предварительно выполняли «разминочное» задание, позволяющее обратить внимание на приемы перевода, которые затем объяснялись преподавателем; после этого студенты возвращались к выполненным переводам и определяли, какие приемы использованы в ходе выполнения задания. На следующем этапе студентам необходимо было выявить приемы в одном из ранее выполненных письменных переводов коллеги с иностранного языка на родной. Таким образом, к моменту знакомства с классификациями испытуемые уже познакомились с рядом приемов перевода. Обсуждение приемов позволило, с одной стороны, рассмотреть варианты их применения, с другой стороны, критически оценить используемую в классификации терминологию [Рум, Торрес-Симун, 2015, р. 91–92]. Затем испытуемым было предложено ответить на ряд вопросов, касающихся практического применения приемов: насколько удобна и проста классификация, как часто применяются те или иные приемы, требует ли классификация изменений и/или дополнений. По мнению авторов, использование тех или иных приемов не позволяет объективно описать процесс перевода, поскольку обусловлено конкретной языковой комбинацией, однако неоднозначная терминология, используемая в разных классификациях, позволяет студентам не только критически оценивать свои действия, но и обозначить трудности, связанные с теоретическим осмыслением предложенных классификаций. Именно в этом авторы видят дидактическую ценность типологизации приемов перевода [Рум, Торрес-Симун, 2015, р. 89].

В современном отечественном переводоведении эксперимент рассматриваемого типа широко применяется в исследованиях по проблемам обучения переводу: разработка методики овладения переводческой стратегией посредством развития познавательной активности студентов» [Бабаскина, 2013], методики обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации [Гавриленко, 2009], методики применения игрового моделирования с целью совершенствования профессиональной компетенции устного переводчика [Панова, 2014], концепции обучения устной

переводческой деятельности на основе интегративного подхода [Аликина, 2017], формирование лингвокультурологической компетентности у будущих переводчиков в образовательном процессе вуза [Большакова, 2017] и др. Безусловно, опытное обучение (опытно-экспериментальная работа) в рамках таких исследований направлена прежде всего на формирование тех или иных компетенций обучающихся, реализацию конкретной концепции обучения переводу, однако исследования подобного рода вносят, на наш взгляд, значительный вклад в развитие методологической базы переводческих экспериментов и науки о переводе в целом.

Особое место среди дидактических экспериментов занимают эмпирические исследования оценки качества перевода, которые потенциально могут быть выделены в отдельную группу экспериментов, если затрагивают вопросы оценки не только учебного, но и профессионального перевода.

Оригинальный подход предложили Е.А. Княжева и Е.А. Пирко, оценивая качество перевода с использованием метода анализа иерархий. Авторы определяют «рейтинг (вес) каждого критерия с точки зрения его влияния на фокус проблемы» и ранжируют их на основе «количественного выражения переводческих предпочтений экспертов» следующим образом: «предметная ситуация», «логическая организация», «прагматика», «лексическая сочетаемость», «грамматические нормы ПЯ», «пунктуационные нормы ПЯ», «оформление текста перевода», «орфографические нормы ПЯ» [Княжева, Пирко, 2013, с. 148]. В работе предложены матрицы парных сравнений оценочных критериев, матрицы парных сравнений альтернатив (текстов переводов) по каждому критерию, проведено сравнение итоговых оценок, полученных по результатам эксперимента, с оценками, выставленными преподавателем.

В исследовании Е.А. Гильмуллиной характеризуются возможности квантитативно-системного подхода к оценке качества перевода. Автором на основе полученных эмпирических данных (переводы официально-деловых, научных, публицистических и художественных текстов, выполненные однородной группой в заданных условиях – студентами-

переводчиками старших курсов бакалавриата и первого курса магистратуры) разработана методика оценки качества перевода, которая предполагает выявление и систематизацию допущенных ошибок в соответствии с «априорным словарем параметров» [Гильмулина, 2016, с. 18].

Таким образом, дидактические эксперименты в исследовании перевода направлены преимущественно на диагностику и последующее совершенствование профессиональных компетенций в процессе обучения, однако в той или иной степени отражают механизмы речемыслительной деятельности переводчика и обогащают инструментарий экспериментального изучения перевода.

### *Психолингвистические (ассоциативные, рецептивные) эксперименты*

Эксперименты этого типа, как правило, проводятся на материале литературного (художественного) перевода и нацелены на выявление особенностей восприятия нестандартных (например, этноспецифических, творческих) элементов иноязычного текста и их перевода. Так, Т.А. Гридина и А.Е. Мошкина провели психолингвистический анализ восприятия имен собственных в переводном художественном тексте для верификации «степени считываемости мотивации онимов, представленных в тексте оригинала и тексте перевода, в зависимости от использованной переводческой стратегии» [Гридина, Мошкина, 2015, с. 57]. Исследователи осуществили свободный ассоциативный эксперимент, результаты которого позволили установить соответствие восприятия символики имен, заданной особенностями их исходного облика (в версии автора), и ассоциаций русских респондентов на форму имени в переводном тексте [Гридина, Мошкина, 2015, с. 61] и оценить эмоциональное воздействие фоносемантики слова на подсознание [Гридина, Мошкина, 2015, с. 67].

А.А. Сардарова [2016], исследуя переводчески релевантную лингвокультурную специфику художественного текста с позиций психолингвистики, описала способы осуществления переводческой прагматической адаптации. На основе эмпирического материала, получен-

ного в ходе свободного и направленного ассоциативного эксперимента, а также с применением метода экспертных оценок и пилотажного опроса реципиентов перевода художественного текста<sup>2</sup> на английский, итальянский и сербский языки, автор выявила типичные способы передачи реалий и типы интерпретаций, применяемые переводчиками, охарактеризовала особенности восприятия иноязычными реципиентами переводов и оценила адекватность передачи реалий в переводных произведениях.

В исследовании, посвященном проблемам передачи в переводе намеренной речевой нестандартности поэта, Т.В. Устинова провела серию ориентированных на реципиента экспериментов. Посредством лингвистического интервьюирования респондентов-билингвов, профессионально владеющих русским и английским языками (преподаватели факультетов иностранных языков, «сбалансированные билингвы-профессионалы»), автор выявляет «сходства и различия в смысловом восприятии исходных и переводных креатив с учетом имевших место переводческих трансформаций» [Устинова, 2017, с. 4].

Эксперименты подобного типа выделены нами в самостоятельную группу, поскольку направлены преимущественно на реципиента перевода (владеющего, в том числе профессионально, или не владеющего иностранным языком), анализ механизмов восприятия и понимания (переводного) текста, изучение перевода как результата деятельности.

### Заключение

Предложенная нами типология может считаться лишь попыткой классифицировать переводческие эксперименты, поскольку за рамками обзора осталась значительная часть зарубежных экспериментальных исследований перевода; экспериментальные корпусные исследования устного перевода; экспериментальные исследования синхронного перевода; исследования, в которых перевод выступает как инструмент, а не как объект эксперимента. Отдельные эксперименты могут быть отнесены сразу к нескольким группам. Однако типология демонстрирует востребованность экспериментальных исследований для реше-

ния задач оценки качества перевода, дидактики перевода, изучения механизмов речемыслительной деятельности переводчика и, шире, речемыслительных механизмов индивида, в том числе как представителя определенной лингвокультурной общности. Такая востребованность свидетельствует о развитии в российской науке о переводе **экспериментального переводоведения** (ср. «empirical translation research», «empirical translation studies» в зарубежных источниках), что ставит перед исследователями ряд вопросов терминологического и методологического характера.

Первая группа вопросов связана с определением **границ междисциплинарности и формированием терминологического аппарата (метаязыка)** экспериментального переводоведения.

Важно не только систематизировать и использовать для решения задач переводоведения релевантный опыт проведения экспериментальных исследований, но и вписать экспериментальные методы и методики в рамки современной науки о переводе, учитывая специфику объекта переводоведения и особенности речемыслительной деятельности переводчика (в терминах В.А. Пищальниковой, В.К. Ланчикова)<sup>3</sup>. Один из выделяемых О.В. Федоровой типов взаимодействия наук – методологическая кроссдисциплинарность, то есть заимствование из дисциплины-донора таких методов работы, которые помогают верифицировать теорию или ранее накопленные данные [Федорова, 2014, с. 9] – представляет особый интерес. На современном этапе переводоведение обращается к экспериментальным методам, сформировавшимся в других областях лингвистики, следовательно, можно говорить о методологической кроссдисциплинарности, при которой «дисциплиной-донором» выступает экспериментальная лингвистика. Однако вопрос о степени сформированности экспериментальной лингвистики как таковой пока нельзя считать закрытым.

Вопрос о границах междисциплинарности экспериментального переводоведения связан с вопросом о месте в этой области исследований достижений теории и методики профессионального (переводческого) образования: в той же степени, в которой в настоящее время востребованы и продуктивны исследо-

вания по дидактике перевода, дидактика перевода как научное направление окончательно не сформирована.

Вторая группа вопросов касается **требований к процедуре, испытуемым, материалу** переводческого эксперимента. Если для экспериментального исследования устного перевода естественным представляется использование непосредственных (синхронных<sup>4</sup>) методик, то влияет ли на результаты эксперимента в письменном переводе использование опосредованных или непосредственных методик? Какими могут (должны) быть переменные при экспериментальном исследовании перевода? С одной стороны, можно предположить, что в исследованиях письменного перевода независимыми переменными могут служить, например, условия выполнения перевода (организация процесса перевода; время выполнения перевода; используемые переводчиком технические средства; отдельные алгоритмы, применяемые переводчиком, – конкретная схема переводческого анализа, алгоритм выработки стратегии перевода и т. д.) и уровень (профессиональной) подготовки переводчиков. В качестве зависимых переменных можно рассматривать стратегию перевода, принимаемые переводчиком решения, в том числе в отношении заданных параметров. Переменные из каждого класса могут выступать и в качестве переменных противоположного класса. С другой стороны, на данный момент количество проведенных переводческих экспериментов недостаточно для того, чтобы установить, например, может ли выступать в качестве переменной уровень профессиональной компетентности или конкретная компетенция переводчика и как в целом использовать и трактовать в экспериментальных исследованиях перевода влияние комплексных категорий подобного рода (в противовес единичным условно контролируемым параметрам).

Недостаточная разработанность методологии переводческого эксперимента ставит перед экспериментатором и вопросы, касающиеся отбора испытуемых, их квалификации, необходимости учитывать широкий спектр дополнительных психологических факторов, влияющих на условия проведения эксперимента, ср. «особенности отношения

переводчика к переводимому тексту» [Яковлев, Манюкова, 2014]. Опыт ряда авторов свидетельствует в пользу отбора испытуемых для экспериментальных исследований перевода из числа студентов, и, с одной стороны, такой выбор представляется естественным и продуктивным. Открытыми остаются вопросы о том, возможно ли экспериментальное изучение *процесса* перевода без существенной опоры в том или ином виде на профессиональные компетенции переводчика? Имеет ли принципиальное значение «учебный» характер практически любой экспериментальной ситуации с участием студентов или этот фактор влияет на результаты эксперимента не более, чем любая другая искусственно созданная для переводчика экспериментальная ситуация?

Исследователи не нашли ответа и на вопросы о том, как влияет на результаты переводческого эксперимента «челночный» характер перевода по сравнению, например, с единичной одновременной реакцией на стимул в психолингвистическом эксперименте? Какова роль самообучения в процессе переводческого эксперимента?<sup>5</sup> Можно ли считать фактор самообучения и повторного обращения к тому же тексту однозначно положительным или отрицательным для процедуры переводческого эксперимента или это определяется целью конкретного эксперимента – перевести текст, редактировать собственный или чужой перевод, комментировать свой или чужой перевод либо отдельные переводческие решения и т. д.? Какую роль в эксперименте играет самокоррекция переводчика?

Остается неясным, равнозначны ли по своему исследовательскому потенциалу предложенные для перевода (или оценки перевода) отдельные единицы в контексте (например, имена собственные или реалии) и целый текст того или иного объема; каковы в целом должны быть требования к материалу и инструкции переводческого эксперимента; насколько реальной может (должна) быть моделируемая ситуация; какова степень валидности и ценности для переводческого эксперимента метаданных (опросы переводчиков, ответы на вопросы открытого и закрытого типов, свободные комментарии); кто может (должен) выступать экспертом при оценке

результатов эксперимента; если эксперимент направлен на реципиента перевода, как соотносится восприятие перевода «рядовым» читателем («наивным» реципиентом, в терминах К.И. Белоусова), специалистом в данной предметной области, другим переводчиком.

Перечень вопросов, безусловно, может быть продолжен. Очевидно, что на данном этапе развития экспериментального переводоведения большинство из них остается без ответа. Представляется более целесообразным сосредоточиться на ограниченном количестве параметров и последовательно проводить переводческие эксперименты различных типов и с разными целями, чтобы постепенно сформировать соответствующий ландшафт экспериментальных исследований перевода и выработать, насколько это возможно, некоторый «золотой стандарт» переводческого эксперимента.

### ПРИМЕЧАНИЯ

<sup>1</sup> Поскольку речь идет о «теоретически возможных» переводческих решениях безотносительно к индивидуальным контекстам, в нашей концепции правильнее было бы назвать обозначенные авторами «типы переводческих решений» приемами, ср. с термином «прием перевода», в целом закрепившимся в российской традиции при описании классификации Вине и Дарбельне.

<sup>2</sup> По мнению Т.В. Устиновой, «возможность применения результатов лингвистического опроса реципиентов исходного текста и текста перевода [важна – Т. В.] в переводоведческом анализе языковой личности адресата текста перевода – его / ее речемыслительных характеристик, коммуникативных потребностей и компетенций» [Устинова, 2017, с. 35].

<sup>3</sup> Авторы подчеркивают, что «параметры научного объекта задаются произвольно, но они должны отражать сущностные, по мнению исследователя, компоненты реального объекта (в данном случае процесса перевода как речемыслительной деятельности индивида) и их связи» [Пищальникова, Ланчиков, 2018, с. 42].

<sup>4</sup> Имеются в виду синхронные и асинхронные методики в терминах О.А. Леонтович [Леонтович, 2011, с. 26].

<sup>5</sup> То есть необходимо ли и в ходе переводческого эксперимента уменьшить эффект самообучения испытуемых, ср.: [Федорова, 2008; Ягунова, 2005].

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аликина Е. В., 2017. Концепция интегративного обучения устной переводческой деятельности // Современные исследования социальных проблем. Т. 8, № 6-2. С. 31–34.
- Бабаскина Е. Г., 2013. Факторы формирования познавательной активности студентов в процессе овладения переводческой стратегией // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. № 4 (28). С. 202–206.
- Белоусов К. И., 2017. Введение в экспериментальную лингвистику. М. : ФЛИНТА : Наука. 137 с.
- Болотнова Н. С., 2010. Использование эксперимента в исследованиях по коммуникативной стилистике текста // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 6. С. 33–38.
- Большакова М. Г., 2017. Опыт-экспериментальная работа по формированию лингвокультурологической компетентности у будущих переводчиков в образовательном процессе вуза // Педагогический журнал. Т. 7, № 5А. С. 221–228.
- Бутакова Л. О., 2012. Лингвистическая диагностика социальных процессов: психолингвистический аспект // Вестник Омского университета. № 4. С. 209–214.
- Бутакова Л. О., 2014. Психолингвистическое моделирование процессов восприятия и понимания официально-деловых текстов профессионалами // Вестник Омского университета. № 4. С. 169–174.
- Бутакова Л. О., Гуц Е. Н., 2015. Психолингвистический эксперимент: к проблеме верификации результатов // Вестник Омского университета. № 1. С. 203–207.
- Владимов Н. В., 2005. Корпусный подход к решению переводческих проблем: на материале письменных переводов с русского языка на английский : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 18 с.
- Гавриленко Н. Н., 2009. Теория и методика обучения переводу в сфере профессиональной коммуникации. М. : Научно-техническое общество имени академика С.И. Вавилова. 178 с.
- Гильмуллина Е. А., 2016. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб. 26 с.
- Гридина Т. А., 2016. Лингвокреативные механизмы порождения текста: экспериментальный ресурс языковой игры // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. Т. 7, № 7. С. 143–156.
- Гридина Т. А., Коновалова Н. И., 2010. Стратегии кодирования и декодирования информации в процессах запоминания (экспериментальное

- исследование мнемотехник) // Психолингвистические аспекты изучения речевой деятельности. № 8. С. 17–31.
- Гридина Т. А., Мошкина А. Е., 2015. Психолингвистический анализ восприятия имен собственных в переводном художественном тексте (на материале романа У. Голдинга «Свободное падение») // Уральский филологический вестник. Серия: Психолингвистика в образовании. № 4. С. 57–70.
- Груздев Д. Ю., 2013. Электронный корпус текстов как эффективный инструмент переводчика : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 18 с.
- Ельцов К. А., 2005. Стратегия перевода аббревиатур : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 20 с.
- Княжева Е. А., Пирко Е. А., 2013. Оценка качества перевода в русле методологии системного анализа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 145–151.
- Комиссаров В. Н., 1990. Теория перевода (лингвистические аспекты). М. : Высшая школа. 253 с.
- Кушнина Л. В., 2004. Взаимодействие языков и культур в переводческом пространстве: гештальт-синергетический подход : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Челябинск. 32 с.
- Леонтович О. А., 2011. Методы коммуникативных исследований. М. : Гнозис. 224 с.
- Минченков А. Г., 2008. Когнитивно-эвристическая модель перевода (на материале английского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. СПб. 43 с.
- Панова А. Н., 2014. Совершенствование профессиональной компетенции устного переводчика на завершающем этапе обучения средствами игрового моделирования // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1. С. 232–236.
- Пищальникова В. А., Ланчиков В. К., 2018. Теория перевода без аннексий и контрибуций. О роли междисциплинарности в развитии переводоведения // Мосты. Журнал переводчиков. № 2 (58). С. 38–47.
- Погосов А. А., 2011. Динамика переводческого процесса: критерии лингвокогнитивного описания : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 18 с.
- Подольская Н. И., 1998. Проблема описания процесса перевода: метод компьютерного моделирования : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 25 с.
- Рецкер Я. И., 1974. О переводческом эксперименте // Тетради переводчика. Вып. 11. М. : Международные отношения. С. 31–40.
- Рудакова А. В., Стернин И. А., 2016. Круглый стол «Актуальные проблемы проведения и интерпретации результатов психолингвистических экспериментов» // Вопросы психолингвистики. № 4 (30). С. 312–319.
- Сардарова А. А., 2016. Переводчески релевантная лингвокультурная специфика художественного текста: психолингвистический аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М. 30 с.
- Устинова Т. В., 2017. Неконвенциональное смыслообразование в поэтической речи: лингвокогнитивное моделирование читательской рецепции и межъязыковой перевод : автореф. дис. ... д-ра филол. Екатеринбург. 40 с.
- Федорова О. В., 2008. Основы экспериментальной психолингвистики: принципы организации эксперимента. М. : Спутник+. 24 с.
- Федорова О. В., 2013. Экспериментальный анализ дискурса: теория и практика : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М. 45 с.
- Федорова О. В., 2014. Психолингвистика vs. когнитивная лингвистика на карте современной когнитивной науки // Социо- и психолингвистические исследования. Вып. 2. С. 7–20.
- Ягунова Е. В., 2005. Эксперимент в психолингвистике: конспекты лекций и методические рекомендации. СПб. : Изд-во «Остров». 51 с.
- Яковлев А. А., 2014. Влияние знания языка на качество перевода (экспериментальное исследование) // Вестник Тверского государственного университета. Серия «Филология». № 2. С. 358–363.
- Яковлев А. А., 2015а. Психолингвистические аспекты перевода. Красноярск : Сибир. федер. ун-т. 160 с.
- Яковлев А. А., 2015б. Роль вербального и внутреннего контекста в переводе // Вестник Кемеровского государственного университета. Т. 4, № 4 (64). С. 265–269.
- Яковлев А. А., Манюкова А. К., 2014. Отношение переводчика к переводимому тексту: экспериментальное исследование // Наука и мир. Т. II, № 6 (10). С. 138–141.
- Alvstad C., Hild A., Tiselius E., 2011. Methods and strategies of process research: integrative approaches in translation studies. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 377 p.
- Empirical modelling of translation and interpreting..., 2017. Empirical modelling of translation and interpreting (Translation and multilingual natural language processing 7) / Hansen-Schirra S., Czulo O., Hofmann S. (eds.). Berlin : Language Science Press. 522 p.
- Empirical translation studies..., 2017. Empirical translation studies. New methodological and theoretical traditions / Sutter G., Lefer M., Delaere I. (eds.). Berlin ; Boston : De Gruyter Mouton. 317 p.

- Pym A., Torres-Simón E., 2015. The pedagogical value of translation solution types. *Perspectives: Studies in Translatology*, vol. 23, no. 1, pp. 89-106. DOI: 10.1080/0907676X.2014.928334
- Tirkkonen-Condit S., Jääskeläinen R., 2000. Tapping and mapping the processes of translation and interpreting: outlooks on empirical research. Amsterdam ; Philadelphia : John Benjamins Publishing Company. 176 p.

### REFERENCES

- Alikina E.V., 2017. Conception of Integrative Interpreting Training. *Sovremennyye issledovaniya sotsialnykh problem* [Modern Research of Social Problems], vol. 8, no. 6-2, pp. 31-34.
- Babaskina E.G., 2013. The Factors of Students' Learning Activity Formation in the Process of Translation Strategy Acquisition]. *Uchenye zapiski. Elektronnyy nauchnyy zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 4 (28), pp. 202-206.
- Belousov K.I., 2017. *Introduction to Experimental Linguistics*. Moscow, FLINTA; Nauka Publ. 137 p.
- Bolotnova N.S., 2010. Use of Experiment in Research on Communicative Stylistics of Text. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 6, pp. 33-38.
- Bolshakova M.G., 2017. Experimental Work on the Development of Linguocultural Competence in Future Interpreters in the Educational Process of the University. *Pedagogicheskyy zhurnal* [Pedagogical Journal], vol. 7, no. 5A, pp. 221-228.
- Butakova L.O., 2012. Linguistic Diagnostics of Social Processes: a Psycholinguistic Aspect. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 4, pp. 209-214.
- Butakova L.O., 2014. Psycholinguistic Models of Official Business Texts: Perception and Understanding by Specialists. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 4, pp. 169-174.
- Butakova L.O., Guts E.N., 2015. Psycholinguistic Experiment: the Problem of Results Verification. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 1, pp. 203-207.
- Vladimov N.V., 2005. *Corpus-Based Approach to Solving Translation Problems (the Case of Russian-English Translation)*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 18 p.
- Gavrilenko N.N., 2009. *Theory and Principles of Teaching Specialized Translation in Professional Communication*. Moscow, Nauchno-tehnicheskoe obshchestvo imeni akademika S.I. Vavilova. 178 p.
- Gilmullina E.A., 2016. *Translation Quality Assessment: a Systemic Quantitative Approach*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Saint Petersburg. 26 p.
- Gridina T.A., 2016. Linguo-Creative Mechanisms of Text Generation: Pilot Resource of Language Game. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V.V. Vinogradova* [Proceedings of the V.V. Vinogradov Russian Language Institute], vol. 7, no. 7, pp. 143-156.
- Gridina T.A., Konovalova N.I., 2010. Strategies of Coding and Decoding Information in Memory Processes (Experimental Study of Mnemonics). *Psikholingvisticheskie aspekty izucheniya rechevoy deyatel'nosti*, no. 8, pp. 17-31.
- Gridina T.A., Moshkina A.E., 2015. Psycholinguistic Analysis of Proper Names Perception in Translated Literary Texts (Based on the Novel *Free Fall* by Golding). *Uralskiy filologicheskyy vestnik. Seriya: Psikholingvistika v obrazovanii* [Ural Journal of Philology. Psycholinguistics in Education], no. 4, pp. 57-70.
- Gruzdev D.Yu., 2013. *Electronic Text Corpus as an Efficient Translation Tool*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 18 p.
- Eltsov K.A., 2005. *Strategy for Translating Abbreviations*. *Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 20 p.
- Knyazheva E.A., Pirko E.A., 2013. Translation Quality Assessment Using the Methodology of System Analysis. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, no. 1, pp. 145-151.
- Komissarov V.N., 1990. *Teoriya perevoda (lingvisticheskie aspekty)* [Theory of Translation: Linguistic Aspects]. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 253 p.
- Kushnina L.V., 2004. *Interaction of Languages and Cultures in the Translation Space: gestalt and Synergetic Approach*. *Dr. philol. sci. abs. diss.* Chelyabinsk. 32 p.
- Leontovich O.A., 2011. *The Methods of Communication Research*. Moscow, Gnozis Publ. 224 p.
- Minchenkov A.G., 2008. *Cognitive and Heuristic Translation Model as Applied to English*. *Dr. philol. sci. abs. diss.* Saint Petersburg. 43 p.
- Panova A.N., 2014. On Upgrading of the Professional Competence of Interpreter through Simulation Game. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 232-236.
- Pishchalnikova V.A., Lanchikov V.K., 2018. Theory of Translation: No Annexations, No Contributions. On the Role of Interdisciplinarity in the

- Development of Translation Studies. *Mosty. Zhurnal perevodchikov*, no. 2 (58), pp. 38-47.
- Pogosov A.A., 2011. *Translation Process Dynamics: Linguistic and Cognitive Description Criteria. Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 18 p.
- Podolskaya N.I., 1998. *The Problem of Translation Process Description: Computer Simualtion. Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 25 p.
- Retsker Ya.I., 1974. On Translation Experiment. *Tetradī perevodchika*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ., vol. 11, pp. 31-40.
- Rudakova A.V., Sternin I.A., 2016. The Round Table "Acute Problems of Psycholinguistic Experiments and Interpretation of Their Results". *Voprosy psikholingvistiki* [Journal of Psycholinguistics], no. 4 (30), pp. 312-319.
- Sardarova A.A., 2016. *Translation-Relevant Linguistic and Cultural Features of the Literary Text: a Psycholinguistic Aspect. Cand. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 30 p.
- Ustinova T.V., 2017. *Non-conventional Meaning-Making in Poetic Speech: Linguistic and Cognitive Modelling of Readers' Reception and Language Translation. Dr. philol. sci. abs. diss.* Ekaterinburg. 40 p.
- Fedorova O.V., 2008. *Basics of Experimental Psycholinguistics: Principles of Experiment Design.* Moscow, Sputnik+ Publ. 24 p.
- Fedorova O.V., 2013. *Experimental discourse analysis: theory and practice. Dr. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 45 p.
- Fedorova O.V., 2014. Psycholinguistics vs. Cognitive Linguistics on the Map of Modern Cognitive Science. *Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya* [Socio- and Psycholinguistic Research], vol. 2, pp. 7-20.
- Yagunova E.V., 2005. *Experiment in Psycholinguistics: Lecture Notes and Guidelines.* Saint Petersburg, Ostrov Publ. 51 p.
- Yakovlev A.A., 2014. Translation Quality Dependence on Language Competence (an Experimental Study). *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filologiya"*, no. 2, pp. 358-363.
- Yakovlev A.A., 2015a. *Psycholinguistic Aspects of Translation.* Krasnoyarsk, Sibirskiy federalnyy universitet Publ. 160 p.
- Yakovlev A.A., 2015b. The Role of Verbal and Inner Context in Translation. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], vol. 4, no. 4 (64), pp. 265-269.
- Yakovlev A.A., Manyukova A.K., 2014. The Translator's Attitude to the Text: Experimental Study. *Nauka i mir* [Science and World], vol. II, no. 6 (10), pp. 138-141.
- Alvstad C., Hild A., Tiselius E., 2011. *Methods and Strategies of Process Research: Integrative Approaches in Translation Studies.* Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 377 p.
- Hansen-Schirra S., Czulo O., Hofmann S. (eds.), 2017. *Empirical Modelling of Translation and Interpreting (Translation and Multilingual Natural Language Processing).* Berlin, Language Science Press. 522 p.
- Sutter G., Lefer M., Delaere I. (eds.), 2017. *Empirical Translation Studies. New Methodological and Theoretical Traditions.* Berlin; Boston, De Gruyter Mouton. 317 p.
- Pym A., Torres-Simón E., 2015. The Pedagogical Value of Translation Solution Types. *Perspectives: Studies in Translatology*, vol. 23, no. 1, pp. 89-106. DOI: 10.1080/0907676X.2014.928334
- Tirkkonen-Condit S., Jääskeläinen R., 2000. *Tapping and Mapping the Processes of Translation and Interpreting: Outlooks on Empirical Research.* Amsterdam; Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 176 p.

### Information about the Author

**Tatyana A. Volkova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Translation Theory and Practice, Chelyabinsk State University, Bratyeв Kashirinykh St., 129, 454001 Chelyabinsk, Russia, [tatiana.volkova@yahoo.com](mailto:tatiana.volkova@yahoo.com), <https://orcid.org/0000-0002-9335-403X>

### Информация об авторе

**Татьяна Александровна Волкова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры теории и практики перевода, Челябинский государственный университет, ул. Братьев Кашириных, 129, 454001 г. Челябинск, Россия, [tatiana.volkova@yahoo.com](mailto:tatiana.volkova@yahoo.com), <https://orcid.org/0000-0002-9335-403X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.10>

UDC 811.161.1'255.2  
LBC 81.411.2-8

Submitted: 01.08.2018  
Accepted: 30.08.2018

## STRATEGIES OF REPORTING VERBS' INTERPRETATION IN MODERN RUSSIAN TRANSLATIONS OF FICTION

Anastasiya V. Urzha

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

**Abstract.** The research presented in the article focuses on the phenomenon of substituting reporting verbs that introduce direct speech (e.g. *say*) by words with emotive and evaluation meanings in Russian translations of fiction. The paper systematizes and describes grammatical, semantic and stylistic aspects of this phenomenon revealed in typology, studies of the Russian language, stylistics and translation studies up to nowadays. Two opposing views on the issue existing in Russian and European translation critics are presented in the paper: on the one hand, substitution of repeated reporting verbs by emotive ones helps to avoid tautology and monotonousness of the dialog frame, on the other hand, it interferes and distorts the semantics of the original. From the widespread linguocultural attitude, interpreting this issue as a domestication feature in translation, the author offers to shift to functional attitude, focusing on pragmatic effects of such substitutions. The material of the research is represented with the corpus of modern Russian translations of narratives for children. The results of the comparative analysis of texts and statistic data confirm that the substitution of reporting verbs by emotive words and nominations of gestures is regularly found in both domesticating and foreignizing translations, being connected mostly to the specific features of the target children audience and high emotiveness of the fragments where reporting verbs occur. These results enable us to adjust current estimations of the phenomenon in question in the translation assessment, adding functional view on its context and pragmatic effects.

**Key words:** translation, dialogue, reporting verb, emotiveness, gesture, domestication, foreignization.

**Citation.** Urzha A. V. Strategies of Reporting Verbs' Interpretation in Modern Russian Translations of Fiction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 117-128. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.10>

УДК 811.161.1'255.2  
ББК 81.411.2-8

Дата поступления статьи: 01.08.2018  
Дата принятия статьи: 30.08.2018

## СТРАТЕГИИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ГЛАГОЛОВ, ВВОДЯЩИХ РЕЧЬ, В СОВРЕМЕННЫХ РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Анастасия Викторовна Уржа

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, г. Москва, Россия

**Аннотация.** В фокусе исследования – изменение семантики английских глаголов, вводящих прямую речь, при переводе художественных нарративов на русский язык. В статье аккумулированы, систематизированы (в грамматическом, семантическом и стилистическом ракурсах) представления ученых (русистов, типологов, переводоведов) о проблемах перевода глаголов, вводящих речь, с европейских языков на русский. В центре этого комплекса проблем – введение замен глаголов типа *say* в русских переводах, сопровождаемое эмоциональной и аксиологической конкретизацией и вызывающее прямо противоположные оценки отечественных и зарубежных критиков перевода. От наиболее распространенного сегодня лингвокультурологического аспекта исследования таких проблем предложено перейти к функционально-прагматическому аспекту. В качестве иллюстративного материала выбраны современные переводы на русский язык прозаических художественных произведений для детей. Сопоставительный анализ этих текстов, а также количественные данные позволили установить, что конкре-

тизирующие замены глаголов, вводящих прямую речь, использованы как в доместицирующих, так и в форенизирующих переводах, и обусловлены фактором адресата и эмотивной плотностью фрагментов произведения. Результаты исследования позволяют скорректировать характеристику конкретизирующих замен в переводоведении, актуализируя функциональный подход к изучению их контекста и прагматического эффекта.

**Ключевые слова:** перевод, диалог, речевой глагол, эмотивность, жест, доместикация, форенизация.

**Цитирование.** Уржа А. В. Стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь, в современных русских переводах художественной прозы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 117–128. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.10>

### Введение

Проблема семантической и стилистической интерпретации глаголов, вводящих прямую речь, при переводе на русский язык принадлежит к числу постоянно актуальных, вызывающих острые дискуссии, побуждает исследователей и критиков перевода высказывать прямо противоположные мнения, которые оказываются доминирующими в разные десятилетия и продолжают сосуществовать. Цель данной статьи – актуализировать и систематизировать представления о проблемах перевода глаголов, вводящих прямую речь, рассмотреть их в семантическом, стилистическом и синтаксическом ракурсах, опираясь на работы лингвистов (русистов и типологов) и переводоведов из разных стран, проанализировать предлагаемые решения переводоведческих проблем в функционально-прагматическом (а не только в традиционном лингвокультурологическом) ключе. Теоретико-методологические основания анализа усматриваются в положениях функциональных лингвистических и переводоведческих исследований, в частности, в положении о соотносительности формы, значения и функции языкового элемента в составе изучаемого целого, в приоритете внимания к функциональным связям между языковыми средствами, в том числе и разноуровневыми (А.В. Бондарко, М.В. Всеволодова, Т. Гивон, Г.А. Золотова, М.А.К. Холлидей и др.), в трактовке параллельных переводных текстов как составляющих «подготовленного, но при этом естественного эксперимента» [Федоров, 2002, с. 31], реализованного в контексте действия «фактора адресата» [Арутюнова, 1981, с. 356].

Типологи и переводоведы уже в работах середины XX в. отмечали, что языки различаются набором средств выражения эмотивности и активностью использования этих средств в аналогичных контекстах. К одному

из таких контекстов привлек внимание ученых Ю. Найда в книге «Towards a Science of Translating». Признавая, что разнообразие реализации эмотивных значений в языках существенно превосходит вариативность референциальных обозначений [Nida, 1964, p. 114], он отметил, что сам характер изложения событий в нарративных текстах может быть в различных культурах более или менее эмоциональным: в некоторых языках важным и обязательным компонентом стиля является четкое выражение отношения говорящего или повествователя к сообщаемому, например, в языке вайвай в текст должны быть включены модальные частицы, информирующие читателя об отношении к ситуации всех ее участников: рассматривают ли они событие, в которое вовлечены, с подозрением, иронией, считают ли его веселым или печальным [Nida, 1964, p. 222].

Переформулируя результаты наблюдений Ю. Найды в терминах современной функционально-коммуникативной грамматики, можно сказать, что сама модальная рамка, обрамляющая ретранслируемое сообщение, может быть более или менее эмоционально окрашенной в переводном тексте по сравнению с оригиналом [Золотова и др., 2004, с. 75]. Ярким примером тому становятся глаголы, вводящие речь персонажей художественного произведения. Именно эти языковые средства, представленные в контексте их возможных переводческих интерпретаций, и стали объектом нашего исследования.

### Переводческие стратегии интерпретации глаголов, вводящих речь

В качестве вводного материала рассмотрим два варианта интерпретации фрагмента повести К.С. Льюиса «Племянник чародея» (Lewis) (см. табл. 1). Текст произведения на-

писан по-английски, его русские переводы с разницей в несколько десятилетий выполнили Н. Трауберг (Льюис, Трауберг) и Д. Афиногенов (Льюис, Афиногенов).

Сопоставление русских переводов на фоне оригинального фрагмента выявляет показательные тенденции: во фразах, вводящих диалог, К.С. Льюис 10 раз использует форму *said*, сопровождая ею каждую реплику персонажа. Н. Трауберг 7 раз воспроизводит в русском переводе эквивалент данной формы (*сказал, сказала*), единожды заменяет ее на форму *ответил* и дважды опускает комментирующую модусную рамку. В переводе Д. Афиногенова мы наблюдаем использование целой палитры глаголов речевого действия, различающихся по эмоциональной окраске. В некоторых случаях указание на речевое действие заменяется на обозначение собственно эмоции героя, при этом дополнительные семы, характеризующие каждый из выбранных переводчиком глаголов, взяты из контекста, обусловлены содержанием произнесенных и/или услышанных персонажем реплик.

Каждый из этих переводов заслужил внимание и симпатии читателей. Оба они представляют образцы профессионально выполнен-

ных художественных интерпретаций оригинала и отражает кропотливую переводческую работу и осознанную стратегию переложения авторских приемов. В чем же причина столь значительного расхождения текстов и каков прагматический эффект, созданный в двух версиях русских переводов?

### Стилистические факторы, влияющие на выбор переводческой стратегии

Интерпретация глаголов, вводящих речь, в русском переводе сопряжена с рядом семантических и стилистических затруднений, обусловленных, как показано в работах типологов, переводоведов и этнопсихологов, целым рядом причин. Н.К. Гарбовский отмечает, что «для сопровождения реплик персонажей в диалогах английская дискурсивная норма отдает явное предпочтение глаголу *to say*... Известно, что русский художественно-литературный дискурс предполагает значительную вариативность в употреблении глаголов речи» [Гарбовский, 2011, с. 16]. Добавим, что с собственно речевыми глаголами без эмоционального компонента («*Как красиво!*» – *сказала она*) и

Таблица 1

#### Глаголы, вводящие речь, в повести К.С. Льюиса и ее переводах

Clive S. Lewis “The Magician’s Nephew”. Chapter One “The Wrong Door”	Пер. Н. Трауберг «Племянник чародея». Глава первая «О том, как дети ошиблись дверью»	Пер. Д. Афиногенова «Племянник чародея». Глава 1. «Другая дверь»
“Hullo,” <b>said</b> Polly. “Hullo,” <b>said</b> the boy. “What’s your name?” “Polly,” <b>said</b> Polly. “What’s yours?” “Digory,” <b>said</b> the boy. “I say, what a funny name!” <b>said</b> Polly. “It isn’t half so funny as Polly,” <b>said</b> Digory. “Yes it is,” <b>said</b> Polly. “No, it isn’t,” <b>said</b> Digory. “At any rate I do wash my face,” <b>said</b> Polly, “Which is what you need to do; especially after -” and then she stopped. She had been going to say “After you’ve been blubbing,” but she thought that wouldn’t be polite. “Alright, I have then,” <b>said</b> Digory <b>in a much louder voice</b> , like a boy who was so miserable that he didn’t care who knew he had been crying.	– Привет, мальчик, – <b>сказала</b> Полли. – Привет, – <b>ответил</b> мальчик. – Тебя как зовут? – Полли. А тебя? – Дигори. – Смешное имя, – <b>сказала</b> Полли. – Ничего смешного не вижу, – <b>сказал</b> мальчик. – А я вижу, – <b>сказала</b> Полли. – А я нет, – <b>сказал</b> мальчик. – Я по крайней мере умываюсь, – <b>сказала</b> Полли. – Умываться вообще полезно, особенно... ? Она хотела сказать «...после того, как поревешь», но решила, что это было бы невежливо. – Подумаешь, плакал! – <b>громко сказал</b> мальчик. Был он так расстроен, что уже не мог обижаться на какую-то девчонку.	– Здравствуйте! – <b>поздоровалась</b> Полли. – Привет, – <b>ответил</b> мальчик. – Тебя как звать? – Полли, – <b>представилась</b> она. – А вас? – Дигори, – <b>буркнул</b> он. – Какое смешное имя! – <b>воскликнула</b> Полли. – Полли еще смешнее, – <b>проворчал</b> Дигори. – А вот и нет! – <b>обиделась</b> Полли. – А вот и да! – По крайней мере, я-то по утрам умываюсь, – <b>сказала</b> Полли. – И вам тоже не мешало бы умыться, вон какой вы... – она хотела сказать «зареванный», но вовремя сообразила, что это будет невежливо. – Ну и ладно! – <b>крикнул</b> Дигори. Похоже, ему было все равно, догадается ли кто-нибудь о том, что он плакал, – так сильно он горевал.

с эмоциональным компонентом («Как красиво!» – воскликнула она) конкурируют глаголы и словосочетания, обозначающие эмоции («Как красиво!» – обрадовалась она), а также обороты, называющие кинемы [Шаховский, 2009, с. 99], то есть эмоциональные жесты и мимические движения («Как красиво!» – всплеснула руками она), и глаголы, характеризующие речевой акт («Красиво!» – высказала она наконец свою оценку).

Русская литература действительно изобилует примерами вариативности в употреблении глаголов речи. Рассмотрим один из фрагментов романа Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», где реплики героев введены при помощи глаголов с разной семантикой:

– О господи! – **вырвалось** у Сони. <...>

– Гот дер бармгерциге! Я так и знала, что она вороваль! – **всплеснула руками** Амалия Ивановна.

– Вы так и знали? – **подхватил** Лужин, – стало быть, уже и прежде имели хотя бы некоторые основания так заключать. <...>

– Ка-а-к! – **вскрикнула** вдруг, опомнившись, Катерина Ивановна и – точно сорвалась – бросилась к Лужину, – как! Вы ее в покаяние обвиняете? Это Соню-то? Ах, подлецы, подлецы! <...>

И, выхватив у Сони бумажку, Катерина Ивановна скомкала ее в руках и бросила наотмашь прямо в лицо Лужина. Катышек попал в глаз и отскочил на пол. Петр Петрович рассердился.

– Удержите эту сумасшедшую! – **закричал** он. <...>

– Как! Сумасшедшую? Это я-то сумасшедшая? Дуррак! – **взвизгнула** Катерина Ивановна. – Сам ты дурак, крючок судейский, низкий человек! (Достоевский, 1982, с. 382–383).

Исследователи отмечают, что разнообразие средств, вводящих речь персонажей, позволяет автору в данном случае не только создать яркие, нешаблонные образы героев, но и «сконцентрировать внимание читателя на движении, жесте во время разговора. Писатель постоянно меняет ракурс изображаемого и предлагает читателю смотреть на героя с той стороны, с какой это наиболее важно в данный момент» [Захарова, 2006, с. 140].

Однородность же средств, вводящих речь персонажей, нередко используется в русской прозе со специфической целью, например, для имитации детского нарратива (как в рассказе

В.Ю. Драгунского «Зеленчатые леопарды», где ребенок пересказывает диалог друзей):

Мишка **сказал**:

– Надо вырыть боковой ход – под ракету, чтоб, когда она будет взлетать, газ бы вышел по этому ходу.

И мы стали опять рыть и копать и довольно быстро устали, потому что там было много камней.

Аленка **сказала**:

– Я устала! Перекур!

А Мишка **сказал**:

– Правильно.

И мы стали отдыхать (Драгунский, 2011, с. 157).

Явления тавтологии и плеоназма в русском языке, так же как и в английском, находятся в сложных отношениях с литературной нормой: большинство таких сочетаний объявляются стилистически некорректными, однако немалое их количество входит в языковой узус, реализуя специфические прагматические цели говорящего (*истинная правда, пережиток прошлого, полный аншлаг, absolutely essential, basic fundamentals, unexpected emergency*) или представляя собой общепринятые клише (*идти пешком, в мае месяце, towns and cities, sick and tired*) [Бурухин, 2012; Зайц, 2001; Остапенко, 2011]. Нередко допустимые в одном языке плеоназмы оказываются неприемлемыми в другом и потому не воспроизводятся при переводе. Многократное повторение одного и того же глагола при введении реплик персонажей не вызывает неприятия у англоязычных читателей, тогда как русскоязычная аудитория склонна трактовать это явление либо как тавтологию, либо как специальную стилистически окрашенную нарративную стратегию.

#### Семантические и грамматические факторы, обуславливающие варьирование глаголов речи в переводе

Различия в использовании глаголов, вводящих речь, связано также с особенностями семантического и грамматического устройства русского и английского языков. Об этих особенностях пишет А. Вежбицкая: «В английском языке эмоции чаще передаются прилагательными или псевдопричастиями, чем глаголами: *Mary was sad, pleased, afraid, angry, happy, disgusted, glad*, etc. Напротив,

глаголы эмоций подразумевают более активную роль субъекта. Любопытно, что в английском языке подобного рода непереходных глаголов мало: *worry*, *grieve*, *rejoice*, *pine* и еще несколько. Англичанам не свойственно “отдаваться” чувствам. Сама культура побуждает их *be glad*, а не *rejoice*, *be sad*, но не *pine* и *be angry* скорее, чем *fume* или *rage* и т. д.» [Вежбицкая, 1996, с. 41]. Исследователь отмечает, что в отличие от английского, русский язык «исключительно богат “активными” эмоциональными глаголами» [Вежбицкая, 1996, с. 42]. Активность она видит, в частности, в том, что многие из них способны вводить в текст прямую речь: «В английском языке тоже есть глаголы, которые могут использоваться для интерпретации речи человека в виде одной из форм проявления чувств. К ним относятся, например, *enthuse* ‘прийти в восторг’, *exult* ‘ликовать, торжествовать’, *moan* ‘стонать’ или *fume* ‘кипеть; волноваться, раздражаться’. “No prince has ever known the power that I have!” Nero exulted. Как правило, однако, такие глаголы имеют чуть негативные или иронические коннотации и в равной мере подчеркивают эмоцию и манеру речи. Русские же глаголы чувств типа *удивляться* или *обрадоваться* используются как “чисто” речевые, а не как глаголы способа ведения речи. В этом я вижу еще одно проявление упомянутого выше культурного различия: англосаксонской культуре свойственно неодобрительное отношение к ничем не сдерживаемому словесному потоку чувств, между тем как русская культура относит вербальное выражение эмоций к одной из основных функций человеческой речи» [Вежбицкая, 1996, с. 43].

Охарактеризованные выше семантические, грамматические и стилистические факторы объясняют появление в русских переводах англоязычных художественных текстов разнообразных глаголов с эмотивными и оценочными семами вместо глагола *say* (как в приведенном выше фрагменте перевода Д. Афиногенова). Это явление было замечено переводоведами достаточно давно, и основные научные труды советского времени не противоречили друг другу в его трактовке, «вписывая» такие замены в контекст более общей закономерности. Так, Я.И. Рецкер отмечал:

«Сопоставление переводов с любого из западноевропейских языков на русский показывает, что сплошь да рядом вместо стилистически нейтральных слов подлинника в переводе появляются экспрессивно окрашенные русские слова. <...> Наряду с более ярко выраженной экспрессивностью русская лексика отличается большей конкретностью» [Рецкер, 2007, с. 133]. Например, фраза *She jumped out of the chair and ran to the corner* может быть переведена как *Она спрыгнула с кресла и кинулась в угол* или как *Она сорвалась с кресла и бросилась в угол* и т. п. Я.И. Рецкер охарактеризовал описанное явление как «экспрессивно-эмоциональную конкретизацию» значения фразы при переводе на русский язык.

Откуда же берутся конкретизирующие семы? Ответ на этот вопрос можно найти в работе В.Г. Гака «Беседы о французском слове»: «Выбор выразительного слова объясняется нередко выразительностью соседнего слова или более широкого контекста. В русском языке экспрессивно-стилистическое согласование – один из законов словоупотребления» [Гак, 1966, с. 129]. Л.С. Бархударов в разделе книги «Язык и перевод», посвященном явлению конкретизации при лексических заменах, выбирает в качестве показательного материала английские глаголы *say* и *tell*, иллюстрируя разнообразные возможности их интерпретации в переводе романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» (J.D. Salinger. *The Catcher in the Rye*), созданном Р. Райт-Ковалевой – одним из мастеров советской школы перевода [Бархударов, 1975, с. 210]. На выбранный исследователем материал следует обратить особое внимание, переходя к следующему аспекту изучаемой нами проблемы интерпретации глаголов, вводящих речь – а именно к ее квалификации в сфере критики перевода.

#### **Изменение взглядов на конкретизирующие замены в критике перевода**

Наиболее активно дискуссия о правомерности конкретизирующих замен глаголов речи при переводе на русский язык не одно десятилетие разворачивалась (и продолжает разворачиваться) в сфере критики перевода.

Взгляды сторонников и противников данной переводческой стратегии могут быть описаны в контексте концептуальных оппозиций, которые мы сформулируем ниже.

Один из «полюсов» оценки описываемого явления можно обнаружить в высказываниях М. Горького (фактического руководителя проекта по созданию библиотеки всемирной литературы в СССР в 20-е гг. XX в.), о которых говорит И. Левый в монографии «Искусство перевода»: «Переводчики недостаточно используют синонимические богатства языка для того, чтобы разнообразить речь. Уже М. Горький указывал, что русский переводчик охотнее всего сопровождает прямую речь персонажей словом *говорит*, и добавлял, что это небрежность или безграмотность. Ведь у этого словечка на русском языке существует целый ряд синонимов: *сказал, заметил, отозвался, откликнулся, повторил, молвил, добавил, воскликнул, заявил, дополнил* и т. д. <...> Большинству профессиональных переводчиков сегодня уже ясно, что стереотипная английская конструкция с помощью глагола *said* представляет собой всего лишь приметку диалога, свойственную английской литературе, и они варьируют большинство ремарок» [Левый, 1974, с. 161–162].

Отметим, однако, что, отчасти соглашаясь с позицией Горького, И. Левый делает существенную оговорку: «Подобные решения иногда приводят к избытку лексических вариаций в случаях, где повторение носит функциональный характер. Наряду со стилистами типа Флобера, которые были более всего озабочены разнообразием выражений, существуют стилисты, для которых характерна *лейтмотивность* литературной ткани (вот несколько взятых наудачу имен, – такие различные писатели, как Б. Джонсон, Н. Готорн, Т.С. Элиот и Ф. Кафка), и переводчики в этом случае иногда разрушают повтор, не осознав его функции» [Левый, 1974, с. 162].

Другой «полюс» в оценке конкретизирующих замен при переводе на русский язык мы обнаруживаем в работах западноевропейских исследователей последней трети XX века. Так, С. Скотт в статье 1977 г. «Karlsson på taket i gysk översättning» («Карлсон на крыше в русском переводе»), отмечает, что советские переводчики, вольно обращаясь с текстом

оригинала, систематически заменяют слово *сказал*, доминирующее в оригинальном тексте А. Линдгрена, словами *спросил, ответил, воскликнул, вздохнул* и даже оборотами типа *воскликнул Карлсон, тыча себя в грудь* – там, где было лишь *сказал Карлсон* [Skott, 1977, p. 121]. По мнению автора статьи, такие замены представляют собой недопустимые изменения, свидетельствующие о некорректном подходе переводчика к своей задаче. Подчеркнем, что объектом критики в данном случае стал известнейший перевод Л. Лунгиной, которая, так же как и Р. Райт-Ковалева, принадлежала к плеяде переводчиков так называемой «советской школы». Те самые приемы, которые отечественные критики и переводоведы считали удачной творческой находкой, корректным преобразованием текста в соответствии с требованиями русской стилистики, в зарубежной критике объявлялись грубым нарушением, произвольным искажением оригинала.

Позиция по отношению к контекстуальным заменам глаголов, вводящих речь в русских переводах, стала своеобразной лакмусовой бумажкой в борьбе двух переводческих концепций, охарактеризованных еще И.-В. Гете и Ф. Шлейермахером и названных Л. Венути *доместикацией* и *форенизацией* [Schleiermacher, 1963; Venuti, 1995]. Принято считать, что *доместикация* (как подход, при котором переводчик «переносит» автора к читателю, интерпретируя его текст в соответствии с нормами принимающего языка) допускает и даже поощряет варьирование глаголов речи при переводе (ср. с позицией М. Горького). При использовании *форенизации* предполагается сохранение структуры оригинала, даже если она не совсем обычна для принимающего языка. В этом случае интерпретатор «переносит» читателя к автору, текст выглядит как переводной, принадлежащий иной культуре. Именно с *форенизирующим* переводом чаще связывается установка на повторение глаголов, вводящих речь, в соответствии с устройством оригинального текста.

Попытку подвести промежуточный итог дискуссии критиков предпринял израильский ученый И. Эвен-Зохар в работе «Depletion and Shift», посвященной важным в функциональном плане элементам текста, степень семан-

тической наполненности которых обусловлена национально-культурной спецификой – незаметной для читателей оригинала, но актуализируемой при переводе. Речь идет о частицах, междометиях, обозначениях конвенциональных жестов, а также о глаголах, вводящих речь. И. Эвен-Зохар отмечает, что если иностранный читатель будет делать выводы об эмоциональном поведении представителей другого народа, опираясь на семантику глаголов, вводящих речь, в произведениях на соответствующем языке, то он предположит, что, например, «французы чаще восклицают, русские – вздыхают и смеются», сделав поверхностные выводы. На самом деле обнаруженные различия будут обусловлены ролью глаголов, вводящих речь, в конкретных текстах, на фоне их нормативного функционирования в языке исходной и принимающей культуры. И. Эвен-Зохар пишет о том, что, когда русские переводчики заставляют персонажей так часто вздыхать, это вовсе не значит, что вздохи в русском обществе более распространены: если бы это было так, что бы мы делали с французским *s'écria-t-il*, постоянно вводящим прямую речь, или со столь частыми упоминаниями звуков смеха в русской художественной литературе? Можно ли сказать, что русские чаще вздыхают во время разговора, поскольку их судьба тяжелее других, и в то же время что они чаще готовы засмеяться (тем более что этот смех по большей части опускается в переводах на западноевропейские языки)? Очевидно, что И. Эвен-Зохар, будучи семиологом не удовлетворен такой аргументацией, хотя и не исключал того, что она может встретиться в анализе художественных текстов [Even-Zohar, 1990, p. 214]. Принимающая литература, по словам И. Эвен-Зохара, всегда стремится дать глаголам подобного типа конвенциональное окружение – указания на те жесты и другие сопровождающие речь явления, которые типичны для данной культуры. Цель такого языкового окружения в русских переводах – сделать изображаемую ситуацию менее монотонной для нового читателя. Не склоняясь, таким образом, ни к одной из противоборствующих позиций, И. Эвен-Зохар переводит решение вопроса в функциональный план, обращая внимание на степень нормативности употребления глаголов, вводя-

щих речь, в том или ином оригинальном тексте – именно эта степень нормативности в рамках исходной культуры и должна быть учтена при переводе.

**Роль фактора адресата  
и эмотивной плотности текста  
при интерпретации глаголов,  
вводящих речь,  
в современных переводах**

Развивая идею функционального подхода к рассматриваемой проблеме, включим в анализ фактор адресата – то есть представление о типе целевой аудитории, на которую ориентирован перевод. Если перевод для взрослых предполагает в первую очередь знакомство с новым текстом из другой культуры (и форенизирующий подход здесь оказывается обоснованным), то для детей, в особенности для детей младшего возраста, он осваивается в контексте общего процесса знакомства юных читателей с нормами родного языка. Как поступать в этом случае? Радикальное предложение всегда «переводить, как в оригинале» и постепенно приучить читателей к тому, что многократное повторение слова *сказал* не так уж и плохо (то есть изменить восприятие стилистики текста на русском языке в этой зоне), уже звучит в переводческой среде, однако сопоставительный анализ новых переводов англоязычных произведений для детей демонстрирует более сложные решения.

Сопоставляя три русских перевода сказки Р. Даля (в другой транслитерации – Дала) «Fantastic Mr. Fox» (Dahl), выполненных в новом тысячелетии, можно заметить, что каждый из переводчиков – А. Нестеров (Дал, Нестеров), Н. Кастальская (Даль, Кастальская) и Е. Суриц (Даль, Суриц) – придерживается продуманной стратегии интерпретации сказочного текста, ориентируясь на восприятие детской аудитории. При этом в вариантах И. Кастальской («Фантастический мистер Фокс») и А. Нестерова («Потрясающий мистер Лис») обнаруживаются приемы, которые могут побудить современного исследователя охарактеризовать их как форенизирующие: И. Кастальская сохраняет «иностранное звучание» имен главных героев (*Фокс, Боггис,*

Банс, Бин), избегает вкраплений и изыятий в тексте, по возможности следуя за строением оригинала. А. Нестеров, единственный из трех переводчиков, сохраняет в переводе английские единицы измерения (*галлоны, ярды, мили, дюймы, футы*), тогда как в других вариантах вместо них мы встречаем *литры, метры, сантиметры, шаги, километры*, а у Е. Суриц – даже *версты*. Перевод последней явно наделен domestизирующими чертами: герои имеют русские имена и прозвища (*Лис, он же Лисуш, Шар, Шок, Шип*), в повествовании используются типичные сказочные обороты (*жили – не тужили*), идиомы (*береженого бог бережет, комар носу не подточит*) и даже знакомые русским детям интертекстуальные отсылки (*ниф-наф-ой-ой-ой!*) [Михайлова, 2017].

Можно предположить, что и в интерпретации глаголов, вводящих речь, три перевода представят соответствующие тенденции, однако это не так. Ни один из русских текстов не дублирует в этом отношении оригинал: если у Р. Даля глагол *said* используется в сказке 149 раз, то его эквивалент *сказал* у Е. Суриц встречается 88 раз, у И. Кастальской – 42 раза, у А. Нестерова – всего 13 раз. В остальных случаях переводчики используют конкретизирующие замены или опускают глагол, нагружая контекст (см. табл. 2).

Все три переводчика для введения речи в нарратив используют глаголы, обозначающие эмоции говорящего, его жесты и мимические движения, общие характеристики речевого акта. Интересно, что именно у Е. Суриц, чаще других использовавшей форму *сказал*, мы встречаем и наиболее нетривиальную интерпретацию глагола *said* – *пошипел*, формирующую аллитерацию с именем собственным *Шип*, предложенным переводчицей. Эти наблюдения в совокупности с количественными данными свидетельствуют от том, что использование переводчиками конкретизирующих замен глагола *said* не связано жестко с предпочтением ими форенизирующего или domestизирующего подхода. По-видимому, варьирование глаголов, вводящих речь персонажей, обусловлено фактором адресата – оно оказывается значительным при создании переводов для детей: половина (или большая часть) повторов формы *said* нивелируется, подчиняясь «закону экспрессивно-стилистического согласования» глаголов, вводящих речь, с эмоциональной и оценочной окраской контекста.

Не менее важным фактором для перевода является «эмотивная плотность» текста (или фрагмента текста) [Шаховский, 2009, с. 151], в котором вводится прямая речь. Под этим термином понимается степень насыщен-

Таблица 2

Глаголы, вводящие речь, в сказке Р. Даля и ее переводах

R. Dahl “Fantastic Mr. Fox”	А. Нестеров «Потрясающий мистер Лис»	И. Кастальская «Фантастический мистер Фокс»	Е. Суриц «Изумительный мистер Лис»
“Shut up and listen,” <b>said</b> Bean.	«Заткнись и слушай», – <b>процедил</b> Бин.	– Заткнись и слушай, – <b>рявкнул</b> Бин.	– А вы помолчите и выслушайте, – <b>пошипел</b> Шип.
“We’re sending you down the hole to fetch him up,” <b>said</b> Bean. “Down you go, you miserable midget!”	«Теперь? – <b>взорвался</b> Бин. – Теперь мы спустим тебя в нору, и ты схватишь лиса».	– Мы пошлем тебя за ним в нору, – <b>ответил</b> Бин. – Спускайся, ты, жалкий липупт!	– А вот мы вас и отправим за ним в нору! – <b>пошипел</b> Шип. – А ну, живо вниз, карлик несчастный!
“Now <b>do be</b> careful,” <b>said</b> Mrs. Fox.	«Но – будь осторожен, слышишь?» – <b>забеспоколась</b> миссис Лис.	– Только, пожалуйста, будь осторожен, – <b>предупредила</b> миссис Фокс.	–Только умоляю тебя, будь поосторожней, – <b>сказала</b> миссис Лис.
“Now who in the world would build a wall under the ground?” <b>asked</b> Badger.	«Ради всего святого, скажи мне: кто и зачем строит стены под землей?» – <b>удивился</b> Барсук.	– Кому могло прийти в голову построить стену под землей? – <b>недоумевал</b> Барсук.	– Господи, и кому взбрело в голову строить стену под землей? – <b>возмутился</b> Барсук.
“Good Lord!” <b>said</b> Badger. “It’s Rat!” “You saucy beast!” <b>said</b> Mr. Fox.	«Господи Боже, – <b>пробормотал</b> Барсук. – Да это же Крысак!» «Эй, злюка!» – <b>усмехнулся</b> мистер Лис.	– Боже правый! – <b>ахнул</b> Барсук. – Крыса! Ах ты, нахалка! – <b>воскликнул</b> мистер Фокс.	– Господи! – <b>ахнул</b> Барсук. – Это же Крыс! – Ах ты, наглая тварь, – <b>сказал</b> мистер Лис.

ности текста эмотивными смыслами, реализованными при помощи эмоционально и оценочно окрашенных слов, а также интенсификаторов. Фактором повышения эмотивной плотности фрагмента текста становится, по мнению В.И. Шаховского, конвергенция эмоций, то есть ситуация их комплексной реализации, при которой одна вызывает другую. Если мы сравним отрывок из «Племянника чародея», приведенный в начале статьи, с фрагментами из «Изумительного мистера Лиса», то увидим, что во втором тексте речь персонажей сопровождается более динамичными событиями, резкие повороты сюжета, вызывающие у персонажей бурную реакцию, тогда как в первом тексте перед нами – диалог при знакомстве. Однообразие средств, вводящих речь, в русском переводе «отодвигает» модусную рамку диалога в область фона [Уржа, 2012], делает ее менее заметной для читателя.

### Выводы

Сравнительное исследование трудов типологов, русистов и переводоведов, а также сопоставительный лингвистический и количественный анализ вариантов перевода выбранных текстов позволяют нам сделать следующие выводы.

1. Варьирование глаголов, вводящих прямую речь, в русском переводе обусловлено целым рядом факторов: грамматических (синтаксическая «активность» русских глаголов, обозначающих чувства, эмоции, эмоциональные жесты и мимические движения; их регулярное использование для введения прямой речи), семантических (тенденция к «экспрессивно-эмоциональной конкретизации» значения фразы при переводе) и стилистических (негативная реакция на тавтологичность диалогической рамки, действие «закона экспрессивно-стилистического согласования» глаголов, вводящих речь, с эмоциональной и оценочной окраской контекста).

2. В сфере критики перевода представлен целый спектр оценок конкретизирующих замен речевых глаголов: от максимально позитивной, приветствующей преобразование текста в соответствии с требованиями русской стилистики, до максимально негативной, трактующей подобные явления как произвольное искаже-

ние оригинала. Обоснованным представляется подход, призывающий переводчиков избегать лексических вариаций в случаях, когда повторение имеет функциональный характер, является частью нарративной стратегии, а также учитывать нормативность употребления глаголов, вводящих речь, в оригинальном тексте, в рамках исходной культуры.

3. Варьирование глаголов, вводящих речь, в русских переводах, тесно связываемое в лингвокультурологических исследованиях с тенденциями к доместикации при интерпретации текста, на практике в значительной степени обусловлено фактором адресата и эмотивной плотностью конкретных фрагментов произведения. Именно поэтому переводчики, придерживающиеся как форенизирующих, так и доместицирующих стратегий, прибегают к конкретизации глагола *say* в переводах для детей в рамках эмотивно и оценочно насыщенных контекстов. Прагматическим эффектом таких замен становится экспликация эмоционального фона диалога, привлечение к нему читательского внимания.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1981. Фактор адресата // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. Т. 40, № 4. С. 356–367.
- Бархударов Л. С., 1975. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М. : Международные отношения. 240 с.
- Бурухин А. Н., 2012. Специфика функционирования плеоназмов в английском языке // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия Лингвистика и педагогика. № 2. С. 99–105.
- Вежбицкая А., 1996. Язык. Культура. Познание / отв. ред. и сост. М. А. Кронгауз ; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М. : Русские словари. 416 с.
- Гак В. Г., 1966. Беседы о французском слове. Из сравнительной лексикологии французского и русского языков. М. : Международные отношения. 335 с.
- Гарбовский Н. К., 2011. Перевод и «переводной дискурс» // Вестник Московского университета. Серия 22, Теория перевода. № 4. С. 3–19.
- Зайц О. А., 2001. Семантика и прагматика тавтологий и плеоназмов : дис. ... канд. филол. наук. СПб. 185 с.
- Захарова О. А., 2006. Глаголы, вводящие речь, как характеристика образа автора и образа рито-

- ра (на материале произведений Ф.М. Достоевского «Преступление и наказание», «Братья Карамазовы» и «Дневник писателя») : дис. ... канд. филол. наук. М. 163 с.
- Золотова и др., 2004. Золотова Г. А., Онипенко Н. К., Сидорова М. Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. 2-е изд. М. : Изд-во филол. фак. МГУ. 544 с.
- Левый И., 1974. Искусство перевода / пер. с чеш. В. Россельса. М. : Прогресс. 398 с.
- Михайлова С. А., 2017. Переводческая стратегия доместикизации как способ реализации фактора адресата в переводе сказки Р. Дала «Изумительный мистер Лис» // Материалы Международного молодежного научного форума «ЛОМОНОСОВ-2017» / отв. ред. И. А. Алешковский, А. В. Андриянов, Е. А. Антипов. [Электронный ресурс]. Т. 1. М. : МАКС Пресс, 2017. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM); 12 см. Систем. требования: ПК с процессором 486+; Windows 95; дисковод DVD-ROM; Adobe Acrobat Reader. 1186 Мб.
- Остапенко Т. С., 2011. Причины возникновения тавтологических выражений в речи говорящего // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 2. С. 15–18.
- Рецкер Я. И., 2007. Теория перевода и переводческая практика. Очерки лингвистической теории перевода / доп. и коммент. Д.И. Ермоловича. М. : Р. Валент. 240 с.
- Уржа А. В., 2012. Применение 'Theory of Grounding' в изучении синтаксиса и стиля русских переводов прозаического текста // Вестник Московского университета. Серия 9, Филология. № 6. С. 197–212.
- Федоров А. В., 2002. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы). 5-е изд. М. : ООО Изд. дом «Филология три». 416 с.
- Шаховский В. И., 2009. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. 3-е изд. М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ». 208 с.
- Even-Zohar I., 1990. 'Reality' and Realesmes in Narrative // Polysystem Studies. Poetics Today. № 11 (1). P. 207–218.
- Nida E., 1964. Towards a Science of Translation. With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translating. Leiden : Brill. 332 p.
- Schleiermacher F. D., 1963. Über die verschiedenen Methoden des Übersetzens (1813) // Das Problem des Übersetzens. Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft. S. 38–70.
- Skott S., 1977. Karlsson på taket i rysk översättning // En bok om Astrid Lindgren / ed. by M. Örvig. Stockholm : Rabén and Sjögren. S. 84–132.
- Venuti L., 1995. The Translator's Invisibility: A History of Translation. London ; New York : Routledge. 353 p.

## ИСТОЧНИКИ

- Дал, Нестеров* – Дал Р. Потрясающий мистер Лис. Очень английская сказка / пер. с англ. А. Нестерова. М. : Айрис-Пресс, 2002. 128 с.
- Даль, Суриц* – Даль Р. Изумительный мистер Лис / пер. с англ. Е. Суриц. М. : Самокат, 2012. 96 с.
- Даль, Кастальская* – Даль Р. Фантастический мистер Фокс / пер. с англ. И. Кастальской. М. : Захаров, 2004. 112 с.
- Достоевский* – Достоевский Ф. М. Преступление и наказание // Собр. соч. : в 12 т. / под ред. Г. М. Фридендера, М. Б. Храпченко. Т. 5. М. : Правда, 1982. 544 с.
- Драгунский* – Драгунский В. Ю. Зеленчатые леопарды // Все Денискины рассказы в одной книге: Повести и рассказы. М. : ООО «Издательство Астрель» : ООО «Издательство АСТ», 2011. 638 с.
- Льюис, Афиногенов* – Льюис К. С. Племянник чародея / пер. с англ. Д. Афиногенова // Хроники Нарнии : в 3 кн. Кн. 1. М. : Эксмо-Пресс, 2000. С. 5–128.
- Льюис, Трауберг* – Льюис К. С. Племянник чародея / пер. с англ. Н. Трауберг // Хроники Нарнии. М. : Космополис, 1991. С. 21–94.
- Dahl* – Dahl R. Fantastic Mr. Fox. London : Puffin Books, 1970. 102 p.
- Lewis* – Lewis C. S. The Magician's Nephew // Chronicles of Narnia. New York : Scholastic Incorporated. 1988. 186 p.

## REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1981. Factor of Addressee. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, vol. 40, no. 4, pp. 356–367.
- Barkhudarov L.S., 1975. *Language and Translation (Issues of General and Special Theory of Translation)*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 240 p.
- Burukhin A.N., 2012. Specificity of Pleonasm Functioning in the English Language. *Izvestiya Yugo-zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i pedagogika* [Proceedings of South-West State University. Series: Linguistics and Pedagogic], no. 2, pp. 99–105.
- Wierzbicka A., 1996. *Language. Culture. Cognition*. Moscow, Russkie slovari Publ. 416 p.
- Gak V.G., 1966. *Discussions about French Words. From Comparative Lexicology of French and Russian*. Moscow, Mezhdunarodnye otnosheniya Publ. 335 p.
- Garbovskiy N.K., 2011. Translation and 'Translated Discourse'. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22, Teoriya perevoda*, no. 4, pp. 3–19.

- Zayts O.A., 2001. *Semantics and Pragmatics of Tautology and Pleonasm*. Cand. philol. sci. diss. Saint Petersburg. 185 p.
- Zakharova O.A., 2006. *Reporting Verbs as a Characteristic of the Author's Image and the Speaker's Image (On the Material of Crime and Punishment, The Brothers Karamazov and A Writer's Diary by F.M. Dostoevsky)*. Cand. philol. sci. diss. Moscow. 163 p.
- Zolotova G.A., Onipenko N.K., Sidorova M.Yu., 2004. *Communicative Grammar of the Russian Language*. Moscow, Izd. filol. f-ta MGU. 544 p.
- Levy I., 1974. *The Art of Translation*. Moscow, Progress Publ. 398 p.
- Mikhailova S.A., 2017. Translation Strategy of Domestication as a Way of Realizing the Factor of the Addressee in Translation of R. Dahl's Tale *Fantastic Mr. Fox*. Aleshkovskiy I.A., Andriyanov A.V., Antipov E.A., eds. *Materialy Mezhdunarodnogo molodezhnogo nauchnogo foruma «LOMONOSOV-2017»*. Moscow, MAKSPress, 2017.
- Ostapenko T.S., 2011. Reasons for Appearance of Tautological Expressions in Speech. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, no. 2, pp. 15-18.
- Retsker Ya.I., 2007. *Theory and Practice of Translation. Essays on the Linguistic Theory of Translation*. Moscow, R. Valent Publ. 240 p.
- Urzha A.V., 2012. Application of the Theory of Grounding in the Study of Syntax and Style of Russian Translations of Prose Texts. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9, Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 6, pp. 197-212.
- Fedorov A.V., 2002. *Foundations of the General Theory of Translation (Linguistic Issues)*. Moscow, Filologiya tri Publ. 416 p.
- Shakhovskiy V.I., 2009. *Categorisation of Emotions in the Lexical and Semantic System of Language*. Moscow, LIBROKOM Publ. 208 p.
- Even-Zohar I., 1990. 'Reality' and Realemes in Narrative. *Polysystem Studies. Poetics Today*, no. 11 (1), pp. 207-218.
- Nida E., 1964. *Towards a Science of Translation. With Special Reference to Principles and Procedures involved in Bible Translating*. Leiden, Brill. 332 p.
- Schleiermacher F. D., 1963. Über die verschiedenen Methoden des Ibersetzens (1813). *Das Problem des Ibersetzens*. Darmstadt, Wissenschaftliche Buchgesellschaft, pp. 38-70.
- Skott S., 1977. Karlsson på taket i rysk översättning. Örvig M., ed. *En bok om Astrid Lindgren*. Stockholm, Rabén and Sjögren, pp. 84-132.
- Venuti L., 1995. *The Translator's Invisibility: A History of Translation*. London; New York, Routledge. 353 p.

#### SOURCES

- Dal R., 2002. *Fantastic Mr Fox. Very English Tale*. Transl. by A. Nesterov. Moscow, Ayris Press. 128 p.
- Dal R., 2012. *Fantastic Mr Fox*. Transl. by E. Surits. Moscow, Samokat Publ. 96 p.
- Dal R., 2004. *Fantastic Mr Fox*. Transl. by I. Kastalskaya. Moscow, Zakharov Publ., 2004. 112 p.
- Dostoevskiy F.M., 1982. *Crime and Punishment*. Fridlender G.M., Khrapchenko M.B., eds. *Sobranie sochineniy: v 12 t.* [Collected Works in 12 Volumes]. Moscow, Pravda Publ., vol. 5. 544 p.
- Dragunskiy V.Yu., 2011. *Brilliant Green Leopards. Vse Deniskiny rasskazy v odnoy knige: Povesti i rasskazy*. Moscow, Astrel; AST Publ. 638 p.
- Lewis C.S., 2000. *The Magician's Nephew*. Transl. by D. Afinogenov. *Khroniki Narnii* [Chronicles of Narnia]. Moscow, Eksmo-Press, Book 1, pp. 5-128.
- Lewis C.S., 1991. *The Magician's Nephew* [The Magician's Nephew]. Transl. by N. Trauberg. *Khroniki Narnii* [Chronicles of Narnia]. Moscow, Kosmopolis Publ., pp. 21-94.
- Dahl R. *Fantastic Mr. Fox*. London, Puffin Books, 1970. 102 p.
- Lewis C.S., 1988. *The Magician's Nephew. Chronicles of Narnia*. New York, Scholastic Incorporated. 186 p.

**Information about the Author**

**Anastasiya V. Urzha**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian Language, Lomonosov Moscow State University, Leninskiye Gory, 1, 119991 Moscow, GSP-1, Russia, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>

**Информация об авторе**

**Анастасия Викторовна Уржа**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Ленинские горы, 1, 119991 г. Москва, ГСП-1, Россия, English2@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9506-977X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.11>

UDC 811.111'255.2  
LBC 81.432.1-8

Submitted: 03.10.2018  
Accepted: 31.10.2018

## TO THE QUESTION OF TRANSLATING COLLOQUIAL REDUCTIONS IN MODERN AMERICAN FICTION

Yuliya A. Tregubova

Bunin Yelets State University, Yelets, Russia

**Abstract.** The paper is devoted to the research of modern colloquial reductions which reflect the changes in American English referring to the tendency of simplification of the language. In modern fiction such words and combinations mark the situations of informal speech. They bring emotiveness and expressiveness to the language of fiction and can characterize the speech of definite social groups of the modern society. On the other hand, these language units make the translations of fiction into other languages more difficult.

The comparative analysis of the languages of the original novel *The Client* by J. Grisham and its Russian translation demonstrates the ways of translating modern English colloquial reductions with Americanisms *wanna, gonna, gotta, outta, buncha, coupla, kinda, lemme*, etc. by the linguistic means of another language. It is revealed that the translation of American colloquial reductions into the Russian language is made with the help of lexico-semantic (substitution, generalization, holistic transformation) and lexico-grammatical (antonymic translation, deletion) transformations. Lexical substitutions of colloquial reduction by stylistically neutral and low colloquial vocabulary are used more often. It is stated that lexical substitution of English colloquialisms by low colloquial Russian vocabulary is the most effective one as it helps not only to achieve translation adequacy but also to preserve the expressiveness of the fictional text.

**Key words:** colloquial reduction, modern American fiction, modern English, translation, translation transformations.

**Citation.** Tregubova Yu.A. To the Question of Translating Colloquial Reductions in Modern American Fiction. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 129-134. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.11>

УДК 811.111'255.2  
ББК 81.432.1-8

Дата поступления статьи: 03.10.2018  
Дата принятия статьи: 31.10.2018

## РАЗГОВОРНЫЕ СОКРАЩЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ АМЕРИКАНСКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Юлия Алексеевна Трегунова

Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, г. Елец, Россия

© Трегунова Ю.А., 2018

**Аннотация.** Статья посвящена изучению речевых единиц, которые отражают изменения, происходящие в американском варианте английского языка, связанные с тенденцией к его упрощению. В художественных произведениях такие слова и конструкции маркируют ситуации устного неформального общения, придавая ему эмоциональность и экспрессивность, характеризуют речь определенных социальных групп современного социума и создают сложности при переводе произведений на другие языки. В результате сравнительного анализа текстов оригинала романа Д. Гришема «Клиент» и его перевода на русский язык демонстрируются переводческие возможности передачи английских выражений, содержащих современные американские разговорные сокращения *wanna, gonna, gotta, outta, buncha, coupla, kinda, lemme* и др., средствами

другого языка. Выявлено, что при переводе американских разговорных сокращений на русский язык осуществлены лексико-сематические (замена, генерализация, целостное преобразование) и лексико-грамматические (антонимический перевод, опущение) трансформации. Определено, что частотны лексические замены с использованием стилистически нейтральных и сниженных лексем. Установлено, что лексическая замена английских разговорных сокращений стилистически сниженными русскими словами наиболее эффективна, поскольку способствует достижению адекватности при переводе и сохранению экспрессивности оригинального художественного текста.

**Ключевые слова:** разговорное сокращение, современная американская художественная литература, современный английский язык, перевод, переводческие трансформации.

**Цитирование.** Трегубова Ю. А. Разговорные сокращения в современной американской художественной литературе: проблема перевода // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 129–134. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.11>

### Введение

Американский вариант английского языка характеризуется тенденцией к упрощению речи, которая проявляется в сокращении слов в потоке речи и последующей их фиксации в письменных текстах (подробно об этом см.: [Gokgoz-Kurt, 2016]). В качестве примера можно привести сокращения *wanna*, *gonna*, *kinda*, *gotta* и др., широко используемые современными американскими писателями с целью воспроизведения образа персонажа, описания различных ситуаций общения героев. Наличие таких единиц в художественном тексте создает сложности при его переводе на другие языки.

Для изучения переводческих возможностей при передаче этих слов на русский язык мы выбрали роман «Клиент» американского писателя Д. Гришема (J. Grisham «The Client»). Это произведение было написано и издано в США в 1993 году. В России роман был выпущен в это же время в переводе Т. Матц. «Клиент», как и практически все произведения Д. Гришема, относится к литературному жанру юридического триллера – подвиду детективного триллера [Жердева, Савочкина, 2017] – и отражает характерные особенности языка писателя:

- многочисленность онимов, поскольку в произведение вводится большое количество героев, а действия происходят в разных американских штатах и городах [Трегубова, 2017];
- разнообразие лексики, связанной с темой судопроизводства [Лутцева, 2008; Полякова, 2016; Савочкина, 2007], поскольку сюжет романа строится на противостоянии ФБР, полиции и преступников;

- широкое использование экспрессивной лексики и сленга для создания визуальных образов главных героев, которыми, как правило, являются простые американцы [Джелилова, 2017], наличие метафор [Жогова, Кузина, 2014; Сухина, 2011].

Целью исследования в данной статье было выявление способов передачи с английского языка на русский разговорных сокращений в высказываниях, воспроизводящих в художественном тексте ситуации устного неформального общения, и определение переводческих приемов, способствующих сохранению в переводе семантических и стилистических особенностей оригинального текста.

Материалом исследования послужили разговорные сокращения, извлеченные в результате сплошной выборки из оригинального текста романа Д. Гришема «Клиент», и их эквиваленты в русском варианте текста. Всего выявлено 59 случаев употребления таких единиц: *gonna* (*going to*) – 20, *gotta* (*have got to*) – 11, *wanna* (*want to*) – 7, *outta* (*out of*) – 6, *kinda* (*kind of*) – 4, *lemme* (*let me*) – 3, *buncha* (*bunch of*) – 3, *coupla* (*couple of*) – 2, *gimme* (*give me*) – 1, *fella* (*fellow*) – 1, *woulda* (*would have*) – 1. Как можно заметить, самыми широко используемыми сокращениями являются *gonna* (34 %), *gotta* (19 %) и *wanna* (12 %).

Автор использует исследуемые разговорные языковые единицы в речи главных героев в различных ситуациях неформального общения: в диалогах Марка – главного героя романа 11-летнего подростка из неблагополучной семьи – с другими персонажами употребляются 30 раз, в общении преступников – 22 раза, в неформальных разговорах представителей ФБР и полицейских – 7 раз.

В переводе романа на русский язык, выполненном Т. Матц, при передаче английских выражений с компонентами *wanna, gonna, gotta* и др. использованы различные переводческие приемы, основанные на лексико-семантических и лексико-грамматических трансформациях.

### Лексико-семантические трансформации

Материал нашего исследования показывает, что в большинстве случаев (84 %), при передаче разговорных выражений с компонентами *gonna, wanna, gotta* и др. переводчик использует лексические замены. В этой функции могут выступать стилистически нейтральные слова и выражения, например:

- (1) So, he's **gonna be okay**? (Grisham, p. 90) – Значит, с ним **все будет хорошо**? (Гришем, с. 90);
- (2) **Lemme guess**, McThune snarled. You watch "L.A. Law", right? (Grisham, p. 96) – **Сейчас я угадаю**, – прорычал Мактьюн. – Ты смотришь «Закон в Лос-Анджелесе», верно? (Гришем, с. 97);
- (3) What you got – two broken legs, concussion, **coupla** puncture wounds? (Grisham, p. 62). – Что тут у вас – обе ноги сломаны, сотрясение мозга, **несколько** открытых ран? (Гришем, с. 62).

Приведенные выше примеры показывают, что при замене утрачивается эмоционально-экспрессивная коннотация, но это не снижает качества перевода, так как в данных контекстах она (коннотация) не существенна для раскрытия образа персонажа.

Однако в некоторых случаях замена приводит к неуместной стилистической нейтрализации, что может повлиять на читательское восприятие ситуации, которая воспроизводится в романе. Например:

- (4) Let's **get outta** here (Grisham, p. 6) – **Пошли** отсюда, а? (Гришем, с. 4);
- (5) And if he doesn't give up, then we'll **get outta** here (Grisham, p. 8) – И, если он не откажется от своей затеи, **мы уйдем** (Гришем, с. 5);
- (6) Yeah, let's **get** the hell **outta** here (Grisham, p. 6) – Ага, **пошли** отсюда к чертовой матери (Гришем, с. 4).

Словосочетания с *outta* переданы оценочно нейтральными русскими синонимами *пойти, уйти*. Приведенные примеры – это фрагменты из диалога Марка и его 8-летнего

брата Рикки, который состоялся в достаточно необычной ситуации: мальчики стали свидетелями того, как незнакомый им человек пытается совершить самоубийство. Разговорное сокращение *outta* было использовано автором для того, чтобы передать эмоциональное состояние героев, страх Рикки и его желание поскорее убежать домой. При передаче лексемы *outta* на русский язык лишены стилистической окраски словами *пошли, уйдем* эмоциональная составляющая диалога утрачена: исчезли напряжение, нервозность, страх, которые испытывал ребенок в описанной ситуации.

- (7) Why don't you **move** me **outta** this dump? (Grisham, p. 56) – Почему мы не **переедем** из этой дыры? (Гришем, с. 76).

Этот фрагмент представляет собой диалог гангстера и проститутки. Автор воспроизводит определенный стиль общения, используя просторечные слова и выражения, характерные для речи представителей «неблагополучных» социальных групп. Возможно, для осуществления полноценной компенсации стилистических особенностей такой речи при переводе данного предложения на русский язык уместным было бы использование просторечных выражений типа *валим отсюда, надо делать ноги, съедем* и т. п.

Эквивалентный перевод с сохранением оценочно сниженной стилистической окраски переводимого выражения отмечается в 10 % случаев передачи исследуемых английских разговорных языковых единиц на русский язык. Приведем несколько примеров:

- (8) Then, he's **gonna die** soon, right? (Grisham, p. 3) – Тогда он скоро **помрет**, ведь так? (Гришем, с. 3);
- (9) I **gotta run** an errand (Grisham, p. 128) – Я тут должен **заскочить** в одно местечко (Гришем, с. 129);
- (10) Now, let **get** the hell **outta** here (Grisham, p. 386) – Давай **убираться** отсюда немедленно (Гришем, с. 382).

Использование в переводе русских разговорных единиц со сниженной стилистической окраской – *помрет, заскочить, убираться*, позволило сохранить неформальный тон общения, показать эмоциональное состояние героев романа, то есть добиться полноценной компенсации коннотативных смыслов, пере-

данных словосочетаниям *gonna die, get outta, gotta run* при переводе.

Кроме лексической замены в исследуемом материале представлены и такие переводческие приемы, как генерализация (1 %) и целостное преобразование (1 %).

(11) Had a kid last year who watched his mother get shot by a crack dealer, in one of the projects, and the **poor little fella** is still in the hospital (Grisham, p. 39) – В прошлом году один ребенок видел, как его мать застрелил торговец наркотиками, тут неподалеку, так он еще до сих пор в больнице (Гришем, с. 39).

Чтобы показать, что доктор Гринуэй сочувствует, сопереживает несчастному мальчику, Д. Гришем использует выражение *poor fella* (бедняга). Переводчик передал его местоимением *он*, которое придало высказыванию доктора некую эмоциональную «сухость» и не позволило осуществить полноценную компенсацию смысла английского текста.

Приемом целостного преобразования Матц пользуется при передаче разговорного сокращения *buncha* в следующем диалоге:

(12) “How many lawyers are in your firm, Mr. Alliphant?” – “A hundred and seven, at last count”. Harry whistled and shook his head. “That’s a **buncha** lawyers. Do any of them practice in Juvenile Court?” (Grisham, p. 307).

– Сколько юристов трудится в вашей фирме, мистер Эллифант?

– Сто семь, по последним данным.

Гарри присвистнул и покачал головой. – **Поряdochно**. Хоть кто-нибудь из них работал в суде по делам несовершеннолетних? (Гришем, с. 306).

Равнозначная комплексная замена целого английского предложения одним русским словом *порядочно* позволила полностью передать смысл предложения и сделать тон диалога менее формальным.

### Лексико-грамматические трансформации

Лексико-грамматические трансформации использованы в исследуемом переводе реже, чем лексико-семантические, и представлены такими приемами, как антонимический перевод и опущение.

Антонимический перевод отмечен нами в 7 % случаев: утвердительная английская конструкция передана русской отрицательной. Например:

(13) You **wanna play** bailiff, Mr. Fink? (Grisham, p. 256). – В судебные приставы **не желаете**, мистер Финк? (Гришем, с. 255);

(14) **Gimme me** a break, would you? (Grisham, p. 124). – **Не давите** на меня, ладно? (Гришем, с. 125).

Изменение структуры предложений в русском языке придало им разговорную стилистическую окраску.

Опущение как прием переводческой трансформации используется при передаче английских выражений, содержащих исследуемые единицы современного американского английского, в 7 % случаев. Например:

(15) What **kinda place** has she got? (Grisham, p. 285) – Где она работает (Гришем, с. 285);

(16) They can put him in the mouse program, throw **a buncha money** at his mother (Grisham, p. 284) – Они могут пообещать им защиту, сунуть денег матери (Гришем, с. 281);

(17) What the hell **kinda** a name is that for a broad? (Grisham, p. 285) – Что это за имя для бабы? (Гришем, с. 282).

При переводе просторечный компонент был опущен, хотя в тексте воспроизведен разговор гангстеров Барри Ножа и Гронка, обсуждающих способы убийства адвоката Реджи Лав. Утрата стилистических коннотаций при переводе на русский язык лишает читателя возможности воспринять красочный образ представителей определенной профессиональной сферы (оба участника диалога – мафиози), созданного Д. Гришемом в том числе и при помощи просторечных средств.

В примерах (16) и (17) переводчик добавил русские просторечные слова *сунуть, баба*, попытавшись таким образом компенсировать опущение английских выражений, содержащих разговорные сокращения *kinda, buncha*.

### Выводы

Проведенное исследование языковых единиц с компонентами *gonna, wanna, kinda, lemme* и др., используемых в тексте современ-

ной американской прозы для воспроизведения разговорной речи и способов их передачи на русский язык позволило сделать следующие выводы.

Разговорные выражения с указанными лексическими компонентами употребляются автором в тексте художественного произведения для передачи атмосферы неформального общения, для возрастной, социальной и профессиональной характеристики главных героев романа.

При переводе американских разговорных сокращений использованы разнообразные приемы, построенные на лексических (замена, генерализация, целостное преобразование) и лексико-грамматических (антонимический перевод, опущение) трансформациях. Результаты изучения этих приемов показывают, что наиболее эффективным является перевод с использованием лексико-семантической замены, предполагающей употребление как стилистически нейтральных слов, так и слов со сниженной стилистической окраской. Второй вариант предпочтителен в том случае, когда нейтрализация может привести к неоправданному снижению эмоционально-экспрессивной составляющей текста оригинала.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Джелилова А. В., 2017. Некоторые особенности перевода американского сленга на русский язык (на материале романа Д. Гришема «Клиент») // Проблемы лингвистики, методики обучения иностранным языкам и литературоведения в свете межкультурной коммуникации : сб. материалов II Междунар. науч.-практич. Интернет-конф. (Орел, 27–28 февраля 2017 г.) / под. ред. О. Ю. Ивановой. Орел : Орл. гос. ун-т им. И.С. Тургенева. С. 38–41.
- Жердева О. Н., Савочкина Е. А., 2017. Деривационное моделирование жанра (на примере юридического триллера) // Сибирский филологический журнал. № 2. С. 123–135. DOI: <http://doi.org/10.17223/18137083/59/9>.
- Жогова И. Г., Кузина Е. В., 2014. Языковые средства создания атмосферы напряжения в произведениях жанра триллер (на примере романов Дж. Гришэма и М. Стюарт) // Мир науки, культуры, образования. № 6 (49). С. 361–363.
- Лутцева М. В., 2008. Лексикографическое описание юридической терминологии в неспециальной сфере использования (лингвостатис-

тическое исследование на материале произведений Дж. Гришема) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Ярославль. 20 с.

- Полякова Г. М., 2016. Лингвокультуреми исполнительной системы США в художественной литературе // Язык: категории, функции, речевое действие : Материалы 9-й науч. конф. с междунар. участием (Москва, 14–15 апреля 2016 г.). М. : Моск. пед. гос. ун-т. С. 127–129.
- Савочкина Е. А., 2007. Лингвоэвокационное исследование литературно-художественного жанра юридического триллера (на материале романа J. Grisham “The Runaway Jury” и его перевода на русский язык) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 21 с.
- Сухина Е. В., 2011. Спортивная и игровая метафоры в тексте американского юридического триллера и особенности их передачи на русский язык // Вестник Московского государственного областного университета. Серия «Лингвистика». № 4. С. 178–183.
- Трегубова Ю. А., 2017. Перевод антропонимов в современном американском юридическом триллере (на примере романа Д. Гришема «Клиент») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3, ч. 2. С. 175–177.
- Gokgoz-Kurt B., 2016. Attention Control and The Effects of Online Training in Improving Connected Speech Perception by Learners of English As A Second Language : Doctoral diss. Colombia : University of South Carolina. 194 p. URL: [https://scholarcommons.sc.edu/etd/3560/?utm\\_source=scholarcommons.sc.edu%2Fetd%2F3560&utm\\_medium=PDF&utm\\_campaign=PDFCoverPages](https://scholarcommons.sc.edu/etd/3560/?utm_source=scholarcommons.sc.edu%2Fetd%2F3560&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages) (date of access: 06.02.2018).

#### ИСТОЧНИКИ

- Гришем* – Гришем Д. Клиент / пер. с англ. Т. Матц. М. : АСТ, 2017. 416 с.
- Grisham* – Grisham J. The Client. New York. : Bantam Doubleday Dell Publishing Group, 1993. 422 p.

#### REFERENCES

- Dzhelilova A. V., 2017. Some Peculiarities of Translating the American Slang into Russian (Exemplified by J. Grisham’s Novel *The Client*). Ivanova O. Yu., ed. *Problemy lingvistiki, metodiki obucheniya inostrannym yazykam i literaturovedeniya v svete mezhkulturnoy kommunikatsii: sb. materialov II Mezhdunar. nauch.-praktich. Internet-konf. (Orel, 27–28 fevralya 2017 g.)*.

- Orel, Orlovskiy gos. un-t im. I.S. Turgeneva Publ., pp. 38-41.
- Zherdeva O.N., Savochkina E.A., 2017. Derivative Modelling of Genre (Exemplified by the Legal Thriller). *Sibirskiy filologicheskiy zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 2, pp. 123-135. DOI: <http://doi.org/10.17223/18137083/59/9>.
- Zhogova I.G., Kuzina E.V., 2014. The Linguistic Means of Creating the Atmosphere of Tension in Thriller Novels (Exemplified by G. Grisham and M. Stewart's Novels). *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture and Education], no. 6 (49), pp. 361-363.
- Lutseva M.V., 2008. *Lexicographical Description of Legal Terminology in Non-Special Sphere of Usage (Linguostatistical Research Based on J. Grisham's Novels)*. Cand. philol. sci. abs. diss. Yaroslavl. 20 p.
- Polyakova G.M., 2016. Linguoculturemes of the US Executive System in Fiction]. *Yazyk: kategorii, funktsii, rechevoe deystvie: Materialy devyatoy nauch. konf. s mezhdunarodnym uchastiem (Moskva, 14-15 aprelya 2016 g.)*. Moscow, Moscow Pedagogical State University, pp. 127-129.
- Savochkina E.A., 2007. *Liguoevocational Research of Literary and Art Genre of Legal Thriller (on the Material of J. Grisham's The Runaway Jury and Its Translation into Russian)*. Cand. philol. sci. abs. diss. Barnaul. 21 p.
- Sukhina E.V., 2011. Sports and Game Metaphors in the Text of American Legal Thriller and Peculiarities of Translation of These Metaphors into Russian. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya, Lingvistika* [Bulletin of the Moscow Region State University. Series, Linguistics], no. 4, pp. 178-183.
- Tregubova Yu.A., 2017. Translation of Anthroponyms in the Modern American Legal Thriller (Exemplified by the G. Grisham's Novel *The Client*). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 3, part 2, pp. 175-177.
- Gokgoz-Kurt B., 2016. *Attention Control and the Effects of Online Training in Improving Connected Speech Perception by Learners of English as a Second Language*. Doctoral Dissertation. Colombia, University of South Carolina. URL: [https://scholarcommons.sc.edu/etd/3560/?utm\\_source=scholarcommons.sc.edu%2Fetd%2F3560&utm\\_medium=PDF&utm\\_campaign=PDFCoverPages](https://scholarcommons.sc.edu/etd/3560/?utm_source=scholarcommons.sc.edu%2Fetd%2F3560&utm_medium=PDF&utm_campaign=PDFCoverPages). (accessed 6 February 2018).

#### SOURCES

- Grisham J., 2017. *The Client*. Transl. by T. Matz. Moscow, AST Publ. 416 p.
- Grisham J., 1993. *The Client*. New York, Bantam Doubleday Dell Publishing Group. 422 p.

#### Information about the Author

**Yuliya A. Tregubova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Romano-Germanic Languages and Translation, Bunin Yelets State University, Kommunarov St., 39, 399770 Yelets, Russia, [tregubova@elsu.ru](mailto:tregubova@elsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0864-4543>

#### Информация об авторе

**Юлия Алексеевна Трегубова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры романо-германских языков и перевода, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, ул. Коммунаров, 39, 399770 г. Елец, Россия, [tregubova@elsu.ru](mailto:tregubova@elsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0864-4543>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.12>

UDC 81'1:004.738.5  
LBC 81.055.51.5

Submitted: 10.08.2018  
Accepted: 10.09.2018

## CONCEPTUAL SPHERE OF MEDIA DISCOURSE OF MATERNITY IN RUSSIAN AND DANISH PRINT MASS MEDIA

**Anna A. Kuvychko**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Albertina G. Chafonova**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Vera V. Boguslavskaya**

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia

**Abstract.** The results of linguoculturological analysis of the Russian and the Danish web-based media texts are described in the paper. The cultural and linguistic specifics of the representation of conceptual sphere of maternity media discourse – a fragment of the national conceptsphere composed of concepts as structural units – are considered. The research relevance is determined by the intense interest of modern scholars to the sociocultural content of the maternity phenomenon, as well as to the issue of the representation of the concept *mother* as one of the key cultural concepts in linguistic studies of various types. Comparative reference to the linguistic and linguoculturological representation of the key concepts of the Russian and Danish discourse of maternity – Mother / Mum (Moder / Mor) and Woman (Kvinde) allows making definite conclusions on the existence of their cultural and linguistic implementation features. This is due to both sociocultural and ethnopsychological factors: the predominance of interest in personal problems of women as part of the society in Danish media texts, and leveling the value of the personal in favor of the public and the national in the image of woman-mother produced in the Russian media texts; as well as interest to the maternity phenomenon as an opportunity for the social and personal development of woman in the Danish media discourse, and the prevalence of interest in the social aspects related to motherhood – in the Russian media discourse.

**Key words:** media discourse of maternity, national conceptual sphere, national and cultural specifics, linguistic representation, linguoculturological analysis.

**Citation.** Kuvychko A.A., Chafonova A.G., Boguslavskaya V.V. Conceptual Sphere of Media Discourse of Maternity in Russian and Danish Print Mass Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 135-145. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.12>

УДК 81'1:004.738.5  
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 10.08.2018  
Дата принятия статьи: 10.09.2018

## КОНЦЕПТОСФЕРА МЕДИДИСКУРСА МАТЕРИНСТВА В РОССИЙСКИХ И ДАТСКИХ ПЕЧАТНЫХ СМИ

**Анна Александровна Кувычко**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Альбертина Германовна Чафонова**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Вера Васильевна Богуславская**

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия

**Аннотация.** Исследование находится в русле актуальных проблем лингвистики, связанных с выявлением универсального и особенного в содержании ключевых концептов европейских культур, а также с определением причин, которые обуславливают различия в смысловом наполнении таких концептов. В статье представлены результаты лингвокультурологического анализа публикаций российских и датских печатных и интернет-изданий: выявлены национально-культурные особенности лингвистической репрезентации концептосферы медиадискурса материнства – фрагмента национальных концептосфер, состоящих из концептов как структурных единиц. Сопоставительный анализ лингвистической и лингвокультурологической репрезентации ключевых концептов российского и датского дискурса материнства – Мать / Мама (Moder / Mor) и Женщина (Kvinde) – позволил установить, что национально-культурные особенности их реализации обусловлены как социокультурными, так и этнопсихологическими факторами: преобладанием интереса к личностным проблемам женщины как части социума в датских медиатекстах и нивелированием значения личностного в пользу общественного, общенационального и общегосударственного в образе женщины-матери, созданном в российских медиатекстах, а также интересом к феномену материнства как возможности социального и личностного развития женщины в датском медиадискурсе и превалированием интереса к связанным с материнством социально-бытовым вопросам – в российском.

**Ключевые слова:** медиадискурс материнства, национальная концептосфера, национально-культурные черты, лингвистическая репрезентация, лингвокультурологический анализ.

**Цитирование.** Кувычко А. А., Чафонова А. Г., Богуславская В.В. Концептосфера медиадискурса материнства в российских и датских печатных СМИ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 135–145. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.12>

## Введение

Материнство – сложный, аксиологически отмеченный феномен, тесно связанный с духовно-нравственными основами жизни человека. В современных массмедиа тема материнства характеризуется неоднородностью и многоплановостью. Медиадискурс материнства, как любой массмедийный дискурс, чувствителен к условиям актуального социального бытия, контексту происходящих событий, остро реагирует на доминирующую идеологическую направленность, и, являясь своеобразным зеркалом реального мира, в то же время сам создает параллельную картину мира, обусловленную запросами современного общества.

Межкультурное исследование дискурса материнства позволяет увидеть глубинные национально-культурные установки, которые вне сопоставительного контекста не являются очевидными. Рассмотрение особенностей медиадискурса материнства на основе анализа статей российских и датских изданий направлено на поиск тех его компонентов, которые меняют свой статус с социального на национально-культурный.

Представленное в настоящей статье исследование дискурса материнства направлено на обнаружение устойчивого, сформированного в общественном сознании и отраженно-

го в текстах массмедийных источников «набора» образов, репрезентирующих концептосферу медиадискурса материнства как продукт когнитивной деятельности современного российского и датского социума. Одним из ключевых терминов исследования является «концепт», который трактуется в лингвистической концептологии как обозначение моделируемой лингвистическими средствами единицы национального когнитивного сознания, единицы моделирования и описания национальной концептосферы [Попова, Стернин, 2007, с. 36]. Под концептосферой медиадискурса материнства мы понимаем фрагмент национальной концептосферы, составленный из концептов как его единиц и отражающий определенную область функционирования языка, а именно – тексты СМИ, репрезентующие дискурс материнства.

Актуальность работы и ее ценность определяются, с одной стороны, значительным интересом современных ученых к социокультурному содержанию феномена материнства [Васягина, 2013; Сасункевич, 2009; Шпаковская, 2014; Юсупова, 2000], наличием масштабных социологических исследований вопросов семьи и брака на материале текстов СМИ [Свитич, 2015], исследований феномена материнства в русле теории деятельности [Матвеева, 2004] и современных цифровых медиатехнологий в межличностной коммуникации [Vaillancourt, 2015].

Кроме того, повышенное внимание языковедов привлечено к вопросу репрезентации концепта «мать» как одного из ключевых концептов культуры в сопоставительных лингвистических исследованиях (см., например: [Андреянова, 2011; Андреянова, Багаутдинова, 2011; Ани Рахмат, 2012; Первалова, 2016]), а также в работах, касающихся объективации указанного концепта в текстах художественной литературы и публицистики разного времени [Атрощенко, 2014; Дякиева, Омакаева, 2012; Карелова, 2008]. С другой стороны, выбор в качестве материала изучения медиадискурса материнства современных медиатекстов позволяет эксплицировать полученные результаты в русле актуальных социально-культурных тенденций, присущих современным российскому и датскому обществам. Представляемое исследование ставит одной из своих целей выйти за рамки рассмотрения материнства как социально-культурного феномена в область лингвистической репрезентации его национально-культурных особенностей.

Концептосфера медиадискурса материнства – это набор тематических кластеров, сгруппированных вокруг ключевых, смыслообразующих концептов Мать, Женщина и Ребенок, поэтому для изучения особенностей российского и датского медиадискурсов материнства необходимо было выявить, как актуализируются в текстах российских и датских СМИ указанные концепты.

Материал для изучения определялся методом сплошной выборки, проведенной с использованием контент-анализа статей в датских изданиях «Berlingske» (с 2016 по 2017 гг.) и «Dansk Kvindesamfund» (с 2012 по 2014 гг.), а также статей в «Российской газете» и публикаций, размещенных на интернет-портале «Вести.ру» (с 2008 по 2018 гг.). Для дальнейшего рассмотрения были выявлены те статьи, в которых отмечены лексические единицы *материнство* (*moderskab*) и/или *мать* (*moder*).

Базовый метод исследования – лингвокультурологический анализ, основанный на приеме текстовой интерпретации. Для более подробного лингвокультурологического интерпретационного (прагматического) анализа были выбраны статьи, наиболее отражающие

исследуемую тему: “Jeg elsker ikke at være mor” («Мне не нравится быть мамой») (Berlingske, 29.09.2016) и “Hvad er en ‘rigtig’ mor egentlig?” («Что такое “настоящая” мама?») (Berlingske, 28.09.2016), «Анна Кузнецова: у материнства особая миссия» (Вести.ру, 2018), «В Липецке стартовала акция “Материнская слава”» (Вести.ру, 2017), «Счастье быть мамой: Россия отмечает День матери» (Вести.ру, 2016), «Мама-карьеристка. Дети или работа – неправильный выбор?» (Российская газета, 2013).

### Особенности медиадискурса материнства в России и Дании

Прежде чем перейти к непосредственному описанию лингвокультурологической репрезентации ключевых концептов медиадискурса материнства в российских и датских СМИ, обозначим некоторые важные, на наш взгляд, национально-культурные особенности медиадискурса материнства в России и Дании.

Первичный анализ выбранного медиаматериала показал, что датские СМИ акцентируют внимание на современных проблемах материнства, рассматривая их как личные проблемы женщин-матерей и классифицируя их по определенным параметрам. Героинями датского дискурса становятся «молодые матери» (*unge mødre*), «одинокие матери» (*enlige mødre*), «карьерные матери» (*karrieremødre*) (более привычный перевод «матери-карьеристки» может быть воспринят негативно), «зрелые матери» (*modne mødre*) и т. д. Тема семьи, которая в российских СМИ практически неразрывно связана с материнством, в датских СМИ лишь иногда связана с материнством и никогда не доминирует, уступая место темам «личностным», «частным», а именно: психологическое и физическое состояние женщины-матери вообще или какой-то конкретной женщины, история которой рассказывается в качестве примера.

Типичными для датского дискурса материнства являются такие идеи: «вместо того, чтобы развивать самооценку женщины, материнство разрушает ее» – *moderskab i stedet for at udvikle kvindens selv værd, er det, der bryder hende ned* (DK), «сегодня многие женщины переживают, что материнство несовме-

стимо с требованиями, которые они предъявляют к самостоятельной жизни» – *mange kvinder oplever i dag, at moderskabet er uforeneligt med de krav, de stiller til et selvstændigt liv* (DDO).

Объяснение указанных особенностей можно найти в этнопсихологических характеристиках датской культуры как культуры западноевропейской, основанной на примате частного над коллективным. Русская культура, напротив, тяготеет к коллективному, к общему и даже всеобщему, что отражается в том числе в дискурсе материнства в российских СМИ. Присущая русской культуре сакрализация материнства (например, существует всероссийская программа под названием «Святость материнства») исключает возможность рассмотрения данного дискурса лишь как «дискурса о матерях и для матерей», но обуславливает необходимость расширить его границы вплоть до общекультурного масштаба. Таким образом, русский дискурс материнства становится одновременно дискурсом, в котором эксплицируется тема важности роли матери, семьи, государства, русской культуры. Например, типичным является следующий прецедентный заголовок газетной статьи: «Мама может. Когда в России войдут в моду многодетные семьи?» (Российская газета, 2017).

В датском медиадискурсе отчетливо прослеживается мысль о том, что сегодняшняя мать в Дании не может найти «золотой середины» в том, должна ли она после рождения ребенка полностью посвятить себя его воспитанию или же она должна продолжать свою карьеру. Оба из указанных путей в действительности представляют собой крайности, которые общественное мнение воспринимает негативно. В статье «Jeg elsker ikke at være mor» («Мне не нравится быть матерью») (Berlingske, 29.09.2016) читателю рассказана история двух женщин-матерей, каждая из которых оказалась под давлением общественной критики за выбранный ею «способ быть матерью»: *De møder kritik for deres måde at være mor på*. Та мать, которая предпочла продолжить карьеру, оставив детей на попечение мужа, столкнулась с упреками в безответственном отношении к воспитанию детей, а та, которая все свое время посвятила ребен-

ку, – в несоответствии современным нормам и запросам социума.

Тема «карьера или/и материнство» затрагивается и в российских изданиях. Например, автор статьи «Мама-карьеристка. Дети или работа – неправильный выбор?» (Российская газета, 2013) ставит своей целью охарактеризовать возможности и желание современных российских женщин совмещать карьеру с воспитанием детей. Представленные в статье мнения женщин по данному вопросу указывают на сложность такого совмещения, при этом проводится четкая дифференциация карьеры и работы, когда карьера является практически недостижимой роскошью, а работа – необходимостью.

Медиадискурс создает особую картину мира, в которой материнство редко представлено в «позитивном контексте». Темой рассмотрения в российских СМИ часто становятся связанные с материнством проблемы сугубо бытового характера (материальное обеспечение, жилищный вопрос, медицинская помощь). На фоне такого подхода к освещению феномена материнства в печатных СМИ особую значимость приобретают приведенные в тексте уже упомянутой статьи «Мама может. Когда в России войдут в моду многодетные семьи?» (Российская газета, 2017) слова уполномоченного при президенте по правам ребенка А. Кузнецовой, которая говорит о поддержке ценностей семьи, материнства, отцовства и обращает внимание на то, что «в современном информационном пространстве очень не хватает простых и добрых историй о семье и семейном счастье».

Итак, в медиадискурсе материнства в России и Дании можно обозначить следующие особенности или тенденции: 1) преобладание интереса к личностным проблемам женщины как части социума в датских медиатекстах и нивелирование значения личностного в образе женщины-матери в пользу общественного, общенационального и общегосударственного – в российских; 2) интерес к феномену материнства как возможности социального и личностного развития женщины в датском медиадискурсе; превалирование интереса к связанным с материнством социально-бытовым вопросам – в российском.

Указанные особенности представляются значимыми для настоящего исследования ввиду их национально- и социально-культурной обусловленности, а также позволяют глубже проникнуть в концептосферы рассматриваемого дискурса.

### Ключевые концепты медиадискурса материнства в российских и датских печатных СМИ

К ключевым концептам российского и датского медиадискурсов материнства относятся концепты Мать / Мама (Moder / Mor) и Женщина (Kvinde), кроме того, концептосферу медиадискурса материнства формируют и концепты Ребенок (Barn), Семья (Familie), Отец / Папа (Far), но при этом они являются в некотором смысле тематическими, так как высвечивают определенные стороны ключевых концептов. Концепты Мать и Женщина, равно как Mor и Kvinde, всегда сосуществуют в текстах медиадискурса и обнаруживают взаимоопосредованность.

В датском дискурсе концепт Moder / Mor (Мать / Мама) часто реализуется в признаке «одна из ролей женщины»: *mor - en rolle, hun ikke elsker* («мама – это роль, которая ей не нравится»); *hun ser kritisk på mor-rolle* («она смотрит критически на роль мамы»); *hun som en del af en generation af yngre mødre skal tvinges ned i en mor-rolle* («она, как часть поколения молодых матерей, должна быть принуждена к роли мамы»); *kvinder er usikre i rollen som mor* («женщины не уверены в такой роли, как мама»); *vi kvinder ger selv tilbage til en morrolle* («мы, женщины, возвращаемся к роли мамы»); *skal vi som mødre være fuldt dedikeret til morrollen* («как матери, мы должны быть полностью посвящены роли мамы»). Фактически в датском медиадискурсе материнства концепт Moder / Mor (Мать / Мама) никогда не превалирует над концептом Kvinde (Женщина), который оказывается главенствующим: *de to unge kvinder er mødre på vidt forskellig vis* («две молодые женщины являются разными матерями»); *den 32-erige kvindes måde at være mor på* («способ тридцатидвухлетней женщины быть матерью»); *det er en kvinde, der giver sig fuldstændig hen til moderskabet* («это женщина, которая все-

цело отдает себя материнству»); *det er kvinderne, der skal være der 100 procent for børnene* («это женщины, которые должны на сто процентов отдавать себя детям»).

Анализ датских статей показывает, что в центре дискурса материнства оказывается женщина-мать, или «женщина в роли матери», ей предъявляются требования, которым она должна соответствовать, однако зачастую эти требования противоречивы: *Selvom mange kvinder har en karriere, sidder vi selv fast i en traditionel opfattelse af, hvad en rigtig mor er* («Несмотря на то, что у многих женщин есть карьера, мы придерживаемся традиционного представления о том, что такое настоящая мать»); *Problemet er, at vi unge kvinder får at vide, at vi skal tage en uddannelse og være innovative, men når vi får børn, skal vi rulle det hele tilbage igen og være tilfredse med at være mødre* («Проблема заключается в том, что нам, молодым женщинам, говорят, что нам нужно быть образованными и инновационными, но когда у нас появляются дети, мы должны снова повернуть назад и довольствоваться только тем, что мы матери»); *hun skal være den moderne kvinde, der hurtigt kommer tilbage til arbejdsmarkedet* («она должна быть современной женщиной, которая быстро возвращается на рынок труда»).

В какой-то мере установка на то, что общество ждет от женщины определенного поведения, и подчеркивание этой идеи в репликах самих датских женщин, которые приводятся в анализируемых статьях, согласуются с одним из наиболее ярких выразителей датской национальной идентичности – «Законом Янте» («Janteloven»). Это своеобразный свод законов, которые сформулированы по модели *Du skal ikke...* («Ты не должен...»). Однако в медийном дискурсе появляется иная модель – *vi skal* («мы должны»). Сравним: *vi unge kvinder får at vide, at vi skal tage en uddannelse og være innovative, men når vi får børn, skal vi rulle det hele tilbage igen* («нам, молодым женщинам, говорят, что нам нужно быть образованными и инновационными, но когда у нас появляются дети, мы должны снова повернуть назад»); *politikerne vil gerne have, at vi kvinder tager på arbejde og får en karriere, men samtidig skal vi som mødre være fuldt dedikeret til morrollen* («политики хотят,

чтобы **мы, женщины**, пошли на работу и сделали карьеру, но в то же время, как матери, **мы должны** быть полностью посвящены роли мамы»); *vi har flere ting, vi skal leve op til end vores forældre* («в отличие от наших родителей, у нас больше вещей, которые **мы должны** делать»). В приведенных контекстах можно увидеть, что местоимение *vi* «мы» обозначает «датских женщин, которые уже или потенциально являются матерями». В дискурсе прослеживается устойчивая самоидентификация датских женщин, вступающих в некотором смысле в полемику со всем датским обществом, представленным прежде всего через политический сектор.

Таким образом, в датских СМИ показано, что женщина часто сталкивается с проблемой ее соответствия как матери определенным запросам датского общества и неким стандартам так называемой *en "rigtig" mor* («настоящей, правильной матери»), которые сложились в общественном коллективном сознании. Центральными концептами, эксплицированными в дискурсе, являются тесно связанные концепты *Kvinde* (Женщина) и *Mor* (Мать), при этом концепт *Mor* не превалирует над концептом *Kvinde*, так как в основном реализуется в признаке «одна из ролей женщины», при этом вопрос о том, ключевая ли это роль, становится дискуссионным.

Смыслообразующими концептами русского медиадискурса материнства также являются концепты «мать» и «женщина», однако именно концепт Мать выходит на первый план. В зависимости от характера новостей в медийных текстах можно встретить употребление как более официальной лексики *мать*, так и разговорного варианта – *мама*, при этом очевидна тенденция к более частому использованию именно варианта *мама*.

В публикациях российских СМИ утверждается, что в российском обществе материнство представляется главной ипостасью женщины. На фоне рассмотренных датских статей, в которых центральной темой дискуссии становится поиск баланса между саморазвитием женщины (в том числе за счет карьерного роста) и ее ответственностью как матери за своего ребенка, контрастной является статья «В Липецке стартовала акция “Материнская слава”» (Вести.ру, 2017), рас-

сказывающая об акции, призванной показать, что *успешное материнство – это модно*. Контраст заключается в том, что в данной публикации под «успешным материнством» подразумевается вовсе не найденный женщиной баланс между «собой» и «ребенком». В акции принимают участие *многодетные мамы, чьи дети успешно справляются со школьной программой, занимаются в дополнительных секциях, учатся в вузе или уже работают*. Таким образом, «успешное материнство» интерпретируется прежде всего как успешное воспитание детей. Это полностью согласуется с центральной идеей, высказанной в другой статье: *Услышать маму – значит услышать будущее!* (Вести.ру, 2018).

Примером, иллюстрирующим наши утверждения о том, что в российском медиадискурсе материнства концепт Мать более релевантен по сравнению с концептом Женщина, а также о том, что отмеченный выше баланс оказывается смещенным в сторону концепта Ребенок, является следующая трактовка содержания Дня Матери: *Смысл праздника – поддержать семейные устои и женщин, отдающих себя детям* (Вести.ру, 2016).

Более того, уже обозначенная особенность отражения концепта Мать / Мама в датском медиадискурсе (Мама как «одна из ролей женщины») также имеет расхождения с тем, как реализуется указанный концепт в российских СМИ. Одна из выбранных для подробного анализа статей – «Мама-карьеристка. Дети или работа – неправильный выбор?» (Российская газета, 2013) – дает интересный материал для сопоставления, так как написана на схожую с проанализированными выше датскими публикациями тему. В центре внимания статьи – вопрос о том, совместимы ли материнство и карьерный рост. Как и датские материалы, статья в «Российской газете» построена на репликах и интервью женщин-матерей. Примечательно, что о выборе между карьерой и воспитанием ребенка фактически речи не идет, и большинство респонденток убеждены, что карьера и дети несовместимы: *вариант* (совмещения воспитания и карьеры – *А. К., А. Ч., В. Б.*) *больше теоретический, потому что дети всегда остаются главной ответственностью женщины; утверждая, что «детям никто*

не заменит мать», россияне считают, что карьера и дети несовместимы; карьеру и детей совмещать можно, но где-то обязательно будут проколы.

Уже отмеченная тесная взаимосвязь в российском медиадискурсе материнства концептов «мать» и «ребенок» находит свое эмпирическое подтверждение в исследовании А.В. Микляевой и П.В. Румянцевой [2018], целью которого было обнаружить имплицитный, малоосознаваемый пласт в представлениях о материнстве в современном интернет-дискурсе. Результаты указанного исследования показали, что наиболее частотной темой, в которой выявлены некоторые противоречия между «идеальными» представлениями о материнстве и их фактическим воплощением, оказалась тема взаимоотношений женщины-матери и ребенка в соотношении «мало внимания к ребенку – мало внимания к себе».

При анализе датских статей нами было обнаружено, что ответы женщин имплицитно указывали на существование некоего спора, полемического диалога между женщинами-матерями и обществом, в статье «Российской газеты» респондентки не выделяют себя в какую-либо группу и не относят себя к какой-либо категории, говоря о «женщинах вообще» или о «себе в частности» (*мама пятилетней Вари и восьмилетней Маши Наталья Кульева... признается, что возможно-сти думать о карьере у нее нет; я оставляла дочь с мамой и шла на репетицию или работу; если женщина занимается своим бизнесом, найти время на ребенка очень непросто – бизнес требует максимальной отдачи; возможность совместить карьерный взлет с детьми зависит от самой женщины и ее окружения*). Исключением является следующая реплика одной из респонденток, которая причисляет себя к «карьеристкам»: *нам, современным карьеристкам, легче* (чем было родителям в советское время – А. К., А. Ч., В. Б.).

Восприятие материнства как одной из ролей женщины (ср. в датских статьях: *mor – en rolle* («мать – это роль»), *mor-rolle* («роль матери»), *rolle som mor* («такая роль, как мать»)) в российских СМИ не отражено, при этом появляются упоминания *роли мамы-домоседки* и *роли мамы-карьеристки*, ко-

торые рассматриваются как две крайности в поведении женщины-матери. В датском дискурсе им соответствуют *speltmoren* (буквально «пшеничная мама», пренебрежительно о женщине, которая проводит много времени, заботясь о своих детях (DDO) и *karrieremoren* («карьерная мама» / «мама-карьеристка»).

В российском медиадискурсе материнства имплицитно выражена идея о том, что мама может быть карьеристкой или домохозяйкой, но в первую очередь должна быть мамой: ведь в понимании материнства как одной из ролей женщины, а точнее в отказе от такого понимания, заключается ответ на вопрос о предназначении женщины – не исполнять «роль матери», но быть матерью.

## Выводы

Представленное в статье исследование было направлено на обнаружение и описание особенностей репрезентации концептосфер дискурса материнства в текстах российских и датских печатных СМИ.

Для датского медиадискурса материнства существенными являются лингвистические репрезентации таких признаков ключевых концептов, как «*mor-rolle*» («роль матери») и «*en “rigtig” mor*» («настоящая, правильная мать»). Обнаружены устойчивая тенденция к реализации концепта *Mor* (Мать) как «одной из ролей женщины» и попытка создания в датском медиадискурсе образа идеальной матери. С лингвистической точки зрения словосочетание *en “rigtig” mor*, которое может быть переведено как «правильная мама», отражает наличие определенных правил, которым должна следовать «настоящая (правильная) мать». Проведенный анализ датских медиатекстов подтвердил наличие такого подтекста в указанном словосочетании: в статьях, посвященных проблемам материнства, используется речевая модель *vi skal* («мы должны»), выражающая некий протест современных датских женщин-матерей.

Сопоставление способов лингвистической и лингвокультурологической объективации ключевых концептов дискурса материнства в российских и датских СМИ позволило сделать

вывод о том, что концепты Мать / Мама (Moder / Mor) и Женщина (Kvinde) всегда существуют в текстах медиадискурса. Однако если в датском медиадискурсе главенствующее положение занимает концепт Женщина (Kvinde), а концепт Мать / Мама (Moder / Mor) становится одной из его составляющих («мать как одна из ролей женщины»), то в российском медиадискурсе доминирует концепт Мать.

В российском медиадискурсе реализуется понимание материнства не просто как одной из ролей женщины, но как ее призвания, особой миссии, поэтому, когда женщина становится матерью, другой ее статус (женщина) отходит на второй план. В этом изменении заключается еще одна национально-культурная особенность самого феномена материнства в России – жертвенность матери, ее самозабвенная отдача своей семье и своим детям.

Указанная особенность находит речевое воплощение в текстах российских СМИ: рядом с репрезентантами концепта Мать постоянно располагаются репрезентанты концептов Ребенок или Семья, что не характерно для датских текстов, в которых концепт Mor актуализируется более обособленно, а акцент переносится на социальную и личностную реализацию женщины («в роли матери»).

Таким образом, взаимосвязанные концепты Мать / Мама (Moder / Mor) и Женщина (Kvinde), несмотря на общую для российского и датского дискурсов материнства тенденцию к их нераздельному представлению, не являются равноценными (характерно для датского медиадискурса превалирование концепта Kvinde, для российского медиадискурса – превалирование концепта Мать).

Резюмируя вышесказанное, следует подчеркнуть, что лингвокультурологическая сопоставительная интерпретация текстов российских и датских печатных СМИ дает возможность обнаружить существующие национально-культурные особенности репрезентации концептосфер дискурса материнства и позволяет выявить реализацию социокультурно обусловленных закономерностей когнитивной деятельности современного российского и датского социума.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреянова М. А., 2011. Концепт ‘мать (mere)’ и средства его реализации во французском и русском языках (на материале романов Э. Золя и Л.Н. Толстого) // Вестник Челябинского государственного университета. № 28 (243). С. 13–16.
- Андреянова М. А., Багаудинова Г. А., 2011. Реализация концепта ‘мать (mother)’ в русском и английском языках (на материале романов М. Горького и Дж. Э. Стейнбека) // Вестник Челябинского государственного университета. № 17 (232). С. 17–22.
- Ани Рахмат, 2012. Вербализация концепта мать в русской фразеологии (на фоне индонезийского языка) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 152. С. 101–105.
- Атрошенко Е. О., 2014. Функционирование концепта «Мать» в русской художественной прозе XIX века // Научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. № 97. С. 1–12.
- Васягина Н. Н., 2013. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве России : монография. Екатеринбург : [б. и.]. 364 с.
- Дякиева Б. Б., Омакаева Э. У., 2012. Образ матери в калмыцком фольклоре: к проблеме универсального и специфического (на материале фольклорных текстов) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований. № 2. С. 183–187.
- Карелова И. И., 2008. Концепт «Мать» в идиоконцептосфере Л.Е. Улицкой // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. № 10. С. 18–21.
- Матвеева Е. В., 2004. Анализ материнства с позиции теории деятельности. Киев : ВГУ. 326 с.
- Микляева А. В., Румянцева П. В., 2018. «#Онаже-мать»: имплицитные социальные представления о материнстве в современном российском интернет-дискурсе // Женщина в российском обществе. № 1 (86). С. 67–77.
- Перевалова С. Г., 2016. Вербализация концепта «Мать» через пословично-поговорный и фразеологический фонды русского языка (на фоне французского языка) // Научный вестник Воронежского государственного архитектурно-строительного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 2 (21). С. 135–139.
- Попова З. Д., Стернин И. А., 2007. Когнитивная лингвистика. М. : АСТ : Восток-Запад, 2007. 314 с.
- Сасункевич О. М., 2009. Медикализация дискурса о материнстве в белорусских медиа // Журнал

- исследований социальной политики. Т. 7, № 3. С. 405–418.
- Свитич Л. Г., 2015. Семья и будущее России. Социологическое исследование: контент-анализ конкурсных публикаций. М.: Фак. журналистики МГУ. 154 с.
- Шпаковская Л. Л., 2014. Дискурсивное производство социального неравенства материнства // *Женщина в российском обществе*. № 2 (71). С. 77–85.
- Юсупова О. Г., 2000. Социальный смысл материнства в современной России: («Ваш ребенок нужен только Вам») // *Социологические исследования*. № 11. С. 98–107.
- Vaillancourt Melissa A., 2015. Mediated Motherhood: Discourse and Maternal Identity in the Digital Age. Dissertations – ALL. Paper 357. Syracuse University. URL: <https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1357&context=etd> (date of access: 25.03.2018).
- ИСТОЧНИКИ И СЛОВАРИ**
- Вести.ру*, 2016 – «Счастье быть мамой: Россия отмечает День матери» // *Вести.ру*. 2016. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2826437> (дата обращения: 15.06.2018).
- Вести.ру*, 2017 – «В Липецке стартовала акция “Материнская слава”» // *Вести.ру*. 2017. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2929087> (дата обращения: 15.06.2018).
- Вести.ру*, 2018 – «Анна Кузнецова: у материнства особая миссия» // *Вести.ру*. 2018. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2993884> (дата обращения: 15.06.2018).
- Российская газета*, 2013 – «Мама-карьеристка. Дети или работа – неправильный выбор?» // *Российская газета*. 2013. № 220. URL: <https://rg.ru/2013/10/02/kariera.htm> (дата обращения: 15.06.2018).
- Российская газета*, 2017 – «Мама может. Когда в России войдут в моду многодетные семьи?» // *Российская газета*. 2017. № 273. URL: <https://rg.ru/2017/11/30/kogda-v-rossii-vojdut-v-modu-mnogodetnye-semi.html> (дата обращения: 05.06.2018).
- Berlingske*, 28.09.2016 – «Hvad er en “rigtig” mor egentlig?» // *Berlingske*. 28. September 2016. URL: “Berlingske” <https://www.b.dk/nationalt/hvad-er-en-rigtig-mor-egentlig> (date of access: 15.06.2018).
- Berlingske*, 29.09.2016 – “Jeg elsker ikke at være mor” // *Berlingske*. 29. September 2016. URL: “Berlingske” <https://www.b.dk/nationalt/hvad-er-en-rigtig-mor-egentlig> (date of access: 15.06.2018).
- DDO* – Den danske ordbog. Modern dansk sprog // Det Danske Sprog- og Litteraturselskab. URL: <http://www.ordnet.dk/ddo> (date of access: 22.05.2018).
- DK* – Dansk Kvindesamfund. Kvinden og samfundet, vinter 2012. URL: <https://danskkvindesamfund.dk/wp.../ksvinter2012.pdf> (date of access: 22.05.2018).

## REFERENCES

- Andreyanova M.A., 2011. Realization of the Concept ‘Mother’ (Mere) in the French and Russian Languages (Based on the Novels by E. Zola and L. Tolstoy). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 28 (243), pp. 13-16.
- Andreyanova M.A., Bagautdinova G.A., 2011. Realization of the Concept ‘Mother’ in the Russian and English Languages (Based on the Novels by M. Gorky and J. E. Steinbeck). *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 17 (232), pp. 17-22.
- Ani Rakhmat, 2012. Verbalization of the Concept ‘Mother’ in Russian Phraseology (As Compared to Indonesian Language). *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Science], no. 152, pp. 101-105.
- Atroshchenko E.O., 2014. The Functioning of the Concept ‘Mother’ in the Russian Fiction of the 19<sup>th</sup> Century. *Nauchnyy zhurnal Kubanskogo gosudarstvennogo agrarnogo universiteta* [Scientific Journal of KubSAU], no. 97, pp. 1-12.
- Vasyagina N.N., 2013. *Subjective Formation of Mother in the Russian Modern Socio-Cultural Field: Monograph*. Ekaterinburg. 364 p.
- Dyakieva B.B., Omakaeva E.U., 2012. The Image of Mother in Kalmyk Folklore: Towards the Problem of Universal and Specific (Based on the Material of Folklore Texts). *Vestnik Kalmytskogo instituta gumanitarnykh issledovaniy*, no. 2, pp. 183-187.
- Karelova I.I., 2008. The Concept ‘Mother’ in L.E. Ulitskaya Conceptual Sphere. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University], no. 10, pp. 18-21.
- Matveeva E.V., 2004. *The Analysis of Motherhood in the Light of Activities Theory*. Kiev, VGGU Publ. 326 p.

- Miklyayeva A.V., Rumyantseva P.V., 2018. #Sheisamother: Implicit Social Beliefs about Motherhood in the Modern Russian Internet Discourse. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], no. 1 (86), pp. 67-77.
- Perevalova S.G., 2016. Verbalization of the Concept 'Mother' through the Proverbal-Saying and Phraseological Funds of the Russian Language (As Compared to the French Language). *Nauchnyy vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya*, no. 2 (21), pp. 135-139.
- Popova Z.D., Sternin I.A., 2007. *Cognitive Linguistics*. Moscow, AST; Vostok-Zapad Publ. 314 p.
- Sasunkevich O.M., 2009. Medicalization of Discourse about Motherhood in Belarus Media. *Zhurnal issledovaniy sotsialnoy politiki* [The Journal of Social Policy Studies], vol. 7, no. 3, pp. 405-418.
- Svitich L.G., 2015. *Family and the Future of Russia. Sociological Research: Content Analysis of Contest Publications*. Moscow, Moscow State University Publ. 154 p.
- Shpakovskaya L.L., 2014. Discourse Production of Social Disparity of Motherhood. *Zhenshchina v rossiyskom obshchestve* [Woman in Russian Society], no. 2 (71), pp. 77-85.
- Yusupova O.G., 2000. The Social Meaning of Motherhood in Modern Russia: ("No One Cares about Your Child Except You"). *Sotsiologicheskie issledovaniya*, no. 11, pp. 98-107.
- Vaillancourt M.A., 2015. *Mediated Motherhood: Discourse and Maternal Identity in the Digital Age. Dissertation*. Paper 357. URL: <https://surface.syr.edu/cgi/viewcontent.cgi?referer=https://www.google.ru/&httpsredir=1&article=1357&context=etd> (accessed 25 March 2018).
- The Happiness of Being a Mother: Russia Celebrates Mother's Day". *Vesti.ru*, 2016. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2826437> (accessed 15 June 2018).
- "The Mother's Glory Campaign Has Been Launched in Lipetsk". *Vesti.ru*, 2017. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2929087> (accessed 15 June 2018).
- "Anna Kuznetsova: Motherhood Has Its Special Mission". *Vesti.ru*, 2018. URL: <https://www.vesti.ru/doc.html?id=2993884> (accessed 15 June 2018).
- "Career-mother. Children or Work, It's Not a Right Choice?". *Rossiyskaya gazeta*, 2013, no. 220. URL: <https://rg.ru/2013/10/02/kariera.htm> (accessed 15 June 2018).
- "Mother Can. When a Family with Many Children Will Be in Mainstream?". *Rossiyskaya gazeta*, 2017, no. 273. URL: <https://rg.ru/2017/11/30/kogda-v-rossii-vojdut-v-modu-mnogodetnye-semi.html> (accessed 15 June 2018).
- "Hvad er en 'rigtig' mor egentlig?". *Berlingske*, 28 September 2016. URL: <https://www.b.dk/nationalt/hvad-er-en-rigtig-mor-egentlig> (accessed 15 June 2018).
- "Jeg elsker ikke at være mor". *Berlingske*, 29 September 2016. URL: <https://www.b.dk/nationalt/hvad-er-en-rigtig-mor-egentlig> (accessed 15 June 2018).
- Den danske ordbog. Modern dansk sprog. *Det Danske Sprog- og Litteraturselskab*. URL: <http://www.ordnet.dk/ddo> (accessed 22 May 2018).
- Dansk Kvindesamfund. Kvinden og samfundet*, 2012. URL: <https://danskkvindesamfund.dk/wp.../ksvinter2012.pdf> (accessed 22 May 2018).

### Information about the Authors

**Anna A. Kuvychko**, Candidate for a Degree, Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, [anna\\_kuvychko@bk.ru](mailto:anna_kuvychko@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4303-5487>

**Albertina G. Chafonova**, Lecturer, Department of Russian as a Foreign Language, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, [porijoki@nextmail.ru](mailto:porijoki@nextmail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

**Vera V. Boguslavskaya**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of Department of Russian Literature and Intercultural Communication, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St., 6, 117485 Moscow, Russia, [boguslavskaya@gmail.com](mailto:boguslavskaya@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>

### Информация об авторах

**Анна Александровна Кувычко**, соискатель кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [anna\\_kuvychko@bk.ru](mailto:anna_kuvychko@bk.ru), <https://orcid.org/0000-0002-4303-5487>

**Альбертина Германовна Чафонова**, преподаватель кафедры русского языка как иностранного, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [porijoki@nextmail.ru](mailto:porijoki@nextmail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3480-4798>

**Вера Васильевна Богуславская**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русской словесности и межкультурной коммуникации, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия, [boguslavskaya@gmail.com](mailto:boguslavskaya@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0003-4118-382X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.13>

UDC 811.133.1'373.612.2  
LBC 81.471.1-006

Submitted: 29.08.2018  
Accepted: 21.09.2018

## GASTRONOMIC VERBAL METAPHOR AS A REALIZATION MEANS OF CULTURE GASTRONOMIC CODE IN THE FRENCH LANGUAGE

**Olga A. Dormidontova**

Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lipetsk, Russia

**Abstract.** The paper is devoted to the urgent problem of diverse reflection of the linguistic and cultural worldview. The research purpose is to characterize semantic and structural peculiarities of the verbal gastronomic metaphor as the manifestation mechanism of the gastronomic metaphoric code of the French linguistic culture. The realization of the research tasks has been achieved through the use of the corpus of phraseological units with a “gastronomic verb” as a core component. Semantic peculiarities of the verbal gastronomic metaphor have been examined on the basis of a group of verbs that define meals: a semantic classification of such metaphors has been worked out. It has been suggested that the most diverse metaphors are those that define person’s internal and external character traits as well as state and relationship with other people. Structural peculiarities of a verbal gastronomic metaphor have been examined on the basis of a group of verbs meaning multiple cooking techniques and actions: cognitive supports of such metaphors have been established, models and sub-models of their formation have been revealed; it has been determined that structural diversity is the peculiarity of a gastronomic metaphor that is formed with a transitive verb as a core component. It has been proved that gastronomic metaphor nominating a wide variety of objects, signs, phenomena, processes, the world, serves as a marker of French linguistic culture.

**Key words:** French language, linguistic culture, linguistic worldview, culture code, metaphor, gastronomic metaphor, metaphorical model, cognitive supports.

**Citation.** Dormidontova O.A. Gastronomic Verbal Metaphor as a Realization Means of Culture Gastronomic Code in the French Language. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 146-152. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.13>

УДК 811.133.1'373.612.2  
ББК 81.471.1-006

Дата поступления статьи: 29.08.2018  
Дата принятия статьи: 21.09.2018

## ГЛАГОЛЬНАЯ ГАСТРОНОМИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА КАК СРЕДСТВО РЕАЛИЗАЦИИ ГАСТРОНОМИЧЕСКОГО КОДА КУЛЬТУРЫ ВО ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКЕ

**Ольга Алексеевна Дормидонтова**

Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского,  
г. Липецк, Россия

**Аннотация.** Исследование посвящено актуальной проблеме отражения в разных лингвокультурах представлений о мире во всем его многообразии. Цель статьи – охарактеризовать семантические и структурные особенности глагольной гастрономической метафоры как механизма реализации гастрономического кода французской лингвокультуры. Исследовательские задачи решены с привлечением обширного корпуса фразеологических единиц со стержневым компонентом «гастрономический глагол». Семантические особенности глагольной гастрономической метафоры рассмотрены на примере группы глаголов, обозначающих прием пищи: предложена семантическая классификация таких метафор, показано, что наибольшим разнообразием характеризуются метафоры, использованные для обозначения внешних и внутренних качеств человека, его состояния и отношений с другими людьми. Структурные особенности рассмотрены на примере группы глаго-

лов, обозначающих разнообразные кулинарные приемы и действия: установлены когнитивные опоры таких метафор, с учетом признака переходности глагола выявлены модели и субмодели их построения, определено, что большее структурное разнообразие свойственно метафорическим конструкциям, включающим переходный глагол. Доказано, что гастрономическая метафора, номинируя широкий круг объектов, и их признаков, разнообразные процессы, состояния, является маркером французской лингвокультуры.

**Ключевые слова:** французский язык, лингвокультура, языковая картина мира, код культуры, метафора, гастрономическая метафора, метафорическая модель, когнитивные опоры.

**Цитирование.** Дормидонтова О. А. Глагольная гастрономическая метафора как средство реализации гастрономического кода культуры во французском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 146–152. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.13>

## Введение

Любое лингвокультурное сообщество имеет особое языковое видение мира – систему представлений об окружающей действительности, заключенных в значении разных слов и выражений данного языка [Введение в когнитивную лингвистику, 2004; Красных, 2003; Кубрякова, 2004; Тер-Минасова, 2007]. По определению В.Н. Телии, языковая картина мира – это «информация, рассеянная по всему концептуальному каркасу и связанная с формированием самих понятий при помощи манипулирования в этом процессе языковыми значениями и их ассоциативными полями, что обогащает языковыми формами и содержанием концептуальную систему, которой пользуются как знанием о мире носители данного языка» [Телия, 1988, с. 177]. Любое национальное языковое видение мира включает множество взаимосвязанных тематических национально и культурно маркированных фрагментов, отражающих, в терминологии Ю.С. Степанова, «концептуализированные предметные области» [Степанов, 1997, с. 68].

Каждый такой фрагмент действительности характеризуется специфическим набором схем, метафорических образов, символов, образующих особую систему кодов, которые в современной лингвистике рассматриваются как коды культуры, как «сетка», которую «культура набрасывает на окружающий мир, членит его, категоризирует, структурирует и оценивает его» [Красных, 2002, с. 232]. Они также могут рассматриваться как «макросистема характеристик объектов картины мира», объединяющая биофакты и артефакты, физические и психические явления [Пименова, 2007, с. 79].

Коды культуры имеют высокую степень метафоричности, поскольку метафора представ-

ляет собой неотъемлемую часть повседневной жизни человека и его языкового видения мира. Она является не только отражением действительности, но и средством ее создания и упорядочивания, то есть обладает моделирующей функцией, формируя представление человека об объекте и предопределяя манеру и стиль мышления о нем [Лакофф, Джонсон, 2008]. Коды культуры реализуются в языке посредством метафор. При этом их соотношение с метафорическим значением «составляет содержание культурно-национальной коннотации, которая и придает культурно значимую маркированность не только значениям фразеологизмов или слов, но и смыслу целых текстов» [Телия, 1996, с. 219].

Представленное в этом разделе статьи понимание культурного кода является методологической основой нашего исследования.

## Место гастрономической метафоры в реализации гастрономического кода культуры во французском языке

Изучая отражение в языке видения мира, свойственного французскому сообществу, нельзя не отметить моделирующую роль гастрономической метафоры и гастрономического кода культуры в целом. Гастрономия, кулинария и еда вообще занимают значительное место в культуре Франции, являясь ее своеобразным национальным маркером. Яркое подтверждение этого факта – наличие в богатом фразеологическом фонде французского языка обширного пласта гастрономической лексики во вторичных номинациях, состоящего не только из наименования продуктов питания, напитков и готовых блюд, но и наименований посуды и другой кухонной утвари.

Французская гастрономическая метафора «покрывает» все сферы реального мира: с ее

помощью осуществляется номинация людей, предметов, действий, состояний, а также их характеристик. На основании частеречной принадлежности слов, из которых формируется метафора, можно выделить четыре вида гастрономических метафор: субстантивная, глагольная, адъективная и адвербиальная. Наиболее продуктивными и употребительными среди них являются субстантивные и глагольные метафоры. В данной статье особое внимание уделяется глагольной метафоре, поскольку во французском языке «гастрономические» глаголы являются яркой иллюстрацией значимости гастрономического кода культуры, отражая переосмысление не только базовых глаголов потребления и приготовления пищи, таких, как *manger* (есть), *boire* (пить), *cuire* (варить), *frire* (жарить), но и целого ряда глаголов, обозначающих специфические кулинарные приемы – *décanner* (декантировать), *truffer* (фаршировать трюфелями), *faisander* (выдерживать дичь для придания вкуса) или *enrober* (покрывать продукт чем-то перед приготовлением или подачей на стол).

В качестве материала для анализа были отобраны французские «гастрономические» глаголы двух тематических групп: 1) потребления пищи, 2) обозначения различных кулинарных приемов.

В работе использованы следующие лексикографические издания: Французско-русский фразеологический словарь (1963), *Dictionnaire des expressions et locutions* (2001), *Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française* (2006).

В рамках этих групп рассмотрим более подробно особенности метафор со стержневым компонентом «гастрономический глагол». При этом необходимо отметить, что глаголы потребления пищи представляют особый интерес для изучения гастрономической метафоры в семантическом плане, а глаголы, выражающие кулинарные приемы, – в структурном.

#### Метафоры на основе глаголов, обозначающих потребление пищи

К этой группе относятся такие глаголы, как: *manger*, *boire*, *avalé*, *mâcher*, *dîner*, *souper*.

Сочетаясь с косвенным дополнением или обстоятельством образа действия, неко-

торые из них входят в состав метафорических образований, значение которых связано со способами приема пищи. Так, *dîner par coeur* (букв.: ‘ужинать сердцем’) значит «обходиться без еды», *mâcher de haut* (букв.: ‘жевать сверху’) – «есть без аппетита», а *dîner d'une olive et d'un poulet* (букв.: ‘ужинать оливкой и курицей’) – «хорошо поесть во время поста».

Во французской лингвокультуре именно базовые глаголы потребления пищи *boire* и *manger* используются для выражения фундаментальной концептуальной оппозиции «хорошо – плохо»: *il y a à boire et à manger* (букв.: ‘имеется что пить и есть’) – «здесь есть свои “за” и “против”, есть и хорошие и дурные стороны».

Глаголы данной группы, обладая богатым метафорическим потенциалом, являются стержневыми элементами в широком ряду метафор, направленных на характеристику человека. Среди них было выявлено несколько семантических подгрупп.

**Внешность человека.** Например, о неестественно прямом человеке говорят: *on dirait qu'il a avalé sa canne* (букв.: ‘такое впечатление, что он проглотил свою трость’).

**Манера говорить.** Выявлены метафоры, характеризующие молчание: *avalé son acte de naissance* (букв.: ‘проглотить свое свидетельство о рождении’); манеру говорить невнятно: *manger ses mots* (букв.: ‘есть свои слова’); говорить напрямик: *ne pas mâcher ses mots* (букв.: ‘не жевать свои слова’).

**Характер человека.** Как правило, рассмотренные глагольные метафоры отражают отрицательные черты характера человека. Так, о трудном, неуживчивом человеке говорят *il est dur à avaler* (букв.: ‘его трудно проглотить’). Скупой человек ‘ест хлеб в своем кармане’ – *manger son pain dans la poche*, а безвольный ‘позволяет есть шерсть у себя на спине’ – *se laisser manger la laine sur le dos*.

**Отношения с другими людьми.** В данной подгруппе представлены метафоры, характеризующие как дружеские, так и враждебные отношения человека к своему окружению. Выражение сильной эмоциональной привязанности к другому человеку может быть передано метафорой *je le*

*mangerais* (букв.: 'так бы его и съел'), а проявление заботы, внимания к нему и желания помочь актуализируются в следующих метафорических образованиях: *manger qn de caresses* (букв.: 'поедать кого-то ласками') – «осыпать ласками, окружать кого-то заботой, знаками внимания»; *mâcher le travail à qn* (букв.: 'пережевывать работу кому-либо') – «облегчить кому-то работу, помочь».

Недружественные, враждебные отношения могут быть переданы метафорой *se manger le blanc des yeux* (букв.: 'съесть друг у друга белок глаз') – «ссориться, грызться, выцарапать друг другу глаза».

**Состояние человека.** В данную подгруппу объединены метафоры, характеризующие эмоциональное, материальное и физическое состояния человека. Так, у того, кто находится в состоянии крайнего нервного возбуждения, спросят *qu'est-ce que tu as mangé?* (букв.: 'что ты съел?'). Трудное материальное положение может быть охарактеризовано метафорами *manger son bien* (букв.: 'съесть свое состояние') – «промотать состояние», *manger de la vache enragée* (букв.: 'съесть мясо бешеной коровы') – «терпеть сильную нужду, бедствовать». Физическая смерть человека передается эвфемизмом *aller dîner / souper avec les anges* (букв.: 'отправиться ужинать с ангелами').

### Метафоры на основе глаголов, обозначающих приготовление пищи

В группу глаголов, обозначающих кулинарные приемы, входят: *allonger, beurrer, bouillir, cuire, décanter, dessaler, écumer, enrober, épilucher, faisander, farcir, frire, huiler, infuser, mariner, mijoter, monter, piler, poivrer, rôtir, sucrer, truffer, vinaigrer*.

Когнитивным механизмом формирования метафорического значения в этой группе является актуализация когнитивных опор – элементов сравнения, передающих опорное знание и репрезентирующих знание об опорном объекте [Гольдберг, 2009, с. 51]. Иными словами, знания реципиента о характеристиках действий, обозначенных глаголами приготовления пищи, выступают в качестве опор-

ного признака, профилируемого в гастрономической метафоре.

*Bouillir* (кипеть): когнитивная опора – «активный процесс». Например: *avoir le sang qui bout dans les veines* (букв.: 'иметь кровь, которая кипит в венах') – «быть полным сил и энергии»; *bouillir d'impatience* (букв.: 'кипеть от нетерпения') – «сгорать от нетерпения; с трудом сдерживать нетерпение».

*Huiler* (смазывать, пропитывать растительным маслом): когнитивная опора – «уменьшать силу трения». Например: *huiler la pince* (букв.: 'смазывать маслом щипцы') – «подмазать кого-либо, дать взятку, подкупить»; *huiler les rouages* (букв.: 'смазывать маслом колесный механизм') – «сглаживать трения».

*Mijoter* (варить, жарить на медленном огне, томить): когнитивная опора – «длительный, медленный процесс». Например: *mijoter une affaire* (букв.: 'томить дело') – «исподволь, потихоньку подготавливать какое-либо дело».

Гастрономические метафоры в этой группе реализуют разнообразные модели и субмодели. В подавляющем большинстве случаев метафорическому переосмыслению подвергаются переходные гастрономические глаголы, реже – непереходные. Кроме этого, они приобретают метафорическое значение, становясь прономинальными, а также входя в каузативные конструкции. Рассмотрим более подробно структурные особенности таких метафор.

Метафорические конструкции с переходными глаголами разнообразны в структурном отношении и реализуют следующие модели и субмодели.

**Модель 1. Переходный гастрономический глагол + прямое дополнение.** Например: *dessaler qn* (букв.: 'обессоливать кого-то') – «учить уму-разуму, обтесывать»; *truffer qn* (букв.: 'начинать кого-то трюфелями') – «обмануть кого-то, обвести вокруг пальца»; *faisander* – прям.: «выдерживать дичь (для придания вкуса)»; перен.: *faisander qn* – «обманывать кого-то».

В модели с одушевленным существительным в функции прямого дополнения метафорическое значение может усиливаться или конкретизироваться за счет добавления обстоятельства образа действия. Например:

*cuire qn à petit feu* (букв.: ‘жарить кого-то на медленном огне’) – «томить, изводить кого-то»; *éplucher qn point par point* (букв.: ‘снимать с кого-то кожуру пункт за пунктом’) – «придиричиво критиковать кого-то, выискивать ошибки».

В случаях использования неодушевленного дополнения данная модель представлена двумя субмоделями.

**Субмодель 1. Переходный гастрономический глагол + гастрономическое прямое дополнение.** Например: *allonger la sauce* (букв.: ‘разбавить соус’) – 1) «говорить ни о чем, “лить воду”»; 2) «делать приписки к счету»; *piler du poivre* (букв.: ‘толочь перец’) – «топаться на месте, бездействовать»; *sucrer la moutarde* (букв.: ‘подсластить горчицу’) – «подсластить пилюлю»; *monter le blanc en neige* (букв.: ‘взбивать яичный белок’) – «взбодрить, поднять дух».

Данная субмодель может быть расширена за счет добавления одушевленного (*à qn*) или неодушевленного (*de qch*) косвенного дополнения. Например: *infuser le courage à qn* (букв.: ‘делать кому-то настой из храбрости’) – «придать храбрости, вдохнуть в кого-то мужество»; *farcir ses paroles / son discours (de citations)* (букв.: ‘начинять фаршем свою речь’) – «украшать свою речь цитатами». При этом в субмодели «verbe + qch + à qn» в качестве неодушевленного дополнения выступает, как правило, гастрономическое существительное. Например: *bouillir du lait à qn* (букв.: ‘кипятить кому-то молоко’) – «сделать, сказать кому-либо что-либо приятное»; «угождать кому-либо, гладить по шерстке кого-либо»; *frîre des œufs à qn* (букв.: ‘жарить кому-то яйца’) – «готовиться подшутить над кем-либо»; *beurrer une biscotte à qn* (букв.: ‘смазать сливочным маслом гренок кому-то’) – «(по)целовать кого-либо».

**Субмодель 2. Переходный гастрономический глагол + негастрономическое прямое дополнение.** Например: *décanner ses idées* (букв.: ‘декантировать, сцеживать свои мысли’) – «дать себе время разобраться в чем-либо»; *écumer la marmite de qn* (‘снимать пену с чьего-то котелка’) – «быть прихлебателем у кого-либо»; *enrober* – прям.: «покрывать продукт чем-то перед приготовлением или

подачей на стол (тестом, шоколадом, глазурью, сливками и т. п.)»; перен.: *enrober la situation* – «приукрашивать, смягчать ситуацию»; *vinaigrer ses paroles* (букв.: ‘приправлять уксусом свои слова’) – «язвить».

Переходные гастрономические глаголы способны принимать местоименную форму, сохраняя при этом способность к метафоризации. В прономинальном виде они являются возвратными (*réfléchis*) и могут использоваться либо с прямым дополнением, либо без него. Такая возможность реализуется в следующей модели.

**Модель 3. Местоименный возвратный гастрономический глагол (+ прямое дополнение).** Например: *se beurrer* (букв.: ‘намазать себя сливочным маслом’) / *se poivrer* (букв.: ‘поперчить себя’) – «напиться»; *se sucrer* (букв.: ‘подсластить себя’) – «получать большую часть чего-либо, наживаться»; *se farcir* (букв.: ‘начинить себя фаршем’) – *se farcir la mémoire de dates* – «забить себе голову датами»; *se farcir tout le travail* – «взять на себя самую сложную работу».

**Модель 4. Laisser / faire + гастрономический глагол.** Эта модель представлена переходными глаголами, входящими в состав каузативных конструкций. Она, как правило, бывает расширена за счет дополнений (прямых и косвенных), а также обстоятельств места. Например: *faire bouillir la marmite* (букв.: ‘вскипятить котел’) – «содержать семью, зарабатывать»; *faire bouillir le sang à qn* (букв.: ‘вскипятить кому-то кровь’) – «выводить кого-то из себя, возмущать»; *laisser mariner qn* (букв.: ‘мариновать кого-то’) – «заставлять кого-то ждать»; *laisser cuire qn dans son jus* (букв.: ‘оставить кого-то вариться в своем соку’) – «оставить кого-то в затруднительном положении».

Непереходные гастрономические глаголы представляют менее наполненную группу и являются стержневым компонентом лишь одной модели.

**Модель 5. Неperеходный гастрономический глагол + обстоятельство места / образа действия.** Например: *bouillir d’impatience* (букв.: ‘кипеть от нетерпения’) – «испытывать сильное нетерпение»; *on rôtit ici* (букв.: ‘здесь что-то жарят на огне’) – «здесь очень жарко».

## Выводы

Во французском языке метафорическому переосмыслению подвергаются глаголы двух групп: обозначающие потребление пищи и разнообразные кулинарные приемы. В результате проведенного анализа было выявлено, что глагольная метафора обладает значительным семантическим и структурным потенциалом – будучи антропоцентричной по сути, она преимущественно направлена на характеристику человека, реализуя при этом большое количество структурных моделей и субмоделей.

Проведенное исследование доказало, что глагольная гастрономическая метафора является важным механизмом реализации французского гастрономического кода культуры и способствует формированию языковой картины мира во французском лингвокультурном сообществе.

## СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Введение в когнитивную лингвистику, 2004. Введение в когнитивную лингвистику / отв. ред. М. В. Пименова. Кемерово : Издательско-полиграфический комплекс «Графика». Вып. 4. 208 с.
- Гольдберг В. Б., 2009. Художественное сравнение как модель познания // Филология и культура : Материалы VII Междунар. науч. конф. (г. Тамбов, 14–16 окт. 2009 г.). Тамбов : Издат. дом ТГУ им. Г.Р. Державина. С. 49–52.
- Красных В. В., 2002. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология. М. : ИТДГК «Гнозис». 284 с.
- Красных В. В., 2003. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М. : ИТДГК «Гнозис». 375 с.
- Кубрякова Е. С., 2004. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры. 560 с.
- Лакофф Дж., Джонсон М., 2008. Метафоры, которыми мы живем. М. : Изд-во ЛКИ. 256 с.
- Пименова М. В., 2007. Коды культуры и проблема классификации концептов // Язык. Текст. Дискурс : Научный альманах Ставропольского отделения РАЛК / под ред. проф. Г. Н. Манаенко. Ставрополь : Изд-во ПГЛУ. Вып. 5. С. 79–86.
- Степанов Ю. С., 1997. Константы. Словарь русской культуры. М. : Языки русской культуры. 824 с.
- Телия В. Н., 1988. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира / отв. ред. Б. А. Серебrenников. М. : Наука. С. 173–204.

Телия В. Н., 1996. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М. : Школа «Языки русской культуры». 288 с.

Тер-Минасова С. Г., 2007. Война и мир языков и культур: вопросы теории и практики. М. : АСТ : Астрель : Хранитель. 286 с.

## СЛОВАРИ

*Французско-русский фразеологический словарь, 1963* – Французско-русский фразеологический словарь / под ред. Я.И. Рецкера. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей. 1111 с.

*Dictionnaire des expressions et locutions, 2001* – Rey A., Chantreau S. Dictionnaire des expressions et locutions. Paris: Dictionnaires LE ROBERT. 1322 p.

*Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, 2006* – Rey-Debove J., Rey A. Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française. Paris : Dictionnaires LE ROBERT. 2949 p.

## REFERENCES

- Pimenova M.V. (ed.), 2004. *Introduction to Cognitive Linguistics*. Kemerovo, Grafika Publ., iss. 4. 208 p.
- Goldberg V.B., 2009. Fiction Analogy as a Cognitive Model. *Filologiya i kultura: Materialy VII Mezhdunar. nauch. konf. (g. Tambov, 14–16 okt. 2009 g.)*. Tambov, TGU im. G.R. Derzhavina Publ., pp. 49-52.
- Krasnykh V.V., 2002. *Ethno-Psycholinguistics and Cultural Linguistics*. Moscow, Gnozis Publ. 284 p.
- Krasnykh V.V., 2003. “As if You Are One of the Guys”: *Myth or Reality?* Moscow, Gnozis Publ. 375 p.
- Kubryakova E.S., 2004. *Language and Knowledge: On the way to Getting Information about the Language: Parts of Speech from the Cognitive Viewpoint. The Role of Language in the Cognition of the World*. Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 560 p.
- Lakoff J., Johnson M., 2008. *Metaphors we Live by*. Moscow, LKI Publ. 256 p. (in Russian).
- Pimenova M.V., 2007. Culture Codes and the Problem of Concepts’ Classification. Manaenko G.N., ed. *Yazyk. Tekst. Diskurs: Nauchnyy almanakh Stavropolskogo otdeleniya RALK*. Stavropol, Izd-vo Severo-Kavkazskogo federalnogo un-ta, pp. 79-86.
- Stepanov Yu.S., 1997. *Constants. The Dictionary of Russian Culture*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 824 p.

- Teliya V.N., 1988. Metphorization and Its Role in the Global Worldview Formation. Serebrennikova B.A., ed. *Rol chelovecheskogo faktora v yazyke. Yazyk i kartina mira*. Moscow, Nauka Publ., pp. 173-204.
- Teliya V.N., 1996. *Russian Phraseology. Semantic, Pragmatic and Linguocultural Aspects*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 288 p.
- Ter-Minasova S.G., 2007. *War and Peace of Languages and Cultures: Theoretical and Applied Issues*. Moscow, AST Astrel; Khranitel Publ. 286 p.

**DICTIONARIES**

- Retsker Ya.I. (ed.), 1963. *French-Russian Dictionary of Phraseology*. Moscow, Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarey. 1111 p.
- Rey A., Chantreau S., 2001. *Dictionnaire des expressions et locutions*. Paris, Dictionnaires LE ROBERT. 1322 p.
- Rey-Debove J., Rey A., 2006. *Le Nouveau Petit Robert. Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française*. Paris, Dictionnaires LE ROBERT. 2949 p.

**Information about the Author**

**Olga A. Dormidontova**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of French and German Languages, Lipetsk State Pedagogical P. Semenov-Tyan-Shansky University, Lenina St., 42, 398020 Lipetsk, Russia, [olgadormi@mail.ru](mailto:olgadormi@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-9840-5660>

**Информация об авторе**

**Ольга Алексеевна Дормидонтова**, кандидат филологических наук, доцент кафедры немецкого и французского языков, Липецкий государственный педагогический университет им П.П. Семенова-Тян-Шанского, ул. Ленина, 42, 398020 г. Липецк, Россия, [olgadormi@mail.ru](mailto:olgadormi@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0001-9840-5660>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.14>

UDC 81'42:314.6  
LBC 81.006

Submitted: 02.10.2018  
Accepted: 31.10.2018

## INTRA-FAMILY DIALOGUES ABOUT PROFESSION: LINGUOAXIOLOGICAL INTERPRETATION<sup>1</sup>

**Tatyana V. Itskovich**

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

**Nataliya A. Kupina**

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Ekaterinburg, Russia

**Abstract.** The paper presents the results of linguoaxiological analysis of two intra-family dialogues. Audio recordings of 60-minute duration were made in Ekaterinburg in 2018. Communicative partners: daughter – student of 18 years, mother – teacher of 44 years; daughter – student of 19 years, mother – cake baker of 42 years. The object of the analysis is the speech parties of the participants of the communicative interaction. The research purpose is to give orthologous, linguocommunicative, axiological characteristic of dialogues, to identify linguocultural type of personality according to live speech. During the orthological analysis of speech parties of daughters the tendency to use slang terms and expressional lexicon is found, unintentional violation of the codified language norms is recorded. In remarks of mother – cake baker certain features of the urban Urals vernacular are traced, which do not violate the general literary aspect of speech. Both mothers are particular in correctness of their daughters' speech and, taking the position of a communicative leader, regulate the content and phatic components of family communication. The article summarizes the features of intra-family cooperative communication: frankness, mutual orientation, the right to an independent point of view, the dozed use of categorical imperatives and the words of unrest. A special subject of linguoaxiological analysis is the development of a common for both dialogues strategical theme "the path to the profession", included in the mother's biographical time. Interpretation of the basic values nominations, axiological judgments, self-esteem statements allowed to characterize the signs of a linguocultural type of a working mother who chose a profession by vocation: love for the family and love for the profession, conceptual thinking, sense of responsibility, propensity for self-analysis, verification of alternative axiological choice, spiritual but not utilitarian value preferences.

**Key words:** axiological choice, intra-family communication, cooperative dialogue, linguocultural type, orthology, strategy, theme.

**Citation.** Itskovich T.V., Kupina N.A. Intra-Family Dialogues about Profession: Linguoaxiological Interpretation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 153-162. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.14>

УДК 81'42:314.6  
ББК 81.006

Дата поступления статьи: 02.10.2018  
Дата принятия статьи: 31.10.2018

## ВНУТРИСЕМЕЙНЫЕ ДИАЛОГИ О ПРОФЕССИИ: ЛИНГВОАКСИОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ<sup>1</sup>

**Татьяна Викторовна Ицкович**

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
г. Екатеринбург, Россия

## Наталья Александровна Купина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,  
г. Екатеринбург, Россия

**Аннотация.** В статье представлены результаты лингвоаксиологического анализа двух внутрисемейных диалогов. Аудиозаписи продолжительностью 60 минут были сделаны в Екатеринбурге в 2018 году. Коммуникативные партнеры: дочь, студентка, 18 лет, мать, учительница, 44 года; дочь, студентка, 19 лет, мать, пекарь-кондитер, 42 года. Объект анализа – речевые партии участниц коммуникативного взаимодействия. Цель исследования – ортологическая, лингвокоммуникативная, аксиологическая характеристика диалогов и выявление по данным живой речи примет гендерного лингвокультурного типажа как «характера». В ходе ортологического анализа речевых партий дочерей обнаружена тенденция к употреблению общежаргонной экспрессивной лексики, зафиксировано непреднамеренное нарушение кодифицированных языковых норм. В репликах матери-кондитера отмечены отдельные черты городского уральского просторечия, не нарушающие общелитературного облика речи. Обе матери следят за правильностью речи дочерей и, занимая позиции коммуникативного лидера, регулируют содержательную и фатическую составляющие семейного общения. В статье выявлены особенности внутрисемейной кооперативной коммуникации: откровенность, другоцентризм, право на независимое мнение, дозированное употребление категорических императивов и тревожной лексики. Специальный предмет лингвоаксиологического анализа – развитие общей для обоих диалогов стратегически заданной темы «путь в профессию», включенной в биографическое время матери. Интерпретация номинаций базовых ценностей, аксиологических суждений, высказываний-самооценок позволила охарактеризовать приметы лингвокультурного типажа работающей матери, выбравшей профессию по призванию: любовь к семье и к профессии, концептуальность мышления, чувство ответственности, склонность к самоанализу, выверенность альтернативного аксиологического выбора, духовные, но не утилитарные ценностные предпочтения.

**Ключевые слова:** аксиологический выбор, внутрисемейное общение, кооперативный диалог, лингвокультурный типаж, ортология, стратегия, тема.

**Цитирование.** Ицкович Т. В., Купина Н. А. Внутрисемейные диалоги о профессии: лингвоаксиологическая интерпретация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 153–162. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.14>

## Введение

Разработанная процедура лингвоаксиологической интерпретации диалогического взаимодействия, выделение в качестве объекта анализа речевых партий работающих матерей позволяют подойти к решению проблемы систематизации способов формирования внутрисемейной кооперативной коммуникации, а также конкретизировать решение проблемы выявления и описания гендерных лингвокультурных типажей.

Студенты первого курса Уральского федерального университета, изучающие дисциплину «Введение в теорию коммуникации», в мае 2018 г. получили задание записать на аудионосители и расшифровать внутрисемейный разговор продолжительностью не менее 30 минут. Заданная продолжительность не встретила возражений, что косвенно свидетельствует о сохраняющейся традиции повседневного внутрисемейного речевого взаимодействия. Посколь-

ку задание не было ориентировано тематически, содержание разговора и выбор коммуникативных партнеров инициировались студентами самостоятельно. Характерно, что записи в большинстве случаев представляют собой межличностные диалоги с матерью, которая воспринимается младшими членами семьи как коммуникативный лидер.

Материал анализа – два диалога (далее – Д1 и Д2), сходные по ролевым параметрам участников речевого взаимодействия. Д1: У. – дочь, 19 лет, студентка; О.Н. – мать, 44 года, учитель. Д2: Л. – дочь, 18 лет, студентка; М.А. – мать, 42 года, пекарь-кондитер. Обе семьи проживают в Екатеринбурге.

В процессе исследования диалогов использованы методы и приемы ортологической диагностики, контекстологического анализа, лингвоаксиологической интерпретации контактоустанавливающих речевых актов, номинаций базовых ценностей, аксиологических установок и суждений.

## Результаты и обсуждение

**Ортологическая характеристика диалогов.** Оттолкнемся от определения языковой правильности как «системы обязательных манифестаций – принятых единиц и правил их использования» [Костомаров 2014, с. 16]. Отметим, что как для первого, так и для второго диалогического взаимодействия непреднамеренные грубые отступления от кодифицированных норм литературного языка не являются типичными. В репликах дочерей встречаются общежаргонные экспрессивы-интенсивы:

У.: Ну это круто! Ой / на дачу как мы ходили; Ну это он в прикол сказал; Нифига себе (Д1).

Ср.:

Л.: Офигеть; Типа офигеть; Нифига ты темы меняешь; Ну / блин; Блин / ну на самом деле; Прикольно / понятно; Прикольно у тебя жизнь сложилась! (Д2).

По наблюдениям лингвистов, специально изучающих литературную разновидность устной разговорной речи, жаргон «осознается, во всяком случае частью говорящих, не как социально чуждая языковая подсистема, средства которой недопустимы в культурном общении (что было характерно для общественного языкового сознания еще в недавнем прошлом – в 50–60 гг.), а как источник особо выразительных, экспрессивных слов и оборотов, которые могут быть использованы в литературной речи в определенных ситуациях общения» [Крысин, 2004, с. 400]. Граница между общежаргонной и разговорной лексикой оказывается нежесткой. Так, если слово *круто*, употребляемое для выражения восхищения чем-либо необычным, еще на рубеже веков осознавалось как жаргонное (ТСРОЖ, с. 85), в наши дни оно прочно вошло в разговорную речь (АЛ, с. 519); в то же время отмеченные в диалогических репликах слова *блин*, *прикол*, *офигеть* (производное от *фиг*) трактуются нормативными словарями XXI в. как жаргонные (АЛ, с. 140; 793; 1024). Усиливая приподнятую эмоциональную тональность, эти экспрессивы одновременно поддерживают непринужденность межличностного общения, сокращают межвозрастную ролевую дистанцию.

Мать-учитель привычно следит за правильностью речи дочери. Замечания, однако, носят шуточный характер и воспринимаются адресатом с пониманием:

У.: Есть щАвель и рЕвень //

О.Н. (шепотом): щавЕль (смеются) / дво[еш]-ница //

Еще один пример:

У.: У меня сѣдня [сегодня] была одна пара / я там / только я приехала / и сразу спать захотела // Я кофе с автомата купила //

О.Н.: С автомата / м-м-м ... // Ты сказала «с автомата» //

У.: Из автомата?

О.Н.: Ну // Кофе / который продается / в автомате //

У.: Ну да // Кофе / который продается в автомате // (смеются)

В речевой партии матери (Д1) прослеживается дидактическая составляющая, лишённая менторства. Шутивно-ироническая тональность не задевает ни авторитета матери, речь которой в кругу семьи остается образцом для подражания, ни чувства собственного достоинства дочери-студентки, с готовностью исправляющей допущенные ошибки.

Вопреки ожиданиям, пекарь-кондитер М.А. (Д2) не является носителем уральского городского просторечия. В ее речи зафиксированы отдельные фонетические просторечные вкрапления (*дак*, *чѐ*, *ничѐ*) и склонность к однотипному интонационному оформлению императивов (*давай ищи*; *давай сдавай*; *думай давай*), однако они не нарушают общего разговорно-литературного облика ее речи. Развернутые реплики М.А. характеризуются тематической определенностью, связностью, четким фонетическим членением, логичностью. Она привычно использует книжную лексику, ненавязчиво выражает собственную точку зрения. Например:

М.А.: Нам / видишь / мама привила с детства / эстетическую красоту / то есть я вот люблю / красивый интерьер и / например / в интерьере / соответственно красивая посуда / красивые шторы / все чтобы было красиво / гармонично // Кому-то может быть все равно / но я люблю даже постельное белье красивое // Вот ты знаешь / что я люблю полотенца красивые // Люблю всё красивое!

М.А. фиксирует ошибки в речи дочери:

*Л.*: На свадьбах обычно плакают (о родителей молодоженов).

*М.А.*: Ну коне[ш]но / плакают // (смеется).

Зеркальный повтор, сопровождаемый смехом, свидетельствует об ортологической зоркости М.А.

Как видим, языковая правильность цементирует общение. Это то, «что всех объединяет в повседневности семьи» [Костома-ров, 2014, с. 9]. Именно в семье формируется и развивается ортологическая компетенция языковой личности.

Анализируемые диалоги выступают как образцы современной устной разговорной речи, которая представляет собой «неподготовленную речь носителей литературного языка, обнаруживающуюся в условиях непосредственного общения при неофициальных отношениях между говорящими и отсутствии установок на сообщение, имеющее официальный характер» [Русская разговорная речь, 1973, с. 17]. Оставляя в стороне вопрос о градиционном подходе к «типам речевой культуры» [Сиротинина, 2003], позволим себе определить общий культурный уровень участниц общения как среднелитературный.

**Стратегия.** Инициатором каждого из рассматриваемых диалогов является дочь-студентка, получившая определенное задание, разработавшая, в соответствии с целевой установкой «актуализатора», стратегию кооперативной речевой коммуникации, предполагающую другоцентризм, стремление «разговорить» коммуникативного партнера, «возбудить в себе неформальный интерес к собеседнику, умение настроиться “на его волну”» [Седов, 2000, с. 307]. Планирование предстоящего коммуникативного взаимодействия опирается на личный опыт повседневного домашнего общения, включающего комплекс компонентов, «сгруппированных вокруг основных параметров, формирующих любую коммуникативную ситуацию: Пространство. Время. Партнеры коммуникации. Тема» [Китайгородская, Розанова, 2010, с. 34]. Спроецируем эти параметры на анализируемые диалоги. Обими студентками для планируемого диалога выбран одинаковый отрезок времени: после окончания рабочего и учебного дня. Простран-

ство – городская квартира, в которой проживает семья. Выбор коммуникативного партнера обусловлен общей апперцепционной базой, доверительными отношениями с матерью, которую дочь воспринимает как неординарную личность.

Поскольку органическим свойством разговорного диалога является его политематичность [см.: Земская, 1988; Сиротинина 1983], замысел инициатора разговора должен включать запланированную предметную тему в ее ориентации на особенности лингвокультурного типажа собеседника.

Мы разделяем следующую точку зрения: «Категория замысла, признаваемая психолингвистической базой целостности любого текста, свойственна и спонтанному разговорному диалогу, но имеет в нем специфику, которая формируется за счет особых условий порождения текста, рассматриваемого типа (коммуникативное соавторство, спонтанность, коммуникативная координация речевого поведения)» [Борисова, 2000, с. 243]. Установка на коммуникативное соавторство, знание биографии матери, ее профессиональных интересов и достижений обусловили независимый выбор инициаторами диалогов предметной темы – «Путь в профессию».

Данная тема получает последовательное развитие, а соответствующие фрагменты разговоров характеризуются содержательной целостностью и связностью. Внутри текстовых фрагментов, которые составляют предмет дальнейшего анализа, тематические переключения отсутствуют.

В Д1 запланированным репликам расспрашивания предшествует экспозиция, формирующая фатическую функцию общения: «Вступить в контакт в той форме, которая принята в данной среде» [Бартминьский, 2005, с. 143]. В семье принято обмениваться информацией о времени, проведенном вне дома. Вопросы, обращенные друг к другу, носят стереотипный характер. Ответные реплики, с помощью которых преодолевается рутинный характер повседневного общения, характеризуются индивидуальной детализированной манерой интерпретации ситуации:

*О.Н.*: Дочь / привет!

*У.*: Привет / мам //

О.Н.: Как у тебя сегодня день прошел?

У.: У меня хорошо // Я сегодня сдала / латынь!  
А у тебя как день прошел?

О.Н.: О-о-о! Ты молодец! У меня / очень насыщено // Ты знаешь / я сегодня прихожу домой / выхожу из лифта / поворачиваю / на ле[сн]ицу / и там сидит / мой ребенок / из пятого бэ // Я сначала вообще не поняла // Я говорю / «Ты чего здесь делаешь?» // А он мне говорит / «Можно / я исправлю двойку / на тройку?»

У.: Прямо у подъезда?

О.Н.: В подъезде // Я говорю / «Влад / ты хочешь ее исправить прямо здесь и сейчас?» Он / «Да» // Я говорю / «Ну / давай исправим» // И он мне рассказал стих // На ле[сн]ицах / в подъезде! (смеется) Вот так вот! / Ну [ш]то / пришлось // Распечатал мое се[рцэ] и я ему поставила / три //

У.: Три?

О.Н.: Ну / так / а там больше и не получалась // (смеется) / Нет / я ему поставила / четыре за стих / но / общая у него получалась три / вот // А так мои девятиклассники / коне [ш]но / они все в подготовке к ОГЭ / они же завтра пишут русский // Я / наверно / переживаю больше чем они //

Искренняя похвала матери соседствует с рассказом о нестандартной ситуации: школьник, узнавший, где живет учительница, дожидается ее у дверей квартиры. Ключевым является сочетание *мой ребенок*, информирующее о глубокой привязанности О.Н. к детям, способности понять их ошибки, оценить непредвиденные поступки. Выведение коммуникативной ситуации из автоматизма учебного процесса усиливает эмоциональную реакцию (*распечатал мое се[рцэ]*), которая, однако, не мешает учителю справедливо оценить знания пятиклассника.

У. не только с удивлением и пониманием реагирует на рассказ матери, но и побуждает ее продолжить повествование о старших школьниках. Зная о том, что О.Н. отдает себя «без остатка» ученикам, дочь не претендует на внимание к собственной персоне (латынь, и это известно О.Н., – один из самых сложных учебных предметов). Другоцентризм – важнейшая примета кооперативной коммуникации:

У.: Расскажи / мам / а вот / у тебя / получае[ца] / был последний звонок / ты провожала / этих детей / они же у тебя с пятого класса / и до / девято[ва] //

О.: Да / это мои любимые дети / это мои лу[тш]ие дети / я про них могу говорить / часами //

Если я сейчас начну опять чего-нибудь говорить / я опять начну плакать // Я каждый раз подхожу к окну / и вижу / эту надпись / которую они мне написали // Мне прям / так грус[но] грус[но] / [ш]то они уже ушли / ну / точнее мы / еще коне[ш]но с ними увидимся / но потом / перво[ва] сентября / их у меня уже не будет // Очень жаль //

У.: Но они же все равно будут к тебе / приходить //

О.: Ну / я очень надеюсь / [ш]то они будут ко мне приходить //

Характеризующие предикаты *любимые, лучшие* в соединении с местоимением *мои* имплицитно передают информацию, важную для понимания результатов профессиональной деятельности: учебные достижения девятиклассников, их нравственный облик, креативность (*надпись / которую они мне написали*) – заслуга О.Н. Эмоциональные сигналы (*я опять начну плакать; гру[сно]; очень жаль*) позволяют судить о внутреннем психологическом состоянии О.Н., которая по-матерински относится к своим ученикам, нуждается в общении с ними. Более того, и ученики испытывают потребность в неформальной связи с наставником:

О.Н.: Я им классный руководитель / я им как родная / и они мне могут в любое время утра и ночи писать / как вот недавно / меня кот разбудил / и я в четыре утра написала детям / и Валера спросил «Вы вообще спите?»

Разговор о школьных буднях позволяет У. сформулировать стратегически обусловленный вопрос и получить на него развернутый ответ, включающий два тематически связанных внутритекстовых фрагмента: путь в профессию определил первый учитель; выбор профессии был сделан осознанно, с учетом индивидуальных аксиологических предпочтений:

У.: А / почему ты стала именно учителем / а не кем-то другим?

О.Н.: Не знаю / я когда пришла в первый класс / и училась в начальной школе / у меня была / мой первый учитель Нелли Васильевна Новикас / и я очень хорошо помню / как она стояла с указкой / у доски / как она показывала нам на глобусе все материки / страны // И мне вот в тот момент... / я поняла / [ш]то я очень хочу быть учителем / и эту мысль я выдержала в течение всех одиннадцати лет // Както / даже / не было другой мысли / [ш]то я кем-то

еще хочу быть // И когда / я помню / наш семейный совет / мы сидели еще в Североуральске / ну ты помнишь нашу кухню // Да?

У.: Да //

О.Н.: И мы сидели / сидел папа / твой дедушка / Таня / и они говорят / «Ну куда / ты будешь поступать?» / Я говорю / «Однозначно в пед!» // Я очень благодарна родителям / [ш]то они не стали меня отговаривать // Папа / коне[ш]но / сказал / [ш]то это низкая зарплата / очень большая работа / высокая ответственность / то есть он показал мне все минусы / и сказал / «Ну / теперь принимай решение сама» // Я сказала / «Да / все равно / несмотря на все / я хочу быть учителем» // Но для меня тогда / учитель / это было ... я такая молодая / такая красивая! / У меня была учительница / по математике / вот она как раз / молодая / такая она красивая / она всегда заходила в класс / и мы всегда ею любовались // У нее у первой были длинные ногти / синие ногти / в то время (улыбается) это вообще было / в восьмидесятые года / О-о-о! Синие ногти // У нее такие были всегда модные платья // И тогда мне казалась / работа учителя / ну вот она заключается в том / [ш]то ты вся такая красивая невозможно / вот учишь детей // Я тогда / не знала / какой это колоссальный труд / какая это большая ответственность / какая это любовь / любовь к детям / к своей профессии // И если учитель это действительно призвание / тот кто не любит детей / не может понять их / те не работают в школе / они не задерживаются // Я не жалею / [ш]то я там // Я всегда говорю / «Я [щи]сливый человек / у меня замечательная дочь / у меня прекрасные дети / у меня любимая работа / так [ш]то / я [щ]итаю / я состоялась» //

Включенные в биографическое время я-высказывания (я поняла / [ш]то я очень хочу быть учителем; несмотря на все / я хочу быть учителем) позволяют составить представление о постепенном созревании аксиологического выбора – первоначально под влиянием ценностного ориентира (*мой первый учитель*); затем путем накопления «обширного опыта очевидности» (*в течение всех одиннадцати лет*) и развития «способности к вчувствованию, глубокого чувства ответственности, искусства творческого сомнения и вопрошания, упорной воли к окончательному удостоверению и живой любви к предмету» [Ильин, 1994, с. 500–501].

Событийным моментом для юной О.Н. стал семейный совет, культурный сценарий которого воспроизводится в компрессированном виде. Важный разговор, как это приня-

то, происходит на кухне. Здесь очевидной является иерархия распределения семейных ролей. Глава семьи – отец. Именно он четко формулирует аргументы против выбора профессии учителя: *низкая зарплата / очень большая работа / высокая ответственность*. В то же время глава семьи с уважением относится к аксиологическому упрямству дочери (*Однозначно / в пед!*).

О.Н. признает, что отношение к профессии складывалось у нее постепенно. Аксиологическую маркированность в ее речи приобретает родо-половое противопоставление ключевого имени. «Измерительная» значимость эталона и квазиэталона [Ковшова, Гудков, 2017, с. 139] познается в сопоставлении: эталон (*мой первый учитель*) и квазиэталон (*учительница – молодая; красивая; синие ногти; модные платья*). Внешняя привлекательность, непохожесть на других, экстравагантность – все эти признаки отпечатываются в наивном сознании, но не являются концептообразующими. Концептуальное восприятие профессии учителя передает последовательный ряд аксиологических суждений, расположенных на шкале времени. Концепт предстает как «квант переживаемого знания» [Карасик, 2010, с. 223]. Его дифференциальными признаками являются: любовь к детям и к своей профессии, колоссальный труд, большая ответственность. Утилитарная ценность – «зарплата» не принимается во внимание. В однородном ряду оказываются глаголы *любить* и *понять* в их отнесенности к детям. В сформировавшейся картине мира О.Н. «учитель по призванию» – это профессионал, в деятельности которого неразрывно соединяются эмоциональное и рациональное начала, искренняя привязанность к детям и способность к психоаналитическому восприятию их внутреннего мира, возрастных особенностей развития.

Призвание осмысливается как одухотворяющее дело жизни: *я всегда говорю / «Я [щи]сливый человек / у меня замечательная дочь / у меня прекрасные дети / у меня любимая работа / так [ш]то / я [щ]итаю / я состоялась» //*

В разговоре о профессии (Д1) вербальную выраженность получает характерное для женского варианта типажа учителя органическое сочетание природного материнского пред-

назначения и осознанного профессионального призвания. Более высокий уровень обобщения, отраженный в классификации, предложенной В.И. Карасиком [Карасик 2010, с. 178; 193; 207], позволяет отнести данный лингвокультурный типаж к типажам-«характерам».

Перейдем к анализу Д2. Как было отмечено, центральной в разговоре дочери (Л.) и матери (М.А.) является тема профессии.

В начальной вопросительной реплике Л. тема формулируется в проекции на род занятий матери. Акротеза, содержащаяся в реплике-реакции М.А., уточняет поставленный вопрос. В свою очередь Л. акцентирует смысл «планирование, этапы пути в профессию», который получает разворот в логически выстроенном повествовании М.А.

Л.: Ну [ш]то / с чего началась твоя пекарная жизнь?

М.А.: Не пекарная / а жизнь в общепите // Скажем так / случайно совершенно //

Л.: Не / ну ты планировала где работать?

М.А.: В магазине я работала //

Л. (с удивлением): Продавцом просто?

М.А.: Да / совсем не собиралась в общепит //

Л.: Прикольно / понятно // И поначалу у тебя в общепите хорошо получалось / или вообще не получалось?

М.А.: Ну-у-у / не совсем хорошо получалось / потому [ш]то во-первых / приходилось работать / с не очень / скажем / качественными продуктами / а-а-а / качество выпечки напрямую зависит / например / от качества дрожжей // Если дрожжи хорошие / то выпечка / мне кажется / сто процентов будет хорошая // Если дрожжи не очень хорошие / не по[дымица] тесто // А у нас приходили всякие // Поэтому в первое время мучилась // Потом меня уже отправили / ну как отправили / у бабушки нашей знакомая была / в физкультурном колледже работала / тетя Света её звали / женщину // Она очень хороший специалист была // Вот / я у нее собственно научилась / как работать с тестом // Потом уже / на курсы пошла / пошла / отправили меня / учиться //

Л.: М-м-м //

М.А.: Мне уже дали / сразу / кондитера / четвертого разряда / по моим способностям / во-о-от //

В границах реального времени М.А. последовательно выделяет пройденные этапы: обыденные (работа в магазине, в общепите) и личностно значимые. Событийное время она связывает с полученной возможнос-

тью учиться профессии у *хорошего специалиста*, знающего, как *работать с тестом*. Важно, что *тетя Света* – знакомая бабушки. Узнаваемая подтекстная ситуация: опытный специалист уделяет внучке своей приятельницы особое внимание, прививает пытливым ученице любовь к профессии, бескорыстно раскрывает секреты мастерства.

В оппозиции *общепит* – *хороший специалист тетя Света* маркирован правый член, выделяющий фактор личности. Работник общепита приобретает профессиональный опыт: *выпечка напрямую зависит от качества дрожжей* и поставляемых *качественных продуктов*. Индивидуально выпекаемые кондитерские изделия – результат творческой работы, предполагающей не только специальные знания (*на курсы ... пошла ... учиться*), но и личностную одаренность. Дифференциальные признаки концепта «профессиональный кондитер»: знания, профессиональные умения, природные данные. При этом осознание меры собственной одаренности – характерологическая черта личности профессионала, у которого есть эталонный образец для подражания: *Мне уже дали сразу кондитера / четвертого разряда / по моим способностям*. Выбор профессии, как полагает М.А., непосредственно связан с самоанализом. Параллельно отметим, что аналитический подход к аксиологическому выбору – жизненный принцип М.А. Спонтанность, как она полагает, простирается молодости. В зрелом возрасте персональное решение должно быть продуманным:

Л.: Ты как относишься к спонтанным решениям?

М.А.: Ну сейчас уже не так как раньше / это в молодости спонтанность // присутствовала всегда наверно //

Л.: То есть [щас] ты не всегда ... //

М.А.: А [щас] я всегда более взвешенно / решение принимаю //

Вернемся к теме профессии. Уловив готовность матери к обсуждению творчества, Л. просит у нее разрешения исполнить роль интервьюера, М.А. включается в ролевую игру.

Л.: Как бы на самом деле я знаю / [ш]то у тебя очень много талантов // Я сегодня как интервьюер // (смеется) Буду брать интервью //

*М.А.:* Давай бери //

*Л.:* Ну вот смотри / значит / ты / хорошо готовишь / вообще всё / ну-у-у / это можно не скрывать / тут всё понятно // Ты ж ещё хорошо рисуешь / [ш]то насчет этого / ты скажешь?

*М.А.:* Надо было развивать эту способность / рисования-то //

*Л.:* Ну ты представляешь / [ш]то если бы ты...

*М.А.:* Ну не совсем уж у меня такой талант / потому [ш]то есть действительно вот / может быть / какие-то художники знаменитые / действительно таланты от Бога // Я могу срисовать только хорошо // У меня фантазии не хватит / [ш]то-то изобразить самой //

*Л.:* Ну по сути / я иногда тоже хорошо могу срисовать / но не так как ты // Ну я не знаю / раньше я помню / я видела / как ты рисовала / допустим даже / самые пустяковые рисунки / и то / не каждый так может // Ты бы могла / развить это / [ш]тобы больше этим заниматься / или ты / ну как / не особо видишь себя в этой деятельности?

*М.А.:* Ну сейчас уже нет // Мне хватает творчества с тортами // Это тоже специфика такая / это надо только кондитерски наверно заниматься / [ш]тобы развивать / если [ш]ас в управлении расписывают даже / торты / специальными красками пищевыми // Этим надо заниматься //

Л. пытается заострить проблему лично-стно ориентированного выбора профессии. Она говорит о таланте матери к рисованию (*не каждый так может*), конструирует предположение: *что / если бы ты...* Ответные реплики-самооценки основаны на дихотомии *способность – талант*. Талант, в восприятии М.А., – дар Божий, самобытность. Аксиологическое приращение получают глаголы *рисовать, срисовать*. Талант сопровождает творчество истинного художника, но не подражателя: *Я могу срисовать только хорошо // У меня фантазии не хватит / [ш]то-то изобразить самой*. Очевидна выверенная эстетическая позиция, на основе которой формируется мнение о возможности приложения собственных способностей к творчеству кондитера (*Этим надо заниматься*).

Сдержанная реакция на комплименты мотивирует дальнейшее обсуждение профессии кондитера. Л. понимает, что творческая натура матери нуждается в признании и одобрении:

*Л.:* Кстати / Полина мне сказала / [ш]то хочет у тебя / заказать торт / радужный вот этот / как ты-ы-

/ скидывала фотографию // Она влюбилась / хочет заказать на свой день рождения / она прям уже / сто процентов уверена в этом // Ну это я тебе так просто сказала / [ш]тобы ты знала / на будущее //

*М.А.:* Пускай заказывает //

*Л.:* Ей очень нравятся твои торты // Ну я ж часто показываю девочкам / и выкладываю в инстаграм / вот // Так [ш]то все в восторге //

Показательно, что для рекламы кондитерских изделий М.А. использует современные технологии (*торт / радужный вот этот / как ты скидывала фотографию*). Дочь с готовностью поддерживает мать (*твои торты ... я же часто выкладываю в инстаграм*). Привычное использование компьютерной лексики свидетельствует о том, что средства электронной коммуникации прочно вошли в повседневное существование семьи. Немаловажным является тот факт, что восприятие торта (*радужный*) пользователями Интернета основано на визуальном впечатлении. Личные и коллективные реакции со стороны (*Полина ... влюбилась; Ей очень нравятся твои торты; все в восторге*) связаны с эмоционально-эстетической оценкой авторских кондитерских изделий и креативных находок М.А. Стоимость заказов не обсуждается.

Анализ речевых партий дочери и матери в их сопоставлении позволяет отметить, что неподдельный интерес участниц общения друг к другу, стремление к взаимопониманию и любовь поддерживают коммуникативный лад, снимают эмоциональное напряжение. Инициатором важного разговора может стать не только мать, но и дочь, выполняющая ролевые обязанности и реализующая установленные в семье коммуникативные права. Как мать, так и дочь стремятся к субъектно-субъектному общению:

*Л.:* Вопросов много // Ты же моя любимая мама / как тут можно не интересоваться? На самом деле я / хоть мы / и (смеется) живем вместе / все равно немного / что знаю / Знаю / как вы познакомились / ещё знаю / про вашу свадьбу // А сколько всего ты мне еще можешь рассказать!

*М.А.:* А ты мне?

*Л.:* И я тебе тоже //

В разговоре о профессии (Д2) вербальную поддержку получают черты, характерные для варианта лингвокультурного типажа замужней работающей женщины: любовь к

членам семьи, созидательное отношение к профессии, стремление к разработке профессионально направленных креативных технологий. Этот типаж можно отнести к типажам «характерам».

### Выводы

На основе проведенного лингвоаксиологического анализа диалогов о профессии можно выделить общие особенности семейной кооперативной коммуникации: неподдельное желание членов семьи говорить друг с другом откровенно; другоцентризм, стремление выслушать собеседника, понять его позицию и одновременно отстоять независимую точку зрения; ограниченное употребление категорических императивов; одобрительное отношение к шутке, языковой игре.

Стратегическая разработка дочерью-студенткой предметной темы разговора с матерью и способов реализации кооперативного сотрудничества свидетельствует об осознании инициатором диалога коммуникативного лидерства собеседника. В семейном общении мать регулирует содержательную и фатическую составляющие речевого взаимодействия, проявляет себя как авторитетный носитель культурных норм и традиций, транслирующий проверенные жизненным опытом аксиологические установки.

Любящая мать, выбравшая профессию по призванию, предстает как неординарная личность. Склонность к самоанализу, сложившиеся представления о правильном и должном, духовные, но не утилитарные ценностные предпочтения, концептуальность мышления, обостренное чувство ответственности, принцип выверенности, лежащий в основе альтернативного аксиологического выбора (в том числе выбора профессии), склонность к вербальному оформлению аксиологических суждений и установок – общие приметы гендерного лингвокультурного типажа как «характера».

### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-012-00382А «Речевой быт семьи: аксиологическая реальность и методы исследования (на материале

ле живой речи уральского города)». Исследование поддержано программой 211 Правительства Российской Федерации (соглашение № 02.А03.21.0006).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бартмицкий Е., 2005. Языковой образ мира: очерки по этнолингвистике. М.: Индрик. 528 с.
- Борисова И. Н., 2000. Замысел разговорного диалога в структуре коммуникации // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 241–272.
- Земская Е. А., 1988. Политематичность как характерное свойство непринужденного диалога // Разновидности городской устной речи. М.: Наука. С. 234–240.
- Ильин И. А., 1994. Путь к очевидности // Собр. соч. в 10 т. М.: Русская книга. Т. 3. С. 383–560.
- Карасик В. И., 2010. Языковая кристаллизация смысла. М.: Гнозис. 351 с.
- Китайгородская М. В., Розанова Н. Н., 2010. Языковое существование современного горожанина. На материале языка Москвы. М.: Языки славянских культур. 496 с.
- Ковшова М. Л., Гудков Д. К., 2017. Словарь лингвокультурологических терминов / отв. ред. М. Л. Ковшова. М.: Гнозис. 192 с.
- Костомаров В. Г., 2014. Язык текущего момента: понятие правильности. СПб.: Златоуст. 220 с.
- Крысин Л. П., 2004. Русское слово: свое и чужое. Исследования по современному русскому языку и социоллингвистике. М.: Языки славянской культуры. 888 с.
- Русская разговорная речь, 1973. Русская разговорная речь / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Наука. 485 с.
- Седов К. Ф., 2000. Речевое поведение и типы языковой личности // Культурно-речевая ситуация в современной России / под ред. Н. А. Купиной. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 298–311.
- Сиротинина О. Б., 1983. Русская разговорная речь. М.: Просвещение. 80 с.
- Сиротинина О. Б., 2003. Характеристика типов речевой культуры // Проблемы речевой коммуникации. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та. Вып. 2. С. 3–20.

### СЛОВАРИ

- АЛ – Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика / под ред. Г. Н. Складчиковской. М.: Эксмо, 2006. 1136 с.
- ТСРПЖ – Ермакова О. П., Земская Е. А., Розина Р. И. Слова, с которыми мы встретились: Толковый

словарь русского общего жаргона / под общ. рук. Р. И. Розиной. М. : Азбуковник, 1999. 320 с.

## REFERENCES

- Bartminskiy E., 2005. *Language Image of the World: Essays on Ethnolinguistics*. Moscow, Indrik Publ. 528 p.
- Borisova I.N., 2000. The Idea of Conversational Dialogue in the Structure of Communication. Kupina N.A., ed. *Kulturno-rechevaya situatsiya v sovremennoy Rossii*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 241-272.
- Zemskaya E.A., 1988. Polythematic Nature as a Characteristic Feature of the Casual Dialogue. *Raznovidnosti gorodskoy ustnoy rechi*. Moscow, Nauka Publ., pp. 234-240.
- Ilyin I.A., 1994. The Way to Evidence. *Sobranie sochineniy: v 10 t.* Moscow, Russkaya kniga Publ., vol. 3, pp. 383-560.
- Karasik V.I., 2010. *Language Crystallization of Meaning*. Moscow, Gnozis Publ. 351 p.
- Kitaygorodskaya M.V., Rozanova N.N., 2010. *The Linguistic Existence of a Modern Citizen (On the Material of the Language of Muscovites)*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 496 p.
- Kovshova M.L., Gudkov D.K., 2017. *Dictionary of Linguocultural Terms*. Moscow, Gnozis Publ. 192 p.

- Kostomarov V.G., 2014. *Language of the Current Moment: The Concept of Correctness*. Saint Petersburg, Zlatoust Publ. 220 p.
- Krysin L.P., 2004. *Russian Word: 'Own' and 'Strange'. Studies on the Modern Russian Language and Sociolinguistics*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ. 888 p.
- Zemskaya E.A. (ed.), 1973. *Russian Colloquial Speech*. Moscow, Nauka Publ. 485 p.
- Sedov K.F., 2000. *Speech Behavior and Types of Language Personality*. Ekaterinburg, Izd-vo Ural. un-ta, pp. 298-311.
- Sirotinina O.B., 1983. *Russian Colloquial Speech*. Moscow, Prosveshchenie Publ. 80 p.
- Sirotinina O.B., 2003. The Types of Speech Culture. *Problemy rechevoy kommunikatsii*. Saratov, Izd-vo Sarat. un-ta, iss. 2, pp. 3-20.

## DICTIONARIES

- Sklyarevskaya G.N. (ed.), 2006. *Explanatory Dictionary of the Russian Language of the Early 21<sup>st</sup> Century. Vocabulary in Use*. Moscow, Eksmo Publ. 1136 p.
- Ermakova O.P., Zemskaya E.A., Rozina R.I., 1999. *Words We Met: Explanatory Dictionary of Russian Common Jargon*. Moscow, Azbukovnik Publ. 320 p.

## Information about the Authors

**Tatyana V. Itskovich**, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Professor of Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Lenina St., 51, 620000 Ekaterinburg, Russia, Tatiana.Itskovich@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5841-2943>

**Nataliya A. Kupina**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of the Russian Language, General Linguistics and Speech Communication, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Lenina St., 51, 620000 Ekaterinburg, Russia, natalia\_kupina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>

## Информация об авторах

**Татьяна Викторовна Ицкович**, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Россия, Tatiana.Itskovich@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5841-2943>

**Наталья Александровна Купина**, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Ленина, 51, 620000 г. Екатеринбург, Россия, natalia\_kupina@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4154-7323>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.15>

UDC 81'42:32  
LBC 81.055.51.3

Submitted: 27.07.2018  
Accepted: 27.08.2018

## EXPRESSING PERSONAL MEANING IN MODERN POLITICAL DISCOURSE: LEXICAL ASPECT

Svetlana N. Zarezina

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

**Abstract.** The purpose of the paper is to investigate some lexical means of expressing personal meaning in political discourse based on the Russian language. We define the notion 'personal meaning' in various aspects, focus on its sources in different utterances: ambiguousness of reality, the bias in a person's objective picture of the world, creation of personal worlds in the process of creativity and constant expansion of knowledge. We draw special attention to the peculiarities of political discourse and some means of expressing personal meaning in it. In the practical part of the paper we present some vivid examples that express a personal meaning of the speaker: political lexis that can have positive and negative connotation, neologisms, borrowed words, jargonistic words, etc. Some examples of generalization as one more way of expressing personal meaning are given in the paper. The lexemes that have a general meaning may have a derogative connotation. Finally, we make a conclusion that personal meaning is a vital part of any text and a political text in particular. It expresses the intention of the author and it is usually verbalized in the text through diversity of lexical units. The results of the given research could be interesting for the investigators of the discourse and political discourse in particular on the subject of expressing personal meaning in it.

**Key words:** personal meaning, political discourse, sources of personal meaning, lexical units, political vocabulary, neologism, borrowing, stylistic coloring of the word.

**Citation.** Zarezina S.N. Expressing Personal Meaning in Modern Political Discourse: Lexical Aspect. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 163-169. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.15>

УДК 81'42:32  
ББК 81.055.51.3

Дата поступления статьи: 27.07.2018  
Дата принятия статьи: 27.08.2018

## ВЫРАЖЕНИЕ ЛИЧНОСТНОГО СМЫСЛА В СОВРЕМЕННОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: ЛЕКСИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Светлана Николаевна Зарезина

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

**Аннотация.** Статья посвящена проблеме выявления личностного смысла, который рассматривается как особенность политического дискурса. Раскрывается содержание понятия «личностный смысл» в разных аспектах, дается его авторское определение и характеризуются его источники: неоднозначность реальности, тенденциозность представления человеком объективной картины мира, создание личностных миров в процессе творчества, постоянное расширение знаний. На основе анализа опубликованных в российских СМИ журналистских текстов, содержащих прямые цитаты из речей современных политических деятелей, и текстов, созданных политиками, показано, что личностный смысл отражает целевую установку политика (автора высказывания) и реализуется при помощи определенных языковых сигналов, описанных в статье. Выявлены такие лексические средства выражения личностного смысла, как слова, относящиеся к политической лексике и имеющие позитивную или негативную коннотации, неологизмы, заимствования, обобщенные номинации, обладающие яркой дерогативной окраской, слова с аксиологическим значением, стилистически

маркированные лексемы (книжные и разговорные) и некодифицированные лексические единицы. Установлено, что в российском политическом дискурсе сохраняется тенденция к снижению порога приемлемости в использовании нелитературной лексики в речи политических деятелей.

**Ключевые слова:** личностный смысл, политический дискурс, источники личностного смысла, лексические единицы, политическая лексика, неологизм, заимствование, стилистическая окраска слова.

**Цитирование.** Зарезина С. Н. Выражение личностного смысла в современном политическом дискурсе: лексический аспект // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 163–169. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.15>

### **Актуальность исследования личностного смысла**

Антропоцентризм, признанный в настоящее время основным методологическим подходом к анализу языковых фактов, постулирует всеобъемлющее присутствие человека в языке. Особое место в современной антропологической лингвистике занимает исследование личностных смыслов, поскольку насыщение дискурса собственным «Я» говорящего, включенность говорящего в денотативную ситуацию, отражающую особенности его личности, повышает эффективность дискурса, его воздействующий потенциал. Исследование политического дискурса, на формирование которого влияет как социальный, так и индивидуальный опыт автора, позволит расширить наши представления о природе личностного смысла, особенностях его порождения и функционирования в дискурсе данного типа.

Цель статьи состоит в выявлении лексических средств выражения данного смысла в современном русскоязычном политическом дискурсе.

### **Теоретические основы исследования личностного смысла**

Лингвистическая теория личностного смысла восходит к теории смысла говорящего (utterer's meaning), выдвинутой П. Грайсом. Смысл говорящего трактуется как относящийся к какому-либо определенному моменту или событию и напрямую зависит от личного мира говорящего, находящегося в разной степени соотносительности с реальным положением вещей и детерминированного целями, мотивами, установками и интенциями самого говорящего [Grice, 1989, p. 98].

Истоки изучения личностного смысла в отечественной науке восходят к работам та-

ких психологов, как Л.С. Выготский, А.Н. Леонтьев и др. А.Н. Леонтьев различает «значение-в-себе» и «значение-для-меня», которое и определяет как личностный смысл. Помимо этого общего определения исследователь характеризует личностный смысл как отражение в сознании отношения мотива (деятельности) к цели (действию) [Леонтьев, 2000, с. 98–103].

В современных исследованиях понятие личностного смысла трактуется учеными с разных позиций. Так, В.В. Красных рассматривает личностный смысл в аспекте теории текста и определяет его как глубинный смысл, свернутую структуру, в основе формирования которой лежит ситуация и индивидуальное когнитивное пространство автора (его личный фонд знаний). Текст, в этой трактовке, отражает ситуацию не непосредственно, а через восприятие ситуации автором и через ее отражение в его сознании [Красных, 1998, с. 62].

Рассуждая о природе личностного смысла в политическом дискурсе, О.А. Стрелкова отмечает, что в интересах политика сделать так, чтобы заложенный в его дискурсе личностный смысл восприняли как можно больше людей. Однако проблема заключается в том, что этот смысл связан с реальностью каждого субъекта, его жизнью, представлениями, культурными ориентирами, мотивами. Поэтому, облакая свой смысл в символическую лексическую форму, политик вынужден выбирать наиболее узнаваемый или, по крайней мере, точный образ, снижая вероятность двусмысленности [Стрелкова, 2006, с. 83].

По словам А.П. Чудинова, сочетание в политическом дискурсе институционального и личностного варьируется. «Уровень институциональности сокращается в жанрах, совмещающих признаки публицистического, личностного и политического дискурса, особенно при отражении политических проблем в СМИ

в рамках специальных жанров (репортаж, фельетон, колонка обозревателя и др.). Вместе с тем во многих случаях политики стремятся сделать свое выступление более естественным, приближающимся по своим внешним признакам к бытовому диалогу. <...> Такое построение речи производит впечатление особой доверительности, искренности, позволяет сказать больше, чем это позволяет официальная обстановка» [Чудинов, 2009, с. 45].

Характеризуя политический дискурс российского общества в последнее десятилетие XX в., А.П. Чудинов отмечает его яркость, граничащую с карнавальностью и раскрепощенность, граничащую со вседозволенностью и политическим хамством. Специфику этого дискурса в значительной степени определяют свойственные социальному сознанию концептуальные векторы тревожности, подозрительности, неверия и агрессивности, ощущение «неправильности» существующего положения дел и отсутствия надежных идеологических ориентиров, «национальной идеи», объединяющей общество [Чудинов, 2009, с. 158–190]. Выражение личностного смысла в современном политическом дискурсе исследователь связывает с особым стремлением политиков к индивидуальному «фирменному» стилю, экспрессивности.

Мы понимаем личностный смысл как состояние сознания человека, возникающее в результате соотносительности вербального или невербального выражения с денотативной ситуацией, сконструированной говорящим / пишущим в соответствии с его интенциями на основе веры, желаний, личного мнения или эмоций [Зарезина, 2004, с. 91].

Источником личностного смысла является, во-первых, неоднозначность реальности – такое положение вещей в мире, по поводу которого возможны разные мнения, предположения, гипотезы и т. п. Во-вторых, личностный смысл возникает в результате трансформаций в объективной картине мира – искажения реальности человеком, тенденциозного представления им реального положения вещей. В-третьих, его источником является «небытие», то есть особые личные миры, созданные в результате творчества, веры или эмоционально-волевого усилия их авторов и воплощенные в текстах. В-четвертых, в ка-

честве источника личностного смысла выступает происходящий в каждом человеке постоянный рост живого знания, контроль личности над ним и формирование индивидуальных контекстов в общем коллективном массиве знаний [Зарезина, 2004, с. 50].

Таким образом, личностные смыслы, являющиеся частью современного политического дискурса, отражают целевую установку автора, его отношение к описываемой денотативной ситуации.

### Лексические средства выражения личностного смысла в русскоязычном политическом дискурсе

Специальные исследования в области политического дискурса показывают, что его специфика создается, прежде всего, на лексическом уровне, поэтому рассмотрим именно лексические средства выражения личностного смысла в современном русскоязычном политическом дискурсе. Материалом для работы послужили тексты журналистов, посвященные политической тематике и содержащие прямые цитаты из высказываний политических деятелей и тексты, созданные людьми, профессионально занимающимися политической деятельностью, то есть политиками.

1. Выражение личностных смыслов говорящего обеспечивается употреблением слов, относящихся к политической лексике. Они могут приобретать положительные или отрицательные коннотации. Примером их реализации служат контексты, в которых используется центральный для политики термин *государство*:

(1) Для России характерна традиция сильного **государства** (Путин);

(2) Любую чудную страну испортить можно **государством** (Порошенко).

В примере (1) данный термин имеет положительную коннотацию и обозначает государство как политическую целостность, созданную многонациональной общностью на территории России. В примере (2) лексема *государство* имеет негативную коннотацию и обозначает совокупность официальных органов власти, действующих на территории современной Украины.

Часто слова, используемые политиками, совпадают в области денотатов, но различаются по коннотации: *сепаратисты* и *освободители*, *контртеррористическая операция* и *война*. Например, действия России по отношению к Украине политики называют *освобождением*, *вторжением*, *оккупацией* или *агрессией* в зависимости от того, какая из конфликтующих сторон входит в «свой мир» для говорящего.

II. Выражение личностного смысла происходит в результате использования неологизмов, в том числе и окказионализмов. Примерами могут служить такие единицы, как *пропутинский*, *антитеррористический*, *нормандский формат* (название, закрепившееся за дипломатической группой высокопоставленных представителей Германии, России, Украины и Франции по урегулированию кризиса на Донбассе, работа которой началась после встречи глав перечисленных государств 6 июня 2014 г. в ходе мероприятий в честь 70-летия высадки союзников в Нормандии).

III. В современном политическом дискурсе продолжается диктуемый как потребностями общества, так и политической ситуацией процесс заимствования иноязычных слов и образование варваризмов.

Значительная часть заимствований уже прочно вошла в русский язык. Кроме того, обращает на себя внимание широкое использование в российском политическом дискурсе и неассимилированных английских слов и выражений (*делинквент*, *месседж*, *истеблишмент*, *брифинг*, *демонстрация* и др.):

(3) Никакого **прайвеси** у чиновников, когда они в служебных автомобилях, быть не должно (Общество синих ведерок).

Заимствованные слова, употребленные в речи, безусловно, придают ей образность и выражают личное отношение говорящего к предмету высказывания.

IV. Способом выражения личностного смысла в современном политическом дискурсе является навешивание ярлыков, в качестве которых чаще всего выступают термины-идеологемы, то есть слова, содержащие в своих значениях идеологический компонент. Некоторые из них имеют пейоративную коннотацию

(*гитлеровцы*, *оккупанты*, *экстремисты*, *сталинисты*), а другие являются нейтральными (*либералы*, *патриоты*, *ЛДПРовцы*).

V. Нередко в политическом дискурсе используется такой способ образования новых слов, как словосложение. Такие лексические единицы, как правило, имеют негативную коннотацию (*либерасты*, *путлер*, *дерьмокраст*, *губернизация*, *азиатизация*).

VI. Для выражения личностного смысла весьма широко используются стилистически маркированные слова. С одной стороны, это книжная, «высокая» лексика (*взывать*, *нерушимый*, *огласить* и др.), а также клише и штампы, характерные для публицистического стиля (*гневный протест*, *мировое сообщество*, *встреча на высшем уровне* и др.), с другой – разговорная и просторечная лексика, а также сленг, жаргон и др. Примерами использования такой лексики могут послужить высказывания российских лидеров:

(4) Вышли, не имея права, – получите **по башке** дубиной (Колесников);

(5) Но это все-таки **не блины печь!** (Колесников);

(6) Подрыв устоев отечественной экономики провокационными призывами «**не кошмарить** бизнес»? (Камышев).

Исследователи современного политического дискурса отмечают, что в последнее время значительно понизился порог приемлемости в использовании нелитературной лексики, в том числе вульгарных и бранных слов. Некоторые участники политического процесса, бравлируя «близостью к народу», позволяют себе выражения, за которые обычных граждан, по меньшей мере, штрафуют [Чудинов, 2009, с. 243]. Экспликация личностного смысла посредством использования разговорных, просторечных и др. стилистически сниженных слов помогает достичь выразительности, отражает особое эмоциональное состояние говорящего, способствует влиянию на адресата. Например:

(7) Мы будем оставаться государством-уродом, страной **идиотов**, землей **сумасшедших** (Жириновский);

(8) Нацболы? **Засранцы** они. Да мало ли у нас таких клопов **вонючих**? У них одна цель – **повонять** и уйти (Репортаж со съезда);

(9) Я думаю, что Сечин тоже уже всё. Репутация его на западе уже кончена. Все знают, что это **крокодил** такой, что он ЮКОС похитил в свое время и с Путиным они **дружбаны** (Троицкий);

(10) Все вопросы им тут написали на бумажке, всякие **дурацкие** дежурные вопросы (Сапожников).

Следует особо отметить, что использование коллоквиализмов, сленгизмов и вулгаризмов стало вполне допустимым в современных СМИ. Политики используют слова из криминального жаргона, например:

(11) В туалете поймаем, мы в **сортире** их **замочим**, в конце концов. Все, вопрос закрыт окончательно (Сербицкий);

(12) Немножко типа **подраскрутить** (Колесников);

(13) **Наркоденьги**, которые «**закачивали**» в бюджет (Рискин).

VII. Выражение личностного смысла может осуществляться посредством лексических единиц (слов и устойчивых словосочетаний), приобретающих в контексте уничижительное значение: *кое-как*, *кое-кто*, *так называемый*, *позиционирующий себя*, *с позволения сказать*, а также дейктических слов *эти*, *там*, *те*, являющихся показателями недоверия к оппоненту и умаления его значимости.

VIII. Обобщенные номинации, которые заменяют слова, называющие конкретных участников события и объекты, связанные с ними, являются еще одним средством выражения личностного смысла. Они увеличивают неопределенность как в описании, так и в интерпретации конкретной ситуации или в характеристике лица. Кроме этого, такие обобщенные номинации обладают дерогативной окраской:

(14) Верные **путинцы**: всего лишь реинкарнированные **власовцы** (Мономах);

(15) Эти навязчивые **ковальчуки** (Троицкий);

(16) ... этих **путинских** приживалок (Троицкий).

IX. Для выражения личностного смысла говорящего широко используется аксиологическая лексика *плодотворный*, *беспрецедентный*, *пагубный*, *взаимопомощь*, *единение*, *долготерпение* и др.

### Выводы

Итак, личностные смыслы являются важной частью содержания любого, в том

числе и политического дискурса. Они отражают интенцию автора и реализуются при помощи определенных языковых сигналов. В политической речи выражение личностного смысла осуществляется, прежде всего, посредством употребления различных лексических единиц: слов, имеющих как позитивную, так и негативную коннотации, неологизмов, заимствований, жаргонизмов, аксиологической лексики. Политики используют обобщенные номинации, которые обладают ярко выраженной дерогативной окраской. Кроме того, особенностью современной политической коммуникации является использование лексических ресурсов некодифицированных сфер языка.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зарезина С. Н., 2004. Устойчивые личностные смыслы в аспекте межкультурной коммуникации (на материале статей о России в англоязычной прессе за 1991–2004 гг.): дис. ... канд. филол. наук. Иркутск. 236 с.
- Красных В. В., 1998. От концепта к тексту (к вопросу о психолингвистике текста) // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. № 1. С. 53–70.
- Леонтьев А. Н., 2000. Лекции по общей психологии. М.: Смысл. 511 с.
- Стрелкова О. А., 2006. Особенности современного женского политического дискурса (на примере речевых портретов женщин-политиков): дис. ... канд. филол. наук. Курск. 183 с.
- Чудинов А. П., 2009. Современная политическая коммуникация. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т. 292 с.
- Grice H. P., 1989. Studies in the Way of Words. Cambridge: Harvard University Press. 394 p.

### ИСТОЧНИКИ

- Жириновский* – Жириновский В. В. ЛДПР. Уроды. М.: Издание ЛДПР, 2011. 160 с.
- Камышев* – Камышев Д. Проект «Ну, погоди!» // Коммерсант.ru. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1621193> (дата обращения: 08.06.2018).
- Колесников* – Колесников А. Владимир Путин: «Даю вам честное партийное слово» // Коммерсант.ru. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1495411> (дата обращения: 08.06.2018).
- Мономах* – Мономах В. Верные путинцы – всего лишь реинкарнированные власовцы // Newsland.

- URL: <http://newsland.com/news/detail/id/946690/> (дата обращения: 18.06.2018).
- Общество синих ведерок* – Общество синих ведерок атакуют боты, защищающие прайвеси чиновников // Газета.ru. URL: [http://www.gazeta.ru/news/blogs/2011/06/08/n\\_1875261.shtml](http://www.gazeta.ru/news/blogs/2011/06/08/n_1875261.shtml) (дата обращения 08.06.2018).
- Порошенко* – Президент Украины Петр Порошенко объявил о намерении провести всенародный референдум о присоединении страны к НАТО // Эхо Москвы. URL: <http://echo.msk.ru/news/1535562-echo.html> (дата обращения: 06.06.2018).
- Путин* – Владимир Путин: «Для России характерна традиция сильного государства» // Сегодня.ru. Информационно-аналитическое сетевое издание. URL: <http://www.segodnia.ru/news/116178> (дата обращения: 06.06.2018).
- Репортаж со съезда* – Репортаж со съезда: «Единую Россию» яйцом не раскололи // Аргументы и факты. AIF.RU. URL: [http://gazeta.aif.ru/online/aif/1210/02\\_04](http://gazeta.aif.ru/online/aif/1210/02_04) (дата обращения: 18.06.2018).
- Рискин* – Рискин А. Анатолий Лисицын взял под козырек // Независимая газета. URL: [http://www.ng.ru/regions/2004-09-17/4\\_lisitsyn.html](http://www.ng.ru/regions/2004-09-17/4_lisitsyn.html) (дата обращения: 18.06.2018).
- Сапожников* – Сапожников Б. Жириновский дал урок мира // Газета.ru. URL: <http://www.gazeta.ru/2003/03/24/zirinovskijp.shtml> (дата обращения: 18.07.2018).
- Сербичский* – Сербичский Д. В Интернете набирает популярность фильм «Президент»: Путин рассказывает, как приструнил олигархов, о фразе «мочить в сортире», о США и террористах // Марийская правда. URL: <http://www.marpravda.ru/news/vsja-respyblika/v-internete-rojavilis-fragmenty-filma-prezident-pu/> (дата обращения: 19.07.2018).
- Троицкий* – Троицкий А. Особое мнение // Эхо Москвы. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1953940-echo/> (дата обращения: 30.06.2018).

## REFERENCES

- Zarezina S.N., 2004. *Recurrent Personal Meanings in Intercultural Communication (Based on the Articles about Russia in English Mass Media Discourse of 1991-2004)*. Cand. philol. sci. diss. Irkutsk. 236 p.
- Krasnykh V.V., 1998. From the Concept to the Text (on the Issue of Text Psycholinguistics). *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* [Moscow State University Bulletin. Series 9. Philology], no. 1, pp. 53-70.
- Leontyev A.N., 2000. *Lectures on General Psychology*. Moscow, Smysl Publ. 511 p.
- Strelkova O.A., 2006. *Modern Women's Political Discourse (Based on Verbal Portraits of Women-Politicians)*. Cand. philol. sci. diss. Kursk, Kursk. 183 p.
- Chudinov A.P., 2009. *Modern Political Communication*. Ekaterinburg, Ural. gos. ped. un-t. 292 p.
- Grice H.P., 1989. *Studies in the Way of Words*. Cambridge, Harvard University Press. 394 p.
- Zhirinovskiy V.V., 2011. *LDPR (Liberal Democratic Party)*. *Freaks*. Moscow, LDPR Publ. 160 p.
- Kamyshev D. Project “Well, wait!”. *Kommersant.ru*. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1621193> (accessed 8 June 2018).
- Kolesnikov A. Vladimir Putin: “I give you an honest party word”. *Kommersant.ru*. URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1495411> (accessed 8 June 2018).
- Monomakh V. Faithful Putinty – Only Reincarnated Vlasovites. *Newsland*. URL: <http://newsland.com/news/detail/id/946690/> (accessed 18 June 2018).
- The society of blue buckets is attacked by bots protecting the privacy of officials. *Gazeta.ru*. URL: [http://www.gazeta.ru/news/blogs/2011/06/08/n\\_1875261.shtml](http://www.gazeta.ru/news/blogs/2011/06/08/n_1875261.shtml) (accessed 8 June 2018).
- President of Ukraine Petr Poroshenko announced his intention to hold a nationwide referendum on the country's accession to NATO*. URL: <http://echo.msk.ru/news/1535562-echo.html> (accessed 6 June 2018).
- Vladimir Putin: “The tradition of a strong state is characteristic of Russia”. *Segodnya.ru. Information and analytical online edition*. URL: <http://www.segodnia.ru/news/116178> (accessed 6 June 2018).
- Report from the congress: “The United Russia” was not split by an egg. *Argumenty i fakty*. AIF.RU. URL: [http://gazeta.aif.ru/online/aif/1210/02\\_04](http://gazeta.aif.ru/online/aif/1210/02_04) (accessed 18 June 2018).
- Riskin A. Anatoly Lisitsyn took a visor. *Nezavisimaya Gazeta*. URL: [http://www.ng.ru/regions/2004-09-17/4\\_lisitsyn.html](http://www.ng.ru/regions/2004-09-17/4_lisitsyn.html) (accessed 18 June 2018).
- Sapozhnikov B. Zhirinovskiy gave a lesson in peace. *Gazeta.ru*. URL: <http://www.gazeta.ru/2003/03/24/zirinovskijp.shtml> (accessed 18 July 2018).
- Serbitskiy D. On the Internet, the film *President* is gaining popularity: Putin talks about how he reinvigorated the oligarchs, about the phrase “drenching in the outhouse”, about the US and the terrorists. *Mariyskaya Pravda*. URL: <http://>

www.marpravda.ru/news/vsja-respyblika/v-internete-poyavilis-fragmenty-filma-prezident-pu/ (accessed 19 July 2018).

Troitsky A. Dissenting opinion. *Ekho Moskvy*. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1953940-echo/> (accessed 30 June 2018).

### Information about the Author

**Svetlana N. Zarezina**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of English Philology, Irkutsk State University, Lenina St., 8, 664025 Irkutsk, Russia, [zaregina@mail.ru](mailto:zaregina@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1423-644X>

### Информация об авторе

**Светлана Николаевна Зарезина**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, Иркутский государственный университет, ул. Ленина, 8, 664025 г. Иркутск, Россия, [zaregina@mail.ru](mailto:zaregina@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0002-1423-644X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>

UDC 811.11'42  
LBC 81.432.4-51

Submitted: 02.08.2018  
Accepted: 03.09.2018

## THE VOCABULARY OF SCIENCE-POPULAR MEDICAL DISCOURSE (AS EXEMPLIFIED IN GERMAN ONLINE MEDIA)

**Nikolay L. Shamne**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Ekaterina V. Shishkina**

Volgograd State Medical University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The paper analyzes the vocabulary of the German science-popular medical discourse as exemplified in the German online media. The relevance of the study is due to the growing interest of non-professional participants of medical communication, as the main recipients of this institutional discourse, to the processes of self-diagnosis and self-treatment, which require the expansion of medical knowledge. The paper examines the texts of more than 40 publications in detail, establishes their distinctive structural features, genres and vocabulary. It is shown that the dominant genre in the studied type of discourse is a science-popular article. It has been established that the lexicon of the type of discourse under study includes common vocabulary, general scientific vocabulary and medical terminology. We consider some ways to clarify the terms: explanations, the use of doublet forms, hypertext links, as well as the use of international word-building elements. The types of phraseological units and metaphors that function in science-popular medical discourse are characterized: it is shown that phraseological units based on the similarity of the phenomena of the medical field with the phenomena of the animal world, as well as with everyday life realities, and metaphors based on images of the game, war and court are used more frequently. The results of the study prove the need to expand the scope of study of medical science-popular discourse by considering it in linguopragmatic and stylistic aspects.

**Key words:** vocabulary, medical terminology, medical phraseology, metaphor, online media, medical discourse, science-popular discourse, German language.

**Citation.** Shamne N.L., Shishkina E.V. The Vocabulary of Science-Popular Medical Discourse (as Exemplified in German Online Media). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 170-179. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>

УДК 811.11'42  
ББК 81.432.4-51

Дата поступления статьи: 02.08.2018  
Дата принятия статьи: 03.09.2018

## ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИЧЕСКОГО СОСТАВА МЕДИЦИНСКОГО НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ДИСКУРСА (НА МАТЕРИАЛЕ НЕМЕЦКОЯЗЫЧНЫХ ИНТЕРНЕТ-ИЗДАНИЙ)

**Николай Леонидович Шамне**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Екатерина Викторовна Шишкина**

Волгоградский государственный медицинский университет, г. Волгоград, Россия

**Аннотация.** В статье анализируется лексический состав немецкоязычных медицинских научно-популярных интернет-изданий. Актуальность исследования обусловлена растущим интересом непрофессиональ-

ных участников медицинской коммуникации как основных адресатов данного институционального дискурса к процессам самодиагностики и самолечения, требующих расширения медицинских знаний. Детальному изучению в статье подвергаются тексты статей более чем 40 изданий, определяются их структурные особенности, жанры и лексический состав. Показано, что доминирующим жанром дискурса исследуемого типа является научно-популярная статья. Установлено, что в лексикон этого дискурса входят общеупотребительные и общенаучные лексические единицы, медицинская терминология. Рассмотрены способы разъяснения терминов: пояснение, использование дублетных лексем, гипертекстовых ссылок, интернациональных словообразовательных элементов. Охарактеризованы типы фразеологизмов и метафор, функционирующих в научно-популярном медицинском дискурсе: чаще других используются фразеологизмы, возникшие на основе сходства явлений медицинской сферы с явлениями мира животных, а также с бытовыми реалиями, и метафоры, в основу которых положены образы игры, войны, суда. Результаты исследования доказывают необходимость расширения рамок изучения медицинского научно-популярного дискурса посредством рассмотрения его в лингвопрагматическом и стилистическом аспектах.

**Ключевые слова:** лексика, медицинская терминология, медицинские фразеологизмы, метафора, интернет-издание, медицинский дискурс, научно-популярный дискурс, немецкий язык.

**Цитирование.** Шамне Н. Л., Шишкина Е. В. Особенности лексического состава медицинского научно-популярного дискурса (на материале немецкоязычных интернет-изданий) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 170–179. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.16>

## Введение

Современная лингвистика все больше внимания уделяет различным видам междискурсивных отношений в связи с недостаточной изученностью междискурсивного взаимодействия как многокомпонентного коммуникативно-прагматического явления. Отечественные и зарубежные лингвисты нередко обращались к указанной проблеме [Денисова, 2008; Косицкая, 2005; Костяшина, 2010; Резанова, 2008, 2012; Силантьев, 2004, 2006; Филлипс, Йоргенсен, 2004 и др.].

Под междискурсивным мы понимаем взаимодействие двух и более видов дискурса. При этом необходимо отметить, что оно имеет иерархический характер, то есть один из дискурсов занимает доминантную позицию. Как отмечает О.В. Соколова, «взаимодействие дискурсов происходит одновременно на лингвистическом и экстралингвистическом уровнях, задействуя суперструктуру и макроструктуру дискурсов. Процесс взаимодействия определяется генетической связью, параллельным развитием и апроприацией отдельных дискурсивных элементов, интерференцией как результатом влияния базового (или доминантного) дискурса и обратным воздействием со стороны со-дискурсов в новой социокультурной ситуации» [Соколова, 2014, с. 26].

В рамках коммуникативного подхода к языку исследователи рассматривают дискурс

как текст, погруженный в ситуацию общения [Карасик, 2000, с. 5–6]. При этом системообразующим фактором здесь выступает область применения языка. Каждый тип дискурса обладает системными свойствами, которые представлены лингвистическими средствами на разных языковых уровнях. В.И. Карасик выделяет следующие категории, на которых основано построение дискурса любого типа: участники общения (их статусы и роли); условия общения (время и место общения коммуникантов); организация общения (мотивы, цели и стратегии); способы общения (канал и жанр общения) [Карасик, 1998, с. 197].

В настоящей статье представлены результаты изучения лексики медицинского научно-популярного дискурса в лингвистическом аспекте. Источниками языкового материала послужили более 40 научно-популярных интернет-изданий (некоторые из них имеют печатные аналоги): Diabetes Ratgeber, Apotheken Umschau, Gesundheitsthema, Apotheken Kurier, Gesunde Medizin, Apotheken Medien GmbH & Co. KG, Neue Apotheken Illustrierte, Rentner Ratgeber, Baby und Familie, Medizin Aspekte, Ausgeglichenes Leben – Anleitungen fürs Wohlbefinden, Medizin Compact, Benyoo, Patric Heizmann Blog, E-Health-Care, Kompass Gesundheit, Fachverlag für Gesundheitswissen, Rechtsdepesche für das Gesundheitswesen, Fit Gesund Schön, RatgeberGesund.de, Gesumag.de, Gesund & Vital Magazin, Gesundheit aktuell,

Ratgeber Wellness und Gesundheit, Gesundheit und Wissenschaft, Patienten-Bibliothek, Gesundheitsblock, Gesundheitsfocus, TABU, Gesunex – aktiv gesund leben, Spektrum Medizin, Suchthilfe-Magazin, Mabuse Verlag, Gute Pillen – Schlechte Pillen, Topfit, Kaleidoscope-Gesundheitsnachrichten, Reformhaus Kurier, Redspa Media GmbH, das Magazin für Baden-Württemberg, Die Welt der medizinischen Blogs, Medizin-Welt: Gesund durch Wissen, Vigo, Ärztezeitung, (в списке источников указаны только сайты изданий, материалы которых цитируются в статье).

Интернет-издание представляет собой виртуальный ресурс с функциями СМИ, содержащий актуальные сведения публицистического характера. Жанр интернет-издания идентичен традиционному печатному выпуску и зачастую полностью повторяет его содержание. Отличительными структурными особенностями такого типа изданий являются: дополнительный контент (аудио- и видеоматериалы, приложения, тесты, ссылки); необозримость целого тематического блока (список рубрик, заглавия и аннотации наиболее популярных статей); взаимосвязь текстов через активные ссылки; большее (в сравнении с печатным изданием) количество иллюстраций (адресат взаимодействует с информацией с помощью вербальных и невербальных средств); интерактивность (возможность оценить статью, распространить информацию через аккаунт в социальной сети, обсудить ее в онлайн-конференции, подписаться на издание, перейти на сайт рекламируемого товара, заказать товары и услуги) [Шамне, Шишкина, 2017, с. 145].

Исследованные источники характеризуются полидискурсивностью со свойственным ей функциональным пересечением таких институциональных дискурсов, как медицинский, научный, научно-популярный, наивно-медицинский, рекламный, публицистический, педагогический и т. д. Базовым в рассматриваемых интернет-изданиях является медицинский дискурс, поскольку на его основе формируются важнейшие функционально-тематические блоки, страгемно-тактические комплексы, целевые установки. Медицинский научно-популярный дискурс реализует две целевые установки – информирование получателя и попу-

ляризация научного знания. Основной целевой установкой является информирование, а популяризация научного знания способствует ее реализации.

Исследуемый дискурс демонстрирует разнообразие жанров: интервью, социологическое исследование, обзор, рекламный текст [Шишкина, 2018]. Основным жанром немецкоязычного научно-популярного медицинского интернет-издания является научно-популярная статья. Читая статьи, получатель, как правило, не имеющий специализированных медицинских знаний, формирует собственное мнение относительно проблемы, знакомится с медицинской терминологией, базовыми понятиями научного знания. Это способствует оптимальному сотрудничеству и эффективному общению медицинского представителя как агента дискурса и пациента как клиента дискурса. Успешность такой коммуникации обеспечивается тем, что агенты научно-популярного дискурса учитывают его полидискурсивный институциональный характер: медицинские работники обращаются не к своим коллегам, как это происходит в научном медицинском дискурсе, а к представителям наивного медицинского дискурса, которым требуется оказание квалифицированной медицинской помощи.

Специфика медицинского научно-популярного дискурса проявляется прежде всего в его лексической наполняемости.

### **Медицинская терминология в научно-популярном медицинском дискурсе**

Лексикон немецкоязычных медицинских научно-популярных статей составляют общеупотребительные слова, общенаучные слова и медицинская терминология. Методом количественных подсчетов было установлено соотношение количества употреблений лексических единиц, что отражено в диаграмме (см. рис. 1). Объем общеупотребительной лексики значительно превышает объем общенаучной и терминологической. При этом, попадая в научно-популярный медицинский дискурс, узкоспециализированные тексты адаптируются для непрофессионального получателя.

Специальные медицинские термины вводятся в текст научно-популярной статьи несколькими способами. Терминологические единицы объясняются описательно или при помощи дублетных лексем, например:

(1) 2010 veröffentlichten dessen Forscher erste Ergebnisse: Menschen mit **metastasiertem Hautkrebs (Melanom)**, die mit dem Antikörper Ipilimumab behandelt wurden, lebten dreieinhalb Monate länger als Betroffene, die das Mittel nicht erhielten (Immuntherapie gegen Krebs. <http://www.apotheken-umschau.de>) – ‘В 2010 г. исследователи опубликовали первые результаты: люди с **метастазирующим раком кожи (меланомой)**, которых лечили при помощи антител Ипилимумаб, прожили на 3,5 месяца дольше, чем те, которые не принимали это средство’ (здесь и далее перевод с немецкого наш. – Н. Ш., Е. Ш.).

(2) Insbesondere Diabetes, eine Schilddrüsenunterfunktion oder eine **Blutarmut (Anämie)** gilt es abzuklären, da auch diese Störungen hinter dem Erschöpfungszustand stecken können (Krebs-Fatigue: Anhaltend erschöpft. <http://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Могут быть выявлены диабет, проблемы с щитовидной железой или **малокровие (анемия)**, поскольку эти нарушения также могут являться причинами утомляемости’.

(3) **Bauchspeicheldrüsenkrebs (Pankreaskarzinom)** ist eine bösartige Gewebsveränderung **der Bauchspeicheldrüse (Pankreas)** (Bauchspeicheldrüsenkrebs (Pankreaskarzinom). <http://www.apotheken-umschau.de>) – ‘**Рак поджелудочной железы (панкреатическая карцинома)** представляет собой злокачественное изменение тканей поджелудочной железы (панкреаса)’.

Формат интернет-издания позволяет также интегрировать внутритекстовые ссылки (см. рис. 2), переходя по которым читатель получает справочные сведения о том или ином медицинском термине, что значительно облегчает понимание текста и способствует выполнению основной целевой установки.

В медицинских научно-популярных статьях часто используются термины, в состав которых входят интернациональные словообразовательные элементы например *antibakteriell*, *Mikroorganismus*, *Makrovirus*, *Multivitamine*, *extradynamisch*:

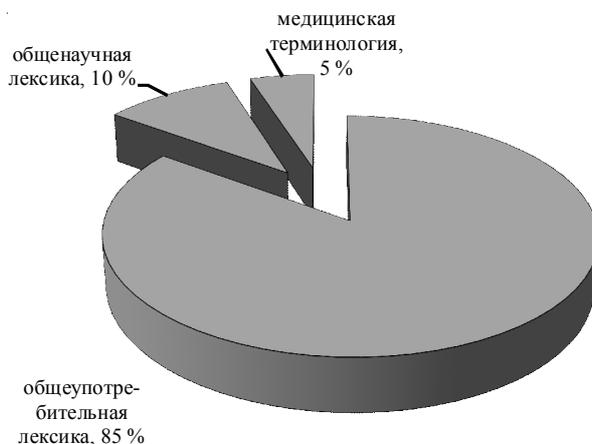


Рис. 1. Лексический состав немецкоязычной медицинской научно-популярной статьи

Der zweite Patient, den Ulrich Keilholz mit dem neuen Medikament behandelte, schien ein aussichtsloser Fall: ein 54 Jahre alter Mann, dessen [Hautkrebs](#) breit gestreut hatte. Die Tumorzellen wucherten auf der [Leber](#), im [Gehirn](#), auch die Lymphknoten in den Achseln waren befallen. "Normalerweise hätte man da eine [Chemotherapie](#) gemacht und noch zwei oder drei Monate Lebenszeit erwartet", sagt Professor Keilholz, der am Berliner Uniklinikum Charité das "Comprehensive Cancer Center" leitet.

Рис. 2. Пример реализации внутритекстовых ссылок в статье (Immuntherapie gegen Krebs. <http://www.apotheken-umschau.de>)

(4) Mehrere Tausend **Bakterienarten**, die im menschlichen Verdauungstrakt vorkommen, sind schon identifiziert. Dabei existiert eine Kombination von **Mikroorganismen**, die alle Menschen gemeinsam haben. (Wie Darmbakterien uns beeinflussen. <http://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Тысячи видов **бактерий**, которые встречаются в желудочно-кишечном тракте человека уже идентифицированы. При этом существуют общие для всех людей комбинации **микроорганизмов**’.

Наличие таких элементов в структуре термина делает пояснения в научно-популярном тексте избыточными.

### Займствования в научно-популярном медицинском дискурсе

Займствования, функционирующие в научно-популярных медицинских статьях, условно можно разделить на две группы. К первой относятся займствования, вошедшие в немецкий язык давно, уже усвоенные им, поэтому не воспринимающиеся носителями языка как иноязычные: *die Narkose* (от греч. *nárkōsis* – ‘оцепенение, паралич, парез’) – *наркоз*; *die Anästhesie* (от греч. *anaïsthēsia* – ‘нечувствительность, невосприимчивость’) – *анестезия*; *die Halluzination* (от лат. *alūcinātio*, *halūcinātio* – ‘необдуманый разговор, мечтания’) – *галлюцинация*; *die Akupunktur* (от лат. *Acus* – ‘игла’ и лат. *Pūnctūra* – ‘укол’) – *иглоукальвание, акупунктура*; *die Immunität* (от лат. *Immūnis* – ‘свободный от наложений’) – *иммунитет*. Большинство таких слов составляют термины, займствованные из классических языков медицины – греческого и латинского. Иноязычные слова данной группы в немецкоязычных медицинских научно-популярных статьях встречаются часто и, как правило, без дополнительных пояснений:

(5) **Infektionskrankheiten** zählen zu den häufigsten Todesursachen weltweit. Anstecken kann man sich auf verschiedensten Wegen mit Erregern wie **Bakterien** oder **Viren** (Infektionen erkennen und behandeln. <http://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Инфекционные заболевания относятся к самым распространенным причинам смерти по всему миру. Заразиться ими можно через различных возбудителей, таких как бактерии и вирусы’.

Ко второй группе относятся лексемы, широко распространенные не только в научно-популярном, но и собственно медицинском дискурсе и имеющие немецкоязычные синонимы. Например, немецкое слово *die Straffung* заменяют англицизмом *der Lifting* (от англ. *lifting* – ‘подъем’), при этом оба термина означают подтяжку кожи:

(6) So entsteht eine Art **Lifting-Effekt**: Die spezielle Nahttechnik fixiert die Hämorrhide dort, wo sie anatomisch eigentlich hingehört. Diese Operation wird in einer Rückenmarks- oder Vollnarkose durchgeführt (Hämorrhiden: Vier Behandlungsmethoden. <http://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Таким образом, возникает своеобразный **лифтинг-эффект**: специальная техника наложения шва фиксирует геморроидальный узел там, где это необходимо с анатомической точки зрения. Эта операция проводится при эпидуральной анестезии или общем наркозе’.

Займствованным синонимом для лексемы *der Selbstmord* (*суицид*) является *der Suizid* (от англ. *suicide* < от лат. *sui* – ‘сам, себя’ + *caedes* – ‘убийство’) – «акт самоубийства, совершаемый человеком в состоянии сильного душевного расстройства или под влиянием психического заболевания», а *der Abstumpfung* (*анамия*) имеет синоним *die Apatie* (от греч. *apatheia* – ‘бесчувственность’) – «состояние полного безразличия, равнодушия». Эта группа терминов займствована в медицинский дискурс из дискурсов, обслуживающих другие сферы деятельности: право, психологию и т. д.

### Фразеологизмы в научно-популярном медицинском дискурсе

Лексикон исследуемых текстов включает в себя многочисленные фразеологические единицы. Изучение медицинских фразеологизмов в русском языке ведется отечественными лингвистами в разных аспектах (см. например: [Гончаренко, 2014; Зубкова, 2008, 2011; Момот, Мартиросян, Газарянц, 2016; Сотников, 2013 и др.]). Так, Ю.А. Сотников составил перечень медицинских фразеологизмов русского языка, в который включил около ста единиц [Сотников, 2013, с. 4]. Е.А. Момот, А.А. Мартиросян, А.К. Газарянц предложили

классификацию медицинских фразеологизмов русского языка, выделив группы идиом, связанных с животным миром, с мифологией, с разделами медицины, с профессиями и спортом, а также включающие фамилии ученых, слова, называющие бытовые реалии [Момот, Мартиросян, Газарянц, 2016, с. 6–7]. Несколько классификаций медицинских фразеологизмов, в основе которых лежат грамматический признак (по главному слову), семантический признак или принцип «схожести» названных объектов или явлений (значение медицинского фразеологизма обусловлено значением составляющих его слов) и др. предложено О.П. Игнатенко и Ю.Г. Фатеевой [Игнатенко, Фатеева, 2017, с. 183]. Классификации, построенные на материале русского языка, имеют универсальный характер и применимы при исследовании лексических единиц других языков.

В последние годы появились работы, посвященные медицинским фразеологизмам и в немецком языке. Так, фразеологизмы и метафоры в немецкоязычных медицинских текстах анализирует М.А. Гежинска. При этом автор выделяет следующие тематические рубрики: сложные клинические случаи; абстрактные выражения; здоровье как баланс; медицина как игра; лечение – борьба, а болезнь – враг [Gierzyńska, 2013].

Изучение фактического материала с учетом имеющихся классификаций медицинской фразеологии показывает, что большинство немецкоязычных фразеологизмов, функционирующих в научно-популярном медицинском дискурсе, связано с миром животных. *Hahnentritt* (*петушиная походка*) – «походка, характеризующаяся поочередным резким выбрасыванием нижних конечностей»; *Katzenschreisyndrom* (*синдром кошачьего крика*) – «характерный плач, напоминающий мяуканье кота»; *Affenhandstellung* (*симптом обезьяньей лапы*) – «атрофия мышц большого пальца руки»; *Affenfurchen* (*обезьяньи складки*) – «поперечная ладонная складка, напоминающая ладонный сгиб у обезьян»; *Katzenpupille* (*кошачий зрачок*) – «зрачок овальной или щелеобразной формы при сдавливании глазного яблока»; *Katzenspulwurm* (*кошачья аскарида*) – «гельминт, паразитирующий в организме животных и человека».

Весьма часто в структуру фразеологизмов, функционирующих в научно-популярном медицинском дискурсе, входят фамилии ученых: *Kramerverband* (*воротник Крамера*); *Cope-Mamlock-Wolffenstein-Reaktion* (*реакция Коупа-Мамлока-Волфенштайна*); *Lateralisation im Weber-Versuch* (*латерализация в пробе Вебера*); *Wernicke-Mann-Haltung* (*поза Вернике-Манна*), а также слова, обозначающие предметы быта: *Bambusstabwirbelsäule* (*бамбуковая палка*) – «остеопороз тел позвонков, окостенение дисков и связок позвоночника», и профессии: *Fechterstellung* (*поза фехтовальщика*) – «выпрямление руки при повороте головы в соответствующую сторону».

### Метафоры в научно-популярном медицинском дискурсе

В научно-популярном медицинском дискурсе широко представлено метафорическое использование общеупотребительных слов. Наиболее востребованы метафоры трех групп – отражающие сходство явлений медицинской сферы с игрой, войной и судом.

Первую группу образуют метафоры, возникающие на основе сходства болезни и лечения с игрой. Как правило, актуализируются такие признаки игры, как риск, стратегия, несправедливость, удача. При этом борьба с болезнью сравнивается с игрой, а несправедливость – с риском, на который нужно пойти, чтобы выиграть (победить болезнь). Приведем некоторые примеры функционирования метафор в исследуемом типе дискурса:

(7) Milchprodukte wie Käse, Joghurt, Quark oder natürlich Milch selbst können verschiedene Medikamente **Schachmatt setzen**. Das gilt beispielsweise für Antibiotika wie Doxycyclin und Ciprofloxacin (So nehmen Sie Medikamente richtig ein. <https://www.senioren-ratgeber.de>) – «Молочные продукты такие, как сыр, йогурт, творог или натуральное молоко могут **нейтрализовать** (букв: ‘поставить мат’) некоторые медикаменты. Это распространяется, например, на доксициклин и ципрофлоксацин».

(8) Man möchte es sich gar nicht vorstellen, aber der menschliche Körper ist ein **Tummelplatz** für unendlich viele Bakterien (Schwanger: Test auf B-Streptokokken sinnvoll? <http://www.apothekenumschau.de>) – «Трудно себе представить, но чело-

веческий организм – это **игровая площадка** для многочисленных бактерий’.

(9) Die Alpha-Zellen in der Bauchspeicheldrüse produzieren das Hormon Glukagon, das den Blutzuckerspiegel erhöht. Es ist der Gegenspieler zu Insulin (Alpha-Zellen. <https://www.diabetes-ratgeber.net>) – ‘Альфа-клетки в поджелудочной железе выделяют гормон глюкагон, который повышает уровень сахара, и является **противником** инсулина’.

Вторую группу формируют метафоры, связанные с военными действиями. Впервые военные метафоры в медицине появились в 80-е гг. XIX в., когда бактерии стали называть *Invasoren* (*захватчики*), которые *sickerten ein* (воен. «проникать в тыл врага»). Тенденция актуальна и по сей день. Так, рак обозначают как врага (*Feind*), с которым общество ведет войну (*Krieg*):

(10) Denn je besser man seinen Feind kennt, desto leichter fällt die Wahl der richtigen Waffen (Die besten Therapiemethoden bei Prostatakrebs. <https://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Чем лучше знаешь своего врага (здесь: рак простаты), тем легче подобрать правильное оружие для борьбы с ним’.

Однако не только рак, СПИД, но и другие тяжелые болезни «ведут бой» с человеческим организмом:

(11) Allergien sind in den letzten Jahren immer mehr **auf dem Vormarsch**. Und so stellen sich die meisten werdenden Mamas im Laufe der Schwangerschaft die Frage: Ist auch mein Baby allergiegefährdet? (Online-Test: das Allergie-Risiko Ihres Kindes. <https://www.baby-und-familie.de>) – ‘В последние годы аллергия **перешла в наступление**. Многие будущие мамы задаются вопросом: мой ребенок будет подвержен аллергии?’;

(12) Einer Untersuchung aus Peking zufolge sind Pickel **auf dem Vormarsch**, wenn die Werte für Feinstaub, Ozon und andere Umweltgifte steigen (Werden Pickel durch Stress verursacht? <https://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Согласно исследованию, проведенному в г. Пекин, акне **атакует** человека, когда повышается уровень мелкодисперсной пыли, озона и других токсичных веществ в воздухе’.

Чтобы «бороться с болезнями» (*die Krankheiten bekämpfen*) и «защищать иммунитет» (*das Immunsystem schützen*), врачи разрабатывают «военные стратегии» (*Kriegsstrategien*), используют лекарственные средства как оружие (*die Waffen*):

(13) Eine weitere hochwirksame **Waffe** gegen Prostatakrebs ist die moderne Strahlentherapie (Die besten Therapiemethoden bei Prostatakrebs. <https://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Еще одно высокоэффективное **оружие** против рака простаты – современная лучевая терапия’.

Метафоры третьей группы отражают сходство явлений медицинской сферы со сферой юридической. Так, возбудители заболевания рассматриваются как преступники, заболевание – как преступление. Бактерии, вирусы, неправильное питание, несоответствующее лечение, недостаток витаминов «виновны в нарушении работы организма» и несут «ответственность за преступление»:

(14) Das Gerstenkorn ist eine akute Entzündung der Lidranddrüsen. Meist sind Bakterien (Staphylokokken) **schuld** (Sehstörungen. <https://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Ячмень представляет собой воспаление слизистой века. **Винной** этому служат бактерии (стафилококк)’.

(15) Ein Herzinfarkt kann sich ankündigen. Verdächtig sind zum Beispiel Schmerzen im Brustkorb, die bei Belastung oder psychischem Stress auftreten, und dann wieder verschwinden (Herzinfarkt. <https://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Инфаркт может проявлять себя. Подозрение должны вызвать боли в груди, которые возникают при физической нагрузке или стрессе, а затем вновь исчезают’.

(16) Digitalisierung, Druck im Job, Freizeitstress: Experten sagen, der moderne Lebensstil raubt uns den Schlaf (Weshalb viele Menschen schlecht schlafen. <https://www.apotheken-umschau.de>) – ‘Мир цифровых технологий, стресс на работе и в свободное время: эксперты заявляют, что современный стиль жизни ворует у нас сон’.

Использование метафоризированной лексики в научно-популярном медицинском дискурсе способствует его эффективности.

## Выводы

Итак, основной целью медицинского научно-популярного дискурса является информирование, а популяризация научного знания способствует ее реализации. На достижение этой цели направлено использование агентами дискурса разнообразных по своим функциональным свойствам лексических единиц: наиболее широко представлены общеупотребительные слова, существенно уже – обще-

научные и медицинские термины. Доминирующим жанром в медицинском научно-популярном дискурсе является научно-популярная статья. Попадая в научно-популярный медицинский дискурс, узкоспециализированные тексты адаптируются для непрофессионального получателя, прежде всего это наблюдается в использовании терминологии.

В немецкоязычных интернет-изданиях медицинские термины даются с пояснениями, сопровождаются дублетными лексемами, гипертекстовыми ссылками, содержат интернациональные словообразовательные элементы.

Реализации указанной функции способствуют фразеологизмы и метафоры. В научно-популярном медицинском дискурсе чаще других используются фразеологизмы, возникшие на основе сходства явлений медицинской сферы с явлениями мира животных, а также с бытовыми реалиями, и метафоры, в основу которых положены образы игры, войны, суда.

Развитие лексического состава медицинского научно-популярного дискурса способствует обогащению русского языка, а изучение специфики лексики дискурса исследуемого типа на занятиях со студентами медицинских вузов способствует формированию профессиональных качеств будущих врачей, совершенствованию клинического мышления.

Результаты исследования доказывают перспективность изучения немецкоязычного медицинского научно-популярного дискурса с точки зрения стилистики и прагматики. Перспективным считаем также обращение к медицинским пословицам и поговоркам.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гончаренко Н. В., 2014. РКИ для студентов-медиков: активные и интерактивные формы обучения // *Русский язык за рубежом*. № 5 (246). С. 4–28.
- Денисова Н. В., 2008. Рекламные жанры научно-образовательного дискурса : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 26 с.
- Зубкова О. С., 2008. Медицинская метафора как результат культурной фиксации в медицинской терминологии // *Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина*. Серия «Филология». № 5 (19). С. 127–135.
- Зубкова О. С., 2011. Метафора в профессиональной семиотике. Курск : Изд-во КГУ. 334 с.
- Игнатенко О. П., Фатеева Ю. Г., 2017. Профессиональные фразеологизмы в практическом курсе русского языка как иностранного (на материале языка медицины) // *Вестник Волгоградского государственного университета*. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 181–188. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.20>.
- Карасик В. И., 1998. О категориях дискурса // *Языковая личность: социолингвистические и эмотивные аспекты* : сб. науч. тр. Волгоград ; Саратов : Перемена. С. 185–197.
- Карасик В. И., 2000. О типах дискурса // *Языковая личность: институциональный и персональный дискурс* : сб. науч. тр. Волгоград : Перемена, 2000. С. 5–20.
- Косицкая Ф. Л., 2005. Письменно-речевые жанры рекламного дискурса моды в аспекте межъязыковой контрастивности: на материале французских и русских каталогов моды : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск. 22 с.
- Костяшина Е. А., 2010. Механизмы дискурсивных трансформаций коммуникативной модели «Автор адресат» в текстовом пространстве научно-популярного медицинского журнала // *Язык и культура*. № 2 (10). С. 28–35.
- Момот Е. А., Мартиросян Е. А., Газарянц А. К., 2016. Устойчивые словосочетания. Медицинские фразеологизмы // VIII Международная студенческая конференция «Студенческий научный форум 2016». URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/2149/25475>.
- Резанова З. И., 2008. Трансформации советских стереотипов и мифологем в дискурсе региональных СМИ // *Язык и культура*. № 3. С. 63–71.
- Резанова З. И., 2012. Дискурсивные стратегии презентации национально-культурной идентичности // *Вестник Томского государственного университета*. Культурология и искусствоведение. № 4 (8). С. 40–54.
- Силантьев И. В., 2004. Текст в системе дискурсивных взаимодействий // *Критика и семиотика*. Вып. 7. С. 98–123.
- Силантьев И. В., 2006. Газета и роман: риторика дискурсивных смещений. М. : Языки славянской культуры. 224 с.
- Соколова О. В., 2014. Типология дискурсов активного воздействия: поэтический авангард, реклама и PR. М. : Гнозис. 304 с.
- Сотников Ю. А., 2013. Фразеологизмы в медицине. Орск : [б. и.]. 82 с.
- Филлиппс Л. Дж., Йоргенсен М. В., 2004. Дискурс-анализ. Теория и метод : пер. с англ. / под ред. А. А. Киселевой. Харьков : Изд-во Гуманитарного центра. 336 с.
- Шамне Н. Л., Шишкина Е. В., 2017. Научно-популярные медицинские интернет-издания на

немецком языке: структурный и функциональный аспекты // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание. Т. 16, № 2. С. 143–151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.15>

- Шишкина Е. В., 2018. Социологическое исследование как жанр медицинского научно-популярного дискурса (на материале немецкого языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 3 (81), ч. 2. С. 382–385.
- Gierzyńska Marta Anna, 2013. Metaphorische Phraseologismen in nichtwissenschaftlichen Texten mit medizinischer Thematik // Acta Neophilologica. Т. XV, № 2. P. 31–41.

### ИСТОЧНИКИ

- <http://www.apotheken-umschau.de>  
<https://www.senioren-ratgeber.de>  
<https://www.baby-und-familie.de>  
<https://www.diabetes-ratgeber.net>

### REFERENCES

- Goncharenko N.V., 2014. The Interactive Forms of Teaching Russian as a Foreign Language for Medical Students. *Russkiy yazyk za rubezhom* [The Russian Language Abroad], no. 5 (246), pp. 4-28.
- Denisova N.V., 2008. *Advertising Genres of Education-Science Discourse. Cand. philol. sci. abs. diss.* Tomsk. 26 p.
- Zubkova O.S., 2008. The Medical Metaphor as a Result of Cultural Fixing in Medical Terminology. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina. Seriya «Filologiya»* [Vestnik of Pushkin Leningrad State University. Series: Philology], no. 5 (19), pp. 127-135.
- Zubkova O.S., 2011. *Metaphor in Professional Semiotics.* Kursk, Izd-vo KGU. 334 p.
- Ignatenko O.P., Fateeva Yu.G., 2017. Professional Idioms in the Practical Course of the Russian Language for Foreigners (Based on the Language of Medicine). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 181-188. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.20>.
- Karasik V.I., 1998. On the Categories of Discourse. *Yazykovaya lichnost: sotsiolingvisticheskie i emotivnye aspekty: sb. nauch. tr.* Volgograd; Saratov, Peremena Publ., pp. 185-197.
- Karasik V.I., 2000. On the Types of Discourse. *Yazykovaya lichnost: institutsionalnyy i personalnyy diskurs: sb. nauch. tr.* Volgograd, Peremena Publ., pp. 5-20.
- Kositskaya F.L., 2005. *Written Speech Genres of the Advertising Discourse of Fashion in the Aspect of Interlanguage Contrast (On the Material of French and Russian Fashion Catalogs). Cand. philol. sci. abs. diss.* Tomsk. 22 p.
- Kostyashina E.A., 2010. The Mechanisms of Discourse Transformations in the Communicative Model 'Author – Addressee' in the Texts of Health Magazines. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 2 (10), pp. 28-35.
- Momot E.A., Martirosyan E.A., Gazaryants A.K., 2016. Fixed Collocations. Medical Idioms. *VIII Mezhdunarodnaya studencheskaya konferentsiya «Studencheskiy nauchnyy forum 2016».* URL: <http://www.scienceforum.ru/2016/2149/25475>.
- Rezanova Z.I., 2008. Transformations of Soviet Stereotypes and Mythologemes in the Discourse of Regional Mass Media. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 3, p. 63-71.
- Rezanova Z.I., 2012. Discourse Strategies of Presentation of National Cultural Identity. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kulturologiya i iskusstvovedenie* [Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History], no. 4 (8), pp. 40-54.
- Silantsev I.V., 2004. The Text in the System of Discourse Interactions. *Kritika i semiotika* [Critique and Semiotics], no. 7, pp. 98-123.
- Silantsev I.V., 2006. *Newspaper and Novel: the Rhetoric of Discourse Mixes.* Moscow, Yazyki slavyanskoy kultury Publ. 224 p.
- Sokolova O.V., 2014. *Typology of Active Influence Discourses: Poetic Avant-Garde, Advertising and PR.* Moscow, Gnozis Publ. 304 p.
- Sotnikov Yu.A., 2013. *Phraseological Units in Medicine.* Orsk. 82 p.
- Phillips L.J., Jorgensen M.V., 2004. *Discourse Analysis. Theory and Method.* Transl. by A.A. Kiseleva. Kharkov, Izd-vo Gumanitarnogo tsentra. 336 p.
- Shamne N.L., Shishkina E.V., 2017. Science-Popular Medical Online Media in German: Structural and Functional Aspects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 143-151. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.2.15>.
- Shishkina E.V., 2018. Sociological Study as a Genre of Science-Popular Medical Discourse (On the Material of the German Language). *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*

[Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 3 (81), part 2, pp. 382-385.

Gierzyńska Marta Anna, 2013. Metaphorische Phraseologismen in nichtwissenschaftlichen Texten mit medizinischer Thematik. *Acta Neophilologica*, vol. XV, no. 2, pp. 31-41.

#### SOURCES

<http://www.apotheken-umschau.de>  
<https://www.senioren-ratgeber.de>  
<https://www.baby-und-familie.de>  
<https://www.diabetes-ratgeber.net>

#### Information about the Authors

**Nikolay L. Shamne**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Institute of Philology and Intercultural Communication, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [nikolay.shamne@volsu.ru](mailto:nikolay.shamne@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

**Ekaterina V. Shishkina**, Candidate of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages with the Latin Course, Volgograd State Medical University, Pavshikh Bortsov Sq., 1, 400131 Volgograd, Russia, [e.w.shishkina@gmail.com](mailto:e.w.shishkina@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0001-8620-8387>

#### Информация об авторах

**Николай Леонидович Шамне**, доктор филологических наук, профессор, директор института филологии и межкультурной коммуникации, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [nikolay.shamne@volsu.ru](mailto:nikolay.shamne@volsu.ru), <https://orcid.org/0000-0002-5745-8907>

**Екатерина Викторовна Шишкина**, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка, Волгоградский государственный медицинский университет, пл. Павших Борцов, 1, 400131 г. Волгоград, Россия, [e.w.shishkina@gmail.com](mailto:e.w.shishkina@gmail.com), <https://orcid.org/0000-0001-8620-8387>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.17>

UDC 81'22  
LBC 81.002

Submitted: 30.08.2018  
Accepted: 28.09.2018

## SEMIOLINGUISTICS OF SACRED POWER

**Tatyana N. Astafurova**

Volgograd State University, Volgograd, Russia

**Andrey V. Olyanich**

Volgograd State Agrarian University, Volgograd, Russia

**Abstract.** The paper addresses the phenomenon of sacred power as the oldest regulator of the behavior of ethnos from the perspective of social semiotics: it includes the definition of this type of power, its basic spheres of actualization (religious and magic) and identification of its lingual-semiotic, ethno-cultural and discourse parameters in the various semiolinguistic ways: sacred objects and buildings, actions and rituals, verbal texts, language formulas being included. The sacred is defined as something inexpressible by its nature, it is stated that it can be approximated to personal understanding only through the symbol. Sacred power generates semiolinguistic space in the form of verbal and non-verbal signs of various form and content that perform their protective impact on the objects of sacred power. Special attention is paid to genres and rituals through which sacred power is exercised. The authors highlight the phenomenon of ceremony that gives a sacred meaning to human actions, and show what special rituals are linked to communicating with the sacred power.

The semiotic aspect of religious and magical protection is differentiated by the quality of the sign: religious semiolinguistics involves sacred myths and symbols, and magic semiolinguistics is based on chasing-out and purifying magic with its signs and texts.

**Key words:** sacred power, semiolinguistics, sign, ritual, religion, magic, genre.

**Citation.** Astafurova T.N., Olyanich A.V. Semiolinguistics of Sacred Power. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 180-187. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.17>

УДК 81'22  
ББК 81.002

Дата поступления статьи: 30.08.2018  
Дата принятия статьи: 28.09.2018

## ЛИНГВОСЕМИОТИКА САКРАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

**Татьяна Николаевна Астафурова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия

**Андрей Владимирович Олянич**

Волгоградский государственный аграрный университет, г. Волгоград, Россия

**Аннотация.** В статье с точки зрения социальной семиотики рассматривается феномен сакральной власти как старейшего регулятора поведения этноса: дается определение этого типа власти, описываются основные сферы ее актуализации (религиозная и магическая), идентифицируются языковой, семиотический, этнокультурный и дискурсивный параметры, выделяются разные лингвосемиотические приемы трансляции сакрального в материальных знаках (сакральных объектах и зданиях, действиях и ритуалах, текстах, языковых формулах, демонстрирующих сакральную власть). Сакральность определяется как нечто, не имеющее выражения. Подчеркивается, что осознание сакрального проходит через личностное восприятие его символики. Сакральная власть порождает лингвосемиотическое пространство в виде вербальных и невербальных знаков различной формы и содержания, которые оказывают протективное воздействие на ее объекты. Особое внимание уделяется жанрам и ритуалам, посредством которых репрезентируется этот тип власти.

Выделяется ритуальность сакральных церемоний как феномен, придающий сакральную значимость действиям человека, показывается, как специальные ритуалы связаны с передачей и утверждением сакральной власти. Семиотический аспект религиозной и магической протекции дифференцируется в зависимости от качества знака: религиозная лингвосемиотика включает священные мифы и символы, магическая лингвосемиотика основана на отгонной и очистительной магии с ее знаками и текстами.

**Ключевые слова:** сакральная власть, лингвосемиотика, знак, ритуал, религия, магия, жанр.

**Цитирование.** Астафурова Т. Н., Олянич А. В. Лингвосемиотика сакральной власти // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 180–187. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.17>

### The phenomenon of sacred power

The phenomenon of power, the increment of any new knowledge about the nature of power and the mechanisms of domination is one of the most ancient and at the same time the youngest spheres of scientific research. The phenomenon of power, varieties of which are traditionally recognized as sacral, absolute and institutional [Astafurova, Olyanich, 2017], is one of the most important types of social interaction, as a result of which the ruling entity realizes their will and interests.

Sacred power is defined as the oldest regulator of the behavior of population, which makes believers subject to the basic norms of social behavior (Christian Commandments) and seek protection from God / mystical forces in case of their non-observance. The goal of this article includes the consideration of the phenomenon of sacred power, the identification and description of its semiolinguistic, ethno-cultural and nominative characteristics.

Sacredness (from the Latin *sacer* – dedicated to God and *Sacrum* – *sacred*) is possession of an object (*artifact, phenomenon, animal, person*) with sacred content of unusual quality. The concept *sacred* expresses the idea of the division of the world into profane (*secular, ordinary*) and sacral (*sacred, esoteric*). The ratio of these two worlds is characterized by certain features:

1. The sacred is inexpressible by its nature and can be approximated to the person / his understanding only through the symbol;

2. Communication with the sacred requires a special ritual, a ceremony that gives a sacred meaning to human actions.

Historical analysis allows us to establish the stages of the evolution of the concept of the sacred. The first stage under the sacral is

understood all the unusual (both positive, holy, and negative, damned). The second stage the sacral denotes the existing order, the norm and the pattern of actions. The third stage – the sacral functions as sacred ideal acts, as a synthesis of categories of mind and morality [Parsons, 2002]. The sacred world is a collection of sacred and mystical things to which socially significant meanings is loaded thus reflecting the social nature of man [Gultaeva, 2000].

The sacred is the natural mechanism of the reproduction of culture and is rooted in the very nature of man, who gives his world sacred and mystical meanings and significances, opposing them to cognitive and social chaos [Berger, 1969]. Sacred power is associated with the spread of religious and esoteric outlook and attitude in personal and private relationships. The main sign of sacredness is the appearance in linguistic culture of religious symbols and plots as semantic, explanatory and authorizing schemes. Sacralization reflects the historical dynamics of formation and development of human society and culture – its social (politics, law, education) and personal (family, economic structure, life, holidays) life.

In the new millennium, there are clear signs of the growing interest to religion and magic, the emergence of a large number of non-traditional religious and mystical currents. Among the causes of modern sacralization, which are extremely different in their content and significance, the researchers distinguish:

– roots of religion (epistemological, psychological, social, daily routine, etc.) as a set of conditions for its appearance and reproduction;

– political conjuncture as a factor of involving religion in the sphere of social management and power;

– interest in tradition as an integral element of the organization of human behavior;

– crisis of the materialistic world view as a reason for searching of alternative protective schemes [Beznuk, 2003].

Alternative protective schemes, according to theosophists, include elements of folk (everyday) magic, in particular, sacralized signs of transitional (apotropic) and purifying (cathartic) magic [Gultaeva, 2000]. This world lives by its signs, and the destinies of people in it are revealed by fortune telling, corrected by conspiracies, spells and prayers. It is inhabited by amazing creatures - sorcerers, witches, brownies; this world lives by its ancient laws and the mystical experience of our ancestors comes to life in it. But it was just that small, every day, improvised sorcery, the provincial skill from time to time to use not even the forces, but things that the townspeople could hardly believe, but which nonetheless existed [Bushkov, 2007]. So, an element of the mystical is introduced into the understanding of the sacred and its semiolinguistic phenomena, their properties and relationships are explored [Gultaeva, 2000; Konovalova, 2007].

Sacred power is actualized in religious, mystical and magical spheres, relating to religious worship and magical ritual (Dictionary of Foreign Words). Dictionary definitions allow us to clarify the essence of this phenomenon: *Sacral - 1. Religious and mystical values - faith, sacraments; 2. The totality of texts, language formulas, artifacts, buildings, etc., which is part of the system of religious and mystical practice* (Atheistic Dictionary, p. 391). Cf. also: *Sacral - Sacred (from the Latin sacrum - sacredness) - the subject of religious faith; special beings, connections and relationships, which in various religions acquire supernatural and mystical character* (Large Encyclopedic Dictionary).

Thus, the sacred power is a complex phenomenon, the significance of which is actualized by various semiolinguistic ways: verbal (texts<sup>1</sup>, language formulas), actional (acts, actions, rituals), object (things, buildings), personal (beings, characters, persons), etc. The main sphere of the semiosis of the sacred is faith and magic, which manifest themselves in religious and magical discourses - their semiotics, semantics, texts, rituals and rituals, respectively.

## Religious Semi linguistics

Cognition and cognitive development of man in the world around him and giving him life, inextricably linked to semiosis, understood as signification, that is, the process of semiotic representation of information and the use of signs in all spheres of natural and social life, where information processes take place [Mechkovskaya, 1998, p. 14]. The most ancient example of such a process is the formation of a system of signs that reflects the struggle of man with the forces of nature, which ensures the survival of man as a species. In this struggle, man relied on a universal religious-mystical system of signs, forming a special type of communication a protective one [Astafurova, Olyanich, 2007].

Decoding these signs, the society builds its communicative and pragmatic behavior in accordance with the received semiotic information; the need for protection forms an algorithm for counteracting the hostile forces of nature and becomes part of the irrational picture of the world of the ethnos in which the signs of mythological / theological and mystical representation exist. Their distinction is associated with different types of protection, due to:

- observance of religious commandments, moral norms of Christian morality in order to avoid punishment “in life after death”;

- domestic (folk) magic as a means of protection from evil forces in the earthly life.

The semiotic aspect of religious and magical protection is differentiated by the quality of the sign: religious semi linguistics involves sacred myths and symbols, magic semi linguistics - sacral signs of apotropeic and cathartic magic [Konovalova, 2007].

The semiotics of religious protection correlates with the mythological symbol as a generalized notion of some indefinite divine power, evil or (rarely) beneficent, often determining the life destiny of a person. It is an instantaneously appearing and escaping terrible fateful force, which can not be called by name, with which one can not enter into any communication. Suddenly rushing, it immediately produces an action, and immediately disappears without a trace [Losev, 1982, p. 366]. The man’s fear of this ambivalent power included cognitive defense mechanisms against it, which, on the one hand, were verbalized in mythological euphemisms [Chernikova, 2007],

indirectly nominating God and his antagonist Satan; on the other hand, they demanded to follow the Commandments of God, appealing to the good deeds of a Christian.

Christian theonyms *God* and *Lord* date back to the Dutch *Goode*, German *Gott*, and to ancient Teutonic form *Gudo*, designating him to whom the appeal: “*The word God is derived from the old Teutonic form gudo which means that is invoked (or worshiped) by sacrifice*” (Oxford English Universal Dictionary). Demonym *Satan* has developed from a Jewish *sātān* – adversary in court, in a dispute or war preventing the contrary, the prosecutor, eavesdropper, instigator, and the common name, which is perceived as a nickname of a nameless enemy.

The third Old Testament Commandment (*taboo in the name of God*) in the New Testament is not mentioned at all. And the ban on pronouncing the name of God and the demonym are preserved only in the oral tradition. The only difference is that the official church recognizes the taboo on the theonym, and the taboo on the demon becomes superstition.

The belief in the magical power of the name was not only in the Indo-European religions listed above, we also can find similar faiths among the Scythians and Sarmatians. In Germanic-Scandinavian mythology it was expressed in the creation of kennings (allegories) and euphemisms replacing the true names of the gods [Meletinsky, 1976] as a nominative mechanism for neutralizing fear. So, in English there are numerous euphemistic substitutions that form a ramified lexical system of theonyms, based on their phonetic deformation: **Christ** - *Cripes*, *Cristopher Columbus*, *Chris*, *cricket*; **Lord** - *Laws*, *Lawsy*, *Lor'*, *Lawd*, *Lordy*.

In addition, one of the most frequent ways of religious protection is the use of euphemisms based on the metaphorical transfer of God's power (*the Almighty*, *the most High*, *Possessor of Heaven and Earth*), the Guardian of human virtue (*the shield of thy help*, *the everlasting arms*, *the sword of thy excellency*, *the shepherd*) and the first principle of all that exists (*the stone of Israel*), the strict judge, severely punishing the unseemly acts and evil thoughts of man (*Judge of all the earth*, *a mighty*, *and a terrible*, *which regardeth not persons*, *nor taketh reward*, *the fear of Isaac*, *a consuming fire*).

In the English-speaking lingua-culture euphemistic transformation of the names of God's antagonists are also presented as the hierarchy of demons, established in universal religious practice. God's antagonists are nominated by:

- anthroponyms, accentuating the antiquity of the devil as a champion of evil (*Old Bendy*, *Old Cain*, *Old Clough*, *Old Harry*, *Old Henry*, *Old Man*, *Old Ned*, *Old Nicky*, *Old Sam Hill*);
- obsolete interjections of negative nature (*the Old Dickens*, *the Old Divel*);
- metaphorical and metonymic expressions (*the Old deuce*, *Old Poker*, *Old Serpent*, *the tempter*, *evil*, *a beast with seven heads and ten horns*, *the false prophet*) which are associated with figurative nominations of God's antagonists, tempting a person to commit *adultery*, *fornication*, *lechery*, *lust*, *seditions*, *idolatry*, *creation*, *witchcraft*, *hatred*, *variance*, *prudence*, *wrath*, *quarrel*, *heresies*, *envy*, *murders*, *drunkenness*, *revelling*, *gluttony*, etc. [Astafurova, Olyanich, 2009].

In religious power Anglican protestants sought protection from demons, each of whom tempted Christians by one of the seven deadly sins: Asmodeus – lust, Beelzebub – gluttony, Mammon – greed, Belphegor – sloth, Satan – wrath, Leviathan – envy, Lucifer – pride.

Sacred power is based on a prototype belief that the future or outcome of certain important events depends on the virtuous conduct of a Christian. Unlike a heathen, who trembled with fear of the gods as a slave before their cruel and willful master, Christians gave their destiny to the merciful God, who granted forgiveness and love under the observance of His basic Commandments. Any troubles were perceived as a penalty of God (a sign of divine disfavor) for deviating from the fulfillment of the prescribed rules and norms, regardless of the believer's involvement in these misfortunes. The form of protection from God's wrath was the salvation of sins through the texts of prayer, confession and communion as the main genres of a religious discourse [Astafurova, Olyanich, 2012].

The genres of a religious discourse are determined by the communication of man with God, the esoteric illocutionary potential, the set of intentions, the leading role in which is the search for protection from God and the redemption of punishment for unrighteous earthly life. In religious

discourse, based on the characteristics of its generation and functioning, primary and secondary speech genres are distinguished. The primary ones include psalms, parables and prayers as precedent religious texts, primary sources; the secondary genres include preaching and confession as an interpretation of primary genres [Bobyreva, 2007]. A religious genre is a formal expression of ethno-cultural beliefs. The definition of genres, therefore, corresponds to the study of that folk soil from which religious ideas have grown [Vereshchagin, Kostomarov, 1980, p. 68] and is the field of realization of a certain spectrum of social values and lingua-cultural concepts based on them [Slyshkin, 2004].

The protective function of the sacred text of the psalm (prayer) is realized through the nominations of the promise of salvation, defense, protection (*For the sake of it, that thou hast not thy footsteps against a stone*), and deliverance from the fear of the physical (*Thou shalt go upon the lion and adder: the young lion and the dragon shalt thou tread under thy feet*) and moral (*There shall be no evil happen unto thee; I will deliver him*) suffering in case a Christian loves God and fulfills his commandments (*Because he hath set his love upon me, I will deliver him: I will set him up, because he hath known my Name*).

*Parables*<sup>2</sup> are the basic element of pastoral conversations, which describe examples of the protection of true Christians by God and the miracles performed by Him (the Lazarus' resurrection by Christ, the healing of a leper, lame, blind, etc.). Most of the parables are built on the use of allegory, in which its true meaning is hidden, but easily predictable, understood and derived from the content. Compositionally the parable consists of:

- 1) Biblical scripture as the primary source;
- 2) a meditative part, which is a moral instruction-commentary of a priest, who explains the ethical essence of the situation described;
- 3) the appeal part (short prayer), confirming the willingness of a Christian to keep the covenants of the Lord.

*Confessions* are constructed according to the principle of the text that reveals the truth of the soul ... and includes different types of biographies, narratives that reveal the negative aspects of life [Arutyunova, 1999, p. 622]. Confessions like penance before God of one's guilt

in the deed guarantee the forgiveness of sins (absolution), the forgiveness of the sinner by God in the event of his sincere repentance. Compositionally, confession does not have a definite structure and is a "stream of consciousness".

In response to confession, God refers to man through the word of man, which fulfills an official role in relation to the original source: the preacher's speech does not simply convey to the hearer the word and teaching of God, but also in a certain way interprets it. The sermon is a priest's instruction, an explanation of the principles of faith and virtuous life. The sermon is distinguished by a rigid binding to the source text, which is interpreted during the sermon. The composition structure includes the initiation, the main and the final parts. The beginning contains illustrations of the basic idea of the sermon at the everyday level. The main part confirms the firmness and authenticity of Christian dogmas, condemns their violation through allusions, quotations, precedent names and events from the Holy Scripture. The final part is a call and parting for the fulfillment of the Christian commandments as protection from punishment for sins.

The basic concepts of faith are directly related to the human value-cognitive guidelines: each ethnos integrates its beliefs in the form of a national religious concept-sphere, the cognitive development of which forms a national identity, oriented toward theosophical dogmas of Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, Anglicanism, etc. Religious sacred power stands as a special irrationality of a universal nature, in contrast to a mystical sacral power – an ethnically unique one, through which the transfer of socio-protective experience from generation to generation is carried out.

### **Magic semiolinguistics**

Sacred power correlates with the axiological system of magic semiolinguistics, which is based on the intentional dyad 'virtue – crime.' It includes positive value constants (philanthropy, diligence, honesty, chastity, generosity, health, etc.) contrasted with negative ones – antivalues (hatred, deception, slander, disease, corruption, evil eye, greed, adultery, etc.). The axiological significance of these constants is reflected in the ethno specific system of magical signs, symbols, and rituals [Astafurova, Olyanich, 2012].

Household magic as a kind of sacred power has a strong suggestive potential and realizes the basic strategies of warning, correction and protection. Warning is aimed at prevention from possible dangers reflected in ethnically specific signs. Correction (purifying magic) is associated with the healing of ailments and the normalization of the deviant psychosomatic state through algorithmic, semiotically rich rituals and conspiracies. Protection (chasing-out magic) – is protection from hostile external influences through spells and symbolically rich rituals.

Magic semiolinguistics involves into sacralized communication signs of apotropeic (chasing-out) and cathartic (purifying magic) [Gultaeva, 2000] aimed at the removal of domestic fears of disease, failures, negative influence of others on the fate of a person. It is represented by:

- magical artifacts (amulets, talismans, tools, etc.);

- magical texts (conspiracies, spells, signs describing the mechanism of human influence on the outside world in protection against its negative influence);

- magical rituals (formalized sequence of actions accompanying magical texts).

Magic signs protect against disease and damage (amulet n = *an object worn as protection against illness or injury*); failure and evil eye (charm n = *an item worn as in warding off evil*) and provide the protection of the good forces (talisman n = *an object with magical powers of protection*).

The tools of magic semiolinguistics include mystical artifacts (wax figure, dummies, candle, magic brew, needle, thread, ring, mirror), which are attributed to the suggestive force within the protective ritual. A special suggestive power is given to magic herbs, which:

- guard against evil spirits, witchcraft: basil – used to protect against all forms of evil and attracts good luck and wealth; dill – used to protect against demons and evil ghosts;

- protect from elements and human vices: thistle – used in protection against thieves; oak – used for healing and protection against lightning, bad luck, and evil beings;

- remove spoilage, the evil eye: juniper – used to guard against black magic, enemies, disease and accidents; lavender – used for protection against evil eye;

- cleanse of diseases, depression and nightmares: rosemary – used to prevent nightmares, preserve youthfulness; mistletoe – a great protection herb to heal wounds quickly;

- free from the ill effects of ill-wishers: elder – used to break the power of curses, to attract good luck, love, and prosperity;

- bring prosperity, luck, love, physical health, fulfillment of desires: acacia – used to attract money, inspire love; daisy – used to attract good luck, and return lost loves; hazel – to increase fertility, protect against fire and all evils; fern – used to attract good luck and to bring rain; mint – used for money attracting, increasing sexual desire [Chernyavskaya, 2008].

Magic texts, pronounced according to special rules and in special conditions, are symbolically saturated and have a stable formal-content structure that reflects the features of mystical (irrational) consciousness. A different combination of prognostics, suggestion and active semiotics is actualized in magical texts as linguistic and cultural signs which provide:

- warning of danger, anticipation of event in the form of advice (omen = *prognostic sign for a person to be aware of his good / bad luck - prognostic signs*);

- performance of apotropeic (chasing-out) and cathartic (purifying) magic (chant = *a suggestive monotonous rhythmic and rhymed protection verse or conspiracy*);

- performance of magic rituals that support magical texts (spell with its Latin etymological doublet charm = *an action and a magic word, verse or formula thought to have magical power*).

The formal content structure and subject matter of the sacred magic text are relatively stable, but they correlate differently with each other:

- in omens the subject matter of predictions is variable, but the cause-effect syntactic structure ‘*if... then*’ is rigid;

- conspiracies persistently use clichéd language formulas, but their subject is limited primarily to psychosomatic states of subjects of magical impact;

- spells are characterized by variability of subject matter, but their actional structure is rigidly fixed;

- rituals are distinguished by a rigid symbolic / semiotic system.

Thus, the semiolinguistics of sacred power, actualized in the system of signs, texts and discourse forms a lingua-cognitive space of protective communication with the help of religious and magical signs, nominations, texts accompanying religious and magical rituals.

**NOTES**

<sup>1</sup> A sacred text is a suggestive text, symbolically saturated, possessing a relatively stable formal-content structure, which, according to special rules or in special circumstances, reflects features of mythological consciousness [Konovalova, 2007].

<sup>2</sup> *Parables* = short simple stories which teach moral righteous lessons, especially from the Bible (Longman Dictionary of English Language and Culture).

**REFERENCES**

- Arutyunova N.D., 1999. *Language and the World of Man*. Moscow, Yazyki russkoy kultury Publ. 896 p.
- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2007. Lingua-Pragmatics of Protective Communication. *Professional Communication: Problems of the Humanities*. Volgograd, Niva Publ., iss. 2, pp. 9-15.
- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2009. Lingua-Semiotics of Sacredness: Sign, Word, Text. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1, pp. 80-87.
- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2012. Lingua-Semiotics of Social Phobia Neutralization. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 1, pp. 86-92.
- Astafurova T.N., Olyanich A.V., 2017. Lingual Semiotics of Absolute Power in the Tudors' Times. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 4, pp. 167-176. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.4.15>
- Berger P.L., 1969. *The Social Reality of Religion*. London, Pergamon Press. 390 p.
- Beznuk D.K., 2003. *The Fundamentals of the Sociology of Religion*. Minsk, Bel. Science Publ. 230 p.
- Bobyreva E.V., 2007. *Religious Discourse: Values, Genres, Strategies. Dr. philol. sci. diss.* Volgograd. 465 p.
- Bushkov A., 2007. *The Witch. Adventurous-Mystical Fairy Tale for Adults*. Moscow, Olma Media Group Publ. 340 p.
- Chernikova E.M., 2007. *The Euphemization of the Onyms and Demons in Some Indo-European and Afrasian Languages. Cand. philol. sci. diss.* Chelyabinsk. 254 p.
- Chernyavskaya T.V., 2008. *Discursive Space of English Prejudices. Cand. philol. sci. abs. diss.* Volgograd. 18 p.
- Gultaeva N.V., 2000. *The Language of the Russian Conspiracy: The Lexicon. Cand. philol. sci. abs. diss.* Ekaterinburg. 20 p.
- Konovalova N.I., 2007. *Sacred Text as a Linguistic and Cultural Phenomenon. Dr. philol. sci. abs. diss.* Moscow. 50 p.
- Losev A.F., 1982. *Sign. Symbol, Myth. Works on Linguistics*. Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta. 479 p.
- Mechkovskaya N.B., 1998. *Language and Religion*. Moscow, Grand Publ. 352 p.
- Meletinsky E.M., 1976. *Poetics of Myth*. Moscow, Nauka Publ. 407 p.
- Parsons T., 2002. *Societies: Evolutionary and Comparative Perspectives*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 538 p.
- Slyshkin G.G., 2004. *Lingua-Cultural Concepts and Meta-Concepts. Dr. philol. sci. abs. diss.* Volgograd. 39 p.
- Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G., 1980. *Lingua-Cultural Theory of the Word*. Moscow, Russian language Publ. 320 p.

**DICTIONARIES**

- Atheistic Dictionary* – Abdusamedov A.I., Aleynik R.M., Alieva B.A. (eds.), 1984. *Atheistic Dictionary*. Moscow, Politizdat Publ. 512 p.
- Dictionary of Foreign Words* – Komlev N.G., 1999. *Dictionary of Foreign Words*. Moscow, EKSMO-Press, 1999. 669 p.
- Large Encyclopedic Dictionary* – Prokhorov A.M. (ed.), 2001. *Large Encyclopedic Dictionary*. Moscow, Bolshaya Rossiyskaya entsiklopediya Publ. 1479 p.
- Longman Dictionary of English Language and Culture* – Longman Dictionary of English Language and Culture. Longman, 1998. 1568 p.
- Oxford English Universal Dictionary* – Oxford English Universal Dictionary. URL: <http://www.oed.com>

### **Information about the Authors**

**Tatyana N. Astafurova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of German and Romanic Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia, [pic@volsu.ru](mailto:pic@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

**Andrey V. Olyanich**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Foreign Languages, Volgograd State Agrarian University, Prosp. Universitetsky, 26, 400002 Volgograd, Russia, [aolyanich@mail.ru](mailto:aolyanich@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0003-3990-5707>

### **Информация об авторах**

**Татьяна Николаевна Астафурова**, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия, [pic@volsu.ru](mailto:pic@volsu.ru), <http://orcid.org/0000-0002-1299-8109>

**Андрей Владимирович Олянич**, доктор филологических наук, профессор кафедры иностранных языков, Волгоградский государственный аграрный университет, просп. Университетский, 26, 400002 г. Волгоград, Россия, [aolyanich@mail.ru](mailto:aolyanich@mail.ru), <http://orcid.org/0000-0003-3990-5707>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.18>

UDC 811.163.41'367.625  
LBC 81.416.4-213

Submitted: 12.09.2018  
Accepted: 09.10.2018

## THE MEANING AND USE OF THE RUSSIAN VERB *SOSTOYAT* (*CONSIST OF*) AND ITS EQUIVALENTS IN SERBIAN

**Maja Krstich**

University of Novi Sad, Novi Sad, Serbia

**Abstract.** The object of this paper is the Russian verb *sostoyat* (*consist of*) drawing attention to the analysis due to its wide semantic potential and a wide range of commonly used features in the Russian language. As the verb is used in Russian quite often, the author explores its various aspects. At the beginning of the paper the author briefly presents the etymology of this verb. In addition, the described lexicographic data indicate the possibility of its use in four different meanings and the corresponding forms of the given verb in the Serbian language. The author presents the limitations in the use of the personal forms and points to its use as a verbal ligament due to its close connection with the meaning of the verb *byt* (*to be*). The connection with the verb *to be* represents an opportunity to use this verb in the existential sense, and its limitations in using the verb form have been pointed out. The author lists the synonyms of the given verb, the stable combinations in which it is used and also presents its use in various meanings expressed in percents. The data presented in the paper can contribute to the theory and practice of teaching Russian as a foreign language (in this case – in the Serbian language environment), primarily in mastering the verbal subsystem due to its connection with other verbs that in some meanings have similar usage.

**Key words:** verb, verbal ligament, Russian language, Serbian language, irregular polysemy, lexical semantics, semantic potential.

**Citation.** Krstich M. The Meaning and Use of the Russian Verb *Sostoyat* (*Consist of*) and Its Equivalents in Serbian. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 188-196. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.18>

УДК 811.163.41'367.625  
ББК 81.416.4-213

Дата поступления статьи: 12.09.2018  
Дата принятия статьи: 09.10.2018

## ЗНАЧЕНИЕ И УПОТРЕБЛЕНИЕ ГЛАГОЛА *СОСТОЯТЬ* И ЕГО ЭКВИВАЛЕНТЫ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

**Мая Крстич**

Новисадский университет, г. Нови-Сад, Сербия

**Аннотация.** Объектом исследования является русский глагол *состоять*, обладающий большим семантическим потенциалом и широким спектром возможностей употребления в языке. Этот глагол, используемый в русском языке достаточно часто, рассматривается в статье в различных аспектах: представлено обобщение лексикографических данных о его значениях с указанием специфики функционирования в каждом из них, приведены этимологические сведения, определены лексические эквиваленты в сербском языке. В результате формально-семантического анализа выявлены ограничения, связанные с видовыми характеристиками и использованием его личных форм. В статье рассматривается вопрос об употреблении глагола *состоять* в качестве связки (соотнесенность с глаголом *быть* и возможность использования в экзистенциальном значении). Охарактеризованы синонимы и устойчивые сочетания, в состав которых он входит, а также наиболее распространенные ассоциации. Выводы об особенностях лексической семантики анализируемой единицы подтверждены количественными данными. Полученные результаты могут найти применение в преподавании русского языка как иностранного (например, в сербской языковой среде) при освоении студентами глагольной лексической подсистемы.

**Ключевые слова:** глагол, глагольная связка, русский язык, сербский язык, нерегулярная многозначность, лексическая семантика, семантический потенциал.

**Цитирование.** Крстич М. Значение и употребление глагола *состоять* и его эквиваленты в сербском языке // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 188–196. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.18>

### Вступительные замечания

Цель статьи – охарактеризовать семантический потенциал лексической единицы *состоять* (непереходного глагола несовершенного вида, регулярно образующего формы прошедшего, настоящего и сложного будущего времени, а также повелительного наклонения, которые используются весьма редко с учетом ее нерегулярной многозначности (последовательного употребления в нескольких различных значениях) и ограничений в парадигматическом (дефектность при образовании личных форм) и аспектуально-темпоральном (отсутствие видовой оппозиции / парности) планах).

Исследование начинается с описания этимологии и лексических значений данного глагола, зафиксированных в лексикографических источниках. Затем рассматриваются его морфологические и синтаксические характеристики, перечисляются синонимы, устойчивые сочетания, а также приводится классификация наиболее распространенных ассоциаций, связанных с глаголом *состоять*. Экземплификационной основой работы послужили словари русского языка (см. список в конце статьи). Эмпирический материал составили примеры, извлеченные из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В качестве продолжения семантического анализа русского глагола *состоять* выявляются соответствующие каждому из его значений эквиваленты в сербском языке.

### Этимология

*Состоять* является приставочным образованием от *стоять* (праслав. \**stojati*, \**stojǫ*, связанное чередованием гласных со *stati* / рус. *стать*; серб. *постати*; греч. *στατός*; лат. *status*; герм. *stehen*), его значение в конкретном использовании переплетается со значением глагола *быть* (Фасмер, III, с. 745–746, 769).

### Лексикографические сведения

Большинство толковых словарей русского языка выделяют четыре значения глагола *состоять*:

1) *из кого-чего*. ‘Быть составленным из кого-, чего-л., иметь в своем составе кого-, что-л.’: *Квартира состоит из двух комнат. Семья состоит из четырех человек. Через час подали ужин, состоявший из винегрета, холодной телятины, паштета, кондитерских пирожков и шампанского.* Гоголь, Шинель. *Мой отряд состоял из шести человек сибирских стрелков и четырех лошадей с вьюками.* Арсеньев, По Уссурийской тайге. || ‘Заключать в себе, представлять собой’. *Вся поклажа моей тележки состояла из небольшого чемодана.* Лермонтов, Бэла. [*Гора*] *почти вся состоит из богатейшей железной руды.* Мамин-Сибиряк, В горах.

2) *в чем*. ‘Иметь своим содержанием что-л.’ // ‘заклучаться в чем-л.’: *Несчастье Рудина состоит в том, что он России не знает.* Тургенев, Рудин. *Задача отряда состояла в том, чтобы встретить в открытом море очередной американский караван судов.* Казакевич, Сердце друга.

3) ‘Быть в составе, являться членом какой-л. группы, организации и т. п.’: *Состоять в профсоюзе. Состоять в комсомоле. Покойный муж Валентины Васильевны состоял пайщиком у нас в банке.* А.Н. Толстой, Егор Абозов. *Всю жизнь здесь жили, сколько лет в колхозе состояли.* Николаева, Жатва. || *Устар.* ‘Исполнять какие-л. обязанности, иметь какую-л. должность, звание, чин’. *Состоять на службе. Состоять при посольстве. Говорит и кашляет он, как очень важный чиновник, хотя состоит только в чине коллежского секретаря.* Чехов, Новая дача. *А почему ты в стряпухах состоишь, а не на производстве работаешь?* – спросил Давыдов. Шолохов, Поднятая целина.

4) ‘Быть, находиться в каком-л. состоянии, положении (общественном, семейном,

имущественном и т. п.': *Состоять в браке. Состоять под судом. Состоять на иждивении. Под ее надзором состояла вся девица.* Салтыков-Щедрин, Пошехонская старина. || 'В сочетании с некоторыми отглагольными существительными обозначает действие или состояние (по значению существительного), участие в чем-л. и т. п.': *Состоять в переписке.* [Авдей Иванович] в дружбе состоял с одним только раздушенным адъютантом. Тургенев, Бретер.

### Ограничения в употреблении личных форм

Когда рассматриваемый глагол употребляется в значениях (1) и (2), он имеет только формы 3-го л. ед. и мн. ч. Глаголы, неполная реализация формальной парадигмы которых (чаще всего неупотребительность форм 1-го и 2-го л. ед. и мн. ч.) обусловлена их семантическими особенностями (обозначение действия, выполняемого независимо от говорящего и собеседника), многочисленны в современном русском языке [Крстић, 2010, с. 4–9; Тарланов, 1979].

В науке предложены их классификации. Так, И.А. Марфунина выделяет 16 подгрупп таких глаголов [Марфунина, 1996]. *Состоять* включен в подгруппу глаголов с узуальным значением, то есть глаголов, выражающих действие, которое не может быть выполнено 1-м и 2-м л., но относится к ним. Они обычно обозначают правила, нормы, традиции, обычаи, привычки: *вестись (Ведутся переговоры), водиться (В пруду водятся караси), возбраняться (Спорить никому не возбраняется), выработаться (Выработалась привычка), заключаться (Сложность заключается в отсутствии необходимых сведений), писаться (Твердый знак в конце слов не пишется), полагаться (Полагается спрашивать разрешения), повестись (Как повелось на земле, так и с тобой поведется, Арина...), практиковаться (Практикуются новые методы работы), приличествовать (Ему не приличествует так говорить), содержаться (Одежда содержится в порядке), состоять (Роман состоит из двух частей), упираться (Дело упирается в нехватку материалов), употребляться (Устаре-*

лые слова употребляются редко) и др. [Крстић, 2010, с. 56–57].

### Видовые ограничения

Глагол *состоять* принадлежит к лексико-грамматическому разряду глаголов несовершенного вида, у которых не существует видовых коррелятов вследствие неопределенного значения, так как они не способны указывать на начальную и конечную точку в течении конкретного действия. Речь идет об одновидовых глаголах несовершенного вида (*imperfectiva tantum*), обозначающих действие, момент инициации или окончания которого не может быть определен. Глаголы такого типа часто упоминаются в русском языке как глаголы абсолютно несовершенного вида, одну из подгрупп которых составляют связочные и полусвязочные глаголы: *быть* (кем), *являться* (кем), *доводиться*, *приходиться*, *находиться*, *состоять*, *числиться*, *звать* (кого как), *сходствовать*, *находить*, *отличаться*, *преобладать*, *значить*, *содержать*, *заключать* и др.

### Экзистенциальное значение

Словарь Даля (ТСЖВЯ) интерпретирует глагол *состоять* как синоним *быть*, *находиться*, непосредственно указывая на его употребление в экзистенциальном значении.

Экзистенциальные глаголы входят в состав экзистенциальных предложений. Н.Д. Арутюнова и Е.Н. Ширяев считают таковыми предложения, которые выражают существование в реальности или в определенном ее фрагменте объектов, имеющих конкретную характеристику [Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 8]. Авторы утверждают, что экзистенциальные предложения отражают пространственно-предметный аспект мира, и разделяют их на две группы: предложения идентификации и характеристики. Сказуемое в них может быть таксономическим, характеризационным, реляционным или локативным. Экзистенциальное предложение состоит из следующих элементов: 1) локализатор; 2) название группы объектов; 3) имя экзистенциального объекта; 4) экзистенциальный глагол. Центральное место в предложениях данного типа занимает глагол

*быть*. Экзистенциальный глагол *быть* отличается от связочного в предложениях характеристики, поскольку, как отмечают авторы, он является полнозначным. По их мнению, глагол *быть* выражает экзистенциальность в прямом значении и имеет синонимы *иметь*, *существовать* и (в ограниченном использовании) *находиться*. Кроме этих лексических единиц, авторы приводят и ряд других глаголов, которые могут использоваться в значении экзистенциальности: *водиться*, *лежать*, *состоять*, *стоять*, *храниться*, *белеться*, *валиться*, *раскинуться* и многие другие [Арутюнова, Ширяев, 1983, с. 14].

*Состоять* является синонимом экзистенциального глагола *быть* в том случае, если выражает значение 'состоять на службе, служить или числиться, состоять налицо, – в отлучке': *Он состоит мне должным, попросту должен* (ТСЖВЯ); *Состоять на службе такого агрессора – дело вполне возможное* (НКРЯ).

### Связочная функция

Глагол *состоять* сближается с *быть* в конструкциях, где он выступает в роли глагольной связки.

Многие русисты [Белашапкина, Брызгунова, Земская, 2003; Валгина, 1978; Вопросы..., 1989; Всеволодова, 2000; Пешковский, 2001; Тестелец, 2001] разделяют глагольные связки на три основные группы: 1) отвлеченная связка – глагол *быть* в различных формах времени и наклонения, выполняющий только грамматическую функцию; 2) полуотвлеченная связка – глагол с ослабленным лексическим значением, выполняющий двоякую функцию: он соединяет именную часть с подлежащим и частично выражает вещественное значение предиката (*стать*, *становиться*, *казаться*, *являться*, *состоять* (в чем), *делаться*, *считаться*, *называться* и др.); 3) знаменательная связка – глагол со значением движения, состояния, деятельности и т. д., способный служить самостоятельным глагольным сказуемым, но в данной конструкции выполняющий также функцию связки, соединяющей именную часть с подлежащим (*лежать*, *сидеть*, *служить*, *ходить*, *вернуться*, *жить* и др.).

М.В. Всеволодова считает, что кроме глагола *быть* (она называет его «основной», «настоящей» связкой) к группе связок принадлежат и полузнаменательные глаголы *являться*, *являть собой*, *представлять собой*, *служить*, *состоять* (в чем), *заклучаться* (в чем) и т. д., которые, выполняя данную функцию полностью, не десемантизируются, сохраняют в определенной степени свое лексическое значение, обладая при этом, как правило, значением синтаксического времени. Все глаголы-связки, кроме *быть*, реализуют свою лексическую семантику и сохраняют специфику в использовании: связочный глагол *служить* указывает на функцию подлежащего, *являться* имеет оценочное значение и т. д. [Всеволодова, 2000, с. 56].

Наличие глагольных связок – характеристика биноминативных предложений, в которых глагольные связки соединяют две именные части (*Очередное ничтожное поручение – состоять в свите посла к императору французов*. Давыдов, Синие тюльпаны). В таких предложениях употребление глагольных связок в том или ином лексическом значении обусловлено ситуацией.

### Синонимы

Когда глагол *состоять* используется в значении (1) (*состоять* + *из* + род. пад.), у него появляются два синонима: *складываться* + *из* + род. пад. и *содержать* + вин. пад.: *Роман не может состоять из одних комических перипетий* (НКРЯ) / *Роман не может содержать одни комические перипетии*; *Роман не может складываться из одних комических перипетий*.

Глагол *состоять* в значении (2) (*состоять* + *в* + пред. пад.) имеет в качестве синонима глагол *заклучаться* + *в* + пред. пад.: *Аналогия может состоять в том, что и сегодняшний день активно вызывает к жизни дискуссию как об общих ценностях, так и о русской идентичности и русской идее* (НКРЯ) / *Аналогия может заключаться в том, что и сегодняшний день активно вызывает к жизни дискуссию как об общих ценностях, так и о русской идентичности и русской идее*.

Будучи употребленным в значениях (3) или (4) (*состоять* + *в* / *на* + пред. пад.), этот

глагол имеет несколько регулярно используемых синонимов: *пребывать, быть и находиться + в / на + пред. пад.*: *Такие люди тогда могли еще состоять на службе, но только не казенной (НКРЯ) / Такие люди тогда могли еще быть на службе, но только не казенной; Состоять на службе такого агрессора – дело вполне возможное (НКРЯ) / Находиться на службе такого агрессора – дело вполне возможное.*

Кроме перечисленных, в качестве синонимов глагола *состоять* могут употребляться и следующие лексические единицы: *составлять, составляться, значиться, относиться, являться, считаться, принадлежать, организоваться / организовываться, иметься, помещаться, обнаруживаться, наличествовать, сохраняться, храниться, отыскиваться, числиться, располагаться, фигурировать, слагаться*: *Ежегодный оборот его составляет около четырех миллиардов рублей – деньги, которые платятся врачам, военкомам, членам приемных комиссий многочисленных левых вузов, куда мало кто захотел бы поступать, если б не отсрочка от армии (НКРЯ) / Ежегодный оборот его состоит из около четырех миллиардов рублей – деньги, которые платятся врачам, военкомам, членам приемных комиссий многочисленных левых вузов, куда мало кто захотел бы поступать, если б не отсрочка от армии; Было ведь неизвестно, арестованный он или разжалованный или еще числится на службе (НКРЯ) / Было ведь неизвестно, арестованный он или разжалованный или еще состоит на службе.*

### Устойчивые сочетания

С опорой на лексикографические данные охарактеризуем далее некоторые из наиболее распространенных устойчивых сочетаний с глаголом *состоять* в русском языке:

– *состоять в партии* ('быть членом партии'). В эпоху Советского Союза этот фразеологизм использовался очень часто, в повседневной речи можно было услышать: – *Состоишь?* – *Состою.* (– Ты член партии? – Да.); – *состоять на службе* ('быть в какой-то / чьей-то службе'): *Чиновники имеют право состоять на службе, на что огром-*

*ное большинство населения Российской империи прав не имеет, – сепаратизм;*

– *состоять на учете* ('быть зарегистрированным'): *Они должны быть старше 18 лет, не состоять на учете в психо- и наркодиспансерах, не иметь судимостей;*

– *состоять на вооружении* ('быть в чьей-то службе, функционировать'): *Пока технологии устрашения будут состоять на вооружении у недобросовестных работников прокуратуры, никто из граждан России не сможет чувствовать себя в безопасности.*

Можно заметить, что устойчивые сочетания с глаголом *состоять* связаны с его использованием в значениях (3) или (4) (*состоять + в / на + пред. пад.*).

### Ассоциации, связанные с глаголом *состоять*

Представим наиболее распространенные ассоциации и выраженные существительными и глаголами понятия, которые чаще всего связаны с глаголом *состоять* (все нижеприведенные примеры ассоциаций взяты с электронного ресурса ССА):

– существительные: *планировка, домохозяйство, родство, сегмент, грудка, вооружение, атом, углерод, молекула, азот, водород, электрон, компонент, частица, ведомость, пары, субстанция, элемент, вещество, секция, комитет, генерал-губернатор, пулемет, член, коллегия, задача, учет, материя, различие, брак, служба, профсоюз, управа, домашние, дворянство, чин, ведомство, гарнизон, депутат, домен, адъютант, предназначение, канцелярия, сенат, суть, подразделение, селение, сечение, пехота, батальон, часть, охранение, коммуна, специфика, жюри, индивидуум, последовательность, колос, артиллерия, повинность, супруга, жалованье, совокупность, контингент, агрегат, поручение, авангард, сословие, отросток, бригада, половинка, духовенство, мембрана, индивид, корпус, должность, архипелаг, соединение, труппа, добавление, персонал, ревизия, самоуправление, модуль;*

– глаголы: *избирать, застроить, смеяться, избираться, чередоваться, присоединяться, срастись, спойть, разделяться, на-*

*значаться, насчитывать, командировать, перемежаться, заведовать, соединяться, соединить, оканчиваться, числиться, пилотировать, взаимодействовать.*

Наиболее распространенные ассоциации, относящиеся к глаголу *состоять*, можно разделить на несколько групп:

1) понятия, связанные с химической структурой различных предметов, которые окружают человека: *атом, углерод, молекула, азот, водород, электрон, компонент, частица, субстанция, элемент, вещество, материя;*

2) понятия, связанные с военной сферой: *вооружение, пулемет, чин, гарнизон, адъютант, пехота, батальон, артиллерия, бригада, генерал-губернатор* и др.;

3) понятия, связанные с бытовой сферой (дом, семья): *домохозяйство, родство, брак, домашние, супруга;*

4) понятия, связанные с профессией, местом работы: *секция, комитет, генерал-губернатор, член, коллегия, задача, учет, служба, профсоюз, управа, канцелярия, сенат, коммуна, жюри, сословие, должность, самоуправление* и др.;

5) понятия, связанные с категориями целое / часть, объединение / разделение, прибавление / вычитание; ассоциации этой группы обусловлены использованием глагола *состоять* для обозначения того, что является неотъемлемой частью чего-то: *сегмент, компонент, частица, элемент, подразделение, совокупность, половинка, соединение, добавление.*

На основании вышесказанного можно заметить, что преобладают ассоциации, связанные с употреблением глагола *состоять* в значениях (1) и (4).

### Эквиваленты в сербском языке

Полученные результаты могут использоваться в преподавании русского языка как иностранного (например, в сербской языковой среде) при освоении студентами глагольной лексической подсистемы, поскольку *состоять* является репрезентантом группы глаголов, имеющих аналогичные ему формальные и семантические особенности. При этом необходимо учитывать возможности интерфе-

ренции, а следовательно, нужно дать студентам представление об эквивалентах глагола *состоять*.

Представим сербские лексические эквиваленты, потенциально соответствующие каждому из вышеприведенных употреблений / значений рассматриваемой единицы:

– глаголу *состоять*, употребленному в значении (1), в сербском языке соответствуют следующие: *садржати, састојати се, сачињавати, чинити*: *Одговор будет состоять из двух частей* (НКРЯ) – *Одговор ће се састојати из два дела // Одговор ће садржати (сачињавати / чинити) два дела* (здесь и далее перевод наш. – М. К.);

– в значении (2) данному глаголу эквивалентны: *сводити се / свести се, закључивати, имати суштину, подразумевати*: *Главная хитрость состоит в том, чтобы добавить молока столько, сколько указано в рецепте* (НКРЯ) – *Суштина је у томе да се дода тачно онолико млека, колико пише у рецепту; В этом случае моя задача будет состоять в том, чтобы посеять в голове судьи разумные сомнения и добиваться снижения меры наказания* (НКРЯ) – *У том случају суштина мог задатка је у томе да усадим у главу судије основу сумњу и добијем смањење казне*. В этом значении сербским эквивалентом может являться также глагол *бити*: *У том случају мој задатак је у томе да усадим у главу судије основу сумњу и добијем смањење казне;*

– у глагола *состоять*, употребленного в значениях (3) или (4), в сербском языке может быть несколько эквивалентов, не имеющих характерной для русского языка фразеологизированной структуры: *бити, налазити се, служити*: *Состоит [пистолет Р225] на вооружении в Японии, Таиланде, Нигерии, Дании, Франции и еще в некоторых странах* (НКРЯ) – *Служи у Јапану, Тајланду, Нигерији, Данској, Француској и још у неким земљама; Он и сейчас состоит на кафедре профессором, создавшим свою научную школу* (НКРЯ) – *Он је и сада професор на катедри, који је створио своју научну школу.*

Эквивалентных фразеологизированных структур (устойчивых сочетаний), характерных для русского языка, в сербском не существует. В переводе устойчивых сочетаний с

глаголом *состоять* (*состоять в партии, на службе, на учете, на вооружении*) на сербский язык можно употребить: *бити, налазити се, служити* (*состоять в партии – бити члан партије; состоять на службе – бити у служби*).

### Выводы

Глагол *состоять* обладает широким семантическим потенциалом и различными возможностями употребления. Его специфика заключается в том, что при конкретном использовании (в предложении) он имеет несколько ограничений. Наряду с реализацией своего основного (наиболее распространеного в использовании) значения – ‘быть составленным из кого-, чего-л., иметь в своем составе кого-, что-л.’ (*состоять + из + род. пад.*) – глагол *состоять* может передавать семантику экзистенциальности (например, в определенных ситуациях, когда он употребляется вместо бытийных глаголов *быть* или *находиться*), а также выступать в роли глагольной связки. В зависимости от значения, в котором он используется, данный глагол имеет несколько синонимов: *складываться, содержать, заключаться, пребывать, быть и находиться*. О широте его семантического потенциала в русском языке свидетельствуют и устойчивые выражения, которые часто встречаются в различных стилях языка: *состоять в партии, состоять на службе, состоять на учете и состоять на вооружении*. Анализ примеров показал, что наиболее частое употребление данный глагол имеет в значении (1): ‘быть составленным из кого-, чего-л., иметь в своем составе кого-, что-л.’ (*состоять + из + род. пад.*) – 44 %, реже он используется в значениях (3): ‘быть в составе, являться членом какой-л. группы, организации и т. п.’ и (4): ‘быть, находиться в каком-л. состоянии, положении (общественном, семейном, имущественном и т. п.)’ (*состоять + в / на + пред. пад.*) – 35 %, а наименее употребителен глагол *состоять* в значении (2): ‘иметь своим содержанием что-л. // заключаться в чем-л.’ (*состоять + в + пред. пад.*) – 21 %. Такое соотношение значений подтверждается и ассоциативными данными.

Перевод на сербский язык русского глагола *состоять* и устойчивых сочетаний возможен посредством следующих глаголов: *садржати, састојати се, сачињавати, чинити, сводити се / свести се, закључивати, имати (суштину), подразумевати, бити, налазити се и служити*.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н., 1983. Русское предложение. Бытийный тип. М. : Русский язык. 198 с.
- Белашапкина В. А., Брызгунова Е. А., Земская Е. А., 2003. Современный русский язык. М. : Азбуковник. 928 с.
- Валгина Н. С., 1978. Синтаксис современного русского языка. М. : Высшая школа. 439 с.
- Вопросы..., 1989. Вопросы коммуникативно-функционального описания синтаксического строя русского языка / под ред. М. В. Всеволодовой, С. А. Шуваловой. М. : МГУ. 183 с.
- Всеволодова М. В., 2000. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса. М. : МГУ. 501 с.
- Крстић М., 2010. Verba defectiva и њихови супститути у савременом руском језику : Необјављени магистарски (постдипломски) рад (Неопубликованная кандидатская (аспирантская) диссертация). Нови Сад : Филозофски факултет. 170 с.
- Марфунина И., 1996. О глаголах с неполной парадигмой // Контрастивна језичка истраживања : V симпозијум. Нови Сад : Филозофски факултет. С. 163–172.
- Пешковский А. М., 2001. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 8-е. М. : Языки славянской культуры. 544 с.
- Тарланов З. К., 1979. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания. № 1. С. 63–74.
- Тестелец Я. Г., 2001. Введение в общий синтаксис. М. : РГГУ. 798 с.

### СЛОВАРИ

- Большой толковый словарь русского языка / сост. и глав. ред. С. А. Кузнецов. СПб. : Норинт, 2000. 1536 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный : в 2 т. М. : Русский язык, 2000.
- Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М. : Русские словари, 2007. 800 с.

- Золотова Г. А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса / отв. ред. Ю. Н. Караулов. М. : Наука, 1988. 440 с.
- Лебедева М. Н. Словарь-справочник синтаксической сочетаемости глаголов. 2-е изд. М. : Русский язык. Курсы, 2000. 189 с.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю., 2006. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М. : ООО «А ТЕМП», 2006. 944 с.
- Окунева А. П. Русский глагол (Словарь-справочник). М. : Русский язык, 2000. 558 с.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь трудностей русского языка. 6-е изд. М. : Айрис-пресс, 2005. 832 с.
- Сазонова И. К. Русский глагол и его причастные формы: Толково-грамматический словарь. М. : Русский язык, 1989. 589 с.
- Словарь русского языка : в 4 т. / под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984.
- Словарь современного русского литературного языка : в 17 т. М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1948–1963.
- Толковый словарь русского языка : в 4 т. / под ред. Д. Н. Ушакова. М. : Сов. энцикл. ; ОГИЗ 1935–1940.
- ТСЖВЯ – Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. М. : Русский язык, 1978–1980.
- Фасмер – Фасмер М. Этимологический словарь русского языка : в 4 т. / пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд. стер. М. : Прогресс, 1987. Т. 3. 832 с.

#### ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: [www.ruscorpora.ru](http://www.ruscorpora.ru) (Июль 2018 г.)
- ССА – Сеть словесных ассоциаций. URL: <https://wordassociations.net/ru/> (Июль 2018 г.)

#### REFERENCES

- Arutyunova N.D., Shiryaev E.N. , 1983. *The Russian Sentence. The Existential Type*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1983. 198 p.
- Beloshapkova B.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A., 2003. *The Modern Russian Language*. Moscow, Azbukovnik Publ. 928 p.
- Valgina N.S., 1978. *Syntax of the Modern Russian Language*. Moscow, Vysshaya shkola Publ. 439 p.
- Vsevolodova M.V., Shuvalova S.A. (eds.), 1989. *Questions of Communicative and Functional*

- Description of the Syntactic Structure of the Russian Language*. Moscow, MGU Publ. 183 p.
- Vsevolodova M.V., 2000. *Theory of Functional-Communicative Syntax*. Moscow, MGU Publ. 501 p.
- Krstich M., 2010. *Verba Defectiva and Their Counterparts in the Modern Russian Language. Unpublished PhD Thesis*. Novi Sad, Faculty of Philosophy. 170 p.
- Marfunina I., 1996. About the Verbs with an Incomplete Paradigm. *Kontrastivna jezička istraživanja. V simpozijum [Contrastive Language Research. The 5th Symposium]*. Novi Sad, Faculty of Philosophy, pp. 163-172.
- Peshkovskiy A.M., 2001. *Russian Syntax in Scientific Coverage*. Moscow, Yazyki slavyanskoj kultury Publ. 544 p.
- Tarlanov Z.K., 1979. Verbs with Incomplete Personal Paradigm in the Russian Language. *Voprosy yazykoznaniya [Topics in the Study of Language]*, no. 1, pp. 63-74.
- Testelet Ya.G., 2001. *Introduction to the Common Syntax*. Moscow, RGGU Publ. 798 p.

#### DICTIONARIES

- Kuznetsov S.A (ed.). *Big Dictionary of the Russian Language*. Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1534 p.
- Efremova T.F. *New Dictionary of Russian. Interpretative and Derivative*. In 2 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 2310 p.
- Zaliznyak A.A.. *Dictionary of Russian Grammar. Inflection*. Moscow, Russkie slovari Publ., 2007. 800 p.
- Zolotova G.A.. *Dictionary of Syntax*. Moscow, Nauka Publ., 1988. 440 p.
- Lebedeva M.N. *Reference Dictionary of Syntactic Compatibility of Verbs*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 189 p.
- Ozhegov S.I., Shvedova N.Yu., 1999. *Explanatory Dictionary of the Russian Language*. Moscow, A TEMP Publ. 944 p.
- Okuneva A.P. *Russian Verb (Dictionary-Reference Book)*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 2000. 558 p.
- Rozental D.E., Telenkova M.A. *Dictionary of Difficulties of the Russian Language*. Moscow, Iris Press., 2005. 832 p.
- Sazonova I.K. *The Russian Verb and Its Participial Forms: The Explanatory-Grammatical Dictionary*. Moscow, Russkiy yazyk Publ., 1989. 589 p.
- Evgenyeva A.P. (ed.), 1981-1984. *Dictionary of the Russian Language*. In 4 vols. Moscow, Russkiy yazyk Publ.

*Dictionary of the Modern Russian Literary Language.*  
In 17 vols. Moscow; Leningrad, AN SSSR Publ.  
1948-1963.

Ushakov D.N. (ed.). *Explanatory Dictionary of the  
Russian Language.* Moscow, Sovetskaya  
entsiklopediya Publ.; OGIZ, 1935-1940.

Dal V.I. *Explanatory Dictionary of the Live Great  
Russian Language.* In 4 vols. Moscow, Russkiy  
yazyk Publ., 1978-1980.

Fasmer M. *Dictionary of Russian Etymology.* In 4 vols.  
Moscow, Progress Publ., 1987, vol. 3. 832 p.

#### **SOURCES**

*National Corpus of the Russian Language.* URL:  
<https://www.ruscorpora.ru> (accessed July 2018).

*The Network of Verbal Associations.* URL: [https://  
wordassociations.net/ru/](https://wordassociations.net/ru/) (accessed July 2018).

#### **Information about the Author**

**Krstich Maja**, Doctor of Sciences (Philology), Senior Lecturer, Deputy Head of Department of Slavic Studies, Faculty of Philosophy, University of Novi Sad, Dr Zorana Djindjica, 2, 21000 Novi Sad, Serbia, [maja.krstic@ff.uns.ac.rs](mailto:maja.krstic@ff.uns.ac.rs), <https://orcid.org/0000-0003-2801-890X>

#### **Информация об авторе**

**Майя Крстич**, доктор филологических наук, старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой славистики философского факультета, Новисадский университет, Д-р Зорана Джинджича, 2, 21000 г. Нови-Сад, Сербия, [maja.krstic@ff.uns.ac.rs](mailto:maja.krstic@ff.uns.ac.rs), <https://orcid.org/0000-0003-2801-890X>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.19>

UDC 811.161.1:347.189.3  
LBC 81.411.2-003

Submitted: 07.10.2018  
Accepted: 30.10.2018

## THE PSEUDONYMOUS CODE OF G. CHKHARTISHVILI

**Tatyana A. Snigireva**

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Aleksey V. Podchinenov**

Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia

**Aleksey V. Snigirev**

Ural State Law University, Ekaterinburg, Russia

**Abstract.** This paper sets out to systematize the multiple pseudonyms used by the contemporary writer G. Chkhartishvili. These are B. Akunin (*The Adventures of Erast Fandorin*, *The Adventures of Sister Pelagia*, a series of novels *The Adventures of the Master*, the project *Genres*, the plays *The Seagull*, *Yin and Yang*, the project *The History of the Russian State*), Boris Akunin and Grigory Chkhartishvili (*Cemetery Stories*), Akunin-Chkhartishvili (*Aristonomy*, *Another Way*), Grigory Chkhartishvili (*The Writer and Suicide*), Anatoly Brusnikin (*Devyatny Spas*, *Hero of Another Time*, *Bellona*) and Anna Borisova (*Kreativschik*, *There*, *The Seasons*). We investigate reasons for the multiplicity of Akuninian pseudonyms, a strategically honed system of which contributes to his authorial image. It is shown that, while the commercial pseudonyms are aimed at promoting his new literary projects and are implemented through a conspiracy game played with the reader, the creative ones serve to manifest the author's breadth of interests and philological knowledge such that every new pen name triggers a new writing strategy and a new creative tactic. The analysis of various literary masks' influence on the author's creative outcome shows that each pseudonym is 'placed' in the literary, genre or artistic time of the text. B. Akunin is primarily the author of historical retro-detective stories, whereas adventure novels are signed by the pen name of A. Brusnikin. A. Borisova 'writes' prose set in the present day. From the very beginning, the author's real name has been always assigned to his serious literature. The authorial system of names is being constantly refined, distinguishing B. Akunin, the fiction writer, from G. Chkhartishvili, the elite literature writer, in the novels *Aristonomy* and *Another Way* the twinned name Akunin-Chkhartishvili deliver another conceptual image. In conclusion it is stated that the abundance of Chkhartishvili's pen names evinces the author's intellectual and personal intrigue, which points to multiconceptual character of their pseudonymous code, being auto- and self-marketing, creative auto- and self-identification.

**Key words:** B. Akunin, pseudonym, pseudonymous game, writing strategy, author's self-identification.

**Citation.** Snigireva T.A., Podchinenov A.V., Snigirev A.V. The Pseudonymous Code of G. Chkhartishvili. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 197-205. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.19>

УДК 811.161.1:347.189.3  
ББК 81.411.2-003

Дата поступления статьи: 07.10.2018  
Дата принятия статьи: 30.10.2018

## ПСЕВДОНИМНЫЙ КОД Г. ЧХАРТИШВИЛИ

**Татьяна Александровна Снигирева**

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

**Алексей Васильевич Подчиненов**

Уральский федеральный университет, г. Екатеринбург, Россия

## Алексей Васильевич Снигирев

Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия

**Аннотация.** Современный писатель Г. Чхартишвили выступает под рядом псевдонимов, которые систематизированы в статье: *Б. Акунин* («Приключения Эраста Фандорина», «Приключения сестры Пелагии», серия романов «Приключения магистра», проекты «История Российского государства», «Жанры», сборник «Сказки для идиотов»), пьесы «Чайка», «Инь и Янь»); *Борис Акунин*, *Григорий Чхартишвили* («Кладбищенские истории»); *Акунин-Чхартишвили* («Аристонмия», «Другой Путь»); *Григорий Чхартишвили* («Писатель и самоубийство»); *Анатолий Брусникин* («Девятный Спас», «Герой иного времени», «Беллона»); *Анна Борисова* («Креативщик», «Там», «Vremena goda»). Исследованы причины множественности псевдонимов, которые, составляя стратегически выверенную систему, используются для создания писательского имиджа: коммерческие, направленные на успешное продвижение нового литературного проекта, реализуемые путем своеобразной конспирологической игры с читателем, и собственно творческие, связанные с авторской широтой интересов и филологическим знанием того, что новый псевдоним инициирует новую писательскую стратегию и иную художественную тактику. Проанализированы художественные результаты обращения писателя к разным псевдонимам: каждый из них связан с тем или иным литературным и художественным временем текста или жанра. Б. Акунин – прежде всего автор исторических ретродетективов, А. Брусникин – приключенческих романов и повестей. Перу А. Борисовой принадлежит проза, описывающая современность. Свою фамилию писатель изначально отдал «серьезному творчеству» и последовательно продолжает уточнять систему имен, разделяя Б. Акунина как беллетриста и Г. Чхартишвили как автора элитарной литературы, что закреплено романами «Аристонмия» и «Другой путь», где на обложке значится Акунин-Чхартишвили. Сделан вывод о том, что интенсивность псевдонимного речетворчества Г. Чхартишвили является знаком интеллектуально-личностной интриги автора, в которой все проблемнее и значительнее встает вопрос не столько об авто- / самомаркетинге писателя, сколько о его творческой авто- / самоидентификации.

**Ключевые слова:** Б. Акунин, псевдоним, псевдонимная игра, писательская стратегия, авторская самоидентификация.

**Цитирование.** Снигирева Т. А., Подчиненов А. В., Снигирев А. В. Псевдонимный код Г. Чхартишвили // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 197–205. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.19>

### Emergence of a new phenomenon in contemporary Russian literature

There exists a widespread version explaining how G. Chkhartishvili, the Deputy Editor of the *Foreign Literature* journal, a degreed philologist, a specialist in Japanese literature, a famous translator and the author of various critical and publicistic articles, became an author of popular detective stories. Once, prior to setting off to work, his wife started covering a glossy book in newspaper.

When asked why G. Chkhartishvili decided to start writing detective stories, she set forward the following supposition: highly-educated people might love detective stories, though they could feel inappropriate to read books with naked blond girls and bloody knives in public places. She joked then – in order to satisfy his friends Chkhartashvili gave them the books which they would not need to hide behind a newspaper [Verbieva, 1999].

It is under the pseudonym of B. Akunin that G. Chkhartishvili became a successful writer. He

offered the Russian reader a retro-detective story, featuring a charming main character, which refers to a whole body of classical literature.

It is interesting that the emergence of this new authorial figure also resembles a detective story. In the context of a highly volatile book publishing market and intensive information exchange, the personality and biography of the author remained hidden behind a pseudonym for a very long time. The game of the writer and his publisher being played on the reader escalated at the end of 2000, when two more writers appeared under the pseudonyms of A. Brusnikin and A. Borisova. Although the anagrams of these authors, as well as the specifics of their writing style, could not but raise doubts, the true personality behind them again remained secret. Right in the middle of heated public discussions around the mystery of the name triggered by A. Brusnikin's *Devyatny Spas*, B. Akunin, as if stirring up the intrigue, dropped an ironical remark that any writer whose name may be abbreviated

into B.A. or A.B. might be hiding under - B. Akunin, Alexander Blok and Agnia Barto [Vandenko, 2007].

In parallel with these conspiracy pseudonym stories, Chkhartishvili was writing a blog under the name of B. Akunin, where the boundary between Chkhartishvili, the philologist and Akunin, the detective story writer was completely blurred. Moreover, he published a number of novels under either a double authorship (G. Chkhartishvili and B. Akunin), or under a twinned name (G. Chkhartishvili – B. Akunin). In other words, he created one additional compound pseudonym, reminiscent of Saltykov–Shchedrin, Mamin–Sibiriyak, Sukhovo–Kobylin or Sergeev–Tsensky.

All these pseudonyms aroused a lot of interest among critics who tended to ascribe commercial or political motives to all Akunin's strategic and tactical moves. Thus, the authors of these reviews fell victim to the game imposed by Akunin. In a paper entitled *Dance with the Head and the Legs* (Plyaska golovoy i nogami), Lev Danilkin posed a question about the mystery of Anatoly Brusnikin. He wondered if it might be a real name or a pseudonym, a real person or it is referred to the disgusting word 'project'. There are still some journalists, professional critics and uncountable bloggers who are trying to surmise on it [Danilkin, 2007].

Ekaterina Krongauz conducted an original study *Brusnikin, Akunin, Other?* based on a telephone interview with a person who introduced himself as A. Brusnikin. She asked a series of indirect questions, supposing if it might be a pseudonym or an anagram, and wondering why the author did not publish novels under his real name. Then she asked for a guess on the growing popularity of writing under pseudonyms or creating virtual personalities. She inquired whose idea it might be to use multiple pseudonyms - the idea of the author or his publisher. Although Eketrina Krongauz was doing her best to make her respondent to disclose the name mystery, he kept giving rather evasive answers and called himself an another unknown exile [Krongauz].

In a note *The Mysterious Stranger*, A. Narinskaya concludes with dismay that the author of *Devyatny Spas* is most likely to be Akunin, since there are too few writers in contemporary Russia capable of creating a good, strong historical novel. She stated that there was no abundance of

authors who had mastered the art of developing intrigue and intertwining with a historical context as skillfully as the author of *Devyatny Spas* did. In addition, she mentioned Akunin's 'advertising' claim, that he could hardly do better than Brusnikin, and called it a charade full of Akuninian irony [Narinskaya, 2007]. In referring to the straightforward 'pseudonymity' of the name of A. Brusnikin, one of the journalists made a pun suggesting that *Devyatny Spas* should be entitled *Brusnichny Spas* (Cowberry Spas), which presupposes the possibility of unfolding an ironic semantic series: cowberry – berry – cranberry.

Today, when the real name behind all these pseudonyms has been disclosed, it is obvious that the author has developed a carefully honed system of communicating with the reader through various pen names. This system has various sub-types, determined by the relationship 'author – text'. Here are his major works written under different pseudonyms:

**B. Akunin:** *The New Detective (The Adventures of Erast Fandorin)*; the *Provincial Detective Story* series (*The Adventures of Sister Pelagia*); the *Adventures of the Master* series (in this cycle, the main characters are descendants and ancestors of Erast Fandorin); *Genres* (in this cycle, the main characters are descendants and ancestors of Erast Fandorin); *Tales for Idiots*; the plays *The Seagull* and *Yin and Yan* (1882); the book *Photo as a Haiku* (co-authored with the readers of Akunin's LJ blog); *Love of History*; *The History of the Russian State* project; *Ognenny Perst*; *Boh and Shelma*;

**Boris Akunin, Grigory Chkhartishvili:** *Cemetery Stories*;

**Akunin-Chkhartishvili:** *Aristonomy, Another Way*;

**Grigory Chkhartishvili:** *The Writer and Suicide*;

**Anatoly Brusnikin:** *Devyatny Spas, Hero of Another Time, Bellona*;

**Anna Borisova:** *Kreativschik, There, The Seasons*.

#### Chkhartishvili's system of pseudonyms as his communicative and marketing strategy

Reflecting on the multiplicity of Stendhal's pseudonyms, J. Starobinsky noted that a personality when it is hidden under a pseudonym

could arise a strong desire to find out why somebody wishes to put on a mask and elude the interest in the meaning of such new image [Starobinskiy, 2002, p. 395]. It seems necessary to pay tribute to Akunin, who repeatedly prompted and even explained the reasons for writing under multiple pseudonyms. Specifically, in his Live Journal Boris Akunin stated once that the mask of a detective story writer promises his readers some narration, that is full of action, moderately educational, invariably playful. And if he tried to change the rules of the game, the readers would get astonished, because instead of entertainment they would get upset and pinched. Therefore, B. Akunin came to the respective conclusion – if he wished to write something entirely distinct from the Akuninian style, he needed to refer to a different name [Akunin, 2012a].

In an interview *Grigory Dashevsky – Grigory Chkhartishvili: A New Name is Identical to a New Personality*, Akunin explains the reasons for differentiating his pseudonyms. The choice of one or another helps to set out the rules of his game with the reader: being signed as Akunin the text promises entertainment, whereas the name of Chkhartishvili points to a nonfiction style [Dashevskiy, 2007]. However, there seemed to be one more reason for the phenomenon of Akuninian masks, that is, the multi-vector nature of the writer's challenge, his perpetual desire not to be boring to either the reader or, and that is even more important, to himself, every new name is identical to a new personality.

Therefore, a pseudonym appears there and then, where and when the direction and perspective of his narration change. In this sense, Akunin reveals his multiplied writing skills, emphasizing that a new pseudonym means another focus (range of problems) and another artistic tactics (genre and style). For example, the book *Cemetery Stories* contains a foreword that introduces two authors – Boris Akunin and Grigory Chkhartishvili, thus giving the reader the possibility of forming two hypotheses (however, it seems, written by one hand). An abstract provided by his publisher said that the book *Cemetery Stories* should be viewed as a product of the collective creativity and equal co-authorship of two writer's masks – one real and the other fictional, which reflects a new trend in contemporary Russian literature. The reader is

offered an exciting game. The documentary essays authored by Grigory Chkhartishvili are dedicated to six of the world's most famous necropolises and they alternate with fictional detective novels written by Boris Akunin's hand, that are set in these cemeteries [Akunin, Chkhartishvili, 2005, p. 3].

The author himself provided the explanation on it, stating that while he was writing *Cemetery Stories* he had to change the general conception and split into a reasoner, Grigory Chkhartishvili, and a mass-entertainer, Boris Akunin, the former was engaged with essayistic fragments, while the latter – with the fictional ones – [Akunin, Chkhartishvili, 2005, p. 5]. In his article *Life as a project*, G. Tulchinsky offered a number of reasons for today's urge to change names. Thus, a person's attempt at socializing in a group might fail and it makes him/ her an imposter, so taking advantage of a flexible personality mask they might respond to an ever-changing world [Tulchinskiy, 2012, p. 175]. In the context of this concept, the pseudonymous play of B. Akunin can be considered as an example of person-marketing, within which both the internal psychological attitudes of the creative personality and the reader's expectations successfully co-exist. Having chosen his first and still main pseudonym for the authorship of detective stories, G. Chkhartishvili 'hits the top ten', 'kills two birds with one stone'. In this sense, 'B. Akunin' should be treated as the first prosaic line concealing the possibility of unfolding several meanings. Firstly, entering the Russian detective space in the late 1990s with a clearly Georgian surname would have been an almost certain failure. Secondly, if read and pronounced together, the pseudonym 'Bakunin' becomes an explicit reference to the fraught Russian history. Thirdly, the decoding of Akunin (from the Japanese 'evil man') is the starting position in a game played with sophisticated readers. Fourthly, the appearance of the first pseudonym (let us repeat that, for quite some time, the secrecy of the author's identity was preserved, which gave rise to many speculations from the publishing project to the existence of a group of ghostwriters) is the beginning of a conspiracy plotline, the atmosphere of suspense and system of guesses, persistently and consistently supported by the author both in his creative attitude and in his texts for almost twenty years.

### Realization of Chkhartishvili's principle of play in his first literary characters

It should be mentioned that this play with names, emotionally 'loaded' and bearing an echo of several nationalities, is characteristic not only of the authorial pseudonyms, but is also applied to his most famous character Erast Petrovich Fandorin, as well as to his faithful servant Masa. The genealogy of the name Fandorin is bizarre and branched, originating from the depths of history (von Dorn), and from literature – Erasmus (or Rotterdam, as Zhurov calls it). And Masa or Masahiro also acquires a patronymic after baptism (in the novel *The Whole World is a Theatre*), becoming Mikhail Erastovich Fandorin. In the project *Provincial Detective*, the main character of the nun Pelagia plays the part of Madame Lisicina in her profane worldly life. In *Spy Detective*, the main character, also being a von Dorn descendant (similar to all main characters in Akunin's projects), from Romanov becomes Oktyabrsky, by the will of the revolutionary government.

The principle of play is also applied to peripheral, background, episodic characters, such as Velde–Ahimas and Timothy in the novel *Azazel*. The former is one of the most powerful Fandorin antagonists, a man with white eyes, a professional assassin who becomes the main lever in the transformation of a naïve, pink cheeked teenager into a man with a young face but gray temples, a great and secret Russian detective in the last third of the 19<sup>th</sup> century. The latter is Timofey the janitor, who transforms from Timofey to Timofaey, and then to Timothy, in the same novel. Finally, Akunin uses one more – and very elegant – means of ironic play with his pseudonyms, which is disguised under one character, the English butler Freyby, in the novel *Coronation*. When typed using Russian keyboard, the word Freyby gives Akunin. Moreover, the portrait of the English butler reminds us – and very clearly – of the author of one of the most brilliant novels in the Fandorin cycle written (let us mention) on behalf of the butler Zyukin: "I approached the carriage. There, on a velvet seat, crossing his legs, sat a full-fledged gentleman of a very important kind. He was bald, had bushy eyebrows and a neatly trimmed beard – in short, he did not resemble an English butler, and, indeed,

no butler at all. He was silently looking at me through his golden glasses with his calm blue eyes..." [Akunin, 2000, p. 29] (Translation is our. – T. S., A. P., A. S.). Freyby / Akunin is always surrounded by books and countless dictionaries, which fact continues the play. In the hustle and bustle of events, he is avidly reading Trollope (whose name does not say anything to Zyukin, unlike the ingenious reader) and even presents a dictionary to Zyukin (Russian–English dictionary with the pronunciation of English words). Moreover, Akunin gives his passport surname to one of his most charming female adventurers, who plays the part of the Georgian princess Sofiko Chkhartishvili in *The Jack of Diamonds*.

Therefore, by adopting his first pseudonym, Chkhartishvili starts (consciously or unconsciously) a brand, which is defined today as a magical promise for the readers [Tulchinskiy, 2012, p. 176].

### Elaboration of Chkhartishvili's pseudonymous play

The development of the Akuninian writing style received a new turn at the end of 2000s with the appearance of two new pen names – A. Brusnikin and A. Borisova. The author motivated this phenomenon with a number of reasons: a certain fatigue from Fandorin, the need to find a way out of creative crisis, a challenging experiment. Yet the question of why the author of such a successful project took on two more literary masks, which sparked heated debates, has remained unsolved. It seems likely that the answer should be sought not in the commercial or personal biography of the writer, but rather in the sphere of creativity. It is interesting to note that Akunin, playing with the reader again, successfully manages not to overplay. Commenting on the appearance of A. Brusnikin, Akunin noted in his LJ blog, that it had been his long dream to write a historical novel without any contextual detective intrigue. Moreover, as both Chkhartishvili and Akunin are cosmopolitans in terms of their way of thinking, A. Brusnikin's novel presented some episodes from Russian history from the Slavophile standpoint. It turned to be an intrigue publishing experiment [Reitblat, 2006].

Although the pseudonym of Anatoly Brusnikin looked like a direct anagram of Boris

Akunin, which was stated in a sarcastic remark by A. Latynina, it turned to be playful in character (the ‘swampy’ neighborhood of cranberries and cowberries) [Latynina, 2012, p. 172-173]). A. Latynina expresses her high appreciation of *Devyatny Spas*, pointing to its entertaining but not empty or stupid style. Similar to many Akuninian works, the new novel contained several layers of meaning, and sophisticated readers might be amused by a post-modernistic play with folklore, history and literature, whereas simple-minded readers would be carried away by adventure. The Brusnikin’ text is both stylish and fun. It is also stated that with time, the novel might become children’s reading. A. Latynina considered it to be the best fate for that genre as in the course of time such works would either be forgotten or moved to the children’s bookshelf, like Stevenson’s *Treasure Island* or Dumas’ *Three Musketeers*, which initially were written not for children [Latynina, 2012, p. 174].

V. Kuritsyn, in a response to the second novel published under the pseudonym of A. Brusnikin (*Hero of Another Time*), although being unable to refrain from commenting on the ‘cowberry – cranberry’ semantic series mentioned above, noted that while reading *Hero* he could feel a familiar hand, though the copyright owner there was listed as A.O. Brusnikin. V. Kuritsyn called that phenomenon some ‘co-authorship joint-stock company’ [Kuritsyn].

The critic also gives an extraordinarily perceptive account of Akunin’s pseudonym replication, considering it to be a signal for the production of various textual complexes, like Akunin being the first project of Chkhartishvili, and Brusnikin being a project of Akunin [Kuritsyn].

Brusnikin’ Slavophile position provoked R. Arbitman (after the mystery of the name had been revealed) to a rather tough review, but written under a very subtle, Akuninian-style title – *A Strange Story of Mr. A. and Mr. B.* R. Arbitman expressed his admiration on a pluralism in the head of one writer, pointing to Chkhartishvili’s ambiguity: while the Westernized Akunin defends the ideals of freedom in his fiery speeches, Brusnikin the Slavophile gives the reader a hint that those ‘freedoms’ are paid for by the ‘vile’ West and are beneficial to the West. Such writing techniques definitely goes beyond the scope of a literary game or a purely commercial

project, and most of all resembles the clinical history described by Robert Lewis Stevenson [Arbitman, 2012].

Unfortunately, in his review, R. Arbitman ignores the fact that, in parallel with the pseudonym of A. Brusnikin (Chkhartishvili never thinks by oppositions), the third pseudonym – Anna Borisova – appears. The writer gives two reasons for the appearance of a female pseudonym, which is deliberately simple and typical of female detective literature in Russia (Daria Dontsova, Tatyana Ustinova, Polina Dashkova, Tatyana Polyakova, etc.). The first reason is very straightforward – it might seem a fun for Chkhartishvili to fancy being an authoress [Akunin, 2012b]. Moreover, following the example of one of the most successful contemporary writers Stephen King, who created not only a mythical author R. Bachman for own controversial early works but also his biography, Chkhartishvili even outlines the life of A. Borisova, presenting her as an educated lady, who enjoys the age of freedom, her children are already grown up, the mind is matured and the character is formed. As she has a wealthy husband, in other words, does not need to worry about sustaining basic needs, she is said to take the pen partly out of boredom (similar to Japanese court ladies during the Heian period), and partly because she wants to share with the world feelings and thoughts that have accumulated in her over years [Akunin, 2012b]. However, the second reason given by Akunin goes beyond the gender stereotype. He himself unveiled the internal content of the pseudonym as not being commercial, but stated that his personal objective was not in achieving a great market success. He wish to try another style of fiction that comes very close to a new boundary, beyond which serious literature begins.

The range of problems posed in the novels signed by Anna Borisova – death, life, love, memory, old age – seems to be more in tune with the author of *The Writer and Suicide* than with the creator of other literary projects. It is in this conceptual aspect that the novels of Anna Borisova are presented, completely excluding the gender element. Thus, the novel *Kreativschik* is announced to be rich in plotlines, styles and author techniques, that would be enough for several books of different genres. *Kreativschik* is unique for its two, rarely combined, qualities: it is quick to read, but long to forget. There is one distinct

feature: it is difficult to determine whether this is serious literature, pretending to be a joke, or just the other way around [Borisova, 2009, p. 4]. The novel *There* is presented as a literary excursion to the afterlife, an artistic but encyclopedically accurate description of all the main hypotheses, beliefs and fantasies present in the ‘life after life’ discourse [Borisova, 2009, p. 351].

Undoubtedly, the novels signed by A. Borisova are written in a male, not female, writing style. And yet the female pseudonym cannot but affects both the perception of *Kreativschik* and its gender context. First, the narrative is rather complicated, fancifully mixing gender roles. This novel is written from the first person, ‘I’, of a weird creature, who transforms bizarrely and unpleasantly from a very old man into a young boy. This boy ‘feeds’ on stories that are told, or, more accurately, guessed and reproduced by this creature. *Kreativschik* is mainly interested in women’s stories; while the male character, a professional historian-philologist, exemplifies with a high degree of irony and self-irony all eternally feminine in the Russian identity (‘soul’ as Russians say), particularly in the identity of a Russian ‘intelligent’ (immediately, Chkhartishvili’s profession comes to mind, as well as his evident portrait resemblance [Borisova, 2009, p. 167]).

The novel *There* is constructed as a stream of emphatically male and female consciousnesses. On the surface, *The Seasons* entirely fits into the female narrative (the stream of the consciousness of an old woman and a young girl), but its main characters, women with male characters, for various reasons are forced to go beyond ‘their physical body’. Secondly, novels written by a man’s hand and dedicated to purely ontological problems (such as *The Writer and Suicide*) apparently pursue sublimation purposes. As a result, these books are full of intense emotionality, confession, taboo topics, openness and sincerity on the verge of self-exposure, accentuated sentimentality, refusal to accept the concept of ultimate truth, readiness for forgiveness – in other words, those writing style qualities frequently perceived as femininity markers. It is to a woman’s instinct and mercy that the author trusts in his most intimate and important reflections. Evidence can be found in Akunin’s LJ blog that, as far as he is concerned, women play a more significant role in the history of civilization than men do.

Among critical reviews written about Chkhartishvili’s pseudonyms, A. Bitov’s shrewd remark in an interview to D. Bavylsky seems interesting. Bitov distinguishes the authorial Face and the Masks (or masks), pointing to the fact that Chkhartishvili is an intelligent person, a good ‘Japanese’ and a good philologist, but Akunin is referred to the time of Conan Doyle as the action of the crime stories is moved into the past, when this genre was born in England [Bitov].

### **Chkhartishvili’s pseudonymous play and the question of his auto- and self-identification**

Developing A. Bitov’s idea about Chkhartishvili’s creative game, one can say with certainty: each of his pseudonyms is ‘set’ in this or that literary, genre or artistic time of the respective text. ‘Anagrammatically’ multiplying letter combinations, Chkhartishvili gives A. Brusnikin adventure stories that continue the traditions of the folklore and literature of the 19<sup>th</sup> century, while A. Borisova ‘writes’ prose that depicts the present day. Thus, for example, *There* begins with a terrorist attack at the airport committed by an Islamist suicide bomber. Chkhartishvili’s propensity for thoughtful systematization is manifested in his consistently refined system of names that distinguishes his various writing types: B. Akunin acts as a fiction writer, and G. Chkhartishvili writes serious literature. This can be seen in *Aristonomy* and *Another Way*, which are signed by the twinned name of Akunin-Chkhartishvili. Analyzing reasons for the failure of the former, M. Chernyak rightly notes that the vulnerability of *Aristonomy* lies in the specifics of the ‘double forward- and back-translation’ of mass culture texts into the language of the elite, and cultural semantics undergoes a significant and irreversible metamorphosis. In particular, the twinned authorship gives rise to an internal conflict between the ‘co-authors’, possibly pointing to a new turn of such a notable literary project in the history of contemporary literature [Chernyak, 2012, p. 93].

It is also symptomatic that the principle of pseudonymous play ‘with a pianist’s right and left hand’ (a fiction writer and a serious literature writer) found in *Cemetery Stories* has not been realized in those works where it could have been

expected, but instead has manifested itself in a text signed by a new pseudonym. Thus, both the documentary and literary sections of *The History of the Russian State* (the first and second volumes are accompanied by essays) were written ‘solely’ by B. Akunin. However, the novel *There* signed by A. Borisova, in terms of the concept of receiving ‘according to one’s faith’ (literally, all the characters find themselves in the afterlife world, in which they believed in), completely coincides not only with the fictional part of *Cemetery Stories* performed by B. Akunin in the genre of black humor, but also with the documentary travelogues of G. Chkhartishvili.

That is how numerous questions arise, requiring further elucidation of Chkhartishvili’s projects, in particular, it is worth considering new interpretation of the author’s play with pseudonyms, co-relation between Akunin’s or Borisova’s series, or some extra meaning of the twinned name of Chkhartishvili–Akunin.

In any case, the intensity of G. Chkhartishvili / B. Akunin’s creativity in terms of producing new pseudonyms can be seen as an indisputable sign of the author’s intellectual and personal intrigue, which poses the question not only of his auto- or self-marketing, but also of his creative auto- or self-identification.

#### REFERENCES

- Akunin B., 2000. *Coronation, or the last of the Romanovs*. Moscow, Zakharov Publ. 352 p.
- Akunin B., 2012a. *Boris Akunin: Anatoly Brusnikin and Anna Borisova – It’s me*. URL: <https://www.ural.kp.ru/daily/25820.3/2797667> (accessed 15 September 2018).
- Akunin B., 2012b. *Project “Authors”: Anna Borisova*. URL: [https://echo.msk.ru/blog/b\\_akunin/847938-echo](https://echo.msk.ru/blog/b_akunin/847938-echo) (accessed 15 September 2018).
- Akunin B., Chkhartishvili G., 2005. *Cemetery Stories*. Moscow, KoLibri Publ. 224 p.
- Arbitman R., 2012. The Strange Story of Mr. A and Sir B. *Profil*, no. 8 (756), 9 March, p. 56.
- Bitov A. *Every Day Can Be Treated Like a Novel ... Interview*. URL: <http://www.chsr.or.ru> (accessed 15 September 2018).
- Borisova A., 2009. *Creatives*. Moscow, AST; Astrel Publ. 352 p.
- Chernyak M.A., 2012. Reload of the 2012 Sample (on the Issue of Revision of Values)]. *Kult-tovary-XXI: reviziya tsennostei (masskultura i ee potrebiteli)*. Ekaterinburg; Saint Petersburg, Azhur Publ., pp. 84-96.
- Danilkin L., 2007. Head and Feet Dance. *Afisha*, 15 November, p. 5.
- Dashevskiy G., 2007. Grigory Chkhartishvili: a New Name Is Identical to Updating the Essence. *Weekend*, no. 69 (45), 21 December, p. 14.
- Krongauz E. *Brusnikin, Akunin, Another? (investigation)*. URL: <http://os.colta/literature/names/details/951/page4> (accessed 15 September 2018).
- Kuritsyn V. *In the Eleventh Lap*. URL: <http://odnako.org> (accessed 15 September 2018).
- Latynina A., 2012. So Laughs Mask to Mask. Boris Akunin and the Project “Authors”. *Novyy Mir*, no. 6, pp. 172-180.
- Narinskaya A., 2007. Mysterious Pseudonyms. *Kommersant*, no. 45 (749), 19 November, p. 72.
- Reitblat A., 2006. Russian Edition of Mass Literature: Unread Page. *Novoe literaturnoe obozrenie*, no. 45, pp. 405-413.
- Starobinskiy Zh., 2002. *Poetry and Knowledge: History of Literature and Culture*. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., vol. 1. 498 p.
- Tulchinskiy G., 2012. Life as a Project. *Znamya*, no. 1, pp. 173-184.
- Vandenko A., 2007. Under a Pseudonym. *Itogi*, no. 50 (600), 10 December, p. 9.
- Verbieva A., 1999. Boris Akunin: “So fun to me and interesting to the exacting reader...”. *Nezavisimaya gazeta*, 23 December, p. 8.

#### Information about the Authors

**Tatyana A. Snigireva**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University, Mira St., 19, 620002 Ekaterinburg, Russia, [tas0905@rambler.ru](mailto:tas0905@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

**Aleksey V. Podchinenov**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian and Foreign Literature, Ural Federal University, Mira St., 19, 620002 Ekaterinburg, Russia, [A.V.Podchinenov@urfu.ru](mailto:A.V.Podchinenov@urfu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8498-4542>

**Aleksey V. Snigirev**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of Russian, Foreign Languages and Speech Culture, Ural State Law University, Komsomolskaya St., 21, 620137 Ekaterinburg, Russia, [alex\\_sengir@rambler.ru](mailto:alex_sengir@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1888-1347>

### **Информация об авторах**

**Татьяна Александровна Снигирева**, доктор филологических наук, профессор кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, [tas0905@rambler.ru](mailto:tas0905@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3795-963X>

**Алексей Васильевич Подчиненов**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русской и зарубежной литературы, Уральский федеральный университет, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Россия, [A.V.Podchinenov@urfu.ru](mailto:A.V.Podchinenov@urfu.ru), <https://orcid.org/0000-0001-8498-4542>

**Алексей Васильевич Снигирев**, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральский государственный юридический университет, ул. Комсомольская, 21, 620137 г. Екатеринбург, Россия, [alex\\_sengir@rambler.ru](mailto:alex_sengir@rambler.ru), <https://orcid.org/0000-0003-1888-1347>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20>

UDC 81'27:711.42  
LBC 81.006.2

Submitted: 17.09.2018  
Accepted: 15.10.2018

## THE ALL-SEEING EYE OF THE CITY FROM THE PERSPECTIVE OF URBAN COMMUNICATION STUDIES<sup>1</sup>

**Olga A. Leontovich**

Volgograd State Socio-Pedagogical University, Volgograd, Russia;  
Tianjin Foreign Studies University, Tianjin, China

**Abstract.** The research is carried out from the perspective of urban communication studies and uses the analytical sociolinguistic framework, which provides an opportunity to reveal the role of different semiotic signs in creating the image of a big city as an existential space. The paper focuses on surveillance as a common communication practice and investigates the system of Russian semiotic signs surrounding a city dweller as an object of surveillance. Signs construct the communicative situation of surveillance, which includes a subject, object, place, time, aim of surveillance and the consequences of actions seen as forbidden or undesirable. An important place in the study belongs to the notion of social visibility, which acquires a new meaning in the context of the research. The subjects of surveillance are unidentified representatives of power, whereas its objects are common citizens. Semiotic signs reflect the asymmetry of the social relationship between them (the subject of surveillance is invisible, the object is visible; the state demonstrates the paternalistic attitude towards its citizens). The modality of the message reflects the type of relationship between the subject and the object of surveillance and its social dynamics. The findings indicate that semiotic signs connected with surveillance become a powerful means of social stratification and regulate social relations in Russian urban discourse.

**Key words:** urban communication, sociolinguistics, semiotics, social visibility, surveillance studies.

**Citation.** Leontovich O.A. The All-Seeing Eye of the City from the Perspective of Urban Communication Studies. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 206-213. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20>

УДК 81'27:711.42  
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 17.09.2018  
Дата принятия статьи: 15.10.2018

## ВСЕВИДЯЩЕЕ ОКО ГОРОДА С ПОЗИЦИЙ МЕДИАУРБАНИСТИКИ<sup>1</sup>

**Ольга Аркадьевна Леонтович**

Волгоградский государственный социально-педагогический университет, г. Волгоград, Россия  
Тяньцзиньский университет иностранных языков, г. Тяньцзинь, Китай

**Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению роли семиотических знаков в создании облика города как экзистенциального пространства. Исследование проведено с позиций социолингвистического направления, выделяемого в рамках медиаурбанистики. В его задачи входит: 1) анализ системы семиотических знаков, окружающих современных городских жителей, как объектов наблюдения, которое осуществляется с помощью видеокамер и иных средств; 2) обоснование их лингвопрагматической значимости для фиксации и

трасляции актуальных урбанистических смыслов, с помощью которых реализуется задача социального контроля в современных городах. Показано, как семиотические знаки конструируют коммуникативную ситуацию наблюдения, включающую его субъект, объект, время, место, цель и последствия действий, нарушающих общественные нормы. Значительное место в работе отводится анализу феномена социальной видимости человека, который в контексте данного исследования обретает новый смысл. Раскрывается суть асимметричных отношений между субъектом наблюдения (как правило, представителем власти) и объектом (рядовым гражданином), выделяются отражающие их семиотические знаки. Предлагаются приемы выделения вербализуемых смыслов с позиций медиаурбанистики; рассматривается феномен модальности транслируемого знаками урбанистики смысла. С опорой на положение, согласно которому модальность вербального сообщения зависит от характера и сферы коммуникации, показано, что семиотические знаки, связанные с наблюдением как коммуникативной практикой, являются эффективным средством социальной стратификации и регулирования общественных отношений.

**Ключевые слова:** медиаурбанистика, социолингвистика, семиотика, социальная видимость, тотальное наблюдение.

**Цитирование.** Леонтович О. А. Всевидящее око города с позиций медиаурбанистики // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 206–213. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.20>

## Introduction

This research is done in the context of urban studies – a rapidly developing area, which brings together specialists from different fields: architects, city planners, sociologists, political scientists, specialists in communication studies, etc. The sociolinguistic approach, which forms the analytical framework of this paper, provides an opportunity to reveal the role of different semiotic signs in creating the image of a big city as an existential space. The paper has an overall focus on surveillance as a common communication practice and investigates the system of semiotic signs surrounding a city dweller as an object of surveillance.

## Rationale for the study

In urban communication studies a city is interpreted as: 1) a communication system of its own combining different channels, forms and means of human interaction; 2) a discursive formation (“text” in a broad sense of the term); 3) a personal and collective identity marker; 4) context of communication; 5) a complex set of symbolic, material and technological media; 6) a source of social and cultural development [e. g. see Aiello, Tosoni, 2016; Urban communication, 2007; Ridell, Zeller, 2013; etc.].

We view communication as a mode of human existence. One of the great challenges is to investigate how urban discourse reflects the dynamic processes unfolding in society. Our

research brings together the theoretical frameworks of symbolic interactionism and critical discourse analysis. The latter stems from the works of M. Foucault [Foucault, 1977] who “sought to uncover the representational properties of discourse as a vehicle for the exercise of power” [Bryman, 2008, p. 508]. N. Fairclough [Fairclough, 2003, p. 37] interprets discourse as a kind of intermediate formation, which is situated at the intersection of the text *per se* and social context [Fairclough, 2003, p. 37]. He argues that discourses do not only reproduce the world as it is or as we are seeing it – they are also projective and may represent probable worlds, which the speakers would like to create [Fairclough, 2003, p. 124]. It means that discourses are capable of constructing the communicators’ social worlds.

The adherents of critical discourse analysis [e. g. Blommaert, 2005, p. 25] believe that scholars should not only describe social aspects of language, but also provide moral and political critique of communication and use the research as a means of social impact.

Two different approaches, which can be traced in urban communication studies, are represented by the scholars who focus on ‘media’ – “ranging from cinematic or televisual representations to social networking and mobile communication – and those whose concerns lie mainly in the relationship between people and the urban built environment or in how different communities interact in urban contexts” [Aiello, Tosoni, 2016, p. 1255]. Our research is mainly centred on the second approach.

We also employ the ethnographic method – a set of methodological and interpretative techniques, which presupposes the scholars' immersion in the social life they are investigating. In the present study it is used to conceptualize different communication practices (technological, discursive, interactional) and includes combined reflective procedures related to urban social processes.

The research material includes verbal and nonverbal outdoor and indoor signs collected by means of *ad libitum* sampling from the Russian urban landscape, mainly in the city of Volgograd. The semiotic method is used to identify the subject and object of semiosis (who created the sign? whose worldview does it represent? who is the addressee? how is it perceived by different individuals and social groups?), investigate the signifier and the signified and reveal the factors of the sign's contextualization (to which extent do time and location determine the perception of the sign? how can the change of context influence its interpretation?).

### Social visibility

In today's world, the city anonymity – the ability to get lost in a crowd – disappears or acquires new forms. The notion of “social visibility” has become one of the cutting-edge concepts in the works of Western scholars who approach it from different perspectives.

One of the opinions is that dominant social groups (e. g. white heterosexual middle-class men of medium age in the USA) are “invisible”, since they constitute “the norm”. Accordingly, the visible groups are those, which are a deviation from the norm and objects of discrimination: representative of non-white races, women, old people, children, sexual minorities, poor and homeless people, etc. From the linguistic point of view, their visibility is marked by a verbal indication of particular aspects of their identity, e. g.: *Black student, female driver, нерусский (non-Russian)*, whereas groups seen as “the norm” do not call for such an identification.

According to another approach, discriminated groups, on the contrary, are regarded as invisible because they lack power and have no influence on social life [Anderson, Boyd-Franklin, 2000; Brooks, Gelderen, 2008; Scotland-Stewart, 2007].

People can be also described as visible if their communicative behaviour violates the existing rules or if their presence is inappropriate in a particular context (e. g. an older person at a teenage party, a foreigner in a local crowd, a drunkard in an elite restaurant, etc.).

Visibility as aggressive self-presentation is widely used in marketing when employees dress as Santa Clauses or cartoon characters to promote a new product or attract new clients.

Nowadays, due to the rapid development of new technologies, the notion of social visibility acquires a new meaning related to surveillance as part and parcel of contemporary urban life.

### Surveillance as a communication practice

From the perspective of communication studies, surveillance denotes a binary relationship between subjects and objects of observation. It can refer to a wide range of phenomena: “face-to-face supervision, camera monitoring, TV watching, paparazzi stalking, GPS tailing, cardiac telemonitoring, the tracking of commercial / internet transactions, the tracing of tagged plants and animals, etc.” [Walby, 2002, p. 158. Qtd. from Green, Zurawski, 2015, p. 29]. It is not limited to the study of its participants, but also takes into account a broader social context.

Surveillance studies are represented by the works of scholars who research it in the historical perspective [Genosko, Thompson, 2006; 2009], from the political point of view as an instrument of power [Fijnaut, Marx, 1995; Goold, 2004], as a violation of privacy [Lyon, Bennett, 2008; Rule, Greenleaf, 2008], etc. This theme attracts specialists in information technologies, legal studies, psychology, criminal studies, medicine, sociology, philosophy, anthropology, political studies, communication studies and sociolinguistics. Research shows that “human experience is now more visual and visualized than ever before” [Mirzoeff, 1999, p. 1].

Identity-based surveillance is a social phenomenon, a sign of our time; it takes into account people's race, ethnicity, age, gender, profession and social status. A person is an object of surveillance since the moment s/he is detected as foetus; as a baby observed by parents, grandparents and nannies; as a teenager and adult for the sake of security and social control; “it

continues to increase with passing years, intensifying and reaching its peak if an individual somehow starts to show any different behaviour or to deviate from the norms, thus immediately falling into the category of the ‘other’” [Mehrabov, 2015, p. 120]. Surveillance is done in the streets and squares, residential areas (yards, lobbies, lifts), shops, cafes, restaurants, on entertainment grounds and at work. It is maintained to control people’s local, national and global mobility – in public transport, airports, on highways and at railways stations. Modern gadgets are capable of tracking our movements, even when we are walking.

Though in the process of surveillance a person demonstrates one’s individuality, “through being observed, monitored and controlled”, human bodies can also demonstrate collective identities [Jones, 2005, p. 592]. Surveillance studies allow scholars to analyse social stratification, behaviour, life in communities, etc.

Studies indicate that surveillance affects human relationships and causes ethical problems. It violates the maxim of quality of communication: mistrust prevails over sincerity. The paradox is that “the quest for privacy produces surveillance, because privacy is also looked to as protection against surveillance” [Lyon, 2002, p. 2].

I. Mehrabov points out that modern housing projects transform domestic spaces into self-prisons, which are, on the one hand, closely connected with the outside world with the help of information-communication equipment, and, on the other, separated from ‘real’ life with safety and surveillance technologies [Mehrabov, 2015, p. 121].

### **Semiotics of surveillance in the context of Russian urban communication**

Surveillance as a communicative practice is accompanied by the use of numerous semiotic signs, which have become an integral part of the modern urban landscape. Semiotic signs do not only designate the presence of video cameras and other surveillance means – they serve to construct corresponding communicative situations, within the framework of which we can single out a subject, object, place, time, aim of surveillance and consequences of actions seen as prohibited or undesirable.

Verbal, nonverbal and mixed signs are omnipresent in a city landscape. First of all, these are signs indicating **the fact of surveillance per se**. The most widely spread are those with the image of a CCTV camera or the message: *Внимание! Ведется видеонаблюдение (Attention! Video surveillance / You are being watched)*. If in some countries (e. g. the UK) the law prescribes to have a sign indicating the presence of the camera nearby, in Russia this is not a necessary legal requirement. Therefore, such inscriptions as: *Объект оборудован скрытыми видеокерами. Вас снимает скрытая видеокера! (The premise is equipped with hidden video cameras. You are being watched by a hidden video camera)* cannot be regarded as an infringement of the civil rights. Such signs are installed not to meet the legal requirements, but rather to achieve the aims of surveillance itself – informing, warning, intimidating.

**Subject and object of surveillance.** The processes of surveillance are connected with the use of particular semiotic signs pointing to different types of relationship between the addresser and the addressee of the message. Being a binary process, surveillance implies the presence of the subject and object – the one who is watching and who is being watched. This is a power relationship: the subjects are usually representatives of the state or institutions possessing authority, and the objects are common citizens.

The analysis of the Russian semiotic signs shows that, as a rule, the subject of surveillance is unidentifiable. Russian grammar provides numerous resources allowing to hide the subject of surveillance, e. g.: *Ведется видеонаблюдение (Surveillance is being carried out); Установлены скрытые видеокера (Hidden videocameras are installed); Вас снимает скрытая кера (You are being watched by a hidden videocamera); Объект под охраной (The premise is under surveillance); Объект оборудован скрытыми видеокерами (The premise is equipped with hidden videocameras).*

The participants of the conference “City Talk: Urban Identities, Mobilities and Textualities” (Bern, Switzerland, Dec. 11 – 12, 2017) paid attention to the fact that in practically all the pictures demonstrated by R. N. Jones in his brilliant presentation “The City is Watching you”

video cameras are looking down (demonstration of the powerful position). In the same presentation, the author pointed out that semiotic signs often use the eye as a symbol: citizen are watched by the all-seeing eye of the state ("Big Brother"). The eye is also widely used in Russian signs, alongside with the inscriptions: *Я слежу за тобой (I am watching you)*; *Большой брат следит за тобой (Big Brother is watching you)*.

The relationship between the subject and the object of surveillance is marked by communicative asymmetry: the subject is invisible, whereas the objects are visible to a camera or a security guard. Even if the inscription is used selectively, e. g. *Воры будут наказаны (Thieves will be punished)*, citizens knowing that they are not thieves feel a certain degree of discomfort (are they suspected as potential thieves?). Besides, let us pay attention to the impolite *ty*-address (second person singular): *Я слежу за тобой (I am watching you)*; *Большой брат следит за тобой (Big Brother is watching you)*. Another manifestation of asymmetry is the fact that next to the inscription: *Внимание! Ведется видеонаблюдение (Attention! Video surveillance)* there is often a sign: *Фото- и видеосъемка запрещены (The use of photo and video cameras is not allowed)*, which means that one side can watch the other, but not vice versa.

Examples of other inscriptions connected with the display of power are: *В целях улучшения обслуживания все разговоры записываются (To improve the quality of service, all the conversations are audio recorded)*; *Видеонаблюдение ведется в целях вашей безопасности (Video surveillance is done for the sake of your security)*. They demonstrate the paternalistic attitude towards citizens implying that they are being watched like children, for their own benefit.

Signs may also act as effective means of dividing people into ingroups and outgroups, "us" and "them", if their action is selective: *Посторонним вход воспрещен! (Strangers are not allowed!)*; *Вход без спецодежды запрещен (Entrance without a working uniform is prohibited)*; *Проход запрещен. Частная территория (No trespassing. Private territory)*.

At the same time, in spite of the presence of a sign, a person can never be sure that he or she is really watched – whether there is a real or

dummy video camera, a hidden camera or no camera whatsoever.

**Time and place of surveillance.** In a number of cases the sign specifies the area which is being watched: *В помещении / в магазине / на территории / в лифте / в подъезде / в храме ведется видеонаблюдение (The premise / shop / lift / cathedral is under surveillance)*.

Sometimes it indicates the time of surveillance: *Объект находится под наблюдением 24 часа / Ведется круглосуточное видеонаблюдение (The premise is under surveillance 24 hours as day)*.

**Aim of surveillance.** Surveillance is usually maintained to prevent asocial, undesirable actions, such as smoking, drinking alcohol, theft, walking dogs in wrong places, etc. Accompanying signs may verbally explain the prohibition: *Запрещается принимать пищу (Eating is not allowed)*; *Купаться запрещено (No swimming)*; *С пивом вход воспрещен! (Entrance with beer is prohibited!)*; *Пожалуйста, не прикасайтесь к двери! (Please do not touch the door!)*; *Въезд на территорию парка на велосипеде запрещен (Bicycles on the territory of the park are not allowed)*.

Nonverbal signs are becoming more and more popular – crossed out images of a cigarette, a burning match, a bottle, a glass, ice-cream, camera, cell phone, dog, motorcycle, etc. They are often used in places frequented by tourists because they can be understood by speakers of different languages. Mixed signs which carry both an image and an inscription are also widely used.

There are reasons to assume that the probability and acceptability of certain types of communicative behaviour is culturally conditioned. E. g. the Russian traffic rules allow drivers to use the car horn only to avoid accidents or to warn other drivers about overtaking; the violators of this rule are subjected to fines. In India, on the contrary, drivers use the horn all the time, and some trucks even carry the inscription: *Please horn*.

**Content of verbal messages.** The content of the message is directly related to the addressee's (in)visibility. The signs may be classified as inviting: *Ведется видеонаблюдение. Рады вас видеть! (Video surveillance. Glad to see you!)*, filtering: *Посторонним вход запрещен (No strangers allowed)*, and prohibiting: *По газонам не ходить (No*

walking on the lawns). The sign *Добро пожаловать!* (*Welcome!*) above the door of an airport business lounge does not mean that everybody is really welcome – it is possible to speak about different kinds of visibility: a well-dressed confident client is visible for the staff but does not arouse suspicions, unlike those who do not fit into the social context. The latter will be approached by the attending personnel who would want to check their right to spend time in the business lounge. The appearance, clothes, communicative behaviour (conforming to or contradicting the norms of a particular social group) are also powerful semiotic signs.

**Surface and in-depth meaning of verbal messages.** The asymmetry between the signifier and the signified in verbal messages related to surveillance results in the discrepancy between what is actually said and what is meant. As a rule, the simple message: *Внимание! Ведется видеонаблюдение* (*Attention! Video surveillance*) indicates that people must behave well. The inscriptions: *Здесь не собачий туалет; Здесь гуляют дети!* (*This is not a toilet for dogs; Children at play!*) mean the same thing as: *Выгул собак запрещен* (*Walking of dogs prohibited*). There are also messages with zero meaning, e. g. the absence of access ramps and elevators implies that people in wheelchairs are not welcome, which makes them socially invisible.

**Modality of verbal messages.** Modality reflects the type of social relationship between communicators. Peremptory wording means that the message is given from a position of strength: *Вход посторонним строго запрещен!* (*Strictly no trespassing*). In some cases, it is accompanied by an intimidating image (e. g. a scull with crossed bones) or a threat: *Выгул собак запрещен. Штраф 1 000 руб.* (*No dog walking. Fine 1 000 roubles*); *Мусор не бросать! Поймаем – вывезешь все!* (*No trash! If we catch you, you'll clean up everything!*); *Частная территория. Парковка без разрешения строго запрещена! Шины будут спускаться* (*Private territory. No parking without permit. Tires will be deflated*).

Such inscriptions are typically present at private premises and are addressed to people with whom the owner is not planning to interact otherwise. Milder modality is typically used in the service sector, and its choice can be explained by

the wish not to offend a potential client: *Территория, свободная от курения и распития спиртных напитков* (*Territory free of smoking and alcohol*); *Зона, свободная от алкоголя* (*Alcohol-free zone*); *Не сорите, пожалуйста* (*Do not litter, please*).

A more liberal, non-traditional form of expressing prohibition is embodied in creative phrases, such as: *Просьба... не курить* (*Please... do not smoke*), where the dots are used to denote a tactful pause.

Humorous phrases indicate an egalitarian, democratic relationship between the addresser and addressee: *Улыбнитесь! Вас снимает скрытая камера* (*Smile! You're on hidden camera*); *Ведется видеонаблюдение, бездельники!* (*Video surveillance, lazybones!*).

Mirrors can be used for marketing purposes to flatter the customer, e. g. the inscription on a mirror: *Наш любимый клиент* (*Our favourite client*).

Violators become socially visible. Undesirable actions can cause unpleasant consequences: an alarm will sound, a guard or a policeman will show up, a video camera will record the violation, a fine will be administered, etc.

The analysis shows that semiotic signs connected with surveillance have become a powerful means of social stratification and regulate social relations in Russian urban discourse.

## Results

1. Surveillance is an indispensable element of the modern Russian urban landscape and is reflected in semiotic signs of different nature.

2. Signs construct the communicative situation of surveillance, which includes the subject, object, place, time, aim of surveillance, as well as the consequences of the actions seen as forbidden or undesirable.

3. As a rule, the subjects of surveillance are unidentified representatives of power, whereas its objects are common citizens. Semiotic signs reflect the asymmetry of the social relationship between them (the subject of surveillance is invisible and the object is visible; the state demonstrates its paternalistic attitude towards citizens).

4. The modality of the message reflects the type of relationship between the subject and the object of surveillance and its social dynamics.

### Conclusion

The understanding of the social processes happening in big cities requires an integrated study of modern media technologies and patterns of human communication. We seek to further extend our findings in order to shed light on the ethical and cultural consequences of surveillance in Russia, as well as to compare them to other cultures.

### NOTE

<sup>1</sup> The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research according to the research project No. 17-29-09114.

### REFERENCES

- Aiello G., Tosoni S., 2016. Going About the City: (Methods and Methodologies for Urban Communication Research. *International Journal of Communication*, no. 10, pp. 1252-1262.
- Anderson F., Boyd-Franklin N., 2000. *Invisibility Syndrome: A Clinical Model of the Effects of Racism on African-American Males*. URL: [https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/boisi/pdf/f08/Invisibility\\_Clinical\\_Model-Ortho-.pdf](https://www.bc.edu/content/dam/files/centers/boisi/pdf/f08/Invisibility_Clinical_Model-Ortho-.pdf).
- Blommaert J., 2005. *Discourse. A Critical Introduction*. Cambridge, Cambridge University Press. 314 p.
- Brooks K., Gelderen T., 2008. *Fighting invisibility: The recognition of migrant domestic workers in the Netherlands*. URL: <https://www.humanityinaction.org/knowledgebase/103-fighting-invisibility-the-recognition-of-migrant-domestic-workers-in-the-netherlands>.
- Bryman A., 2008. *Social Research Methods*. Oxford, New York, Oxford University Press. 747 p.
- Fairclough N., 2003. *Analysing Discourse*. New York, Routledge. 270 p.
- Fijnaut C., Marx, G.T., 1995. *Undercover: Police surveillance in comparative perspective*. Norwell, Kluwer Academic Publishers. 343 p.
- Foucault M., 1977. *Discipline and Punish*. Harmondsworth, Penguin. 333 p.
- Genosko G., Thompson S., 2006. Administrative surveillance of alcohol consumption in Ontario, Canada: pre-electronic technologies of control. *Surveillance & Society*, vol. 4, no. 1/2, pp. 1-28.
- Genosko G., Thompson S., 2009. *Punched drunk: alcohol surveillance and the LCBO 1927-1975*. Nova Scotia, Fernwood Publishing. 222 p.
- Goold B., 2004. *CCTV and policing: Public area surveillance and police practices in Britain*. Oxford, Oxford University Press. 260 p.
- Green N., Zurawski N., 2015. Surveillance and Ethnography: Researching Surveillance as Everyday Life. *Surveillance and Society*, vol. 13, no. 1, pp. 27-43.
- Jones H., 2005. Visible rights: Watching out for women. *Surveillance & Society*, vol. 2, no. 4, pp. 589-593.
- Lyon D., 2002. Editorial. Surveillance studies: understanding visibility, mobility and the phenetic fix. *Surveillance & Society*, vol. 1, no. 1, pp. 1-7.
- Lyon D., Bennett C., 2008. Playing the ID card: Understanding the significance of identity card systems. Lyon D., Bennett C., eds. *Playing the identity card: surveillance, security and identification in global perspective*. London, Routledge, pp. 3-20.
- Mehravov I., 2015. Exploring Terra Incognita: Mapping surveillance studies from the perspective of media and communication research. *Surveillance and Society*, vol. 13, no. 1, pp. 117-126.
- Mirzoeff N., 1999. *An Introduction to visual culture*. London, Routledge. 288 p.
- Ridell S., Zeller F., 2013. Mediated urbanism: Navigating an interdisciplinary terrain. *International Communication Gazette*, vol. 75, no. (5-6), pp. 437-451.
- Rule J.B., Greenleaf G.W., 2008. *Global privacy protection: the first generation*. Cheltenham, Edward Elgar. 318 p.
- Scotland-Stewart L., 2007. *Social invisibility as social breakdown: Insights from a phenomenology of Self, World, and Other*. Stanford, Stanford University. 235 p.
- Gibson T.A., Lowes M. (eds.), 2007. *Urban communication: Production, text, context*. Lanham, MD, Rowman & Littlefield. 241 p.
- Walby K., 2002. Little England? The Rise of Open-Street Closed Circuit Television. *Surveillance & Society*, vol. 4, no. 1, pp. 29-51.

### **Information about the Author**

**Olga A. Leontovich**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of Intercultural Communication and Translation, Volgograd State Socio-Pedagogical University, Prosp. Lenina, 27, 400066 Volgograd, Russia; Professor, Tianjin Foreign Studies University, Machang Road, 117, Hexi District, Tianjin, China, [olgaleo@list.ru](mailto:olgaleo@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>

### **Информация об авторе**

**Ольга Аркадьевна Леонтович**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой межкультурной коммуникации и перевода, Волгоградский государственный социально-педагогический университет, просп. Ленина, 27, 400066 г. Волгоград, Россия; профессор, Тяньцзиньский университет иностранных языков, ул. Мачандао, 117, район Хэси, г. Тяньцзинь, Китай, [olgaleo@list.ru](mailto:olgaleo@list.ru), <https://orcid.org/0000-0002-0972-4609>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.21>

UDC 81'42:81'27  
LBC 81.055.51.29

Submitted: 30.07.2018  
Accepted: 03.09.2018

## DEVELOPING THE METHOD OF CONCEPTUAL LINGUISTIC ENGINEERING OF PROFESSIONAL IDENTITY: APPROACHES, ESSENCE, PROSPECTS<sup>1</sup>

**Aleksandr Yu. Bagiyan**

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

**Tatyana A. Shiryaeva**

Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia

**Abstract.** The research object of the paper is professional identity as the integral component of individual's identification matrix, whereas the methodological prerequisites of professional identity's conceptual linguistic engineering act as the research subject. The objective of the research consists in developing new research tools promoting deeper analysis of sociological and linguo-cognitive characteristics of professional identity by means of forming its conceptual framework.

The carried-out critical analysis of theoretical-methodological works devoted to professional identity allows to allocate a number of mainstream approaches to this sphere of studies and to describe a number of key aspects of this sociocultural phenomenon. At the same time, the authors focus their attention on the integral synthesis of the described scientific ideas, which acts as a fundamental basis for developing the method of conceptual linguistic engineering of professional identity. Considering the predominant position of the language in the course of professional identity formation, the fundamental basis of the proposed method is the principle of complex discursive matrix, taking into account a wide number of modern linguistics achievements in the field of discourse analysis, cognitive linguistics, sociolinguistics, psycholinguistics and pragmatics, linguo-axiology, linguo-ecology, and terminology science. Due to the combination of complex linguo-cognitive, socio-lexicographic and pragma-axiological modeling, as well as systematization and standardization of discourses and their popular scientific sub-discourses, it becomes possible to fill in a number of theoretical and practical gaps. All the above-mentioned helps to offer an algorithm of effective professional cross-cultural interaction in the sphere of critical technologies between the Russian and foreign scientists.

**Key words:** methodology, professional identity, complex technique, discourse, discursive matrix, science-popular discourse, conceptual linguistic engineering, sociolinguistics.

**Citation.** Bagiyan A. Yu., Shiryaeva T. A. Developing the Method of Conceptual Linguistic Engineering of Professional Identity: Approaches, Essence, Prospects. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 214-228. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.21>

УДК 81'42:81'27  
ББК 81.055.51.29

Дата поступления статьи: 30.07.2018  
Дата принятия статьи: 03.09.2018

## МЕТОДИКА КОНЦЕПТУАЛЬНОГО ЛИНГВОПРОЕКТИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: ПОДХОДЫ К РАЗРАБОТКЕ, СУЩНОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ<sup>1</sup>

**Александр Юрьевич Багиан**

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

**Татьяна Александровна Ширяева**

Пятигорский государственный университет, г. Пятигорск, Россия

**Аннотация.** Объектом исследования в статье является профессиональная идентичность как неотъемлемый компонент идентификационной матрицы индивида, предметом – комплекс методологических предпосылок концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности. Цель работы заключается в разработке нового исследовательского инструментария, способствующего глубокому анализу социолингвокогнитивных характеристик профессиональной идентичности посредством выстраивания ее концептуального каркаса.

Критический анализ теоретико-методологических работ, посвященных профессиональной идентичности, позволил выделить ряд магистральных подходов к ее изучению и описать ряд ключевых индикаторов данного социокультурного феномена. При этом в фокусе внимания авторов статьи находится возможность органичного синтеза научных идей, который выступает фундаментальной основой для разработки методики концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности. Учитывая доминантный характер языка в процессе формирования профессиональной идентичности, авторы определяют в качестве базиса предлагаемой методики принцип сложной дискурсивной матрицы, реализующийся в совокупности достижений лингвистической науки в области дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики, социо-, психо- и прагмалингвистики, лингвоаксиологии, лингвоэкологии, терминоведения. Перспективность предлагаемой методики обусловлена совмещением комплексного лингвокогнитивного, социолексикографического и прагмааксиологического моделирования, систематизации и стандартизации дискурсов и их научно-популярных субдискурсов, позволяющим заполнить ряд теоретико-практических лакун и предложить алгоритм эффективного профессионального кросскультурного взаимодействия в сфере критических технологий между российскими и зарубежными учеными.

**Ключевые слова:** методология, профессиональная идентичность, комплексная методика, дискурс, дискурсивная матрица, научно-популярный дискурс, концептуальное лингвопроектирование, социолингвистика.

**Цитирование.** Багиян А. Ю., Ширяева Т. А. Методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности: подходы к разработке, сущность и перспективы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 214–228. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.21>

## Введение

На протяжении последних десятилетий в рамках современной гуманитарной парадигмы проведен целый ряд разнообразных исследований, посвященных изучению феномена идентичности, под которой в самом широком смысле понимается структура эго, то есть внутренняя динамическая самосозидающаяся организация способностей, убеждений, потребностей и индивидуальной истории человека [Эриксон, 2006; Marcia, 1993]. «Нынешний взрыв интереса к идентичности стал ответом на усложнение институциональных основ и стремительный рост многообразия общественной среды, на проявление новых угроз личностному самостоянию и экзистенциальным основаниям жизни человека» [Семенов, 2017а, с. 19]. Термин «идентичность» укоренился в терминологических системах практически всех гуманитарно направленных дисциплин. Его активное употребление в научных публикациях, безусловно, способствовало его стремительному распространению в различных социальных сферах и закреплению

в общественном сознании. Все сказанное свидетельствует о востребованности категории идентичности в самом широком диапазоне современного исследовательского поля, которое формируется в процессе изучения ее сущностных характеристик в разных предметных областях.

Однако разнообразие исследований, в которых изучаются сущность и структура идентичности, способствует не только углублению ее понятийного содержания, но и расплывчатости механизмов и конститuentов конструирования идентичности с учетом ее постоянных социокультурных изменений. Как справедливо отмечает И.С. Семенов, «фрагментарность и разнородность исследовательского поля идентичности свидетельствуют о том, что здесь образовались незаполненные пока понятийные лакуны» [Семенов, 2017б, с. 11]. Представленные выше аргументы позволяют заключить, что актуальным является поиск комплексной методики исследования категории идентичности.

Одной из таких перспективных методик может стать, на наш взгляд, концепту-

альное лингвистическое проектирование идентичности с учетом ее сущностных характеристик и гиперо-гипонимических отношений. Принимая во внимание важность профессионального самоопределения и собственно профессионализма как интегрального компонента любого современного индивида, а также то, что в современном обществе сфера профессиональной занятости находится в состоянии перманентных хаотичных, противоречивых и зачастую трудно прогнозируемых трансформаций, обуславливающих кризисную и даже рискогенную ситуацию [Дидковская, 2016, с. 3], считаем актуальной научной задачей разработку методики лингвистического комплексного анализа именно профессиональной идентичности.

*Объектом нашего исследования* является профессиональная идентичность как неотъемлемый компонент идентификационной матрицы индивида, *предметом* – комплекс методологических предпосылок концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности. *Цель исследования* заключается в разработке нового исследовательского инструментария, способствующего более глубокому анализу социолингвокогнитивных характеристик профессиональной идентичности.

В качестве *гипотезы* выдвигается положение о том, что социолингвокогнитивная база концептуального каркаса профессиональной идентичности распознается и диагностируется посредством ее концептуального лингвопроектирования, заключающегося в лингвокогнитивном, социолексикографическом, прагмааксиологическом и лингвоэкологическом моделировании соответствующего профессионального дискурса и его научно-популярной составляющей.

Исследование основано на критическом анализе теоретико-методологических работ в области изучения профессиональной идентичности, проведено с применением междисциплинарного дефиниционного анализа термина «профессиональная идентичность», стратификационного анализа ключевых подходов к пониманию профессиональной идентичности в ее общегуманитарном и лингвокоммуникативном плане.

## Понятие

### «профессиональная идентичность» в современной гуманитарной парадигме

Описание новой методики исследования профессиональной идентичности (ПИ) требует прежде всего характеристики данного феномена, выделения его основных черт. Проведенный критический анализ теоретико-методологических работ, посвященных ПИ, позволил выделить ряд магистральных подходов к ее изучению.

Поскольку термин «профессиональная идентичность» возник в рамках психологии личности, логичным представляется начать характеристику направлений изучения профессиональной идентичности именно с *психологического подхода*. В соответствии с существующими психологическими концепциями профессиональная идентичность определяется в качестве многоуровневой личностной динамической структуры, включающей как осознаваемые, так и неосознаваемые элементы и выражающей объективно-субъективное единение индивида с той или иной профессиональной группой, а также обеспечивающей внутреннюю целостность и тождественность индивида на каждом этапе профессионального развития с учетом преемственности и темпоральной устойчивости профессиональных характеристик [Зеер, Сыманюк, 2005; Маркова, 1996; Шнейдер, 2007; Orlofsky, Marcia, Lesser, 1973; Waterman, 1982].

Становление идентичности, как показано А.К. Марковой, находит свое непосредственное выражение в увеличении количества отражающихся в сознании каждого специалиста признаков профессиональных отношений и профессиональной деятельности, в преодолении различных стереотипов профессионального образа, а также в целостном осознании индивидом своего места в контексте его непосредственной профессиональной деятельности [Маркова, 1996, с. 85–87]. Более того, как утверждает Е.П. Ермолаева, значение профессиональной идентичности сложно переоценить, поскольку последняя обеспечивает необходимый уровень устойчивой профессионально-ментальной позиции и профессионального центризма, без которых достижение высшей ступени профессионально-

го мастерства не представляется возможным [Ермолаева, 2001].

Согласно исследованиям в области *педагогической психологии* становление профессиональной идентичности находится в прямой корреляционной зависимости от гетерохронного развития ее различных компонентов [Денисова, 2008, с. 5]. Рассматривая специфику врачебной профессии, О.В. Денисова отмечает, что становление профессиональной идентичности будущего специалиста выступает в качестве важнейшего звена его профессиональной подготовки. Содержание ПИ предопределено особенностями каждой отдельной профессии. Они раскрываются в таких компонентах ПИ, как личность профессионала, профессиональная деятельность, профессиональное общение, а также в морально-нравственном компоненте профессии, который является системообразующим в структуре профидентичности [Денисова, 2008, с. 8–9].

В исследованиях Д.А. Исаевой и Т.В. Малютиной на основе сегментирования основных предпосылок формирования профессиональной идентичности выявлено, что базовыми детерминантами ее становления могут выступать следующие компоненты: притязания субъекта, удовлетворенность выбранной профессией, самооценка, ценностные ориентации и ответственность индивида [Исаева, 2013; Малютина, 2014].

В рамках *социологического подхода* понятие «идентичность» исследуется унифицированными методами описания, анализа и прогнозирования процессов и структурируется в соответствии с триадой «общество ↔ социальная группа ↔ личность». Как отмечают многие ученые, наполнение центрального элемента представленной триады категориальным смыслом предопределяет типизацию личных черт и характеристик, механизмов и результатов идентификации и социализации индивида, а также характер и глубину специфических социальных взаимодействий [Заковоротная, 1999; Мухортова, 2015; Jenkins, 2008].

Предложенная триада отражает одну из отличительных черт данного подхода: конвергенцию понятия «профессиональная идентичность» с такими ключевыми направлениями исследования в социологической науке, как

профессиональная карьера, социальные механизмы регулирования общественных явлений и процессов, профессиональные и карьерные стратегии (их формирование и реализация), трансформационные современные общественные процессы [Данилова, Ядов, 2004; Дидковская, 2014; Чередниченко, 2014; Шубкин, Бабушкина, 1986].

Исключительная значимость социальной составляющей исследуемого феномена подчеркивается введением помимо уже существовавшего термина «социальная идентичность» [Ганеева, 2008; Лескова, 2008; Parsons, 1966] термина «социопрофессиональная идентичность», толкуемого как одновременно процесс и результат конструирования индивидом «Я»-образа с целью достижения самоактуализации в рамках его профессиональной деятельности. В качестве содержания такого образа выступает согласование жизненных и профессиональных представлений индивида, а также соотнесение его социального «Я» с ценностным, нормативным, культурным, информационным, символическим и коммуникативным полями профессиональной практики [Сухова, 2013, с. 14].

Исследуя социопрофессиональную идентичность, социологи, как правило, опираются на ряд индикаторов данного феномена: на микроуровне – это удовлетворенность, мотивация и ожидания; на мезоуровне – структура и действие; на макроуровне – профессиональное сообщество, социальные институты, автономия; сквозными индикаторами являются взаимодействие, конфликт, ценности, знание [Гидденс, 2005; Сухова, 2013; Freidson, 1970]. Здесь важно подчеркнуть, что при рассмотрении сути процесса формирования профессиональной идентичности как ключевого аспекта современной социальной идентичности обязательен учет коллективной временной детерминации, под которой понимается комплекс целей определенного коллектива вместе с некоторыми допустимыми средствами их достижения для коллективной самореализации в исторической перспективе [Заковоротная, 2014, с. 21].

При *педагогическом подходе* феномен профессиональной идентичности рассматривается в совокупности с понятиями «профессиональное сознание», «профессиональный выбор» и «профессиональное самоопределе-

ние». Отличительной чертой данного подхода является ранжирование этапов формирования профессиональной идентичности в соответствии со ступенями образовательного процесса (от начальной до высшей школы) [Жигинас, 2007; Миронова, 2015]. Примечательно, что различные подходы к исследованию профессиональной идентичности в рамках ее педагогической обусловленности – структурно-институциональный (М.П. Щербакова, С.Л. Ивашевский и др.) и профессионально-образовательный (А.В. Федоров, Е.И. Мычко и др.) – приводят к единому пониманию природы этого феномена. Согласно структурно-институциональному подходу профессиональная идентичность определяется как «совокупность двух “контуров” ее тождественности»: внутреннего (тождественности собственному представлению индивида о его профессиональном призвании, ценностям и нормам) и внешнего (соответствия требованиям гражданского общества и социального окружения) [Щербакова, 2015, с. 6]. Понимание исследуемой идентичности в рамках профессионально-образовательного подхода перекликается с ее пониманием в рамках социологического подхода, где ПИ трактуется как интегративное качество личности, соединяющее в себе субъективное переживание индивида относительно тождественности своей профессии и профессиональной группе, а также тождественности определенному набору профессиональных ролей [Федоров, 2017, с. 11]. При этом в фокусе внимания исследователей ПИ в русле педагогического подхода находится алгоритм выстраивания модели формирования профессиональной идентичности различных возрастных и образовательных групп на основе некоего профессионального стандарта или ФГОСа с применением социально-ролевого, аксиологического и деятельностного подходов [Красникова, 2015; Федотова, 2009].

При *этнокультурологическом подходе* к изучению профессиональной идентичности внимание исследователей фокусируется на изначально имеющейся культурной идентичности индивида, претерпевающей аккультурацию, которую, по мнению Е.В. Воеводы, следует рассматривать как компонент межкультурной коммуникации, приводящий к «значительным изменениям в культурных формах

жизнедеятельности личности и на национальном уровне, и в ежедневной языковой практике» [Воевода, 2012, с. 172–173]. Такие изменения связаны с погружением индивида в другую языковую картину мира, в результате чего у него формируются иные, отличные от прежних, мировосприятие и система ценностей, то есть человек неизбежно подвергается влиянию определенной иноязычной культуры [Воевода, 2012, с. 173; Романенко, 2014, с. 314].

*Лингвистический подход* к изучению ПИ базируется на понимании того, что становление профессионала, формирование его профессиональной идентичности, развитие его профессионального самосознания нельзя рассматривать вне языка. В последние десятилетия неоднократно предпринимались попытки комплексного лингвистического исследования идентичности индивида (см., например: [Лингвистические аспекты..., 2012; Цапко, 2017 и др.]), равно как и попытки узконаправленного лингвистического анализа определенных видов идентичности: национально-культурной [Жерновая, 2016], гендерной [Куракина, 2014], религиозной [Акбарьян, 2009], политической [Корнеева, 2016], этнической [Батнасунов, 2014] и др. Тем не менее профессиональная личность в качестве объекта языковедческого исследования затрагивалась «по касательной» как один из элементов, необходимых для более глубокого понимания общей самоидентификации личности (ср.: [Загуменнов, 2017]).

В лингвистических исследованиях показано, что профессиональная идентичность имеет осложненную структуру. По мнению Е.Н. Азначеевой, с лингвистической точки зрения внутренняя типологизация профессиональной идентичности может быть осуществлена на основе комплекса параметров. В качестве ключевых ученый выделяет следующие: доминантный тип знания (когнитивный уровень); значимость учета мировоззренческого компонента при осуществлении профессиональной деятельности; развитие и использование профессионального лексикона; стилистические характеристики неофициальной профессиональной коммуникации; (не)совпадение объема понятий «профессиональная личность» и «языковая личность профессионала» [Азначеева, 2012, с. 6].

Неразрывная связь профессиональной и социальной идентичностей подчеркивается в исследовании В. Гудикунста, по мнению которого принадлежность индивида к определенной профессиональной группе оказывает существенное влияние на его социальную идентичность, что непременно находит отражение в языковой реализации личности [Gudykunst, 2012, p. 77].

В качестве базового компонента приобретения индивидом его профессиональной идентичности многие ученые рассматривают освоение профессионального лексикона, отмечая межъязыковое сходство различных терминологических аппаратов и национально-этническое своеобразие терминосистем различных языков [Колмогорова, 2016; Солнышкина, Исмагилова, Шигапова, 2015; Солнышкина, Шигапова, Габдрахманова, 2015]. При этом утверждается, что индивид способен одновременно или последовательно принадлежать к целому ряду социальных и профессиональных сообществ, проходя, таким образом, лингвистическую аккультурацию. В этом случае идентичность индивида, будучи социолингвистической категорией, «должна рассматриваться как мультиполярная структура, спектр поведенческих скриптов которой находится в диапазоне “мультиполярного континуума”, в котором один полюс – интеракции, детерминированные только индивидуальными характеристиками личности, а все другие полюсы – коммуникации между лицами, определяемые их принадлежностью к кой-либо группе или сообществу» [Солнышкина, Шигапова, Габдрахманова, 2015, с. 154].

**Философский подход** к изучению профессиональной идентичности, имея комплексную методологическую основу, может реализоваться в трех аспектах: экзистенциальном – осмысление проблемы самоопределения при выборе собственной личностной и частично профессиональной идентичности (М. Хайдеггер, К. Ясперс, Ж.-П. Сартр и др.), этическом – сопряжение самоопределения с поиском смысла жизни (М. Бахтин, И. Ильин, Н. Бердяев и др.), профессиональном – понимание профессионального самоопределения как важнейшего элемента общей самоидентификации личности (В.В. Байлука, П.П. Гайдено, И.С. Кон и др.). Подробно об этих аспектах см.: [Патырбаева и др., 2012; Разлогов, 2015].

Систематизация результатов исследования ПИ в русле разных подходов к пониманию природы этого феномена представлена в таблице 1.

Таким образом, профессиональная идентичность – это феномен, который характеризуется комплексной структурой, что определяет многоаспектную направленность исследовательских парадигм. Однако на сегодняшний день попытки создания комплексной лингвистической методики изучения рассматриваемого феномена, которая бы учитывала достижения каждого из представленных подходов, еще не предпринимались. Именно эту задачу мы и ставим в работе.

### **Комплексность как основа методики концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности**

Разработка теоретических оснований концептуального лингвопроектирования ПИ и создание комплексной методики исследования, инкорпорирующей достижения каждого из обозначенных подходов, представляется сложной задачей, которая соотносится не только с языковыми аспектами формирования ПИ, но и с рядом экстралингвистических вопросов, каждый из которых требует особого внимания.

Учитывая доминантный характер языка при описании процесса формирования ПИ, считаем фундаментом новой методики принцип сложной дискурсивной матрицы, реализующийся в совокупности современных разработок в области дискурсивного анализа, когнитивной лингвистики, социо-, психо- и прагмалингвистики, лингвоаксиологии, лингвоэкологии, терминоведения, находящихся в корреляции с представленными ранее подходами и имеющих точки пересечения с лингвистической экспертизой персонотекстов (см.: [Ионова, 2017]). В настоящее время только комплексный многофакторный анализ лингвистической составляющей профессиональной идентичности индивида (специалиста / дилетанта), включающий методы каждой из перечисленных областей языковедения, может претендовать на валидность и теоретико-практический исследовательский потенциал, а полученные результаты – на верифицируемость. Предлагаемая методика кон-

**Общая характеристика подходов к пониманию термина  
«профессиональная идентичность» (ПИ)**

<i>Подход</i>	<i>Основные представители</i>	<i>Основные достижения</i>
<b>Психологический</b>	<i>Денисова О.В. Ермолаева Е.П. Зеер Э.Ф. Исаева Д.А. Малютина Т.В. Маркова А.К. Сыманюк Э.Э. Шнейдер Л.Б. Marcia J.E. Lesser L.M. Orlofsky J.L. Waterman A.S.</i>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– ПИ – это многоуровневая личностная структура динамического характера, обеспечивающая внутреннюю целостность индивида;</li> <li>– ПИ формирует необходимый уровень устойчивой профессионально-ментальной позиции и профессионального центризма;</li> <li>– становление ПИ взаимосвязано с гетерохронным развитием ее различных составляющих;</li> <li>– формирование ПИ является важнейшим элементом профессиональной подготовки;</li> <li>– системообразующим компонентом ПИ является морально-нравственная составляющая;</li> <li>– детерминантами становления ПИ выступают притязания субъекта, удовлетворенность выбранной профессией, самооценка, ценностные ориентации и ответственность индивида</li> </ul>
<b>Социологический</b>	<i>Гидденс Э. Дидковская Я.В. Лескова И.В. Мухомтова В.Н. Семенов И.С. Сухова Е.Н. Чердниченко Г.А. Шубкин В.Н. Ядов В. Parsons T. Freidson E. Jankins R.</i>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– ПИ – это процесс конструирования индивидом «Я»-образа в рамках определенной профессии и соотнесение социального «Я» с комплексными нормативно-ценностной, культурно-символической, информационно-коммуникативной сферами профессиональной практики;</li> <li>– ПИ базируется на триаде «общество ⇔ социальная группа ⇔ личность» и реализуется в ней;</li> <li>– специфичные идентификаторы ПИ имеют многоуровневую диверсификацию;</li> <li>– неотъемлемым компонентом любого анализа ПИ является социологическая составляющая</li> </ul>
<b>Педагогический</b>	<i>Жигинас Н. Ивашевский С.Л. Красникова Ю.В. Миронова С.П. Мычко Е.И. Федоров А.В. Федотова Л.М. Щербакова М.П.</i>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– ПИ есть совокупная тождественность личности ее личностному и социально-институциональному самовосприятию;</li> <li>– включение элементов развития профессионального самосознания и профессиональной идентичности обязательно для образовательного процесса;</li> <li>– ранжирование этапов формирования ПИ возможно в соответствии со ступенями образовательного процесса;</li> <li>– основная задача состоит в выстраивании модели формирования профессиональной идентичности различных возрастных и образовательных групп на основе профессиональных стандартов</li> </ul>
<b>Этнокультурологический</b>	<i>Воевода Е.В. Романенко Н.М.</i>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– на ПИ влияет аккультурация;</li> <li>– необходима выработка стратегии параллельной интеграции</li> </ul>
<b>Лингвистический</b>	<i>Азначеева Е.Н. Солнышкина М.И. Шигапова Ф.М. Гардрахманова Р.Р. Колмогоров А.В. Gudykunst W.B.</i>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– на социальную идентичность индивида влияет его принадлежность к определенной профессиональной группе;</li> <li>– ПИ имеет осложненную структуру, характеризующуюся комплексом когнитивных, мировоззренческих и лексико-стилистических параметров;</li> <li>– базовым элементом обретения индивидом ПИ является освоение профессиональной лексики;</li> <li>– индивид способен одновременно/последовательно принадлежать к ряду социальных и профессиональных сообществ, проходя лингвистическую аккультурацию</li> </ul>
<b>Философский</b>	<i>Байлука В.В. Патырбаева К.В. Разлогов К.Э.</i>	<ul style="list-style-type: none"> <li>– профессиональное самоопределение понимается как интегральный компонент самоидентификации личности;</li> <li>– ПИ рассматривается в экзистенциальном, этическом и профессиональном аспектах</li> </ul>

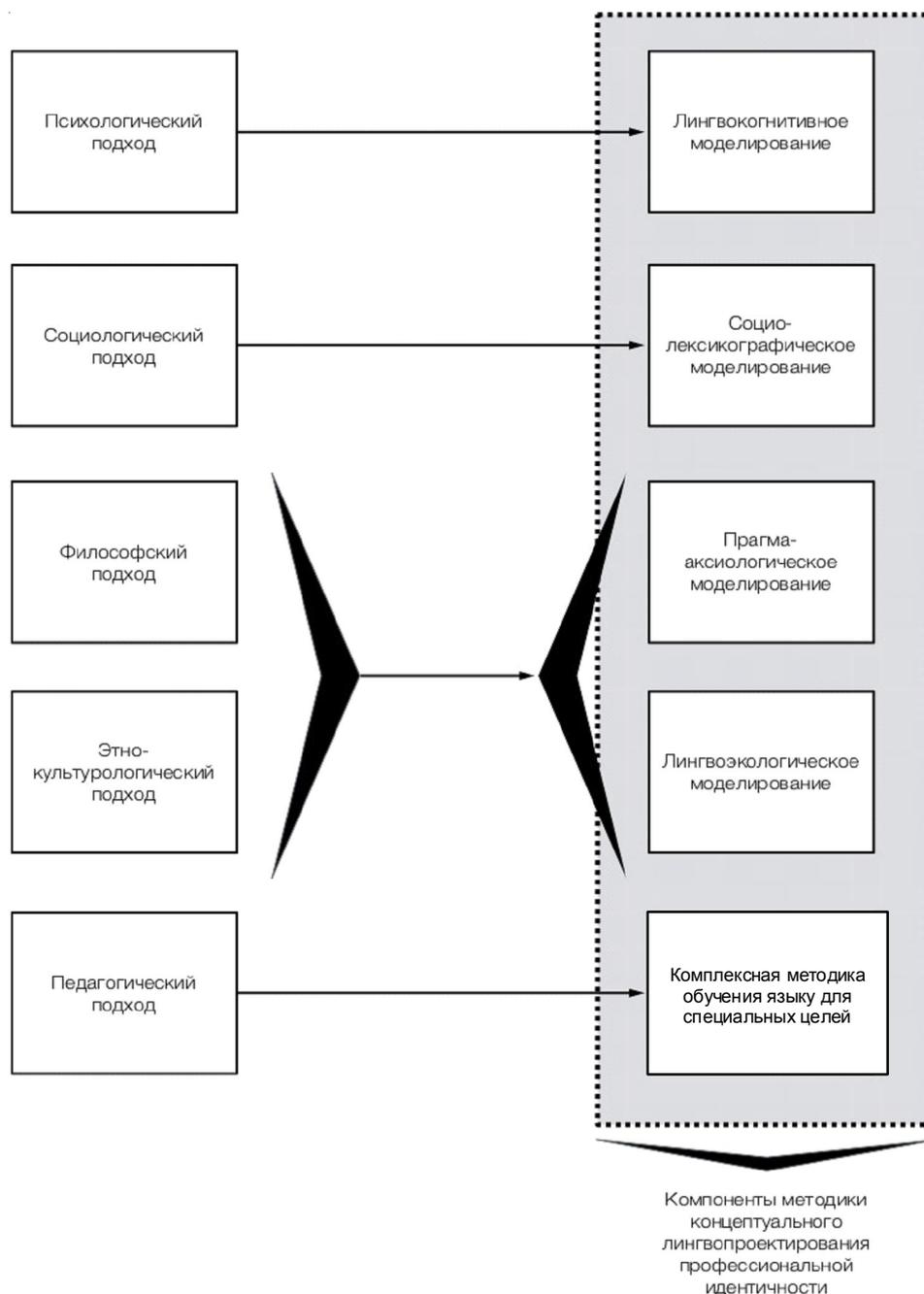
цептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности призвана, с одной стороны, заполнить ряд теоретико-практических лакун, а с другой стороны, может обеспечить

эффективное профессиональное кросскультурное взаимодействие в сфере критических технологий между российскими и зарубежными учеными. В результате осуществления концеп-

туального лингвопроектирования профессиональной идентичности специалистов, включающего в себя такие этапы, как комплексное лингвокогнитивное, социолексикографическое и прагмааксиологическое моделирование, систематизация и стандартизация профессиональных дискурсов и их научно-популярных субдискурсов, научное сообщество и те, кто работает в реальном секторе экономики, получают возможность более глубокого понимания процес-

сов возникновения и развития «внутреннего чувства идентичности» у представителей определенной профессии, формирующего единую систему координат личности в различных сферах жизни.

Предлагаемая методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности учитывает, как показано на схеме, основные достижения каждого из общегуманитарных подходов: лингвокогни-



Корреляция общегуманитарных направлений исследования ПИ с элементами методики концептуального лингвопроектирования ПИ

тивное моделирование основывается в значительной степени на психологическом подходе, социолексикографическое моделирование – на социологическом подходе, в прагмааксиологическое и лингвоэкологическое моделирование включены элементы философского и этнокультурологического подходов, педагогический подход представлен комплексной методикой исследования языковых явлений для преподавания языка в специальных целях. Таким образом, предлагаемая методика концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности объединяет существующие подходы к изучению профессиональной идентичности при ее исследовании сквозь призму языка.

Несмотря на новизну методики концептуального лингвопроектирования професси-

ональной идентичности и тот факт, что она все еще находится на стадии разработки, считаем необходимым обозначить примерный поэтапный алгоритм ее реализации с указанием используемых приемов и методов анализа, а также основными задачами, решение которых необходимо для достижения основной цели предлагаемой методики (см. табл. 2).

Безусловно, данная методика требует дальнейшей апробации при комплексном изучении различных видов дискурса. Подчеркнем, что авторами планируется проведение целого ряда исследований на материале профессионального и научно-популярного дискурсов различной тематической направленности с целью верификации и дальнейшего усовершенствования представленной методики.

Таблица 2

**Примерный алгоритм проведения анализа языкового материала по методике концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности**

<i>Этап</i>	<i>Методы и приемы</i>	<i>Задачи</i>
<b>Сбор фактического материала</b>	сплошная выборка фактического языкового материала	– категоризация фактического языкового материала и создание корпуса данных; – создание структуры сложной дискурсивной матрицы для ее последующего заполнения новыми данными
	контекстуальный анализ	
	поэтапная классификация фактического языкового материала	
<b>Лингвокогнитивное моделирование</b>	анализ дефиниций / толкований	– разложение дефиниций / толкований на семантические компоненты
	компонентный анализ семантической структуры	
	выстраивание семантических оппозиций	– выявление точек роста терминофонда / лексического состава;
	ядро-периферийное семантическое моделирование	– выявление семантической структуры термина / лексической единицы
<b>Прагмааксиологическое моделирование</b>	фреймовый анализ данных профессионального / научно-популярного дискурса	– создание когнитивной модели, отражающей базовые концепты исследуемой области; – выявление корреляции базовых концептов в профессиональном и научно-популярном дискурсах
	дискурс-анализ	– выявление корреляции функционального диапазона в профессиональном и научно-популярном дискурсах; – выявление особенностей лингвокреативной реализации языковых единиц
	прагмакоммуникативный анализ	
	функциональный анализ всего комплекса языковых единиц в профессиональном узусе	
функциональный анализ всего комплекса языковых единиц в научно-популярном узусе	– определение ценностно-доминантных сфер в профессиональном и научно-популярном дискурсах	
лингвоаксиологический анализ		
<b>Лингвоэкологическое моделирование</b>	анализ лингвоэкологичности научного и научно-популярного дискурсов	– определение уровня контаминации профессионального и научно-популярного дискурсов; – определение целесообразности использования языковой единицы в определенном дискурсивном пространстве

Этап	Методы и приемы	Задачи
Социолексико-графическое моделирование	социокогнитивное моделирование	– установление взаимосвязи между когнитивной деятельностью профессионала / дилетанта и репрезентацией знаний, накопленных в языке исследуемого социального института
	тезаурусное моделирование	– корректное структурирование словарной статьи; – выявление системных связей в рамках исследуемой тематической области
	элементы электронной лексикографии	
Статистическое моделирование	квантитативный анализ	– возможность использования всего накопленного корпуса данных для предоставления наиболее полной информации в словарной статье
	лингвостатистический анализ	– получение количественных показателей (частотности употребления, процентного содержания каждой категории и т. д.) для дополнения словарной статьи и корпуса данных
Анализ аппликативной валидности материала	контент-анализ выявленного корпуса данных с позиций когнитивно-коммуникативного профессионально-ориентированного подхода к преподаванию иностранного языка	– обнаружение наиболее значимых элементов, необходимых для использования при создании учебно-методического комплекса по иностранному языку для специалистов в исследуемой области

### Заключение

Итак, нами проведен анализ понятия «профессиональная идентичность» в современной гуманитарной парадигме, который позволил систематизировать основные подходы к пониманию природы данного явления и с учетом результатов исследований, выполненных в русле каждого из подходов, предложить комплексную методику концептуального лингвопроектирования профессиональной идентичности.

Представленная методика перспективна, поскольку, во-первых, основывается на синтезе различных гуманитарных концепций, что обеспечивает валидность и верифицируемость полученных выводов; во-вторых, парадигмальная и методологическая разноплановость лингвистической науки демонстрируют значительно большие возможности для диагностики профессиональной идентичности, равно как и механизмов ее формирования; в-третьих, углубление и совершенствование теоретического осмысления с лингвистических позиций феномена «профессиональная идентичность», выступающего и как сложный многоаспектный конструкт, и как конституирующий фрагмент национальной картины мира имеет большое значение для практической работы

в сфере международного профессионального сотрудничества; в-четвертых, ее использование будет способствовать развитию актуальных направлений современного языкознания.

### ПРИМЕЧАНИЕ

<sup>1</sup> Публикация выполнена в рамках проекта «Концептуальное лингвопроектирование профессиональной идентичности в инновационной экономике: лингвокогнитивное, социо-лексикографическое и прагма-аксиологическое моделирование русскоязычного и западноевропейского научно-популярного дискурса» по гранту Президента Российской Федерации (№ МК-6895.2018.6; руководитель – А.Ю. Багиян).

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азначеева Е. Н., 2012. Введение // Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире : коллект. моногр. / под ред. Е. Н. Азначеевой. Челябинск : Энциклопедия. С. 4–7.
- Акбарйан Ф. Е., 2009. К проблеме чувства собственного достоинства и его взаимосвязи с религиозной идентичностью у подростков // Вопросы филологических наук. № 5. С. 217–222.
- Батнасунов А. С., 2014. Этническая идентичность молодежи полиэтничного региона как элемент

- гражданской идентичности // Мир науки, культуры, образования. № 3 (46). С. 298–299.
- Воевода Е. В., 2012. Контактные языки как лингвокультурная доминанта на постсоветском пространстве // Вестник МГИМО-Университета. № 6 (27). С. 172–175.
- Ганеева Е. И., 2008. Проблемная социальная идентичность: сущность и условия формирования // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. № 1 (9). С. 39–45.
- Гидденс Э., 2005. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический Проект. 528 с.
- Данилова Е., Ядов В., 2004. Контекстуально-лабильная социальная идентичность – норма современных динамичных обществ // СОЦИС. № 10. С. 27–30.
- Денисова О. В., 2008. Становление профессиональной идентичности студента-медика в образовательном процессе вуза : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург. 26 с.
- Дидковская Я. В., 2014. Динамика стратегий профессиональной карьеры молодежи в условиях трансформации модели профессионального самоопределения // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. Т. 126, № 2. С. 117–131.
- Дидковская Я. В., 2016. Трансформация социального механизма взаимосвязи профессионального самоопределения и профессиональной карьеры в российском обществе : дис. ... д-ра социол. наук. Екатеринбург. 327 с.
- Ермолаева Е. П., 2001. Профессиональная идентичность и маргинализм: концепция и реальность (статья первая) // Психологический журнал. Т. 22, № 4. С. 51–59.
- Жерновая О. Р., 2016. Современный образ «британских» шотландцев в английских этнических шутках и анекдотах в контексте противостояния национально-культурных идентичностей // Современные исследования социальных проблем. № 3–2 (27). С. 175–194.
- Жигинас Н., 2007. Этапы формирования профессиональной идентичности педагога // Высшее образование в России. № 8. С. 121–122.
- Загуменнов А. В., 2017. Герменевтико-феноменологический аспект изучения языковой личности: к постановке проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 144–153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.1.15.
- Заковоротная М. В., 1999. Идентичность человека: социально-философские аспекты. Ростов н/Д : Изд-во Северо-Кавказ. науч. центра высш. шк. 200 с.
- Заковоротная М. В., 2014. Профессиональная идентичность как ключевой аспект современной социальной идентичности // Вестник Адыгейского государственного университета. № 3 (144). С. 13–22.
- Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э., 2005. Психология профессиональных деструкций. М. : Академический проект ; Екатеринбург : Деловая книга. 240 с.
- Ионова С. В., 2017. Аспекты исследования письменного текста как объекта лингвистической экспертизы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 2. С. 28–38. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.3.
- Исаева Д. А., 2013. Особенности личностной и профессиональной идентичности в юности и ранней взрослости // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. № 2. С. 78–85.
- Колмогорова А. В., 2016. Термин как средство конструирования идентичности в профессиональной коммуникации // Вестник Челябинского государственного университета. № 4 (386). С. 69–73.
- Корнеева В. А., 2016. Спортивные символы как инструмент формирования и трансформации политических идентичностей регионов // Политическая лингвистика. Вып. 1 (55). С. 93–98.
- Красникова Ю. В., 2015. Структура и содержание профессиональной идентичности будущих специалистов в образовательной среде техникума // Профессиональное образование в России и за рубежом. № 4 (20). С. 67–73.
- Куракина Н. А., 2014. Влияние кризиса гендерной идентичности на выражение комплиментарных высказываний представителями английской, американской и русской национальных идентичностей // Филологические науки. Вопросы теории и практики. № 5 (35), ч. 2. С. 122–126.
- Лескова И. В., 2008. Трансформация социальной идентичности в российском обществе: социологический анализ. М. : Изд-во РГСУ «Союз». 374 с.
- Лингвистические аспекты..., 2012. Лингвистические аспекты исследования идентичности личности в изменяющемся мире : коллект. моногр. / под ред. Е. Н. Азнамеевой. Челябинск : Энциклопедия. 232 с.
- Малютина Т. В., 2014. Профессиональная идентичность, ее структура и компоненты // Омский научный вестник. № 5 (132). С. 149–152.
- Маркова А. К., 1996. Психология профессионализма. М. : Международный гуманитарный фонд «Знание». 312 с.

- Миронова С. П., 2015. Современные инновационные технологии формирования профессионального сознания в системе высшего образования. Екатеринбург : Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та. 179 с.
- Мухортова В. Н., 2015. Особенности социологического подхода к понятию «профессиональная идентичность» // Социум и власть. № 3 (53). С. 9–13.
- Патырбаева К. В. и др., 2012. Идентичность: социально-психологические и социально-философские аспекты : коллект. моногр. / К. В. Патырбаева [и др.]. Пермь : Перм. гос. нац. иссл.-ун-т. 250 с.
- Разлогов К. Э., 2015. Метаморфозы идентичности // Вопросы философии. № 7. С. 28–40.
- Романенко Н. М., 2014. Особенности аккультурации в профессиональной деятельности специалиста-международника // Вестник МГИМО-Университета. № 4. С. 312–316.
- Семенов И. С., 2017а. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М. : Весь Мир. С. 18–32.
- Семенов И. С., 2017б. Предисловие // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / отв. ред. И. С. Семенов. М. : Весь Мир. С. 11–17.
- Солнышкина М. И., Исмагилова А. Р., Шигапова Ф. Ф., 2015. Либерализм эргономика как угроза лингвокультурной идентичности (на примере современной Казани) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. № 5 (29). С. 34–39. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.5.4.
- Солнышкина М. И., Шигапова Ф. М., Габдрахманова Р. Р., 2015. Лингвистические маркеры этнолингвистической и профессиональной идентичности // Филология и культура. № 4 (42). С. 150–156.
- Сухова Е. Н., 2013. Трансформация социопрофессиональной идентичности в медицине : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород, 22 с.
- Федоров А. В., 2017. Педагогическая модель формирования профессиональной идентичности бакалавров социальной работы в вузе // Глобальный научный потенциал. № 8 (77). С. 10–12.
- Федотова Л. М., 2009. Общие закономерности формирования профессиональной идентичности // Альманах современной науки и образования. № 10, ч. II. С. 118–120.
- Цапко М. И., 2017. Языковая идентичность как объединяющая идентичность: в поиске конструирующих методологических стратегий // Язык и культура в эпоху интеграции научного знания и профессионализации образования : материалы междунар. науч.-практич.й конф. С. 229–235.
- Чердниченко Г. А., 2014. Образовательные и профессиональные траектории молодежи. М. : ЦСП и М. 560 с.
- Шнейдер Л. Б., 2007. Личностная, гендерная и профессиональная идентичность: теория и методы диагностики. М. : Моск. псих.-соц. ин-т. 128 с.
- Шубкин В. Н., Бабушкина Т. А., 1986. Оценка профессии: общее и специфическое // Выбор профессии: мотивы и их реализация. М. : Знание. С. 27–52.
- Щербакова М. П., 2015. Профессиональная идентичность профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений МВД России : автореф. дис. ... канд. социол. наук. Нижний Новгород. 19 с.
- Эриксон Э., 2006. Идентичность. Юность и кризис. М. : Флинта. 342 с.
- Freidson E., 1970. Profession of Medicine: A Study of Sociology of Applied Knowledge: with a new afterword. Chicago : University of Chicago Press. 440 p.
- Gudykunst W. B., 2012. Bridging Differences: Effective Intergroup Communication. 4th ed. Thousand Oaks, CA : Sage Publications. 448 p.
- Jenkins R., 2008. Social identity. Key ideas. 3<sup>rd</sup> ed. London : Routledge. 256 p.
- Marcia J. E., 1993. The ego identity status approach to ego identity // Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research / Marcia J. E., Waterman A. S., Matteson D. R., Archer S. L., Orlofsky J. L. New York : Springer-Verlag. P. 3–41.
- Orlofsky J. L., Marcia J. E., Lesser L. M., 1973. Ego identity status and intimacy versus isolation crisis of young adulthood // Journal of Personality and Social psychology. Vol. 27, № 2. P. 211–219.
- Parsons T., 1966. Essays on Sociological Theory. Revised Edition. New York : The Free Press. 460 p.
- Waterman A. S., 1982. Identity development from adolescent to adulthood: an extension of theory and review of research // Developmental psychology. Vol. 18, № 3. P. 341–358.

## REFERENCES

Aznacheeva E.N. (ed.), 2012. Introduction. *Linguistic Aspects of Individual Identity Study in a*

- Changing World: Collective Monograph.* Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ., pp. 4-7.
- Akbarjan F.E., 2009. On the Problem of Self-Esteem and Its Connection to Religious Identity of Teenagers. *Voprosy filologicheskikh nauk*, no. 5, pp. 217-222.
- Batnasunov A.S., 2014. Ethnic Identity of Youth in a Polyethnic Region as a Component of Civil Identity. *Mir nauki, kultury, obrazovaniya* [The World of Science, Culture, Education], no. 3 (46), pp. 298-299.
- Voevoda E.V., 2012. Contact Languages in the Post-Soviet Space: Linguistic and Cultural Dominance. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], no. 6 (27), pp. 172-175.
- Ganeeva E.I., 2008. Inconstant Social Identity: The Essence and Conditions of Genesis. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod], no. 1 (9), pp. 39-45.
- Giddens E., 2005. *Formation of the Society: Abstract of the Structuration Theory.* Moscow, Akademicheskii Proekt Publ. 528 p.
- Danilova E., Yadov V., 2004. Contextually Labile Social Identity as a Norm of Modern Dynamic Societies. *SOTSIS* [SOCIS], no. 10, pp. 27-30.
- Denisova O.V., 2008. *Formation of the Professional Identity of a Medical Student within the Educational Framework of the University.* *Cand. psychol. sci. abs. diss.* Ekaterinburg. 26 p.
- Didkovskaya Ya.V., 2014. The Career Strategy Dynamics of Youth under the Conditions of Transforming Professional Self-Identification Model. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta. Seriya 1: Problemy obrazovaniya, nauki i kultury*, vol. 126, no. 2, pp. 117-131.
- Didkovskaya Ya.V., 2016. *Transformation of the Social Correlation Mechanism of Professional Self-Identification and Professional Career in the Russian Society. Dr. sociol. sci. diss.* Ekaterinburg. 327 p.
- Ermolaeva E.P., 2001. Professional Identity and Marginalism: Conceptions and Reality. *Psikhologicheskii zhurnal*, vol. 22, no. 4, pp. 51-59.
- Zhernovaya O.R., 2016. Modern Image of "British" Scots in English Jokes and Anecdotes in the Context of National and Cultural Identities' Opposition. *Sovremennye issledovaniya sotsialnykh problem* [Russian Journal of Humanities], no. 3-2 (27), pp. 175-194.
- Zhiginas N., 2007. Stages of Professional Identity Formation of a Teacher. *Iysshie obrazovanie v Rossii* [Higher Education in Russia], no. 8, pp. 121-122.
- Zagumennov A.V., 2017. The Linguistic Personality from the Viewpoint of Hermeneutics and Phenomenology: Problem Statement. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 144-153. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.1.15.
- Zakovorotnaya M.V., 1999. *A Person's Identity: Socio-Philosophical Aspects.* Rostov-on-Don, Izd-vo Severo-kavkazskogo nauchnogo tsentra vysshey shkoly. 200 p.
- Zakovorotnaya M.V., 2014. Professional Identity as a Key Aspect of the Modern Social Identity. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adyge State University], no. 3 (144), pp. 13-22.
- Zeer E.F., Symanyuk E.E., 2005. *Psychology of Professional Destructions.* Moscow, Akademicheskii proekt Publ.; Ekaterinburg, Delovaya kniga Publ. 240 p.
- Ionova S.V., 2017. Aspects of Studying Written Text as an Object of Forensic Linguistic Expertise. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 2, pp. 28-38. DOI: 10.15688/jvolsu2.2017.2.3.
- Isaeva D.A., 2013. Personal and Professional Identity Features in Adolescence and Early Adulthood. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 12. Psikhologiya. Sotsiologiya. Pedagogika*, no. 2, pp. 78-85.
- Kolmogorova A.V., 2016. Terms as a Tool for Construction of Identity in Professional Communication. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 4 (386), pp. 69-73.
- Korneeva V.A., 2016. Sports Symbols as a Means of Formation and Transformation of Political Identity of Regions. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics Journal], iss. 1 (55), pp. 93-98.
- Krasnikova Yu.V., 2015. The Structure and Content of Professional Identity of Future Specialists in the Educational Environment of the Technical Secondary School. *Professionalnoe obrazovanie v Rossii i za rubezhom* [Professional Education in Russia and Abroad], no. 4 (20), pp. 67-73.
- Kurakina N.A., 2014. The Influence of Gender Identity Crisis on the Expression of Complimentary Utterances by the Representatives of the English, American and Russian National Identities. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philological Sciences. Issues of Theory and Practice], no. 5 (35), part 2, pp. 122-126.

- Leskova I.V., 2008. *Transformation of Social Identity in the Russian Society: Sociological Analysis*. Moscow, Soyuz Publ. 374 p.
- Aznacheeva E.N. (ed.), 2012. *Linguistic Aspects of Individual Identity Study in a Changing World: Collective Monograph*. Chelyabinsk, Entsiklopediya Publ. 232 p.
- Malyutina T.V., 2014. Professional Identity, Its Structure and Components. *Omskiy nauchnyy vestnik* [Omsk Scientific Bulletin], no. 5 (132), pp. 149-152.
- Markova A.K., 1996. *Psychology of Professionalism*. Moscow, Znanie Publ. 312 p.
- Mironova S.P., 2015. *Modern Innovation Technologies of Forming Professional Identity in the System of Higher Education*. Ekaterinburg, Izd-vo Rossiyskogo gosudarstvennogo professionalno-pedagogicheskogo universiteta. 179 p.
- Mukhortova V.N., 2015. Features of the Sociological Approach to the Concept of Professional Identity. *Sotsium i vlast* [Society and Power], no. 3 (53), pp. 9-13.
- Patyrbaeva K.V., 2012. *Identity: Socio-Psychological and Socio-Philosophical Aspects: Collective Monograph*. Perm, Permskiy gosudarstvennyy natsionalnyy issledovatel'skiy universitet. 250 p.
- Razlogov K.E., 2015. Identity Metamorphosis. *Voprosy filosofii*, no. 7, pp. 28-40.
- Romanenko N.M., 2014. Acculturation in the Professional Activities of Specialists in International Relations. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [Vestnik MGIMO-University], no. 4, pp. 312-316.
- Semenenko I.S., 2017a. The Category of Identity in Social Sciences: Notion, Cognitive Potential, Priorities of Research. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow, Ves Mir Publ., pp. 18-32.
- Semenenko I.S., 2017b. Introduction. *Identichnost: Lichnost, obshchestvo, politika. Entsiklopedicheskoe izdanie* [Identity: Personality, Society, Politics. Encyclopedic Edition]. Moscow, Ves Mir Publ., pp. 11-17.
- Solnyshkina M.I., Ismagilova A.R., Shigapova F.F., 2015. Liberalism in Ergonomicon as a Threat to Linguo-Cultural Identity (the Case of Modern Kazan). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4, Istoriya, Regionovedenie, Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], no. 5 (29), pp. 34-39. DOI: 10.15688/jvolsu2.2015.5.4.
- Solnyshkina M.I., Shigapova F.F., Gabdrakhmanova R.R., 2015. Linguistic Markers of Linguo-Ethnic and Professional Identity. *Filologiya i kultura* [Philology and Culture], no. 4 (42), pp. 150-156.
- Sukhova E.N., 2013. *Transformation of Socioprofessional Identity in Medicine: Cand. sociol. sci. abs. diss.* Nizhny Novgorod. 22 p.
- Fedorov A.V., 2017. A Pedagogical Model of Shaping Professional Identity of Undergraduate Students of Social Work at University. *Globalnyy nauchnyy potentsial* [Global Scientific Potential], no. 8 (77), pp. 10-12.
- Fedotova L.M., 2009. Common Patterns of Professional Identity Forming. *Almanakh sovremennoy nauki i obrazovaniya* [Anthology of Modern Science and Education], no. 10, part II, pp. 118-120.
- Tsapko M.I., 2017. Language Identity as Unifying Identity: in Search of Constructive Methodological Strategies. *Yazyk i kultura v epokhu integratsii nauchnogo znaniya i professionalizatsii obrazovaniya: Materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii*, pp. 229-235.
- Cherednichenko G.A., 2014. *Educational and Professional Directions of the Youth*. Moscow, CSP i M Publ. 560 p.
- Shneyder L.B., 2007. *Personal, Gender and Professional Identity: Theory and Methods of Diagnostics*. Moscow, Moskovskiy psikhologo-sotsialnyy institut. 128 p.
- Shubkin V.N., Babushkina T.A., 1986. Profession Assessment: General and Specific. *Vybor professii: motivy i ikh realizatsiya* [Choosing a Profession: Motives and Their Realisation]. Moscow, Znanie Publ., pp. 27-52.
- Shcherbakova M.P., 2015. *Professional Identity of Faculty Members of Higher Education Institutions of Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Cand. sociol. sci. abs. diss.* Nizhny Novgorod. 19 p.
- Erikson E., 2006. *Identity. Adolescence and Crisis*. Moscow, Flinta Publ. 342 p.
- Freidson E., 1970. *Profession of Medicine: A Study of Sociology of Applied Knowledge: with a new afterword*. Chicago, University of Chicago Press. 440 p.
- Gudykunst W.B., 2012. *Bridging Differences: Effective Intergroup Communication*. Thousand Oaks, CA, Sage Publications. 448 p.
- Jenkins R., 2008. *Social identity. Key ideas*. 3<sup>rd</sup> ed. London, Routledge. 256 p.
- Marcia J.E., 1993. The ego identity status approach to ego identity. Marcia J.E., Waterman A.S., Matteson D.R., Archer S.L., Orlofsky J.L., eds. *Ego Identity: A Handbook for Psychosocial Research*. New York, Springer-Verlag, pp. 3-41.
- Orlofsky J.L., Marcia J.E., Lesser L.M., 1973. Ego identity status and intimacy versus isolation crisis of young adulthood. *Journal of*

*Personality and Social psychology*, vol. 27, no. 2, pp. 211-219.  
Parsons T., 1966. *Essays on Sociological Theory*. Revised Edition. New York, The Free Press. 460 p.

Waterman A.S., 1982. Identity development from adolescent to adulthood: an extension of theory and review of research. *Development psychology*, vol. 18, no. 3, pp. 341-358.

### **Information about the Authors**

**Aleksandr Yu. Bagiyan**, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor of Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, alexander.0506@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3455-0516>

**Tatyana A. Shiryaeva**, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of Department of English Language and Professional Communication, Pyatigorsk State University, Prosp. Kalinina, 9, 357532 Pyatigorsk, Russia, shiryaevat@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>

### **Информация об авторах**

**Александр Юрьевич Багрян**, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия, alexander.0506@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3455-0516>

**Татьяна Александровна Ширяева**, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и профессиональной коммуникации, Пятигорский государственный университет, просп. Калинина, 9, 357532 г. Пятигорск, Россия shiryaevat@list.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5508-8407>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>

UDC 81'1:005.57  
LBC 81.055.1

Submitted: 25.09.2018  
Accepted: 22.10.2018

## PERFORMANCE IN COMMUNICATION: ASPECTS OF COGNITIVE-DISCURSIVE MODELING

Svetlana N. Plotnikova

Irkutsk State University, Irkutsk, Russia

**Abstract.** The paper provides an overview of the development of the performance theory in different fields over several decades and sets out a view of performance in communication in the framework of the cognitive-discursive paradigm in linguistics. The discussion of the performance theory centers on several key features as they function as part of performance organization including self-presentation in a social role, the live presence of the performers and observers, the performance contract between them, play, rehearsal, theatricality, and virtuosic display. In the article performance contract is redefined in linguistic terms as cognitive scenario worked out by communication technologists and realized through a number of multimodal modes of semiotic representation. Performance is viewed as a communicative event and discourse manifestation of personalities of its participants. As a communicative event, performance involves the same setting, the same participants, generally using the same language maintaining the same social roles and rules for interaction stipulated by the cognitive scenario. As a discourse manifestation of personalities, performance comprises the same general topic, the same basic type of discourse (personality bound or status bound), and the same regime (co-present or mediated performance). The analysis of performances of a media personality, a representative of the 'false elite' is proposed. The focus is placed upon the conceptual content of these performances which is technologically devised as a factor of attractiveness ensuring the observer involvement and the continuity of performances reproducing the same basic conceptual content in varied semiotic representations.

**Key words:** performance, communicative event, performer, communication technologist, cognitive scenario, discourse manifestation of personality.

**Citation.** Plotnikova S.N. Performance in Communication: Aspects of Cognitive-Discursive Modeling. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2018, vol. 17, no. 4, pp. 229-239. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>

УДК 81'1:005.57  
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 25.09.2018  
Дата принятия статьи: 22.10.2018

## ПЕРФОРМАНС В КОММУНИКАЦИИ: АСПЕКТЫ КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОГО МОДЕЛИРОВАНИЯ

Светлана Николаевна Плотникова

Иркутский государственный университет, г. Иркутск, Россия

**Аннотация.** В статье с опорой на выделенные в теории перформанса ключевые признаки его организации: самопрезентация в определенной социальной роли, живое присутствие исполнителей и наблюдателей, наличие между ними перформансного контракта, игра, отретпетированность, театральность, виртуозность исполнения, дано определение перформансного контракта в лингвистических терминах: как когнитивного сценария, объективируемого посредством различных мультимодальных способов семиотической репрезентации. Перформанс рассматривается как коммуникативное событие и дискурсивное проявление личностей его участников. Как коммуникативное событие, перформанс разворачивается в одной и той же обстановке, с одним и тем же составом участников, говорящих на одном языке, придерживающихся одной социальной роли и общих правил взаимодействия, предписываемых когнитивным сценарием. Как дискурсивное проявление личностей, перформанс посвящен одной и той же тематике, реализуется в одном и том же базовом дискурсе (лично- или статусно-обусловленном), в одном и том же режиме (перформанс в

условиях со-присутствия или медиации). Установлено, что в целом перформансы рассчитаны на продолжение: в новых перформансах то же базовое концептуальное содержание воспроизводится в вариативных семиотических репрезентациях.

**Ключевые слова:** перформанс, коммуникативное событие, исполнитель, наблюдатель, коммуникативный технолог, когнитивный сценарий, дискурсивное проявление личности.

**Цитирование.** Плотникова С. Н. Перформанс в коммуникации: аспекты когнитивно-дискурсивного моделирования // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2018. – Т. 17, № 4. – С. 229–239. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.22>

## Введение

Междисциплинарные связи лингвистики с другими науками в области теории коммуникации и теории дискурса позволяют выделять новые объекты лингвистического анализа и разрабатывать теорию языка в ее новых ракурсах.

Цель статьи – обосновать статус междисциплинарного понятия «перформанс» в лингвистической теории коммуникации и осуществить когнитивно-дискурсивное моделирование перформанса на примере коммуникативного поведения медиAPERсоны.

### «Перформанс»: возникновение и развитие понятия в науке

Понятие «перформанс» (от англ. *performance* – ‘исполнение, выступление, представление, спектакль’) возникло в социологии. Оно было предложено и разрабатывалось в 50–70-е гг. XX в. Э. Гоффманом, основателем драматургического подхода к коммуникации [Goffman, 1959, 1967, 1969, 1971]. Ссылаясь на метафору У. Шекспира «весь мир – театр», он выдвинул идею о том, что жизнь сама по себе разыгрывается, как пьеса в театре, уточняя, что весь мир, конечно, не театр, но в каком смысле это не так, определить трудно, поскольку мы все постоянно играем, хотя и не всегда понимаем, какие мы хорошие актеры: «Life itself is a dramatically enacted thing. All the world is not of course a stage, but the ways in which it is not are not easy to specify. In short, we all act better than we know how» [Goffman, 1959, p. 72].

Для описания акта самопрезентации человека или группы перед другими людьми Э. Гоффман использовал термин «performance» для описания акта самопрезентации человека или группы перед другими людьми. Как

правило – это специально подготовленное, отрепетированное, постановочное (staged) действие. Разыгрывая перформансы в повседневной жизни, люди используют декорации наподобие того, как это делают актеры на театральной сцене (в качестве декораций выступают дома, автомобили, одежда, украшения и т. п.). Хорошо отрепетированное поведение – тоже часть перформанса (например, характерная демонстрация гнева или любви). Человек имеет публичную личность (public self), действующую на сцене (front stage), и расслабленную личность (relaxed self), когда уходит со сцены за кулисы (backstage). Это разграничение значимо для коммуникации: человек может играть роль на переднем плане, если только у него есть задний план, кулисы, куда он может вернуться и где может расслабиться. Роли переднего плана нацелены на то, чтобы удержать зрителей, не подпустить их к заднему плану. Группы так же, как и индивиды, действуют на переднем и заднем планах. Э. Гоффман приводит в качестве примера поведение официантов в ресторане, разыгрывающих чуть ли не мистерию, демонстрируя высшую степень профессионализма, вежливости, расторопности, элегантности; за кулисами же исполнители расслабляются. Э. Гоффман подчеркивает, что, хотя в повседневной жизни многие перформансы заранее подготовлены и отрепетированы, все же подавляющее большинство социальных ролей исполняется неосознанно, на основе адаптивной компетенции (adaptive competence), когда человек выбирает для себя роль, диктуемую ролями других участников. Соответственно, человек может быть вовлечен в исполнение ролей, наносящих ему вред, в силу реализации стратегий манипуляции, обмана, сговора и др.

Сущность драматургического подхода состоит в трактовке всей публичной коммуникации как перформансной, поскольку люди

постоянно осуществляют самопрезентацию, представление себя другим в определенной социальной роли, разыгрывают эту роль и управляют производимыми при этом впечатлениями.

Концепция Э. Гоффмана оказала большое влияние на социологические, психологические и лингвистические исследования. В них достаточно подробно изучен в разных ракурсах феномен самопрезентации [Болотнов, 2012; Галичкина, 2009; Карасик, 2015; Курачева, 2006; Лабунская, 2005; Олянич, 2007; Carpenter, et al., 2017].

Итак, в теории Э. Гоффмана понятие перформанса толкуется через понятия социальной роли и самопрезентации человека или группы в этой роли в процессе коммуникации, при этом исполнение роли и самопрезентация в ней могут быть как осознаваемыми, так и неосознаваемыми.

Иную теорию перформанса разрабатывает, начиная с 1970-х гг. XX в., Р. Шехнер [Schechner, 2004; 2013]. Он отказывается от идеи неосознанного перформанса Э. Гоффмана на том основании, что в такой широкой трактовке понятие перформанса охватывает безграничный круг явлений: «there are problems with the notion of a field without limits» [Schechner, 2013, p. 38]. В отличие от «гоффмановского исполнителя», «шехнеровский исполнитель» осознанно играет свою роль и размышляет о том, как ее лучше всего исполнить.

Р. Шехнер видит истоки перформанса в доисторическом шаманизме, древнем театре, ритуалах и церемониях разных народов [Schechner, 2004]. В современном обществе он выделяет восемь видов перформанса в соответствии с ситуациями, в которых они встречаются. Это восемь различных, иногда накладывающихся друг на друга ситуаций: 1) в повседневной жизни – приготовление пищи, социализация, «просто жизнь» ('just living'); 2) в искусстве; 3) в спорте и других популярных развлечениях; 4) в бизнесе; 5) в практической деятельности; 6) в сексе; 7) в ритуалах – сакральных и светских; 8) в игре [Schechner, 2013, p. 51].

Если по Э. Гоффману перформанс – это любой акт представления себя другим, то по Р. Шехнеру перформансом можно назвать

только такую деятельность, которая характеризуется живым присутствием исполнителей и тех, кто наблюдает за перформансом: «for an activity to be regarded as performance it must involve the live presence of performers and those witnessing it» [Schechner, 2013, p. 38], а также наличием «перформансного контракта» между исполнителями и наблюдателями, эксплицитного или имплицитного: «...the performance contract between them, either explicit or implicit» [Schechner, 2013, p. 38].

«Перформансный контракт» – аналог термина «когнитивный сценарий», под которым понимается структура представления динамического знания, цепочки последовательно развертывающихся действий [Edwards, 1997; Minsky, 1980; Schank, Abelson, 1977]. В перформансе исполнители реализуют определенный сценарий, запрограммированную последовательность действий. Наблюдатели, в свою очередь, приблизительно знают, что будет происходить, то есть тоже имеют представление о реализуемом сценарии. Именно это, на наш взгляд, имеется в виду под «перформансным контрактом».

Р. Шехнер указывает, что определенные перформансы можно объединять и обобщать «на теоретическом уровне сохранения поведения» (at the theoretical level of restoration of behaviour), но на уровне практического воплощения (as embodied practices) каждый отдельный перформанс уникален и отличается от всех других [Schechner, 2013, p. 56].

Итак, согласно Р. Шехнеру, перформанс – это непосредственно происходящая «здесь» и «сейчас» деятельность, включающая исполнителей и зрителей. Перформанс имеет акциональную природу, и смена действий в нем происходит по определенному сценарию, хорошо известному исполнителям и в общих чертах – зрителям.

Р. Шехнер – искусствовед, специалист в области театрального искусства, где в основном и продолжается разработка его теории. Вне сферы искусства (в бизнесе, практической деятельности, повседневной жизни) в рамках данной теории ведется изучение культурно обусловленных перформансов, перформансов в политической, религиозной, педагогической деятельности [Stucky, Wimmer, 2002]. Общая задача таких исследований – очертить

круг социальных явлений, имеющих сходство с театральными постановками.

В русле этого подхода перформансную коммуникацию рассматривает Г.Г. Почепцов, посвящая ей небольшой раздел в книге «Теория коммуникации» [Почепцов, 2001, с. 330–339]. Ссылаясь на некоторые положения Р. Шехнера, автор пишет, что перформанс предполагает четкое разграничение участников и публики, отрепетированность, утрированно-перформансные роли. Приводимые примеры перформансов включают церемонии инаугурации президентов, встречи официальных лиц в аэропорту, официальные похороны, съезды партий, пиар-презентации. В качестве основного признака перформанса называется театральность, которая распространяется и на публику: «Театральность внесена внутрь зрительской массы» [Почепцов, 2001, с. 335].

Теорию перформанса разрабатывает с 1970-х гг. XX в. специалист в области фольклора Р. Бауман. Он не ссылается на Э. Гоффмана и Р. Шехнера и дает собственное определение перформанса как разновидности устной коммуникации; как разновидности использования языка, как способа говорения: “performance as a mode of spoken verbal communication; a mode of language use, a way of speaking” [Bauman, 1977, p. 11–12]. Свою задачу он формулирует как переориентацию рассмотрения фольклора в качестве материала на его исследование в качестве коммуникации, а именно как артистического события, или перформансной ситуации, включающей исполнителя, исполняемое произведение, аудиторию и обстановку.

Концепция Р. Баумана, как и концепция Э. Гоффмана, оказала влияние на лингвистику. Понятие перформанса было введено в социолингвистику и позже – в теорию дискурса. В социолингвистическом аспекте перформанс определяется как проявление в социальной ситуации театральности (performance as theatricality), виртуозности исполнения социальной роли (performance as virtuosic display), различаются перформансы в ситуации со-присутствия и медиации (co-present and mediated performance) [Bauman, 2011]. Акцентируется постановочный, «сценический» характер использования языка в перформансной социальной ситуации [Bell, Gibson, 2011]. В теории

дискурса понятие перформанса использует Б. Джонстоун, которая, опираясь на Р. Баумана, понимает перформанс как исполнение / оформление дискурса, влияющее на его восприятие слушающими / читающими. Она пишет, что исполнение устного дискурса и графическое оформление письменного дискурса влияют на реакцию аудитории на дискурс, поскольку люди придают значимость тому, как дискурс звучит или выглядит наряду с тем, о чем он сообщает: “Humans attend to how discourse sounds or looks as well as to what it refers to” [Johnstone, 2018, p. 97]. Понимаемый таким образом перформанс, по мнению Б. Джонстоун, закреплен в различных видах дискурса: в публичном прочтении своей книги писателем, в книге для детей, в рассказывании историй и т. п. [Johnstone, 2018, p. 100].

Обзор научной литературы показывает значимость понятия «перформанс» для теории коммуникации и теории дискурса. Представленные концепции имеют и точки пересечения, и существенные различия. Очевидна недостаточная разработанность этого понятия и необходимость дальнейшего исследования феномена перформанса.

### Перформанс и игра

Связь между перформансом и игрой настолько очевидна, что возникает вопрос о необходимости двух обозначений для, возможно, одного и того же феномена. На связь перформанса и игры указывают основоположники теории перформанса Э. Гоффман и Р. Шехнер. Э. Гоффман трактует перформанс как разыгрывание в коммуникации социальных ролей наподобие разыгрывания ролей персонажей в театре, но он прямо не пишет, что перформанс – игра, для него перформанс, в первую очередь, – самопрезентация. Р. Шехнер тоже не анализирует соотношение перформанса и игры, но из вышеприведенной классификации следует, что для него перформанс шире игры, поскольку он выделяет перформансы в игре (play), искусстве (the arts), спортивных играх и других развлечениях (sports and other popular entertainments) наряду с перформансами в бизнесе и повседневной жизни.

С нашей точки зрения перформанс и игра – взаимодополняющие понятия, однако

каждое из них имеет свое содержание. Для обоснования этого положения необходимо кратко осветить существующие в науке представления об игре.

В лингвистике разрабатываются два основных подхода к игре: в ее трактовке по Л. Витгенштейну и Й. Хейзинге.

К идеям Л. Витгенштейна восходит понимание языковой игры как универсального структурного принципа, определяющего любое пользование языком [Витгенштейн, 2003]. В постмодернистской философии было введено сходное, но более общее понятие игры структуры, предполагающее видение любого явления в качестве находящегося в процессе самоорганизации [Делез, Гваттари, 2007; Деррида, 2007]. В этом понимании игра предстает как безличностный фактор в контексте общенаучной концепции синергетики, самоорганизации сложных систем; в лингвистическом аспекте – как игра самого языка: фонем, морфем, слов, смыслов, знаков (см., например: [Карпухина, 2006]).

Согласно Й. Хейзинге, который впервые ввел в науку понятие игры в своем ныне всемирно известном труде «Homo Ludens» (1938), игра определяется через личностный фактор – человека играющего [Хейзинга, 2003]. Она включает в себя много противоречащих друг другу признаков. В игре черпается удовольствие, но некоторые игры вызывают у их участников и зрителей боль, физические и нравственные страдания. Игра – несерьезное поведение, но во многих играх люди серьезны, как будто игра – смысл их жизни. Игра связана с красотой, но существуют и жестокие, кровавые игры. Игра не причастна к морали, к различению добра и зла, мудрости и глупости, но есть игры, вызывающие пристрастие и наносящие вред физическому и психическому здоровью человека. Любая игра строится по заданным правилам, но есть игры без правил. У игры нет прямой практической целесообразности, но есть профессиональные и коммерческие игры, в частности, спортивные, служащие основным источником дохода для их участников и организаторов [Хейзинга, 2003]. Все это многообразие признаков подводит Й. Хейзингу к выводу о том, что общей основой определения игры является человек играющий. Человек как вид, по Й. Хейзинге, –

это homo sapiens – homo faber – homo ludens, то есть человек разумный – это не только человек, занимающийся какой-либо практической полезной деятельностью, но и человек играющий. В лингвистике через призму концепции Й. Хейзинги рассматривается игровой дискурс как дискурс человека играющего (см., например: [Плотникова, 2010; Шейгал, Иванова, 2008]).

С точки зрения лингвистики понимание игры как безличностного структурного фактора самоорганизации сложных систем можно отнести не только к языку, но и к коммуникации, то есть к самоорганизации не только языковой, но и коммуникативной системы. В этом смысле все взаимодействие в рамках определенной коммуникативной системы носит игровой, или, по Э. Гоффману, перформансный характер. Что касается понимания игры как деятельности человека играющего, то оно соответствует трактовке Р. Шехнера, согласно которой игра – один из видов перформанса, выделяемый наряду с другими его видами.

## Перформанс

### как коммуникативное событие и дискурсивное проявление личности

Вышеизложенные подходы к перформансу и выделяемые в их рамках признаки данного явления закладывают основу для исследования перформанса как коммуникативного события и дискурсивного проявления личности.

Под коммуникативным событием (communicative event) понимается сингулярное событие (single event), определяемое общим для всех коммуникативных событий набором компонентов. К ним относятся: 1) сохранение на протяжении всего события одной и той же коммуникативной цели; 2) участие на протяжении всего события одних и тех же коммуникантов; 3) использование одного и того же языка; 4) сохранение одного и того же набора ролей; 5) следование одним и тем же правилам взаимодействия; 6) локализованность в одной и той же обстановке. Событие заканчивается, когда происходит изменение основного состава участников, их ролевого взаимодействия либо фокуса их внимания [Saville-Troike, 2003, p. 23].

Эти общие характеристики относятся и к перформансному коммуникативному событию, однако они требуют уточнения с учетом описанных выше характеристик перформанса.

Под перформансом мы понимаем конкретный фрагмент устной вербальной либо невербальной коммуникации, сингулярное коммуникативное событие, имеющее четко выраженное начало, развертывание и завершение. В состав участников перформанса входят не только исполнители, то есть непосредственные участники (говорящие, поющие, танцующие и т. д.), но и наблюдатели (воспринимающие, реагирующие, интерпретирующие), причем состав наблюдателей может меняться как во время развертывания события в режиме со-присутствия (приход, уход наблюдателей), так и после него, когда перформанс передается в режиме медиации. Обязательным признаком перформанса является его стратегичность / технологичность. Это означает, что производимый в нем дискурс, вербальный и невербальный, конструируется на основе определенных стратегий / технологий [Плотникова, 2015; Fairclough, 1996]. Соответственно, в состав участников перформанса входят не только исполнители и наблюдатели, но и коммуникативные технологи – те, кто создают когнитивный сценарий перформанса. Он может использоваться не только осознанно, но и неосознанно, следовательно, более уместным, чем термин «технология», будет термин «стратегия». Функцию «стратега» берет на себя активный и заинтересованный участник коммуникации, остальные участники адаптируются к его роли. Различаются спонтанные и предварительно подготовленные, в том числе отрепетированные, перформансы. В спонтанных перформансах сценарий создается по ходу развертывания коммуникативного события, между участниками может происходить коммуникативная борьба за трансформацию ролевого взаимодействия и смену стратегий, например, в конфликтной ситуации. В предварительно подготовленных и тем более в отрепетированных перформансах подготовка исполнителей по продуманному сценарию придает перформансу такие характеристики, как театральность и виртуозность исполнения ролей (например, репетиция свадьбы).

На уровне «сохранения поведения» (об этом понятии Р. Шехнера см. выше) перформансы объединяются в единый класс (например: многократные исполнения пьесы или песни; в институциональной коммуникации – многочисленные интервью, встречи с людьми того или иного политика), однако на уровне дискурсивного проявления личности каждый перформанс – сингулярное, уникальное событие. Как отмечает В.И. Карасик, дискурсивное проявление личности заключается в варьировании тематики дискурса, ситуативно-личностных характеристик участников общения, способов выражения содержания и стиля, канала передачи сообщения [Карасик, 2016].

Показательным материалом для анализа перформансов служит коммуникативное поведение медийных личностей, или медиаперсон, представителей «элит» и «лжеэлит», количество которых согласно данным, полученным И.В. Анненковой, постоянно увеличивается в современной медицентричной культуре [Анненкова, 2014]. Полная, доходящая до своего предела публичность как ценность медицентричной культуры, когда жизнь семиотически фиксируется в описаниях и фотографиях фактически одновременно с ее непосредственным проживанием, позволяет анализировать не только отдельные перформансы, но и их континуальность и логику следования друг за другом.

Рассмотрим в качестве примера коммуникативные перформансы певицы, выступающей под именем Леди Гага (Lady Gaga). Это не только сценический псевдоним, то есть не только имя ее персонажной личности на сцене во время исполнения песни, но и имя, которым она представляется в интервью, что свидетельствует о континуальном характере ее сценических и несценических медийных перформансов, за которыми следуют медийные перформансы, где она называет себя своим настоящим именем – Стефани Джоанн Анджелина Джерманотта (Stefani Joanne Angelina Germanotta).

Перформансы этой исполнительницы, безусловно, являются подготовленными на основе технологий; дискурсивное проявление ее личности во время перформанса – это также дискурсивное проявление личностей коммуникативных технологов. Для каждого перфор-

манса они разрабатывают когнитивный сценарий, в который входит структура действий на сцене, тематика песенного дискурса и способы выражения содержания.

Песенное сообщение сопровождается параллельными вербальными и невербальными сообщениями, усложняющими сценарий перформанса. Так, песня "Born this way" (<https://www.youtube.com/watch?v=wVIFrqwZykw>) по своему содержанию и речеактовому наполнению весьма проста: в ней перемежаются одни и те же ассертивы и директивы. К ассертивной части содержания относятся многократно повторяемые утверждения: *I was born this way; you were born this way*. Они разясняются в оценочных ассертивах: *We are all born superstars; God makes no mistakes; No matter black, white or beige, chola or orient made; No matter gay, straight, or bi, Lesbian, transgendered life; I must be myself; I love my life, I love this record; I'm on the right track; I'm beautiful in my way*.

На когнитивном уровне данное содержание закрепляется в концептосфере слушающих как концепт Эксклюзивность собственной личности. Такой личностью следует восхищаться, каково бы она ни была. Это концептуальное содержание передается также в директивах, прямых приказах и командах слушающим: *Listen to me when I say; Hold your head up and you'll go far; Don't hide yourself in regret; Don't be a drag, just be a queen; Just put your paws up; Just love yourself and you're set; Rejoice and love yourself today*.

В качестве параллельных сообщений в данный перформанс включается вербальное сообщение с туманным квазифилософским содержанием (*The Manifesto of Mother Monster*) и ряд невербальных сообщений: облик исполнительницы, ее прическа, макияж, одежда, жесты, действия. Эпатажный облик певицы варьируется от перформанса к перформансу; работа технологов над ним раскрывается, в частности, в интервью, в котором исполнительница рассказывает о своем платье из бумаги:

There was a special stone-paper that we really wanted to use. And that works for the ensemble. The designer of the look is 22-year-old Mathieu Mirano. He's one of the youngest and brightest stars. And he

created it from one of the most unlikely materials. It's paper. You can't rip this paper (<https://abcnews.go.com/GMA/video/lady-gaga-interview-featured-paper-dress-singer-premiered-20009950>)

Концептуальное содержание всего множества профессиональных перформансов исполнительницы сводится к идее эксклюзивности как ее личности, так и личностей слушающих. Это же концептуальное содержание передается в ее многочисленных интервью, записи которых размещены на видеохостинговом сайте YouTube, например:

Q.: How are you?

L.G.: Well, I'm absolutely wonderful and a little bit choked up because that is the way I'm still here and I work so hard, it's because I really am very blessed to have fans with such a beautiful spirit. And I would say that the only reason I ever mentioned that people don't ask me how I'm genuinely is because it took a lot of bravery to get to where we are today. A lot of people see glasses and shoulder pads and crazy outfits, and over the years it was difficult to do interviews because that's all people would talk about. So I guess what I would say is I'm doing wonderful now because of how brave that all my fans have made me. So thank you for making me brave, and I hope I can think you're brave. Thank you.

Во время этого интервью на исполнительнице такой же эпатажный наряд и макияж, как и на сцене, то есть ее сценический образ переходит в медийный имидж. В целом составляющие класс сценические перформансы служат когнитивной основой медийных институциональных перформансов, и эта непрерывность не прерывается и тогда, когда певица дает интервью не в эпатажном, а обычном облике. Например:

Q.: Seems you're more lady now than Gaga.

L.G.: I think that when people see me with less makeup on and less of what I was doing before...

Q.: How do they react?

L.G.: It was interesting my father was very emotional and my grandmother was too but she held my hand and said, "I hope my dear, that you won't be too maudlin while you are putting this music into the world". I used to come home and I think my mom used to watch me have a real hard time washing it off, you know. I keep the wigs on and keep the makeup on, I kept the outfits on and I was always trying... I never wanted to let my fans down, I always wanted them to see me in my art form.

Перформансы данного типа направлены на конструирование положительного общественного мнения о медиаперсоне. Ее самопрезентация в роли социально значимой и достойной уважения личности основывается на аргументах к высокому мнению о ней в семье, трудолюбию, любви к зрителям.

Наблюдатели, будучи неотъемлемой частью перформанса, дискурсивно проявляют себя в качестве реагирующих и интерпретирующих личностей. При непосредственном восприятии перформанса происходит эмоциональное реагирование: наблюдатели испытывают и выражают эмоции и чувства – положительные (любовь, восхищение, радость) либо отрицательные (ненависть, негодование, отвращение). В дискурсе реагирования вступает в действие интерпретирующий фактор, когда наблюдатели объясняют причины своего отношения к медиаперсоне:

Now this Lady right here is my fave in the world, she's so different and perfect. I love her to death. She doesn't deserve to be hated for being different. I love her;

I think she's a little strange, but who isn't? Overall I love her music, she's so talented. I don't get why people don't like her, it's like the reason they don't like her is because of her outfits. She is just a really talented and amazing woman;

I hate Joanne with a passion;

Sad for Gaga's health but I'm so happy the era is over. I prefer the personality of "Stephanie" over "Lady Gaga";

I don't follow pop music and celebrities. When I hear of Lady Gaga I think of a naked woman rolling around in minced meat. I don't even know what she looks like.

Приведенные примеры дискурса реагирования иллюстрируют как положительную, так и отрицательную оценку коммуникативного поведения исполнительницы. Превалирование положительной оценки в общем массиве дискурса реагирования свидетельствует о сохранении аттрактивности и возможности получения экономической выгоды от последующих перформансов. В наше время дискурс все больше становится экономической категорией, то есть производится как товар в рамках контент-индустрии, выпускается на рынок, на продажу и используется в качестве оружия в экономической конкурентной борьбе [Плотникова, 2015]. Некоторые интерпретаторы отмечают,

что именно странность облика певицы принесла ей популярность и богатство:

Oh, yeah. Fantastic voice. Also reasonably attractive on some level. I don't care for her style at all. But, what do I know? She's the one whose bizarre performance made her quite wealthy;

The bizarreness is what really made her. She can sing but is only a little above average look, wise. So to get noticed she did bizarre. And it worked.

Эпатажность, фантастичность, гротескность внешнего облика, действий и дискурса в настоящее время активно используется медиаперсонами как технологично сконструированное перформансное коммуникативное поведение. Аттрактивность такого поведения объясняется тем, что «странность» выступает как «новая информация», требующая внимания, а также как «эсклюзивность», что формирует из таких персонажей «лжеэлиту».

Вместе с тем перформансная коммуникация не ограничивается подобными примерами. Перформансы охватывают широкий круг коммуникативных событий в самых разных сферах коммуникации и требуют изучения и систематизации.

### Заключение

Предлагаемый в статье лингвистический подход к феномену перформанса в коммуникации учитывает его базовые параметры, изучаемые в философии, социологии, искусствоведении, фольклористике, дополняя их лингвистическими параметрами, к которым относятся когнитивный сценарий перформанса, дискурсивное проявление личностей участников, специфика концептуального содержания, стратегичность / технологичность. Комплексное рассмотрение перформанса через призму этих параметров дает возможность системно охарактеризовать его сущность как коммуникативного события.

### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Анненкова И. В., 2014. «Элита» и «лжеэлита» как системные понятия медиацентричной культуры // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. Т. 24, № 26 (197). С. 71–74.

- Бологнов А. В., 2012. Самопрезентация языковой личности в публичном дискурсе: когнитивно-стилистический аспект // Вестник Томского государственного педагогического университета. № 10 (125). С. 169–173.
- Витгенштейн Л., 2003. Философские исследования // Языки как образ мира. М. : АСТ ; СПб. : Terra Fantastica. С. 220–548.
- Галичкина Е. Н., 2009. Самопрезентация языковой личности в сетевой коммуникации (на материале ников участников «Чата») // Lingua mobilis. Т. 19, № 5. С. 80–87.
- Делез Ж., Гваттари Ф., 2007. Анти-Эдип: Капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория. 672 с.
- Деррида Ж., 2007. Позиции. М. : Академический Проект. 160 с.
- Карасик В. И., 2015. Самопрезентация в рекламном дискурсе // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 4 (20). С. 32–43.
- Карасик В. И., 2016. Дискурсивное проявление личности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. Т. 20, № 4. С. 56–77.
- Карпухина Т. П., 2006. Морфемный повтор в художественном тексте в свете общеэстетической теории игры. Хабаровск : ДВГУ. 392 с.
- Курачева В. В., 2006. Эффективная самопрезентация компании // Управление развитием персонала. № 2. С. 136–142.
- Лабунская В. А., 2005. Бытие субъекта: самопрезентация и отношение к внешнему Я // Субъект, личность и психология человеческого бытия. Серия: Труды института психологии РАН. М. : Ин-т психологии РАН. С. 235–258.
- Олянич А. В., 2007. Презентационная теория дискурса. М. : Гнозис. 407 с.
- Плотникова С. Н., 2010. Игра в свете парадигмы множественности миров: дискурсивный подход // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. № 1. С. 139–147.
- Плотникова С. Н., 2015. Дискурсивные технологии и их роль в конструировании социального мира // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. № 714. С. 72–83.
- Почепцов Г. Г., 2001. Теория коммуникации. М. : Ваклер. 649 с.
- Хейзинга Й., 2003. Homo Ludens. Человек играющий. М. : Айрис-Пресс. 496 с.
- Шейгал Е. И., Иванова Ю. М., 2008. Игровой дискурс: игра как коммуникативное событие // Известия Российской Академии наук. Серия литературы и языка. Т. 67, № 1. С. 3–20.
- Bauman R., 1977. Verbal Art as Performance. Rowley, MA : Newbury House. 149 p.
- Bauman R., 2011. Commentary: foundation of performance // Journal of Sociolinguistics. Vol. 15, № 5. P. 707–720.
- Bell A., Gibson A., 2011. Staging Language: An Introduction to the Sociolinguistics of Performance // Journal of Sociolinguistics. Vol. 15, № 5. P. 555–572.
- Carpenter S., Kanver D., Timmons R., 2017. It's about me: a study of journalists' self-presentation of their visual and verbal selves // Journalism Practice. Vol. 11, № 10. P. 1246–1266.
- Edwards D., 1997. Discourse and Cognition. London : Sage. 368 p.
- Fairclough N., 1996. Technologisation of discourse // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis. New York : Routledge. P. 143–159.
- Goffman E., 1959. The Presentation of Self in Everyday Life. New York : Doubleday. 259 p.
- Goffman E., 1967. Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior. New York : Doubleday Anchor Books. 270 p.
- Goffman E., 1969. Strategic Interaction. Philadelphia : University of Philadelphia Press. 160 p.
- Goffman E., 1971. Relations in Public. Microstudies of the Public Order. New York : Harper & Row. 423 p.
- Johnstone B., 2018. Discourse Analysis. Hoboken ; New York : John Wiley & Sons. 304 p.
- Minsky M., 1980. A framework for representing knowledge // Frame Conceptions and Text Understanding. Berlin : Walter de Gruyter. P. 3–25.
- Saville-Troike M., 2003. The Ethnography of Communication. Oxford : Blackwell. 325 p.
- Schank R., Abelson R., 1977. Scripts, Plans, Goals and Understanding. An Inquiry into Human Knowledge Structures. Hillsdale ; New Jersey : Lawrence Erlbaum Associates, Publishers. 256 p.
- Schechner R., 2004. Performance Theory. London ; New York : Routledge. 432 p.
- Schechner R., 2013. Performance Studies. London ; New York : Routledge. 363 p.
- Stucky N., Wimmer C., 2002. Teaching Performance Studies. Carbondale : Southern Illinois University Press. 290 p.

## REFERENCES

- Annenkova I.V., 2014. 'Elite' and 'False Elite' as System Concepts of Mediacentric Culture. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki* [Belgorod State University Scientific Bulletin. Humanities], vol. 24, no. 26 (197), pp. 71-74.

- Bolotnov A.V., 2012. Self-Presentation of Language Person in a Public Discourse: Cognitive-Stylistic Aspect. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta* [Tomsk State Pedagogical University Bulletin], no. 10 (125), pp. 169-173.
- Vitgenstein L., 2003. Philosophische Untersuchungen. *Yazyki kak obraz mira*. Moscow, AST Publ.; Saint Petersburg, Terra Fantastica Publ., pp. 220-548.
- Galichkina E.N., 2009. Language Personality Self-Presentation in Network Communication (the Case Study of Nicknames in Chats). *Lingua mobilis*, vol. 19, no. 5, pp. 80-87.
- Deleuze G., Guattari F., 2007. *Anti-Oedipus: Capitalism and Schizophrenia*. Ekaterinburg, U-Faktoriya Publ. 672 p.
- Derrida J., 2007. *Positions*. Moscow, Akademicheskii proekt Publ. 160 p.
- Karasik V.I., 2015. Self-Presentation in Advertising Discourse. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 4 (20), pp. 32-43.
- Karasik V.I., 2016. Discourse Manifestation of Personality. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], vol. 20, no. 4, pp. 56-77.
- Karpukhina T.P., 2006. *Morphemic repetition in English fiction in the Light of the General Aesthetic Game Theory*. Khabarovsk, DVGGU Publ. 392 p.
- Kuracheva V.V., 2006. Effective Self-Presentation of Company. *Upravlenie razvitiem personala*, no. 2, pp. 136-142.
- Labunskaya V.A., 2005. Person's Life: Self-Presentation and Attitude to Outer I. *Subyekt, lichnost i psikhologiya chelovecheskogo bytiya. Seriya: Trudy instituta psikhologii RAN*. Moscow, In-t psikhologii RAN Publ., pp. 235-258.
- Olyanich A.V., 2007. *Presentational Theory of Discourse*. Moscow, Gnozis Publ. 407 p.
- Plotnikova S.N., 2010. The Notion of Game in the Perspective of Worlds' Plurality: a Discourse Approach. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, no. 1, pp. 139-147.
- Plotnikova S.N., 2015. Discourse Technologies and Their Role in the Construction of Social World. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [MSLU Bulletin. The Humanities], no. 714, pp. 72-83.
- Pocheptsov G.G., 2001. *Theory of Communication*. Moscow, Vakler Publ. 649 p.
- Huizinga J., 2003. *Homo Ludens*. Moscow, Iris Press. 496 p.
- Sheygal E.I., Ivanova Yu.M., 2008. Game-and-Play Discourse: Game as a Communicative Event. *Izvestiya Rossiyskoy Akademii nauk. Seriya literatury i yazyka* [Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 67, no. 1, pp. 3-20.
- Bauman R., 1977. *Verbal Art as Performance*. Rowley, MA, Newbury House. 149 p.
- Bauman R., 2011. Commentary: foundation of performance. *Journal of Sociolinguistics*, vol. 15, no. 5, pp. 707-720.
- Bell A., Gibson A., 2011. Staging Language: An Introduction to the Sociolinguistics of Performance. *Journal of Sociolinguistics*, vol. 15, no. 5, pp. 555-572.
- Carpenter S., Kanver D., Timmons R., 2017. It's about me: a study of journalists' self-presentation of their visual and verbal selves. *Journalism Practice*, vol. 11, no. 10, pp. 1246-1266.
- Edwards D., 1997. *Discourse and Cognition*. London, Sage. 368 p.
- Fairclough N., 1996. Technologisation of discourse. *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis*. New York, Routledge, pp. 143-159.
- Goffman E., 1959. *The Presentation of Self in Everyday Life*. New York, Doubleday. 259 p.
- Goffman E., 1967. *Interaction Ritual. Essays on Face-to-Face Behavior*. New York, Doubleday Anchor Books. 270 p.
- Goffman E., 1969. *Strategic Interaction*. Philadelphia, University of Philadelphia Press. 160 p.
- Goffman E., 1971. *Relations in Public. Microstudies of the Public Order*. New York, Harper & Row. 423 p.
- Johnstone B., 2018. *Discourse Analysis*. Hoboken; New York, John Wiley & Sons. 304 p.
- Minsky M., 1980. A framework for representing knowledge. *Frame Conceptions and Text Understanding*. Berlin, Walter de Gruyter, pp. 3-25.
- Saville-Troike M., 2003. *The Ethnography of Communication*. Oxford, Blackwell. 325 p.
- Schank R., Abelson R., 1977. *Scripts, Plans, Goals and Understanding. An Inquiry into Human Knowledge Structures*. Hillsdale; New Jersey, Lawrence Erlbaum Associates. 256 p.
- Schechner R., 2004. *Performance Theory*. London; New York, Routledge. 432 p.
- Schechner R., 2013. *Performance Studies*. London; New York, Routledge. 363 p.
- Stucky N., Wimmer C., 2002. *Teaching Performance Studies*. Carbondale, Southern Illinois University Press. 290 p.

### **Information about the Author**

**Svetlana N. Plotnikova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of English Philology, Irkutsk State University, Lenina St., 8, 664025 Irkutsk, Russia, [snplotn@mail.ru](mailto:snplotn@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3595-6857>

### **Информация об авторе**

**Светлана Николаевна Плотникова**, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Иркутский государственный университет, ул. Ленина, 8, 664025 г. Иркутск, Россия, [snplotn@mail.ru](mailto:snplotn@mail.ru), <https://orcid.org/0000-0003-3595-6857>



DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2018.4.23>

UDC 81'27  
LBC 81.006.2

Submitted: 04.06.2018  
Accepted: 02.07.2018

**ARCHITECTURE-FOR-INTERACTION, SOCIAL TOPOGRAPHY  
AND INTERACTION SPACE AS KEY CONCEPTS  
FOR THE ANALYSIS OF COMMUNICATION IN INSTITUTIONS**

**(Book Review: Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum  
/ H. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). - Tübingen :  
Narr, 2016. - 448 S. - (Studien zur Deutschen Sprache ; Bd. 72))**

**Anna A. Petrova**

Volgograd State University, Volgograd, Russia;  
Kazan Federal University, Kazan, Russia

УДК 81'27  
ББК 81.006.2

Дата поступления статьи: 04.06.2018  
Дата принятия статьи: 02.07.2018

**ИНТЕРАКЦИОННАЯ АРХИТЕКТУРА, СОЦИАЛЬНАЯ ТОПОГРАФИЯ  
И ИНТЕРАКЦИОННОЕ ПРОСТРАНСТВО КАК КЛЮЧЕВЫЕ ПОНЯТИЯ  
ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ**

**(Рец. на кн.: Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum  
/ H. Hausendorf, R. Schmitt, W. Kesselheim (Hg.). – Tübingen :  
Narr, 2016. – 448 S. – (Studien zur Deutschen Sprache ; Bd. 72))**

**Анна Александровна Петрова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Россия;  
Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия

Любая интеракция не мыслится без ее соотнесения с пространством и местоположением объекта в нем. В институциональном дискурсе пространственно-объектная связь особенно отчетливо выступает на передний план, так как именно здесь коммуникация приобретает свое конкретное социальное предназначение. Связь определенной интеракции с созданным для нее пространством и является ключевой исследовательской темой рецензируемой монографии.

Книга «Interaktionsarchitektur, Sozialtopographie und Interaktionsraum», опубликованная издательством «Narr» (Tübingen, Германия), является результатом совместной работы ученых, преподавателей школ, дидактиков, сотрудничающих в рамках проекта (Zürich-Mannheim), нацеленного на изучение взаимосвязи языка и пространства в интеракции.

Коллективная монография имеет следующую структуру: Введение, где представляется исследовательская перспектива обсуждения

емых проблем (R. Schmitt, H. Hausendorf), и четыре части: первая из них посвящена изучению взаимосвязи архитектуры и интеракции (H. Hausendorf, R. Schmitt), вторая – характеристике возможностей и перспектив создания документов для анализа коммуникации – транскриптов (W. Kesselheim, L. Mondada, H. Hausendorf, R. Schmitt), третья – анализу видеозаписей конкретных интеракций (H. Hausendorf, R. Schmitt, U. Dausendschön-Gay, E.-M. Putzier, W. Kesselheim, L. Mondada, F. Oloff), четвертая – междисциплинарным комментариям (L. Frers, M. Guggenheim, A. Hahn).

К научному обсуждению предлагаются вопросы, тесно связанные с ключевыми понятиями монографии: как с помощью и посредством архитектуры становится ожидаемой и возможной интеракция (понятие интеракционной архитектуры); как выражают участники интеракции при использовании архитектуры в коммуникации свои повседневные или ранее приобретенные знания о социальных пространствах и их предназначениях (понятие социальной топографии); каким образом эти ресурсы включаются в создание конкретного интеракционного пространства. Постановкой данных вопросов открывается перспективное междисциплинарное поле исследования, которое изучается в монографии эмпирически, теоретически и методологически.

Охарактеризуем наиболее важные аспекты изучения интеракции, находящие отражение во всех предложенных к обсуждению проблемах и тесно связанные с тремя ключевыми понятиями монографии: интеракционной архитектурой, социальной топографией и интеракционным пространством. Авторы представляют общий концепт «культурная практика» – исторически сложившаяся социальная форма знаний человека о пространстве и действий в нем – как состоящий из скриптов: «воспринимаемая ориентация», или ориентация, структурирующая восприятие, и «посещение пространства». «Воспринимаемая ориентация» фокусирует специфику конкретного пространства, выделяет особенное путем не последовательной, не сукцессивной, а симультанной обработки разнообразных аспектов пространства. «Посещение пространства»

последовательно выявляет, конкретизирует и реконструирует в зависимости от назначения конститутивные аспекты пространства и, таким образом, определяет его пазпарту – основу, структурную абстракцию, характерную для любого пространственного помещения, образующего посредством своего оснащения универсум пространств, например, всех церквей, музеев, школ и т. д. Так, скрипт «посещение любого помещения – пространства» формируется в динамике из преэксистентного (существующего до этого) представления – знания – образа – скрипта (например, пространство церкви как субъективно структурированная релевантная рамка) и опыта, полученного на основе восприятия реального пространства.

В качестве иллюстрации можно привести данные из отдельной, не входящей в эту монографию, статьи Р. Шмитта о мультимодальном подходе к изучению «создания объекта» [Шмитт, 2017]: видеозапись обычного посещения церкви, без (намеренного) вербального сопровождения (дескриптивного или комментирующего), мало что может дать нового для спецификации скрипта концепта «посещение», поскольку посетители выполняют в этом случае практически одинаковые действия: останавливаются, прислушиваются, осматривают объекты и т. д. Если же изучить намеренную вербальную активность посетителя (описание вслух всего того, что человек видит или что ему в данный момент интересно, важно), то станет очевидным, что усвоенные ранее индивидуальные привнесенные релеванции и приобретенные реализованные структуры в скрипте «посещение» различаются и появляются ожидаемые релеванции: если некто говорит, что нет кафедры в пространстве церкви, то это значит, что он ожидал из усвоенного ранее опыта увидеть ее здесь. Ожидание репрезентируется в таком случае через вербальную реализацию ментальных структур: «я не вижу здесь ...». Иными словами, концепт пространства церкви, существующий в сознании посетителя, связан с представлением о наличии в ней определенных предметов, а реальность не совпала с тем, что он знал, что было ранее в его опыте и памяти, и, соответственно, у него начинает формироваться следующий новый слой концепта – но-

вый опыт адаптирует данное конкретное пространство к уже существующему в сознании индивида концепту.

Для присутствующих в том или ином пространстве или использующих то или иное пространство всегда актуально имплицитивное соотношение «конкретное пространство – социально и культурно усвоенная компетенция по использованию данного пространства». Иными словами, существует пространственно-когнитивное знание, которое дает возможность индивидууму присваивать, усваивать, осознавать пространства в отношениях восприятия, движения и действия.

В процессе изучения культурных практик Х. Хаузендорф и Р. Шмитт вводят понятия «интеракционной архитектуры» и «социальной топографии», являющиеся центральными при понимании интеракционных и пространственно-аналитических отношений.

Проблематика изучения «интеракционной архитектуры» включает в себя вопросы о том, как архитектура пространства обеспечивает, определяет, препятствует, дает возможность состояться интеракции и каким образом можно эмпирически реконструировать интеракционно-архитектурные импликации. Под архитектурой понимается все или всякое пространство, сооруженное из какого-либо материала, то есть материальное пространство, которое делится на оформленное (внутренняя архитектура) и оснащенное (техника, декорации и т. п.). Границы данного деления условны.

Построение, оснащение и оформление – ключевые понятия интеракционной архитектуры, которые включают в себя интеракционно-архитектурные импликации, скрытые, но потенциально осознанно воспринимаемые (сенсорно и моторно обнаруживаемые и узнаваемые) и эмпирически зафиксированные формы проявления архитектуры.

В качестве интеракционно-теоретической перспективы в монографии рассматривается методологический вопрос о реконструкции архитектурных форм проявления интеракции для выявления возможных решений при возникновении интерактивных проблем. Важная методологическая импликация при обращении к исследованию интеракционной архитектуры касается различий между ин-

теракциями как фактически совершенными и вероятно возможными. В то время как мультимодальные исследования посвящены фактически совершенным интеракциям, интеракционная архитектура исследует то, что посредством архитектуры интерактивно ожидается. Социально топографические (включая семиотические, культурно-научные, социологические и эстетические) измерения архитектурных форм проявления пространства представляют интерес в том смысле, насколько (или поскольку) они способствуют реконструкции интеракционно-архитектурных импликаций для характеристики ситуаций в интеракции.

В круг рассматриваемых в монографии проблем входят и проблемы интеракции, связанные с определением ее рамок или контекстуализацией, например, изучение концепта «позиционирование себя и других» в интеракции. Чем ярче проявляются архитектурные формы пространства (например, особая архитектура лекционных помещений, музейных залов или помещений для осуществления церковных служб), тем большее влияние они оказывают на организацию коммуникации на всех ее уровнях: языковых и неязыковых. Так, пространство церкви манифестирует или предполагает импликации для релевантного контекста «богослужение», а не «лекция», и, соответственно, наличие интеракционной структуры (позиционирование или распределение позиций в пространстве) «священник / пастор» и «прихожане / община», а не «профессор / доцент» и «студент»; то же касается и вербального наполнения интеракции: фиксируется особая организация речи и ее семантическое наполнение. Интеракционно-архитектурные импликации можно выявить только эмпирическим путем.

Перечислим еще ряд интересных направлений в исследованиях, представленных в коллективной монографии и связанных с ее ключевыми понятиями.

Х. Хаузендорф и В. Кессельхайм в своих предыдущих работах показали, что архитектурная коммуникация обслуживается, как текстовая или письменная коммуникация, набором определенных постоянных знаков и обе формы не предполагают присутствия партнера по коммуникации [Hausendorf, Kesselheim,

2013]. В рецензируемой монографии они обсуждают проблему читаемости текста и возможности использования архитектуры. Авторы ищут ответы на вопросы о том, следует ли отграничивать текст как нечто читаемое в привычном понимании этого слова (и речь тогда должна идти о тексте как объекте лингвистического исследования) от метафорического представления о «читаемости мира» (мир представляет собой некую семиотическую совокупность знаков) и как отграничить архитектуру от текста, если построенное пространство, без сомнения, является в таком смысле читаемым. В этом случае появляется вопрос о том, можно ли понимать и анализировать построенное пространство больше, чем только метафорически как текст, и можно ли свести коммуникативную релевантность построенного пространства к категории «читаемости»?

О сложности создания мультимодальных транскриптов как базовых документов для исследования интеракции и при понимании мультимодальности как ресурса интеракции, о появляющихся при транскрибировании проблемах, о возможности соотнесения в транскрипте текста и видео отображения пишет Л. Мондада, известный в мировой лингвистике исследователь мультимодальных процессов [Mondada, 2012]. Одно из достоинств ее исследования, опубликованного в рецензируемой монографии, – большое количество иллюстративного материала и практических рекомендаций.

Проблема транскрибирования связана с созданием первичных и вторичных документов в мультимодальности. При изучении пространственно-аналитических проблем и перспектив метод «фрейм-комика» как документа мог бы стать эмпирической основой мультимодального исследования интеракций. Вопросы о том, что представляет собой процесс визуальной сегментации как центральной процедуры создания «фрейм-комика», в каких отношениях находятся «фрейм-комик» и вербальный транскрипт, каковы границы и потенциальные возможности «фрейм-комика», рассматриваются Р. Шмиттом.

Подводя итог, отметим, что рецензируемое издание представляет собой исключительно интересный, сложный научный и одновременно практически ориентированный труд,

в котором изучаются и осмысливаются различные аспекты коммуникативной деятельности человека. Издание отражает междисциплинарную интеграцию научных знаний.

Представленные в книге результаты исследований и выводы, к которым пришли авторы, позволяют по-новому взглянуть на категорию мультимодальности в аспекте социальных импликаций и представляют интерес для широкого круга специалистов.

#### СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Шмитт Р., 2017. Мультимодальный подход к изучению «создания объекта»: как осуществляется посещение церкви // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 16, № 1. С. 163–183. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.17>.
- Hausendorf H., Kesselheim W., 2013. Können Räume Texte sein? Linguistische Überlegungen zur Unterscheidung von Lesbarkeits- und Benutzbarkeitshinweisen // Arbeitspapiere des UFSP «Sprache und Raum», (SpuR02). Available at: [https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/84555/1/SpuR\\_Arbeitspapiere\\_Nr02\\_Aug2013.pdf](https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/84555/1/SpuR_Arbeitspapiere_Nr02_Aug2013.pdf) (Abrufdatum: 02.12.2018).
- Mondada L., 2012. Video analysis and the temporality of inscriptions within social interaction: The case of architects at work // Qualitative Research. Vol. 12, № 3. P. 304–333.

#### REFERENCES

- Schmitt R., 2017. The Multimodal Constitution of Objects: How Church Viewing is Accomplished. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2, Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 16, no. 1, pp. 163-183. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2017.1.17>.
- Hausendorf H., Kesselheim W., 2013. Können Räume Texte sein? Linguistische Überlegungen zur Unterscheidung von Lesbarkeits- und Benutzbarkeitshinweisen. *Arbeitspapiere des UFSP 'Sprache und Raum', (SpuR02)*. URL: [https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/84555/1/SpuR\\_Arbeitspapiere\\_Nr02\\_Aug2013.pdf](https://www.zora.uzh.ch/id/eprint/84555/1/SpuR_Arbeitspapiere_Nr02_Aug2013.pdf) (accessed 2 December 2018).
- Mondada L., 2012. Video analysis and the temporality of inscriptions within social interaction: The case of architects at work. *Qualitative Research*, vol. 12, no. 3, pp. 304-333.

### **Information about the Author**

**Anna A. Petrova**, Doctor of Sciences (Philology), Professor of Department of German and Romanic Philology, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russia; Senior Researcher, Research Laboratory “Intellectual Technologies of Text Management”, Kazan Federal University, Kremlevskaya St., 18, 420008 Kazan, Russia, petrova.anna@volsu.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4322-1324>

### **Информация об авторе**

**Анна Александровна Петрова**, доктор филологических наук, профессор кафедры германской и романской филологии, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Россия; старший научный сотрудник НИЛ «Интеллектуальные технологии управления текстами», Казанский федеральный университет, ул. Кремлевская, 18, 420008 г. Казань, Россия, petrova.anna@volsu.ru, [http:// orcid.org/0000-0003-4322-1324](http://orcid.org/0000-0003-4322-1324)

---

---

«Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» издается для широкого ознакомления научной общественности с результатами современных исследований по проблемам развития и функционирования русского и других языков, межкультурной коммуникации и сопоставительного изучения языков, теории языка и смежных дисциплин.



Авторами «Вестника ВолГУ» могут быть преподаватели, научные сотрудники и аспиранты высших учебных заведений и научно-исследовательских учреждений России, а также другие отечественные и зарубежные исследователи.

---

---

#### **Уважаемые читатели!**

Подписка на I полугодие 2019 года осуществляется по «Объединенному каталогу. Пресса России. Газеты и журналы». Т. 1. Подписной индекс 20986.

Стоимость подписки на I полугодие 2019 года 872 руб. 00 коп. Распространение журнала осуществляется по адресной системе.

---

---

**ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ,  
ПРЕДСТАВЛЯЕМЫМ В РЕДКОЛЛЕГИЮ ЖУРНАЛА «ВЕСТНИК ВолГУ.  
Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ»**

1. Материалы представляются на бумажном и электронном носителях по адресу: 400062, г. Волгоград, просп. Университетский, 100, Волгоградский государственный университет – главному редактору Шептухиной Елене Михайловне или высылаются по электронной почте на адреса: [vestnik2@volsu.ru](mailto:vestnik2@volsu.ru) и [istruslingva@yandex.ru](mailto:istruslingva@yandex.ru).

Обязательно наличие сопроводительного письма, в котором должны содержаться следующие пункты: гарантия оригинальности статьи, отсутствия в ней недостоверных данных и плагиата; обязательство не подавать данный материал в другой журнал; информация о наличии/отсутствии потенциального конфликта интересов с членами редколлегии; данные о финансировании исследования (с пометкой об их конфиденциальности или необходимости опубликования); согласие с принципами, изложенными в разделе «Издательская этика» журнала (<http://l.jvolsu.com/index.php/publishing-ethics-ru>).

Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения.

2. Правила оформления статей.

Объем статьи не должен превышать 1 п. л.

Каждая статья должна включать следующие элементы издательского оформления:

- 1) Индексы УДК и ББК.
- 2) Заглавие. Подзаголовочные данные (на русском и английском языках).
- 3) Имя, отчество, фамилия автора; ученое звание, ученая степень; контактная информация (место работы/учебы и должность автора, полный почтовый адрес организации, телефон, e-mail) на русском и английском языках.
- 4) Аннотация на русском языке и авторское резюме (Abstract) на английском языке.
- 5) 5–8 ключевых слов или словосочетаний (на русском и английском языках).
- 6) Текст статьи.
- 7) Список литературы на русском языке, оформленный в соответствии с ГОСТ Р 7.1-2003, и References – список литературы на английском языке (латинским шрифтом), оформленный в соответствии с требованиями редакции. При необходимости – примечания, приложения.

2.1. Требования к авторским оригиналам на бумажном и электронном носителях.

- 1) Поля по 2 см с каждой стороны.
- 2) Нумерация страницы по центру внизу.
- 3) Шрифт Times New Roman, кегль 14, междустрочный интервал 1,5.
- 4) Файл должен быть создан в программе «Microsoft Word» и сохранен с расширением \*.rtf; имя файла должно быть набрано латиницей и отражать фамилию автора.

2.2. Оформление библиографических ссылок и примечаний.

- 1) Библиографические ссылки на пристатейный список литературы должны быть оформлены с указанием в строке текста в квадратных скобках цифрового порядкового номера источника и через запятую номеров соответствующих страниц.
- 2) Пристатейный список литературы, озаглавленный как «Список литературы», составляется в алфавитном пронумерованном порядке. Он должен быть оформлен согласно ГОСТ 7.1–2003 с указанием обязательных сведений библиографического описания.

3. После получения материалов рукопись направляется на рецензирование. Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. После получения положительной рецензии редакция уведомляет авторов о том, что статья принята к опубликованию, а также направляет замечания рецензентов и редакторов, в соответствии с которыми необходимо исправить или дополнить статью. В случае отказа в публикации статьи редакция представляет автору мотивированный отказ.

Полнотекстовые версии опубликованных статей и их метаданные (аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках, список литературы) будут размещены в свободном доступе в Интернете на официальном сайте издания, на платформе Научной электронной библиотеки eLIBRARY.RU и других реферативных баз данных.

4. Более подробно с требованиями к статьям можно ознакомиться на страничке Издательства на сайте Волгоградского государственного университета: <http://www.volsu.ru> – и сайте журнала: <http://l.jvolsu.com>.

---

---